

И. А. БЕЛЯВСКАЯ

Теодор Рузвельт

И

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ

США

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

И. А. БЕЛЯВСКАЯ

Теодор Рузвельт

И

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ

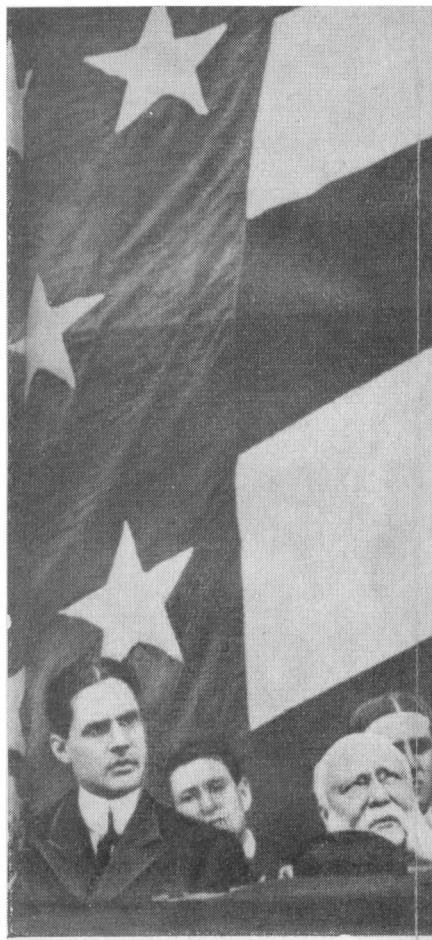
США

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

На фоне панорамы общественной и политической жизни США второй половины XIX — начала XX в. прослеживается становление личности и жизнь Теодора Рузвельта (1858—1918), президента США в 1901—1908 гг. Профессиональный политик, Рузвельт проявил себя как идеолог и практик американского империализма и как гибкий государственный деятель, обратившийся к политике буржуазных реформ из страха перед рабочим движением. В монографии использованы официальные документы, периодика, переписка и мемуары Рузвельта и его современников.

Теодор Рузвельт
(1912 г.)

СЕМЬЯ И УНИВЕРСИТЕТ ■ ОЛБАНИ И «БЭД ЛЕНДЗ» ■ РЕФОРМАТОР
В ВАШИНГТОНЕ И В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ ■ ЗА ФЛОТ
И ВОЙНУ! ■ ПОХОД НА КУБУ ■ ГУБЕРНАТОР ■ ПРЕЗИДЕНТ ■
ИНТЕРМЕДИЯ: АФРИКА И ЕВРОПА ■ ЛИДЕР ТРЕТЬЕЙ ПАРТИИ ■ ВОЙНА

Ответственный редактор

доктор исторических наук

М. С. АЛЬПЕРОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждому историку страна и время, которые он изучает, обычно кажутся интереснейшими из всех стран и времен. И все же следует признать, что не только для автора этой книги представляют интерес время на стыке двух столетий — девятнадцатого и двадцатого — и Соединенные Штаты Америки, страна, явившая в тот период образец формирования монополистического капитализма со всеми классическими признаками, особенностями и контрастами этого процесса в данной стране.

Бурный рост промышленного производства в сочетании с интенсивной концентрацией производства и централизацией капитала, отличавший экономическое развитие США после гражданской войны 1861—1865 гг., привел к тому, что эта страна к концу века выдвинулась в ряд наиболее сильных капиталистических держав. Американская промышленность продолжала идти по пути дальнейшей трестификации. Гигантские корпорации одна за другой заявляли о своих претензиях на монопольное владение рынком: нефтяная монополия Рокфеллеров, «Сахарный трест» Хэвмеяера, угольный синдикат Гуттенгеймов, «Стальной трест» Моргана и др. В стране, еще недавно всасывавшей европейское золото, появился избыток капитала, ибо когда-то казавшийся необъятным внутренний рынок перестал удовлетворять запросы американских корпораций и их хозяева потянулись к новым, заграничным рынкам. Однако на их пути оказались «страны старого капиталистического развития»¹, уже успевшие поделить между собой мировой рынок. Тогда правящие круги США развязали первую в истории империалистическую войну за передел уже поделенного мира: войну с Испанией за ее колонии в Западном и Восточном полушариях.

В те годы в первые ряды политических деятелей США выдвинулся человек, еще молодой, волевой, энергичный, наделенный природой незаурядными способностями, отличавшийся гипертрофированным тщеславием, эгоцентризмом и жаждой власти. Убежденный империалист, он разделял самые крайние воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.

зрения идеологов экспансионизма (Фиске, Барджесса, Мэхена, Бевериджа и др.), обосновывавших с идейных позиций империалистические устремления американских монополий. Он показал себя ловким демагогом и гибким политиком. Это был Теодор Рузвельт, двадцать шестой президент Соединенных Штатов.

Когда в 1901 г. Рузвельт пришел в Белый дом, социалистический журнал «Интернэйшнл социалист ревью» писал: «Невозможно отрицать, однако, что человек, который теперь занимает президентское кресло, обладает более яркой индивидуальностью, нежели любой из тех, кто занимал это кресло со времени Линкольна... Мы можем быть уверены, что в течение семи лет правления Рузвельта (ибо только чудо может предотвратить его избрание в 1904 г.) все силы правительства будут использованы в интересах концентрированного богатства. Именно потому что Рузвельт является воплощением духа плутократии, окажется, что он будет сознательно руководить социальной машиной в соответствии с его личными идеями. Итак, самый факт, что он с таким совершенством приспосабливается к целям капитализма, проявится в том, что он будет формулировать и направлять, а не только отражать эти цели»². Эта оценка справедлива от начала и до конца.

Возглавляя правительство США, Рузвельт твердо стоял на страже интересов своего класса. Его внешнеполитический курс был рассчитан на выдвижение США в число великих мировых держав, более того — на завоевание среди них господствующего положения. Начиная с этой поры руководителям политики европейских государств пришлось считаться с возросшей экономической мощью американского империализма. Одновременно этот президент проявил способность к маневренной, гибкой политике, провозгласив буржуазные реформы необходимым средством укрепления капиталистического порядка. Он видел спасение капитализма от революционного взрыва изнутри в усилении исполнительной власти и вмешательстве ее в экономические отношения, разумеется в интересах капитала. Это были зачатки государственно-монополистического капитализма, тенденции, о которой писал В. И. Ленин, особенно усилившейся в годы империалистической войны 1914—1918 гг.³

У людей, с которыми Рузвельта сталкивала судьба, он вызывал самые разноречивые чувства. Этот деятельный и жизнелюбивый человек был предметом восхищения и привязанности одних, негодования и насмешек других, справедливого осужде-

² «The International Socialist Review», 1901, October, p. 314—315.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 281, 344.

ния третьих. Он привык быть на виду и самонадеянно верил, или хотел верить, что им восхищается вся Америка. В действительности же он захватывал воображение лишь мелкого буржуа. Рабочий класс, испытавший на себе тяжелую руку Рузвельта — губернатора и президента, знал истинную цену его высказываний о благе народа. Тем не менее на выборах 1912 г. Рузвельту удалось собрать свыше 4 млн. голосов, и В. И. Ленин, объясняя успехи этой новой буржуазной партии, дал убийственную характеристику ее лидеру: «Вы увлекли 4 миллиона человек своими посулами реформ, любезный шарлатан Рузвельт? Прекрасно! Завтра эти четыре миллиона увидят, что ваши посулы — обман, а ведь идут эти миллионы за вами *только* потому, что чувствуют: по-старому жить *нельзя*»⁴.

Интересно, что почти в тех же выражениях оценивает Рузвельта его младший современник Г. Л. Менкен — американский лингвист и критик, чьи произведения стали образцом бичующей сатиры того времени. В 1920 г. в очерке о Рузвельте Менкен писал: «Он был в обращении с отдельными людьми и с массой людей шарлатаном самой высокой квалификации; ему, безусловно, присущи обезоруживающее обаяние шарлатана и смелая хитрость, человеческая безыскусственность и человеческая изворотливость»⁵. Менкен не понял все же главного: в своих поступках Рузвельт руководствовался сознанием единства со своим классом.

Представители промышленно-финансовой элиты и верхушки республиканской партии относились к Рузвельту с опасением. Преследуя узко личные интересы собственной выгоды, они возражали против его курса на буржуазные реформы с целью смягчить классовые противоречия и воспрепятствовать распространению в стране социалистических идей. Это свидетельствовало о близорукости критиков Рузвельта «справа», но отнюдь не о его собственном радикализме, ибо в основе взглядов Рузвельта лежал глубокий консерватизм.

Рузвельт был весьма плодовитым автором. После него осталось 20 томов сочинений, куда входят работы по истории и орнитологии, публицистические и критические статьи, описания путешествий, автобиография и огромное число речей, произнесенных в разные периоды деятельности (в основном в годы президентства). К этому следует добавить 8 томов переписки, изданных Э. Э. Морисоном, Дж. М. Бламом и др. в 1951—1954 гг.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 194.

⁵ Mencken H. L. Roosevelt I.— In: Keller M. Theodor Roosevelt. A Profile. New York, 1967, p. 62.

Эта публикация является лишь частью огромного эпистолярного наследия Рузвельта, хранящегося в Библиотеке конгресса и в Гарвардском университете, а также в собраниях его адресатов.

Произведения Т. Рузвельта весьма неравноценны по своим достоинствам — литературным и научным. Однако они позволяют разобраться в мотивах его поступков, понять его стремления и цели в политике.

О Рузвельте, его взглядах и личности, о его внутренней и внешней политике в бытность президентом написаны — без преувеличения — сотни работ. Книги о нем продолжают выходить вплоть до сегодняшнего дня. В здании конгресса, в Капитолии, есть зал имени Теодора Рузвельта, где стоит его мраморный бюст. А в одном из заповедников страны туристы могут увидеть его изображение, высеченное в скале, рядом с изображениями Вашингтона, Джефферсона, Линкольна.

Работая над настоящей книгой, автор стремился показать роль Рузвельта в истории США и обрисовать доступными ему средствами его образ в окружении людей и в связи с событиями того времени. Насколько это удалось — будет судить читатель.

Автор выражает глубокую признательность Е. И. Поповой, Н. Н. Болховитинову, Г. П. Куропятнику, Б. И. Марушкину, Г. Н. Севостьянову, Л. Ю. Слэзкину, В. В. Согрину, высказавшим полезные замечания при обсуждении монографии, а также благодарит Э. И. Ускову и других сотрудников Кабинета всеобщей истории ИНИОН АН СССР за неизменное внимание.

Глава I • СЕМЬЯ И УНИВЕРСИТЕТ

6 сентября 1901 г. в Буффало на панамериканской выставке было совершено покушение на жизнь президента США Уильяма Маккинли. Раненный в живот выстрелами из револьвера, Маккинли скончался через несколько дней. Согласно конституции главой государства до следующих выборов становился вице-президент. Этот пост занимал полковник Теодор Рузвельт, отличившийся в недавно отшумевшей испано-американской войне. В свои 43 года, из которых 20 он посвятил политике, истории, публицистике, охоте и войне (два месяца военных действий на Кубе и не меньше 10 лет военной пропаганды), Рузвельт имел уже достаточный опыт политической практики и сложившиеся убеждения, обладал непомерным честолюбием и еще большим тщеславием. Он вышел на первые роли в политике, сознательно — в возрасте 23 лет — избранной им профессией, как представитель правящего класса буржуазии, к которой принадлежал по рождению, воспитанию и взглядам.

Двадцать шестой президент США родился 27 октября 1858 г. в Нью-Йорке, в доме № 18 на 20-й стрит¹. Его отец, Теодор Рузвельт-старший, был богатым нью-йоркским коммерсантом. Рузвельты входили в высший круг нью-йоркской буржуазии, кичившийся своим происхождением от первых переселенцев из Европы, и смотрели свысока на новых миллионеров типа Рокфеллера, Моргана, Гульда, чьи состояния сколачивались после гражданской войны. Родоначальником многочисленного клана Рузвельтов был некий Клаес Ван Мартенсен Розенвельт², выходец из Голландии, прибывший в Америку в 1649 г. и поселившийся на о-ве Манхаттан в местечке Нью-Амстердам, переименованном затем англичанами в Нью-Йорк.

В Новом Свете Рузвельтам повезло. Уже сын Клаеса был зажиточным оптовым торговцем, а его внуки и правнуки продолжали с успехом накапливать состояние, занимаясь торговлей, банковским делом, а некоторые и политикой. В семье хранились

¹ Сейчас этот дом является мемориальным музеем Т. Рузвельта.

² Так произносилась фамилия Клаеса, вскоре трансформировавшаяся в фамилию Рузвельт (Roosevelt).

воспоминания об одном из правнуков Клаеса, Джеймсе Рузвельте, прямом предке будущего президента Т. Рузвельта, сражавшемся простым солдатом в рядах революционной армии во время войны за независимость³. Сын этого Рузвельта был уже достаточно богатым человеком, чтобы войти в банковское дело и основать торговую фирму «Рузвельт энд сан», занимавшуюся импортом в США из-за океана стеклянной посуды. А его сын Корнелиус Ван Шаак Рузвельт (дед будущего президента), унаследовав фирму отца, стал одним из богатейших нью-йоркских дельцов; его имя в иерархии нью-йоркских богачей называли непосредственно за именами Корнелиуса Вандербилта, Уильяма Астора, Александра Стюарта⁴. Благополучию Рузвельтов способствовали брачные союзы с девушками из «хороших семей», которые приносили с собой богатство, безупречное происхождение и, как следствие всего этого, выгодные связи.

Отец будущего президента женился в 1853 г. на Марте Бэллоч, дочери плантатора из Джорджии. Избалованная воспитанием, а потом богатым любящим мужем, красавица-южанка была для детей «обожаемой маленькой мамочкой», но хозяйством в доме — а дом был поставлен на широкую ногу — занимались сначала мать Марты и ее незамужняя сестра Анна, а затем с 14 лет старшая дочь Анна, или Бэми, как ее называли в семье.

Бэми была старше Тедди всего на 3 года, но младшие дети (кроме них были еще Эллиот и Корина, на 2 и на 3 года моложе Теодора) рано привыкли видеть в ней взрослую. Много внимания уделял детям отец. Судя по воспоминаниям самого Теодора и его сестер, отец играл главную роль в воспитании детей, сумев внушить им уважение, страх вызвать его неодобрение и в то же время сохранить с детьми душевную близость. Для Теодора отец до самой смерти оставался непрекращаемым авторитетом⁵.

Рузвельт-отец получил хорошее наследство и был партнером семейной фирмы «Рузвельт энд сан»; кроме того, он много занимался благотворительностью. По его инициативе в Нью-Йорке были открыты Ортопедический детский госпиталь, музей «Метро-

³ Правда, больше прославился его кузен Айзек Рузвельт, бывший помощником Александра Гамильтона и сенатором штата Нью-Йорк, затем президентом Нью-Йоркского банка. Этот Рузвельт был представителем второй ветви семейства Рузвельтов — потомков Клаеса, так называемых Рузвельтов из Гайд-парка и прямым предком Франклина Делано Рузвельта (*Putnam C. Theodore Roosevelt, Vol. I. The Formative Years, 1858—1886. New York, 1958, p. 4—5*).

⁴ *Lorant S. The Life and Time of Theodore Roosevelt. Garden City (N. Y.), 1959, p. 14.*

⁵ *Roosevelt T. An Autobiography. New York, 1946, p. 7—8.*

политен», Музей естественной истории. Весьма возможно, что побудительным мотивом организации детской больницы была болезнь детей. Старшая девочка страдала болезнью позвоночника, у Тедди в самом раннем детстве открылась астма. Рузвельт вспоминал, как отец часами носил его на руках, тщетно пытаясь облегчить страдания ребенка.

Размеренное течение жизни в семье Рузвельтов на 20-й улице, где царил полный достаток и несколько патриархальный буржуазный порядок, было нарушено гражданской войной. Конечно, богачи Рузвельты не испытали лишений, которые выпали на долю рабочих и фермерских семей, на своих плечах вынесших все тяготы и ужасы войны. Но «неотвратимый конфликт» между рабовладельческим Югом и промышленным Севером задел и семью Рузвельтов: жена-южанка, ее мать и сестра были всей душой на стороне южной Конфедерации, тем более, что во флоте южан на корабле «Алабама» против северян сражался брат Марты, а другой брат был адмиралом южного флота. Опасаясь семейной драмы, Теодор-отец не решился вступить в армию, хотя и был искренним сторонником северных республиканцев и президента Линкольна. Он ограничился неоплачиваемой службой в комиссии по проведению в жизнь закона об обеспечении семей солдат путем отчисления части жалованья кормильца в их пользу, а в конце войны вступил в Ассоциацию поддержки требований солдатских семей, которая была организована для защиты интересов ветеранов войны и их близких. Однако, как пишет К. Пэтнам, в глазах Теодора-сына, когда он подросток и превратился в воинственного юношу, эта деятельность отца не оправдывала отказ от вступления в действующую армию⁶. Но это, пожалуй, был единственный случай, когда Теодор не одобрил поведения отца.

Хотя глава семьи служил на стороне северян, в доме не решались никакие критические разговоры против южан. И все-таки какие-то слухи просачивались в детскую, может быть, через слуг. Нью-Йорк в начале войны, точнее, нью-йоркская буржуазия, являл пример полного хаоса мнений. Манхаттанские купцы и банкиры больше всего боялись за свои деньги, и мэр города даже носился с планом создания самостоятельного города-государства, «поскольку Союз скоро распадется»⁷. Но выступление рабочих масс в поддержку Линкольна, формирование добровольческих полков, маршировавших по улицам города, заставило нью-йоркскую буржуазию отказаться от этих планов. Однако от-

⁶ Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 48.

⁷ Ibid., p. 47.

еутствие единства в буржуазных кругах давало себя знать на протяжении всей войны, вплоть до того, что немало банкиров и купцов продолжали вести дела с южанами, помогая таким путем рабовладельческой Конфедерации. Рузвельт не был в их числе. Забросив собственные дела, он постоянно находился в Вашингтоне, часто выезжая в армию, когда того требовали обстоятельства. Он был принят в доме президента, хорошо знаком с его женой, с государственным секретарем Сьюардом, с секретарем Линкольна — молодым Джоном Хэем, через которого хлопотал о пропуске на выезд к родственникам в Джорджию для своей тещи, не желавшей оставаться среды северян ⁸.

Тедди был слишком мал в годы войны, чтобы все эти переживания могли его сильно затронуть. Но в семейных преданиях сохранился рассказ, как четырехлетним мальчуганом он молился о том, чтобы бог «стер в порошок войска южан» ⁹.

После окончания войны с возвращением отца жизнь в семье вошла в обычную колею. Теодор-младший вспоминал детство как счастливейшую пору жизни: дружная семья, любящие родители, богатство, веселые рождественские праздники с традиционными подарками Санта-Клауса, длительные поездки в Европу всей семьей, летние каникулы в сельской местности с ездой верхом на собственных пони и далекими прогулками, во время которых мальчик собирал коллекции насекомых, птиц и трав. В нем рано проснулся интерес к природе, к естественным наукам. Письма Тедди в возрасте 7—10 лет полны восторженных описаний его любимиц — серых и белых мышей. Остальные дети не разделяли интереса Теодора к мышам, но отец с уважением относился к его увлечению зоологией и ботаникой, тем более, что мальчику следовало больше бывать на воздухе из-за слабого здоровья. Болезнь омрачила детство Рузвельта, но, может быть, болезнь и способствовала воспитанию характера.

Тедди рос слабым мальчиком, окруженный вниманием близких. Он рано пристрастился к чтению, любил исторические книги, любил стихи. Из-за состояния здоровья до поступления в Гарвард он учился дома. Еще подростком — в 13 лет — он получил жестокий урок от своих сверстников, двух мальчишек, издевавшихся над его слабостью и побивших его — не сильно, но с презрением, как щенка, — когда он бросился на них с кулаками. После этой драки он сказал отцу, что хочет заниматься боксом. Его самолюбие было уязвлено, он хотел быть сильным, ловким, удачливым. «У тебя есть ум, — сказал однажды ему отец. — Ты должен со-

⁸ *Robinson C. R. My Brother Theodore Roosevelt. New York, 1921, p. 28.*

⁹ *Ibid., p. 17.*

здать свое тело»¹⁰. Мальчик серьезно отнесся к словам отца, начал заниматься гимнастикой, верховой ездой, охотой, боксом. Он не стал ни первоклассным наездником, ни стрелком, но всю жизнь увлекался охотой и лошадьми. Ему удалось победить болезнь. «Опыт научил меня тому, чему, вероятно, не научили бы никакие добрые советы», — писал он впоследствии¹¹.

Осенью 1876 г. Теодор поступил в Гарвардский колледж. Гарвард был аристократическим учебным заведением, в него поступали молодые люди из «лучших» семей Новой Англии. Как писал позднее Генри Адамс, бывший сам сначала питомцем, а затем профессором Гарварда, в Гарвард «шли потому, что туда шли друзья, и колледж был их общественным идеалом чувства собственного достоинства»¹². Содержать юношу в колледже стоило недешево, но зато окончить его означало получить марку респектабельности на всю жизнь. А чиновный и буржуазный «свет» в США отличался, пожалуй, не меньшим снобизмом и условностями, чем аристократия Англии.

Рузвельт учился в Гарварде в период, когда колледж переживал ломку методов преподавания: введение реформы, направленной на приспособление высшего образования к требованиям, предъявляемым веком капитализма и быстрого технического прогресса. Новые социально-экономические условия, возникшие в США после гражданской войны, развитие промышленности, техники, рост «деловой активности», как писали современники, — все это ставило перед школами, колледжами, университетами новые задачи и бросало вызов старой классической системе образования. В этих условиях колледжи были вынуждены пересматривать свою структуру, направленность и методы преподавания, и Гарвард среди этих учебных заведений первым начал процесс реорганизации высшего образования.

Нельзя не сказать и о том, что университеты все больше попадали под влияние бизнесменов, которые постепенно завоевывали ведущее положение в комитетах доверенных лиц (то, что мы называем попечительскими советами) и в конечном итоге имели огромные возможности оказывать давление на администрацию университетов¹³. Этому процессу не избежал и Гарвард. Но, возможно, именно потому в 1869 г. президентом Гарвардского колледжа был назначен 35-летний Чарлз У. Элиот, профессор химии Массачусетского технологического института (Бостон), велико-

¹⁰ Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 72.

¹¹ Roosevelt T. An Autobiography, p. 28.

¹² Adams H. The Education of Henry Adams. Boston, 1961, p. 54.

¹³ Curti M. The Growth of American Thought. New York, 1964, p. 502.

лепный организатор — больше администратор, нежели ученый, — чьи взгляды на необходимость приспособления образования к нуждам технического прогресса были широко известны.

Приглашение Элиота на пост президента Гарварда было воспринято буржуазной общественностью как начало новой эры в развитии колледжа. Его вступительная речь произвела самое благоприятное впечатление на общественное мнение и, что особенно важно, на членов корпорации (организации, возглавлявшей колледж и распорядившейся средствами) и на совет попечителей. При этом неоднократно подчеркивалась мысль, что в его речи «не было ничего радикального»¹⁴, хотя она содержала краткую программу необходимых, по его мнению, нововведений: применения в обучении элективного метода¹⁵, расширения учебных программ по естественным наукам и математике, большего внимания к изучению не древних, а современных языков. Обращаясь к задачам преподавания философских наук, он предлагал ввести свободное изучение разных концепций, но в то же время сделал оговорку, что университет должен «служить Христу и церкви»¹⁶. Был еще один пункт его программы, отнюдь не говоривший в его пользу: Элиот высказывался против допущения в университеты женщин. Этот знаменитый реформатор американского просветительства признавал за женщинами право только на одну профессию — преподавание¹⁷.

С именем Ч. У. Элиота связано внедрение в Америке элективного метода образования. Это не значит, что он был изобретателем этого метода. К 1869 г. в Гарварде студенты старших курсов имели уже право по некоторым дисциплинам определять по своему выбору направление занятий. Но под руководством Элиота элективная система постепенно превратилась в доминирующую систему преподавания, хотя следует отметить, что это был длительный процесс, во время которого уменьшалось число обязательных для всех дисциплин и увеличивался объем избирательных работ и экзаменов, причем до 1884 г. студенты первого года обучения проходили только обязательную программу.

Реформы, проводившиеся Элиотом, коснулись не только обра-

¹⁴ *James H. Charles W. Eliot, President of Harvard University, 1869—1909.* Boston, New York, 1930, p. 228.

¹⁵ Элективный (избирательный) метод преподавания (практикуемый в США и в настоящее время, даже в средней школе) заключается в том, что изучаемые дисциплины делятся на обязательные и избираемые студентами в зависимости от способностей каждого и будущей профессии.

¹⁶ *Eliot Ch. W. A Turning Point in Higher Education. The Inaugural Address of Ch. W. Eliot as President of Harvard.* Cambridge (Mass.), 1969, p. 6.

¹⁷ *Ibid.*, p. 17—18.

зовательных программ. Был пересмотрен устав колледжа, снижен надзор за поведением студентов, они получили возможность получить на дом учебную литературу, были улучшены бытовые условия, реконструированы здания, занимаемые под общежития, разбиты скверы. А главное Элиоту удалось добиться у корпорации средств на расширение постоянного профессорско-преподавательского состава и приглашение из крупнейших университетов страны специалистов для прочтения курса лекций¹⁸. Среди преподавателей университета были такие впоследствии известные ученые, как Г. Адамс (историк), О. У. Холмс (юрист), Дж. Фиске (историк и философ), У. Джеймс (физиолог), Дж. Л. Гудэйл (ботаник), Дж. Миллс (математик), Ф. Н. Сторер (химик), Ч. К. Эверетт (теолог) и др.

Гарвардский университет стал учебным заведением, в которое охотно шли молодые способные ученые. «Служба в Гарвардском колледже была почетной; может быть, самой почетной в Америке», — писал Г. Адамс, преподававший в Гарварде в начале 1870-х годов¹⁹. Гарвард при Ч. Элиоте получил известность как один из лучших университетов страны, попасть в который для молодых людей из неимущих классов было очень трудно. Правда, с целью «улавливания талантов», как теперь говорят в Америке, гарвардская корпорация выделяла средства на стипендии для студентов из бедных семей²⁰, от которых, кроме способностей, требовались безукоризненное поведение и благонамеренные взгляды. Но получали стипендию единицы, а для того чтобы попасть в Гарвард абитуриент-бедняк должен был пройти конкурс и иметь веские рекомендации, в то время как юноше из богатой семьи было достаточно получить необходимый минимум при подсчете баллов во время вступительных экзаменов.

Такие экзамены Теодор Рузвельт благополучно сдал к лету 1876 г. Перед этим он в течение двух лет с репетитором прошел трехгодичную программу, уже тогда показав свою недюжинную работоспособность и настойчивость. Конечно, сын богатого коммерсанта не нуждался в казенном жилье. Когда в конце сентября он приехал в Гарвард, его ожидала удобная отдельная квартира, заранее снятая для него и обставленная старшей сестрой Анной.

В колледже Теодор держался несколько особняком. Он выбрал себе друзей только среди «джентльменов», проявляя редкую

¹⁸ *James H. Op. cit.*, p. 259—262. Однако практика чтения тематического курса лекций учеными, не входившими в постоянный штат Гарварда, в то время не привилась.

¹⁹ *Adams H. Op. cit.*, p. 296.

²⁰ *Elit Ch. W. Op. cit.*, p. 15.

для молодого американца разборчивость и настоящий снобизм. «Я не имею ни малейшего представления о семьях большинства моих друзей», — жаловался он отцу вскоре после поступления в колледж²¹. Его близкими друзьями по Гарварду стали сыновья крупных бизнесменов или адвокатов: Генри Майнот, Роберт Бэкон, Ричард Солтонстол, Оуэн Уистер, Кристофер Уэлд, Генри Чапин. Почти все они впоследствии сами заняли соответствующие посты в фирмах своих родственников. Чувство принадлежности к своему классу и презрение к нижестоящим по неписанному буржуазному кодексу у молодого Рузвельта было очень сильно развито. Узнав о женитьбе одного из своих кузенов на французской актрисе, он с возмущением записал в дневник, что это позор для семьи²². Можно подумать, что этот сын нью-йоркского торговца был принцем крови.

Еще одна черта, немаловажная в облике молодого студента, — почти все четыре года Рузвельт преподавал в воскресной школе при университетской церкви. Здесь, конечно, сказывалось влияние отца, который постоянно вел занятия в воскресной школе — форма религиозного воспитания, принятая в Америке, где со времен войны за независимость церковь была отделена от государства. Хотя сам юноша не был столь религиозен, как отец, он неукоснительно выполнял свои преподавательские обязанности. Даже в период бурного ухаживания за Элис Ли на старших курсах колледжа он мог встать до рассвета и проехать верхом много миль от Честнат-хилла (предместье Бостона, где жила Элис) до Кембриджа, чтобы не опоздать в церковь²³.

В колледже Рузвельт много и систематически занимался, отличаясь этим от большинства своих однокашников, предпочитавших проводить время в клубах. Он не раз выражал удивление, как мало юношей приходит в университет для приобретения знаний²⁴.

На первом курсе по обязательной программе студенты изучали древние языки и классическую литературу, немецкий язык, математику, физику и химию. Высокую оценку Рузвельт имел

²¹ T. Roosevelt to T. Roosevelt, Sr., Oct. 23, 1876.— In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge, 1951—1954, Vol. I, p. 19.

²² *Lorant S. Op. cit.*, p. 155.

²³ Церковь была епископальной, и на четвертом курсе ее настоятель предложил Теодору изменить вероисповедание (Рузвельты принадлежали к пресвитерианской церкви). Он отказался и был вынужден оставить школу. Но, как заметил один из биографов Рузвельта, вероятно, это было воспринято им с облегчением (*Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography*. New York, 1931, p. 39).

²⁴ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 37.

только по немецкому языку, самую низкую — за греческую литературу и сочинения. На втором и третьем курсе, когда появилась возможность выбора, он занимался современными языками и, продолжая интересоваться естественными науками, отдавал много времени анатомии, ботанике, физиологии, зоологии, географии и геологии. Обязательными предметами на втором курсе были риторика, сочинения на английском языке (где он не очень блистал) и история, которой он начал увлекаться. На третьем курсе в обязательную программу входили логика, древнегреческая философия, сочинения и судебная медицина. Студент последнего года обучения только один предмет (судебную медицину) должен был изучать по обязательной программе, остальные он мог выбирать сам. В это время у Теодора усиливается интерес к истории, философии и политической экономии²⁵.

Теодор Рузвельт-отец когда-то хотел, чтобы старший сын стал бизнесменом. Однако он не воспротивился желанию сына поступить в колледж для подготовки к научной карьере. Кажется, что у Теодора-младшего есть для этого все данные. Отец ставил лишь одно условие: не быть дилетантом. Он предупреждал сына, что наука поглотит все силы и не даст больших денег, что посвятить жизнь науке — значит отказаться от многих удобств и удовольствий, которые дают деньги. В колледже Рузвельт понял, что не станет ученым-натуралистом. Впоследствии он обвинял в этом постановку преподавания естественных наук в Гарварде, увлечение лабораторными исследованиями, которые его не привлекали. Все же, будучи студентом, он опубликовал две статьи по орнитологии, но дальше этого не пошел. На старшем курсе он увлекся политической экономией, изучал Милля и Карлейля и исповедовал фритредерство, как и большинство его сверстников, но больше всего его влекло к истории. Он начал писать историю морской войны США с Англией (1812 г.), но никому из преподавателей не показывал своих первых опытов.

В письмах родителям и сестрам Рузвельт подробно рассказывал о занятиях и развлечениях в Гарварде. Можно заключить, что в юности он отличался увлеченностью в работе и умением контролировать время, соблюдать режим. Однако он отнюдь не чуждался светской жизни. Деньги отца позволяли ему содержать дорогую квартиру и даже собственный выезд, изысканно одеваться, заниматься гимнастикой, верховой ездой, боксом, теннисом²⁶. Он постарался стать членом избранных студенческих

²⁵ The Letters..., Vol. I, p. 25—26.

²⁶ Американский писатель, автор рассказов и повестей о Диком Западе, Оуэн Уистер, поступивший в Гарвард на два года позже Рузвельта,

обществ и фешенебельных клубов. Теодор-младший не был популярен в студенческой массе, его ни разу не избрали маршалом, т. е. старостой класса, зато он был принят в Кембридже и Бостоне во многих семьях, принадлежавших к так называемому высшему свету.

Встречи с друзьями и знакомыми отнимали немало времени, но способность к самодисциплине, прекрасная память, стремление к знаниям, подстегиваемые самолюбием,— все эти качества помогали Рузвельту не плестись в хвосте. Он не был в числе первых, но товарищи признавали его компетентность во многих вопросах.

В феврале 1878 г. на семью Рузвельтов обрушилось горе: скончался отец. Теодор тяжело переживал эту потерю. Он лишился не только отца, но и старшего друга, всегда готового прийти на помощь советом и делом. С материальной стороны его жизнь после смерти отца не изменилась. Он унаследовал состояние, не очень большое, но достаточное, чтобы не беспокоиться о будущем²⁷.

На старших курсах колледжа твердое намерение Рузвельта следовать строгому режиму в занятиях подверглось серьезному испытанию. Он влюбился со всем пылом 20-летнего юноши. В обществе молодых людей своего круга Рузвельт встречался со многими девушками, сестрами его товарищей, подругами его сестер. Он не был ловеласом, отец внушил ему уважение к женщине и необходимость сохранения чистоты в равной степени для юношей и девушек. Но он с удовольствием писал матери и сестрам о своих знакомствах и встречах с девушками, пикниках, вечерах с танцами. Кроме бостонских и кембриджских приятельниц, за которыми он весело ухаживал на прогулках и вечерах, существовала еще детская привязанность к Эдит Кэроу, сверстнице его сестры из семьи друзей его родителей. Но и детская дружба и новые знакомства все куда-то отодвинулось после того, как в его жизнь вошла Элис Хейсуэй Ли, с которой он познакомился в Кембридже в семье своего товарища.

Рузвельт признавался, что с его стороны это была любовь с первого взгляда. В Элис ему нравилось все: внешняя привлека-

вспоминал, что Т. Рузвельт был известен своим увлечением боксом, фантовством и тем, что был единственным студентом в Гарварде, имевшим экипаж (двуколку) (*Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930, p. 14*).

²⁷ На долю Теодора из отцовского капитала, равнявшегося приблизительно 750 тыс. долл., пришлось около 125 тыс., что давало около 8 тыс. ежегодного дохода. Сам Рузвельт так оценивал свое положение: «Мне оставлено около 8 тыс. долларов в год; прилично, хотя и не богато» (*Pittam C. Op. cit., Vol. I, p. 337*).

тельность, милый характер, а также то, что это была девушка «его круга». Отец Элис, Джордж Ли, был бостонским банкиром. Однако эта очаровательная кокетливая девушка, почти девочка (ей едва минуло 17 лет) заставила его пережить все муки неуверенности, ревности, отчаяния. Около года он настойчиво ухаживал за Элис, добиваясь ее согласия стать его женой. В этом важном шаге его жизни, хотя ему было всего 20 лет, уже сказались упорство характера и большая доля самоуверенности. «Посмотри на эту девушку, — сказал Рузвельт на каком-то вечере одной из своих юных приятельниц, указывая на Элис Ли, танцевавшую с другими молодыми людьми, — я женюсь на ней. Она не обращает на меня внимания, но я хочу, чтобы она стала моей женой»²⁸. В конце концов пылкость и глубокое чувство Рузвельта покорили девушку. Помолвка была объявлена в начале 1880 г., но свадьба отложена до осени.

30 июня 1880 г. на выпускном акте Рузвельт получил степень бакалавра. Он окончил университет сравнительно неплохо: 21-м из 158 выпускников. Гарвард остался позади. Перед Теодором открывалась радужная перспектива жизни с любимой женой и независимости. Отцовское наследство позволяло не спеша подумать о будущей карьере.

²⁸ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 42.

Выбор пути в молодости происходит по-разному. Дети из необеспеченных семей, уже в детстве познавшие тяготы жизни, по необходимости рано начинают работать на тех же шахтах или заводах, где работали их отцы. В богатых семьях на выбор пути влияют семейные традиции. Наследник предприятий продолжает вести дело своих родителей. Юноши, одаренные талантом или хотя бы способностями, добиваются возможности посвятить себя любимому делу, даже если приходится сталкиваться с лишениями или преодолевать сопротивление семьи. Иные ищут способ удовлетворить тщеславие и честолюбиво мечтают о власти и блестящей политической карьере. Теодор Рузвельт, по-видимому, принадлежал к последним. К тому же он располагал возможностью выбора. Природа наделила его незаурядными способностями, а случай сделал сыном бизнесмена, достаточно богатого, чтобы дать детям образование и обеспечить их будущее.

Окончив колледж, Рузвельт сначала не знал, к чему приложить свои силы и способности. Для бизнеса ему не хватало предпринимательской жилки, интерес к естественным наукам оказался не столь велик, чтобы посвящать им жизнь. Кроме того, его привлекала история, занимала мысль о литературном труде и он начал интересоваться политикой.

После свадьбы, состоявшейся в день его рождения, 27 октября 1880 г., Теодор увез Элис в Ойстер-Бей, в загородный дом родственников, но, проведя там первые счастливые дни новой, семейной жизни, уже через две недели возвратился в Нью-Йорк. Для молодой пары отвели этаж в доме Рузвельтов на 57-й стрит, где семья жила последние годы. Элис без конца выезжала на балы и в театр, а Рузвельт, хотя и находил время сопровождать в обществе молоденькую жену, вернулся к занятиям, во-первых, историей морской войны 1812 г., начатой в университете, а, во-вторых, начал изучать право в адвокатской конторе своего дяди и посещать лекции в Колумбийском университете. Но перспектива стать адвокатом не привлекла его. В мае 1881 г. Рузвельт бросает занятия и уезжает с женой путешествовать в Европу.

Надо сказать, что сокровища европейского искусства не очень привлекали Рузвельта. Характерно, что наибольшее впечатление

в Европе на него произвела могила Наполеона — «самого могущественного завоевателя, какого знал мир»¹. Его племянник Николай Рузвельт вспоминал: «Практически его не трогало искусство. К музыке он был глух. Даже в поэзии его больше привлекали ритмы и подвиги героев, нежели поэтическое мастерство авторов»². Но природу он понимал и любил с детства и еще любил спорт. Самым большим впечатлением в этом путешествии было трудное восхождение на вершины Юнгфрау и особенно Маттерхорн. Подъем на Маттерхорн считался опасным, но Рузвельт предпринял его (конечно, с проводниками) из амбиции, чтобы доказать и себе, и окружающим, на что он способен³.

Вернувшись в Америку ранней осенью, Рузвельт поразил всех близких решением, показавшимся совершенно неожиданным, выставить свою кандидатуру на выборах в члены легислатуры (законодательного собрания) штата Нью-Йорк. Желание сделать политику своей профессией шокировало его родственников и многих друзей. В этом кругу на политику смотрели как на занятие, не достойное молодого джентльмена из хорошей семьи. Генри Адамс, который за 10 лет до настоящих событий сам стоял перед выбором профессии, писал: «Весь Бостон, вся Новая Англия и весь уважаемый Нью-Йорк, включая Чарльза Фрэнсиса Адамса-отца (посол США в Англии.— *И. Б.*) и Чарльза Фрэнсиса Адамса-сына (бизнесмен.— *И. Б.*), были единодушны во мнении, что Вашингтон — не место для уважаемого молодого человека»⁴. Однако наш «герой» смотрел на вещи иначе: «Люди разделяются на тех, кто правит, и тех, кем управляют,— заявил он как-то в ответ на наставления дядюшек. Я хочу принадлежать к правящему классу»⁵. Так в самом начале своей карьеры Рузвельт сформулировал цель жизни.

Вряд ли решение заняться политикой пришло внезапно. Скорее всего, оно созревало в нем исподволь, пока он раздумывал, на каком поприще сможет добиться большего успеха. Его энергичная и импульсивная натура не могла ограничиться кабинет-

¹ T. Roosevelt to A. Roosevelt, Sept. 5, 1881.— In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. I, p. 52.

² *Roosevelt N. Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him*. New York, 1967, p. 136.

³ «Я страстно хотел одолеть ее (речь идет о вершине Маттерхорн.— *И. Б.*), потому что это считается очень трудным, и человек, который на ней побывал, может честно заявить, что достиг степени, ну, во всяком случае, второстепенного ранга альпиниста» (T. Roosevelt to A. Roosevelt, Aug. 5, 1881.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 49).

⁴ *Adams H. The Education of Henry Adams*. Boston, 1961, p. 296.

⁵ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography*. New York, 1931, p. 57.

ной деятельностью, а честолюбие и тщеславие толкали на попытку быстрее пробиться в «правящий класс». Вся социально-политическая обстановка в США после гражданской войны способствовала развитию стремлений, заложенных в его характере.

Семидесятые годы XIX в. в США были временем бурного промышленного развития. После гражданской войны к власти пришла промышленная буржуазия Севера. Ее влияние ощущалось во всех сферах общественной жизни. Началось триумфальное шествие бизнеса, сопровождавшееся неслыханной до тех пор политической коррупцией. Отпрыски старой «честной» торговой буржуазии — все эти Лоджи, Рузвельты, Адамсы, многие из которых уже сами не занимались бизнесом, например, Генри К. Лодж или Генри и Брукс Адамсы, — с недоверием и даже презрением относились к нуворишам, дельцам, выколачивавшим бешеные деньги на спекуляциях в годы войны, на железнодорожном строительстве и тому подобных операциях, развернувшихся в 1870-е годы. Процветала торговля государственными должностями, а система подкупа в годы президентства Гранта и при его попустительстве получила название «грантизма». В 1870-х годах раскрылись злоупотребления мэра Нью-Йорка Твида, босса Таммани (партийной машины демократической партии Нью-Йорка). Разоблачения скандальных махинаций компаний «Креди мобилъе» и «Виски ринг» заполняли страницы всех газет. Такие события не могли пройти мимо внимания юноши, интересующегося политической экономией и историей своей страны.

Уильям Р. Тэйер, поступивший в Гарвард на год позже Рузвельта, сообщает, что, когда Рузвельт был на последнем курсе колледжа, он заявил: «Я собираюсь попытаться помочь делу улучшения правительства Нью-Йорка, но точно еще не знаю, каким образом»⁶. Тэйер пишет, что посмотрел на него с удивлением. Такие вопросы не волновали блестящую молодежь Гарварда. Конечно, эти слова могли быть просто рисовкой. Однако критическое отношение к партийной элите, вершившей дела по управлению штатом, могло остаться у Рузвельта после того, как сенатор Р. Конклинг, босс республиканской партийной организации штата Нью-Йорк, воспротивился назначению Рузвельта-отца на выгодный пост сборщика пошлин. Возможно, при его самоуверенности, Теодор-сын мечтал о реванше в будущем.

Итак, вскоре после свадьбы (примерно, в ноябре 1880 г.) Рузвельт вступил в республиканский окружной клуб 21-го избирательного округа по выборам в законодательное собрание, рас-

⁶ *Thayer W. R. Theodore Roosevelt. An Intimate Biography. Boston, New York, 1919, p. 21.*

положенный недалеко от дома Рузвельтов, на углу 5-й авеню и 59-й стрит. Его встретили без энтузиазма, ибо решающее слово в клубе принадлежало хозяевам салунов и боссам республиканской партийной машины⁷. Банкиры, предприниматели, адвокаты, сенаторы чурались этой публики, предпочитая пользоваться лишь результатами закулисных махинаций, не вмешиваясь в них открыто. Вплотную Рузвельт столкнулся с партийной машиной через год, когда, вернувшись из Европы, он вновь стал появляться в клубе и получил предложение выставить свою кандидатуру в ассамблею штата от 21-го округа.

Некто Джо Меррей, один из главарей 21-го округа, обратил внимание на молодого аристократа и предложил ему баллотироваться. Выбор пал на Рузвельта случайно: Меррею нужен был новичок в политике, еще не известный избирателям, чтобы сменить скомпрометировавшего себя в Олбани прежнего представителя⁸. Недолго поколебавшись, Рузвельт принял предложение, а главный босс 21-го округа Гесс согласился его поддержать. Меррей и Гесс ловко провели сами всю выборную кампанию, быстро сообразив, что их избранник пока ровно ничего не понимает ни в том, как себя вести с содержателями салунов, баров и прочей публикой, от которой зависел исход выборов, ни в том, что от него потребуется в будущем.

В ноябре 1881 г. Рузвельт стал членом законодательного собрания штата Нью-Йорк. Таким образом, его «вторжение в политику» в возрасте 23 лет, спустя немногим более года после окончания Гарварда, произошло наполовину случайно. Но все же лишь наполовину. Политические боссы 21-го округа случайно обратили внимание на появившегося в клубе молодого аристократа, но Рузвельт сумел извлечь для себя выгоду из этого обстоятельства. «Человек не часто сам может создать для себя благоприятную возможность, — писал он спустя 30 лет. — Но он может держаться начеку, чтобы, когда или если такая возможность подвернется, он был готов ею воспользоваться»⁹. Сам Рузвельт и тогда и потом понимал, что Меррей «подхватил» его как кандидата, с которым он — Меррей — мог выиграть битву. «Это была не моя битва, это была битва Джо»¹⁰. Правда, когда кандидатура Рузвельта была официально принята, высокопоставленные избиратели 21-го округа его поддержали, явно из принципа классовой соли-

⁷ Термином «партийная машина», или просто «машина», в США называют руководящее ядро партийной организации (округа, штата, всего союза) во главе с боссом.

⁸ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 60.

⁹ *Roosevelt T. An Autobiography*. New York, 1946, p. 57.

¹⁰ *Ibid.*, p. 60.

дарности. Среди тех, кто подписал так называемый манифест избирателей с призывом голосовать за Теодора Рузвельта, мелькали фамилии известных адвокатов и крупных бизнесменов, знавших его отца¹¹. Для них молодой кандидат был «своим» человеком. В результате Рузвельт легко победил кандидата Таммани.

Хотя он и говорил, что стал «политическим наемником» только на год, однако, попав в ассамблею, Рузвельт оставался там три года и, несмотря на молодость, даже сумел завоевать положение лидера значительной части республиканской делегации ассамблеи. «Я взлетел, как ракета», — писал он впоследствии¹² о собственной карьере с большой долей самодовольства и бахвальства — недостаток, который с годами у него усиливался, а не сглаживался. Стремление верховодить, играть повсюду первую роль, появившееся уже в детские годы, может быть, как реакция ущемленного самолюбия, также возрастало, укреплялось желание настоять на своем, заставить собеседника согласиться с его мнением, «вести свою игру». В то же время именно тогда, смолоду, Рузвельт обнаружил умение приспосабливаться к обстоятельствам, ту степень гибкости в отношениях с разными людьми, которая совершенно необходима для успешной карьеры буржуазного политика.

В ассамблее и позднее Рузвельт называл себя независимым республиканцем. Это означало, что он входил в республиканский кокес палаты, голосовал с республиканцами по наиболее важным вопросам, но оставлял за собой право голосовать по собственному усмотрению. В 1883 г., решив добиваться места спикера в ассамблее, он обратился за поддержкой к некоторым депутатам и писал о себе: «Я республиканец, чистый и простой, не «полукровка» (half-breed), не устойчивый консерватор (stalwart); и, конечно, ни один человек, а еще менее клика не может повлиять на мои взгляды»¹³.

Рузвельт был не единственным независимым депутатом. В эти годы в конгрессе и законодательных собраниях штатов появились люди, возмущавшиеся политической коррупцией. О степени зараженности коррупцией нью-йоркского собрания можно судить по словам самого Рузвельта, который писал в 1885 г. в журнале «Сенчюри», что, по оптимальным подсчетам, «около трети членов собрания в той или иной форме были подкуплены»¹⁴.

¹¹ Putnam C. Theodore Roosevelt, Vol. I. New York, 1958, p. 246.

¹² Цит. по: Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 73.

¹³ T. Roosevelt to an unidentified newspaper correspondent in Albany, May 1, 1884.— In: The Letters..., Vol. I, p. 67.

¹⁴ Roosevelt T. American Ideals and Other Essays, Social and Political. New York and London, 1902, p. 64.

В нью-йоркской ассамблее было несколько депутатов, республиканцев и демократов, умевших иногда забывать партийную рознь и вместе голосовать вопреки требованиям своей партийной машины. Либеральный журналист Карл Шурц на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» 28 октября 1882 г. писал, что «три почти безбородых юнца — два республиканца и один демократ — восстали против коррупции в этом ужасном законодательном собрании»¹⁵. Одним из этих юнцов был Теодор Рузвельт.

Рузвельт действительно выглядел молодо. Правда, еще в Гарварде он отпустил небольшие рыжие бакенбарды на английский лад. Эти бакенбарды, костюм от первоклассного портного, безукоризненная английская речь, манера пренебрежительно растягивать слова и в быстрой насмешливой улыбке оскалывать крупные зубы вызывали на первых порах насмешки и слегка пренебрежительное отношение провинциальных адвокатов и торговцев, составлявших костяк собрания. Однако молодой «фат», как его окрестили, вскоре заставил по-прежнему заговорить о себе.

30 марта 1882 г. все газеты штата на первых страницах печатали сообщение о скандале в ассамблее. Самый младший депутат, Рузвельт, выступил с требованием утвердить резолюцию о расследовании незаконных действий бывшего министра юстиции штата Уорда и верховного судьи Уэстбрука по делу о злоупотреблениях компании известного железнодорожного магната Джея Гульда, владельца трамвайного транспорта в Манхаттане (Нью-Йорк)¹⁶. Выступление Рузвельта произвело впечатление разорвавшейся бомбы в тихой заводи нью-йоркской ассамблеи. Пришпешники Гульда устроили обструкцию, обсуждение резолюции перенесли на следующую сессию. В конце концов резолюция все же была принята, и юридический комитет ассамблеи должен был взяться за расследование. Хотя расследование не дало никаких результатов (комитет не подтвердил обвинений в злоупотреблениях), этот инцидент создал Рузвельту репутацию противника «большого бизнеса»¹⁷.

Эта выходка и другие демарши против бизнеса проходили для Рузвельта безнаказанно. Его товарищ по ассамблее Майкл Костелло, демократ, был провален на следующих выборах после того, как он и Рузвельт устроили обструкцию при утверждении билля о плате за проезд по электрической городской железной дороге. Костелло докопался, что «за биллем» стояла компания, конкурировавшая с другой компанией и пытавшаяся уничтожить

¹⁵ The Letters..., Vol. I, p. 58, note 4.

¹⁶ The Free Citizen, ed. by H. Hagedorn. New York, 1956, p. 121.

¹⁷ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 73.

соперницу с помощью законодателей, а затем вздуть цены на проезд и отыграться за счет населения. Хотя билль протащили через обе палаты законодательного собрания, Костелло и Рузвельту удалось привлечь к нему внимание общественности, и губернатор Кливленд (будущий президент) наложил на него вето¹⁸. Таммани расправилась с Костелло, а республиканские боссы позволили Рузвельту войти в собрание и в 1882 г. и 1883 г.

В «Автобиографии» Рузвельт много раз возвращается к своим отношениям с республиканской машиной 21-го избирательного округа. Он уверяет, что боссы держались очень лояльно по отношению к нему, разрешая полную свободу действий, лишь бы он «добился успеха», словом, поддерживали его «с сердечным энтузиазмом»¹⁹ (!). И это несмотря на то, что он постоянно враждебно высказывался о партийной машине и во время избирательных кампаний обещал, что постарается внести принцип «личной честности в общественные учреждения», а также будет бороться с монополиями²⁰.

Поддержка, которую оказывала Рузвельту партийная машина 21-го округа, может быть объяснена отчасти тем, что Меррею безусловно нравился этот забияка-аристократ, топовый и вопивший во время бурных прений, а при случае державший под рукой, например, ножку от стула, которую — все в это верили — был способен пустить в ход. Но важнее был факт раскола внутри республиканской фракции ассамблей. «Столпы» партии были весьма консервативны, но не многочисленны. Большинство составляли умеренные, да еще существовала группа шумных молодых либералов, среди которых Рузвельт на второй год занял место лидера. А самым важным было прочное общественное положение этого так называемого «бунтаря»: его связи с обитателями 5-й авеню, составлявшими значительное число избирателей 21-го округа, отцовское наследство, позволявшее ему бравировать своей независимостью, ибо разрыв с боссами и возможная потеря на последующих выборах места в законодательном собрании была бы для него не более, чем «огорчением», как писал он сам, а отнюдь не крушением материальной обеспеченности и всего будущего, как было с его коллегами Костелло и Келли. Собственно говоря, он почти ничем не рисковал.

В «Автобиографии» Рузвельт утверждал, что, попав в ассамблею, он якобы совершенно неожиданно для себя получил от спи-

¹⁸ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 70—72.

¹⁹ *Ibid.*, p. 61.

²⁰ *Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt*. New York, 1963, p. 32.

кера назначение в самый важный комитет палаты: комитет по городским делам²¹. Однако известно, что первые шаги молодого депутата в ассамблее были облегчены покровительством некоего пожилого джентльмена — депутата от демократической партии, оказавшегося приятелем родного дяди Теодора, влиятельного нью-йоркского банкира и адвоката, в прошлом конгрессмена Роберта Б. Рузвельта. Дядюшка просил присмотреть за его экспансивным племянником, раз уж он против желания семьи вступил на стезю политики²². Этот приятель устроил Теодору завидное назначение, но зато его попытки во время заседаний утихомиривать Рузвельта ни к чему не приводили. Новоиспеченный депутат очень быстро освоился, и весь его светский лоск нисколько не мешал ему вскакивать, кричать, перебивать ораторов и даже свистеть. Все это считалось нормой поведения на заседаниях не только провинциального собрания, но и конгресса.

80-е годы XIX в., на которые приходится начало политической деятельности Рузвельта, ознаменовались подъемом массового рабочего движения в США, ростом классового самосознания американского пролетариата, его стремлением к организованному действию. Эти черты проявлялись не только во время забастовок. Профсоюзы в «мирное время» делали попытки добиться уступок от предпринимателей через законодательные собрания. Нью-йоркская ассамблея оказалась местом бурных прений вокруг нескольких биллей по рабочему законодательству. В их числе были законопроекты о ликвидации системы домашнего производства в табачной промышленности, об уничтожении системы контрактации заключенных в тюрьмах на работу на предприятия, о введении 8-часового рабочего дня в штате, о регулировании продолжительности рабочего дня кондукторов и возчиков конно-железной дороги, об ограничении труда женщин и детей, охране труда фабричных рабочих и некоторые другие. Очень немногие билли удалось провести через собрание. Среди противников рабочего законодательства в штате Нью-Йорк Рузвельт оказался в первых рядах. Он принципиально выступал против всех биллей, за которыми стояли профсоюзы. Рабочие быстро распознали его враждебность и не доверяли ему, хотя в двух-трех случаях Рузвельт и поддержал рабочих.

Под свою позицию молодой депутат подводил «идеологическую» основу. Начитавшись Милля и Хэксли, он считал себя сторонником фритредерства; выступая в ассамблее, объявил вмешательство государства в отношения между предпринимателями

²¹ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 63—64.

²² *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 63.

и рабочими «неамериканским принципом»²³, и уже в те годы откровенно заявлял, что даже и не пытается уверять, что принимает близко к сердцу интересы рабочих²⁴. Вместе с тем он клялся, что готов поддерживать благоразумные улучшения в законодательстве. И его имя, несмотря на открытую оппозицию социальному законодательству, стали связывать с движением за реформы. Так рано проявились в нем самом черты демагога, хотя в демагогии он уже тогда не стеснялся обвинять социалистов и рабочих лидеров.

Все же были случаи, когда, как уже говорилось, Рузвельт голосовал за рабочие законопроекты. Например, он активно поддерживал билль об уничтожении системы домашнего производства в табачной промышленности. Произошло это так. Вместе с двумя другими депутатами его назначили в комиссию по обследованию жилищ рабочих-сигарочников. Его товарищи тут же отказались проводить обследование. Один заявил, что проголосует за билль, так как в его округе профсоюзы представляют значительную силу и он не хочет портить с ними отношения. Другой же собирався голосовать против, хотя и считал, что профсоюзы правы, но не мог выступать против боссов Таммани²⁵. Их желание уклониться от выражения собственного мнения рассердило Рузвельта, и он настоял на обследовании рабочих районов, заставив своих коллег пойти с ним. Он сам не раз ходил в арендуемые сигарочниками дома и с представителем профсоюза²⁶, и без проводящего.

Перед глазами буржуазных депутатов предстало страшное зрелище: скученность в жилищах (в одном помещении жили по 2—3 семьи, тут же спали, ели и работали), грязь, зловоние, дети и больные, лежащие на кучах табака. Эта картина нарушила уверенность Рузвельта в правоте принципа *laissez faire*. Однако он из всего увиденного сделал лишь тот вывод, что надо провести этот билль как санитарную меру, ибо положение в табачной промышленности угрожало здоровью не только рабочих, но и потре-

²³ *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 299.*

²⁴ *Hurwitz H. L. Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900. New York, London, 1943, p. 94.*

²⁵ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 79.*

²⁶ Первым проводником Рузвельта в походе по рабочим кварталам был Самюэл Гомперс. Интересно, что современный биограф Рузвельта К. Пэтнам называет «счастливым стечением обстоятельств», что Рузвельт познакомился с практическими последствиями философии *laissez faire* с помощью такого человека, как Гомперс, бывшего «из всех рабочих лидеров его поколения самым умеренным и разумным» (*Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 301*). Еще одно признание заслуг Гомперса перед буржуазией.

бителей²⁷. Он с пылом его защищал и ходатайствовал за него перед губернатором Кливлендом (демократом)²⁸. После долгих перипетий законопроект был утвержден ассамблеей в феврале 1883 г. и подписан губернатором, но опротестован судом штата, объявившим его неконституционным. Это решение суда впервые заставило Рузвельта усомниться в справедливости судебных постановлений. Спустя долгие годы на страницах «Автобиографии» он был вынужден признать, что все горькие слова, произнесенные когда-то Линкольном по поводу решения Верховного суда по делу Дрэда Скотта, совсем не потеряли силу в XX в.²⁹ Но для Рузвельта это был один из аргументов в пользу усиления исполнительной власти, власти президента, а не расширения демократических прав народа.

Был случай, когда Рузвельт даже сам представил к рассмотрению проект закона о регулировании детского труда, а затем поддерживал билль другого депутата о регулировании детского и женского труда на производстве. Однако эти случаи были исключением, которое сам Рузвельт объяснял необходимостью помощи слабейшим. Он был убежденным противником рабочего законодательства и одним из самых ярких и крикливых оппонентов при обсуждении мер, направленных на облегчение положения рабочего класса. «Он оказал существенную помощь в провале попытки сделать действенным законодательство штата о восьмичасовом рабочем дне», — пишет американский историк Г. Л. Хёрвитц в специальном исследовании «Теодор Рузвельт и рабочий класс штата Нью-Йорк, 1880—1900»³⁰.

Хёрвитц, в частности, подробно рассказывает о том, как упорно молодой депутат зимой 1883/84 г. выступал против законопроекта об ограничении до 12 часов рабочего дня возчиков и кондукторов геродской конки. С большим рвением он старался доказать, что законодатели не имеют права наносить ущерб железнодорожным компаниям. Он признавал, что ежедневный труд в течение 14—16 часов является несчастьем, тем не менее вмешательство государства в отношения между рабочими и работодателями назвал социализмом³¹. Речь Рузвельта в ассамблее про-

²⁷ Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 301—302.

²⁸ Roosevelt T. An Autobiography, p. 80—81.

²⁹ Ibid., p. 82.

³⁰ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 100. Книга Г. Л. Хёрвитца является ценным исследованием положения рабочего класса и рабочего движения в штате Нью-Йорк. Автор использовал богатейший материал: протоколы нью-йоркского законодательного собрания, буржуазную и рабочую прессу, статьи и переписку Т. Рузвельта и т. д. Приводимые им факты об отношении Рузвельта к рабочим достоверны и объективны.

³¹ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 101.

тив этого билля стала широко известна, и многих депутатов возмутило выступление богатого аристократа, не знакомого с нуждой и горестями бедных людей. Его риторические восклицания о том, что мужчина не должен позволять привязывать себя «тесемками от передника к государству», о том, что подобное поведение является «немужественным» и «неамериканским», вызвали реплику даже спикера палаты, в прошлом бывшего рабочего, заметившего, что длинный рабочий день «озлобляет человека и является позором для американских институтов»³². Рузвельт успокоился только тогда, когда губернатор Г. Кливленд наложил вето на этот билль как на «классовое законодательство»³³.

Годы, проведенные в Олбани, дали Рузвельту хорошую тренировку в «практической политике». Обстановка постоянных закулисных махинаций, давление на депутатов со стороны лоббистов и партийной машины его возмущали, но не оттолкнули от политики, как предполагала его семья. Скорее, наоборот. В этой обстановке он почувствовал себя в своей стихии и быстро выдвинулся в лидеры. После избрания на третий срок он был назначен уже не членом, а председателем комитета по городским делам и в этой должности провел несколько законопроектов по реформе системы городского самоуправления. Сам он считал билль об ограничении прерогатив совета олдерменов наиболее важным мероприятием из тех, какими он занимался в ассамблее³⁴.

Такая реформа муниципалитетов особенно задевала боссов Таммани, так как в основном преследовала цель усиления власти мэра путем передачи в его руки права утверждать кандидатов на муниципальные должности, чем до этих пор занимался совет олдерменов, как правило, назначаемых туда партийными боссами. Как видим, идея усиления исполнительной власти занимала Рузвельта уже в молодости. Она отвечала его идеалу сильного государственного деятеля, руки которого, по его мнению, ничем не должны быть связаны.

Успех кружил голову молодому (самому молодому в ассамблее) депутату. О нем заговорили, похвалы газет питали его тщеславие. Быстро выдвинувшись в лидеры своей группы, Рузвельт решился испытать судьбу и дважды выдвигал свою кандидатуру на пост спикера. Первый раз — после выборов 1882 г. — эта попытка была заранее обречена на неудачу, ибо республиканцы были в меньшинстве. Второй раз — после избрания в 1883 г. — возможность была реальной, так как республиканцы получили

³² *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 101.*

³³ *Ibid., p. 103.*

³⁴ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 82.*

большинство в палате. Но тут партийные боссы решили осадить либеральствующего и заносчивого мальчишку. Под нажимом партийной машины штата в спикеры прошел представитель «устойчивых», т. е. консервативных, республиканцев (*stalwarts*). Неудача не обескуражила Рузвельта. Он считал, что, даже проиграв пост, он выиграл в престиже, ибо, как он хвастал в «Автобиографии», сражался один с партийной машиной штата³⁵. Но урок пошел ему на пользу.

Как ни много времени и рвения отдавал Рузвельт обязанностям депутата, его неиссякаемой энергии хватало и на работу над книгой, начатой еще в колледже. В 1881 г. он закончил и в 1882 г. опубликовал свое первое историческое исследование «Морская война 1812 г., или История флота Соединенных Штатов во время последней войны с Великобританией». Мысль написать такую книгу возникла у Рузвельта после знакомства с работой о войне 1812 г. английского историка У. Джеймса, одного из крупнейших специалистов Великобритании по военно-морской истории. Рузвельт обнаружил в книге Джеймса ошибки, ведущие к умалению заслуг американского флота в этой войне³⁶. Он доказывал, не без успеха, что американский флот оказался достойным неприятелем английского и американские моряки провели не одну блестящую операцию на море, тогда как война на суше до самой решающей битвы за Новый Орлеан была для его соотечественников сплошным унижением.

Возможно, что приверженность Рузвельта идеям маринизма зародилась в этот период его увлечения военно-морской историей. Во всяком случае уже в этой книге впервые прозвучали его соображения о необходимости для США иметь сильный флот. Молодой автор сетовал, что «сегодня едва ли не любое иностранное судно, каким бы низким ни был его разряд, выше соответствующего американского судна», и откровенно жаловался на «нашу политическую близорукость, мешающую построить первоклассный военно-морской флот»³⁷.

Работа над книгой увлекла Рузвельта, появились новые планы литературной деятельности. В то же время он сознавал, как сильно его влечет к политике. Все же, судя по переписке Рузвельта с матерью и сестрами, в 1882—1883 гг. его еще раздирали сомнения, на чем в конце концов остановить свой выбор: на по-

³⁵ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 86.

³⁶ *Putnam C. Op. cit.*, Vol. I, p. 220.

³⁷ *Roosevelt T. The Naval War of 1812, or The History of the United States Navy during the Last War with Great Britain*. New York and London, 1882, p. 136.

литике или литературной работе, заняться юриспруденцией или бизнесом³⁸. На всякий случай летом 1882 г. он изучал право в конторе своего родственника Джона Э. Рузвельта, но осенью опять баллотировался в ассамблею.

Этим же летом 1882 г. у Рузвельта возникла мысль о постройке загородного дома для семьи и занятий литературным трудом. Располагая средствами, он приобрел участок земли в Ойстер-Бее, на о-ве Лонг-Айленд, неподалеку от имения дяди. Это был уголок чудесной природы в непосредственной близости от Нью-Йорка — финансового, политического и культурного центра страны. Рузвельт с детства любил холмы, леса и луга Лонг-Айленда и, отдавая дань сентиментальным воспоминаниям детства, хотел иметь там свою постоянную резиденцию.

Детские и юношеские мечты Рузвельта о карьере ученого-натуралиста давно рассеялись, но осталась любовь к природе, к охоте, жизни на воздухе, к приключениям и путешествиям. Его манил Запад, где еще были земли, мало затронутые цивилизацией. Рузвельт мечтал об охоте на бизонов и антилоп. Была еще одна причина, побуждавшая его ехать на Запад: он много болел летом 1883 г. Повторившийся тяжелый приступ астмы выбил его из привычного ритма деятельной жизни. Он надеялся, что лагерная жизнь, воздух лесов и прерий восстановят его силы, и решил ехать на Запад, в Дакоту, куда его звал некий Гориндж. Но сам Гориндж не поехал, а Рузвельт уже не пожелал менять планы.

8 сентября 1883 г. глубокой ночью Рузвельт вышел из поезда на крохотной пустынной станции Литл-Миссури с единственным приличным домом — отелем, куда молодой путешественник притащил сам свой багаж. Отсюда он собирался поехать в местность, о которой говорил Гориндж, известную под названием «Бэд лендз» («Плохая земля»).

По берегам реки Малая Миссури, на западе территории Дакота (впоследствии штат Северная Дакота), простиралась необозримые луга, тучные пастбища для скота, с кое-где вкрапленными скотоводческими ранчо. Территорию пересекала линия Северо-Тихоокеанской железной дороги — единственная связь с цивилизованным миром, — вдоль которой были расположены редкие станции, быстро превращавшиеся в крупные и мелкие торговые центры. В начале 80-х годов, когда Рузвельт впервые ступил на дакотскую землю, здесь еще во многом сохранялись дух и нравы прежней «границы». Жизнь в пустыне, как называли эти места, была тяжелой, требовала выносливости, мужества, решительности

³⁸ The Letters..., Vol. I, p. 56—57; Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 276.

и упорства. Суровая дикая природа способствовала формированию суровых характеров. Простые люди — охотники, ковбои — ценили выше всего силу, смелость, верность слову.

В описываемое время земля принадлежала или Северо-Тихоокеанской компании, или бизнесменам в далеком Нью-Йорке. Тот же Гориндж, от которого Рузвельт вез рекомендательные письма к его менеджеру, имел здесь финансовую заинтересованность.

Цивилизация и капитализм наступали на пустыню. Корпорации понемногу вытесняли владельцев мелких ранчо, которые или продавали свои пастбища, или становились пайщиками скотоводческих компаний. Цивилизация в условиях развивающегося капитализма вела к вымиранию настоящих хозяев этой прекрасной земли — индейцев и к истреблению животного мира — бизонов, антилоп; и к тем, и к другим белый «цивилизованный» человек был беспощаден. Сюда и далее на запад и север были переселены индейские племена, влачившие жалкое существование в отведенных для них резервациях. Охота давала им все меньше возможности для существования, ибо остатки огромных стад бизонов, антилоп, диких коз варварски истреблялись. Пэтнам приводит рассказ дакотского старожилы Л. Ланга, которому в момент встречи с Рузвельтом в «Бэд лендз» было 14 лет, о том, как подвыпившая компания расстреляла стадо бизонов из окна движущегося поезда и все окружающие, включая кондуктора, хладнокровно наблюдали происходящее³⁹. На мальчика этот случай произвел неизгладимое впечатление.

Рузвельт приехал в «Бэд лендз» поохотиться на бизонов. Он нанял проводника-охотника и провел несколько дней в седле, выслеживая своего первого бизона. Бледный и довольно тщедушный богатый горожанин в пенсне вряд ли мог вызвать симпатию у охотников. Но упорство этого денди, смелость, презрительное отношение к неудобствам лагерной жизни, способность только посмеиваться, когда приходилось ночевать под открытым небом в дождь, завернувшись в одеяло и положив голову на седло, в конце концов расположили к молодому человеку этих суровых людей: его первого проводника Джо Ферриса, отца и сына Лангов, Сильвэйна Ферриса и У. Мэрриффилда (брата и друга Джо Ферриса).

Рузвельт был покорен дикой красотой пустыни Запада и включениями охотничьей жизни⁴⁰. И тут же решил совместить

³⁹ Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 319.

⁴⁰ Много лет спустя в «Автобиографии» Рузвельт писал: «Я не верю, что для сильного молодого человека существовало когда-либо что-то более привлекательное, чем жизнь на скотоводческом ранчо в те дни. Это была

свою страсть к охоте с бизнесом, вложив деньги в землю и скот. Он купил два ранчо неподалеку от недавно выросшего на берегу Малой Миссури города Медоры: «Элкгорн» («Рог лося») и «Молтизи кросс» («Мальтийский крест»). Мэррифилд и С. Феррис заключили с ним контракт на 7 лет в качестве его менеджеров. По истечении этого срока они должны были выплатить ему свою долю. Доход делился пополам⁴¹. Возвращаясь в конце сентября 1883 г. в Нью-Йорк, новоиспеченный владелец ранчо был полон самых радужных надежд.

Осенью Рузвельт, как уже говорилось, в третий раз успешно баллотировался в ассамблею. После выборов он ехал в Олбани, чувствуя себя победителем. Жизнь представлялась интересной, яркой и полной смысла. Он был молод, богат, удачлив и счастлив в семейной жизни. Но судьба нанесла ему страшный удар: в начале 1884 г. он в один день потерял мать и обожаемую жену.

В первое время службы Рузвельта в Олбани Элис не разлучалась с ним. Только после выборов осенью 1883 г. она осталась в Нью-Йорке у его матери в ожидании ребенка. Как когда-то из Гарварда в Бостон, Рузвельт спешил из Олбани в Нью-Йорк каждую субботу. 12 февраля 1884 г., получив известие о рождении дочери, Рузвельт срочно приехал в Нью-Йорк, где застал мать, умирающую от тифа, и жену в тяжелом состоянии после родов. Обе скончались 14 февраля.

С окаменевшим от горя лицом Рузвельт шел во главе похоронной процессии за двумя катафалками, провожая в последний путь самые дорогие ему существа.

Этот двойной удар потряс Рузвельта, но не сломил. Через три дня после похорон, оставив дочурку на попечение сестер, он вернулся в Олбани. Он работал с бешеной энергией, пытаясь заглушить горе. «Я думаю, что сошел бы с ума, если бы не был занят», — писал он К. Шурпу в эти страшные для него месяцы⁴². Со смертью Элис окончилась его юность. Никогда и ни с кем, даже с ее дочерью, он не говорил о своей первой жене. В «Автобиографии» о ней нет ни слова. «Дисциплина, приближающаяся к жестокости», — пишет Пэтнам, упрекающий его в «патологическом ригоризме»⁴³.

прекрасная и здоровая жизнь; она учила мужчину уверенности в своих силах, смелости и умению принимать моментальные решения. Короче, качествам, которые необходимы для жизни среди природы» (*Roosevelt T. An Autobiography*, p. 95).

⁴¹ *Putnam C. Op. cit.*, Vol. I, p. 343—344.

⁴² T. Roosevelt to C. Schurz, Feb. 21, 1884.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 66.

⁴³ *Putnam C. Op. cit.*, Vol. I, p. 391.

Коллеги Рузвельта по ассамблее отмечали, что в последний год своей службы в Олбани он был менее шумен, хотя выступал не менее часто в качестве председателя комитета по городским делам. В это время он был уже признанным лидером независимых республиканцев в ассамблее и получил известность как сторонник реформ, главным образом реформы гражданской службы.

Приближалась осень 1884 г., года очередных выборов в президенты и конгресс. В числе трех других депутатов наш политик получил от партийной организации штата почетный мандат на национальный съезд республиканской партии в Чикаго, который выдвигал кандидата в президенты.

Веяние времени сказалося и на «Великой старой партии», как величали себя республиканцы. Среди рядовых членов партии появилось много недовольных засильем партийной машины. Эти так называемые независимые республиканцы попытались выставить своего кандидата, сенатора Эдмундса, не отличавшегося особыми талантами, но считавшегося порядочным человеком. Двадцатипятилетний Рузвельт вошел в руководящую группу независимых, среди которых он был всех моложе и неопытнее, зато всех энергичнее и темпераментнее.

Впервые Рузвельт принял участие в национальном конвенте своей партии, впервые вплотную столкнулся с механизмом действия партийной машины. Его старшие коллеги были достаточно опытные политики: Кертис, Уодсуорт, Лодж, Хоар, Лонг и пр. Но в первые же дни съезда этот молодой человек, еще по-юношески тонкий, с порывистыми движениями, серьезными серыми глазами, блестящими за стеклами пенсне, обратил на себя внимание резкой речью против действий боссов из национального комитета и сразу выдвинулся в число лидеров оппозиции. Газета «Нью-Йорк таймс» даже назвала его «самым выдающимся, практичным и деятельным» делегатом⁴⁴.

Окунувшись в атмосферу закулисной партийной борьбы, Рузвельт, по-видимому, почувствовал себя как рыба в воде. Ему нравилась напряженная атмосфера съезда, собрания отдельных групп между заседаниями, когда вырабатывалась тактика поведения, способы поражения противника. Независимые считали себя реформаторами, поскольку были сторонниками внедрения в жизнь закона Пендлтона о реформе гражданской службы. Но на съезде борьба шла в основном не вокруг идей, а вокруг кандидатур Блэйна и Эдмундса. Независимые хотели забаллотировать кандидата боссов и консервативных республиканцев — бывшего государственного секретаря Джеймса Блэйна, замешанного в махина-

⁴⁴ Цит. по: *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 435.*

ции с земельными участками и акциями железнодорожной компании «Литл-Рок энд Форт Смит» (в 1869 г.). Это темное дело всплывало уже дважды — в 1876 и 1880 гг. и мешало Блэйн-у стать кандидатом в президенты. Теперь боссы вновь хотели протолкнуть его кандидатуру, и борьба на съезде приняла чрезвычайно резкий характер.

Рузвельт и Лодж развили энергичную деятельность, вербуя голоса против Блэйна, за своего кандидата. Рузвельт еще перед съездом писал Лоджу, с которым сблизился как раз в период предвыборной кампании 1884 г.: «Несомненно, что Блэйн является нашей главной опасностью»⁴⁵. Но так как кандидатуру Блэйна поддерживали республиканские боссы во главе с Томасом Платтом, который начиная с этого года в течение последующих 20 лет удерживал контроль над партией, то Блэйн после нескольких туров получил необходимое большинство голосов. Независимые были разочарованы. Такие люди, как Кертис, Шурц, Генри Уорд Бичер, отказались голосовать за Блэйна и собирались примкнуть на выборах к демократам⁴⁶. От Рузвельта, громко выступавшего на съезде против Блэйна и не раз заявлявшего, что он «не останется на общественной сцене, если не сможет поступать по своему усмотрению»⁴⁷, ожидали того же.

Однако поведение Рузвельта привело независимых в недоумение. Их лидер уехал на ранчо в Дакоту поохотиться и обдумать обстановку. Он мог бы там остаться и не принять участия в избирательной кампании, что было бы наиболее простым решением вопроса. Но даже такое уклончивое поведение поставило бы его в оппозицию партийной машине. За короткий период его политической карьеры он занял уже заметное место в партии. Его знали, его мнением интересовались видные общественные деятели, его интервьюировали репортеры. Все это ему льстило, но не могло заставить забыть о собственном будущем, о карьере. Это доказало его последующее поведение.

Он пробыл в Дакоте всего три недели, затем, захав в Нью-Йорк, отправился в Бостон к родственникам жены. Но, несомненно, главной целью этой поездки было свидание с Лоджем, жившим недалеко от Бостона. Знакомство двух молодых политиков — Лодж был старше Рузвельта на 8 лет — быстро переросло в дружбу. Было много общего, как пишет Пэтнам, в происхождении, воспитании, взглядах, вкусах, даже в некоторых событиях жизни этих двух людей, но характеры были различны. Рузвельт —

⁴⁵ T. Roosevelt to H. C. Lodge, May 5, 1884.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 68.

⁴⁶ *Harbaugh W. H. Op. cit.*, p. 46.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 44.

очень живой, порывистый, вспылчивый. Лодж — холодный, спокойный, уравновешенный, циничный. Но были и общие черты в их характерах: тщеславие и карьеризм. Очевидно, их очень тянуло друг к другу, и каждый находил в другом то, чего не хватало самому. Лодж ценил в младшем талант. Т. Рузвельт же нуждался в поддержке старшего для подтверждения и оправдания своих поступков. Можно понять, почему О. Уистер в книге о Рузвельте назвал Генри К. Лоджа «его злым гением»⁴⁸. Но все же не следует преувеличивать «зловещую» роль Лоджа в формировании взглядов и в поступках его товарища. Семена падали на благоприятную почву.

Судя по переписке Рузвельта с Лоджем, который тотчас после съезда переметнулся на сторону Блэйна, Рузвельт не собирался выступать против решения съезда. Он колебался лишь по одному вопросу: или без огласки проголосовать во время выборов за Блэйна, или открыто принять участие в агитационной кампании в пользу человека, которого еще недавно клеймил на съезде. Его поведение возмутило независимых. Уистер рассказывал, как резко отзывался о нем в обществе бостонский бизнесмен Генри Ли — кузен тестя Рузвельта: «...Скажите от меня этому молодому самонадеянному ничтожеству из Нью-Йорка, что независимость была единственным качеством, которое мы в нем ценили, и раз он теперь отступил, мы больше не хотим ничего о нем слышать»⁴⁹. Но нападки прессы и бывших почитателей лишь ожесточали Рузвельта, тем более, возможно, что он-то сам не мог не понимать, насколько они были правы в своем негодовании.

Между тем большая группа независимых решила выступить против решения съезда. Среди них были такие крупные фигуры, как Джордж Кертис, издатель «Харперс уикли», и К. Шурц. Тяжелее всех неудачу независимых переживал Шурц, немецкий иммигрант, участник гражданской войны, известный своими либеральными взглядами и пользовавшийся большим уважением. В 1884 г. Шурцу было уже 55 лет. Он был свидетелем не только подъема республиканской партии, но и коррупции ее представителей в период президентства Гранта, и предательства президента Хэйса, отказавшегося поддержать «черную реконструкцию». И все же он еще сохранял в душе иллюзии, что республиканская партия, как он писал и говорил, была «партией

⁴⁸ *Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930, p. 27.*

⁴⁹ *Wister O. Op. cit., p. 26; Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 465.*

моральных идей, знаменосцем национальной чести»⁵⁰. Шурц не предлагал никакой новой программы. Он был против выдвижения кандидатом в президенты Блэйна, считая его нечестным человеком, запятнавшим себя сделкой с бизнесменами и принявшим от них взятку. В начале августа Шурц произнес в Бруклине длинную речь, в которой снова вытащил на свет письма, компрометирующие Блэйна, и призывал голосовать за демократического кандидата Г. Кливленда, за «честное правительство»⁵¹.

Впервые после образования республиканская партия пережила такой разброд, хотя до раскола дело, конечно, не дошло. У независимых не было никаких идейных разногласий со «старой гвардией», их лозунгом было только «честное правительство».

Шурц после съезда пробовал убедить некоторых республиканцев продолжать агитацию против Блэйна, обратившись к ним с письмами, в том числе и к Лоджу. Лодж ответил вежливым отказом порвать с партией и при этом сослался на Рузвельта, который, как он писал, «собирается вернуться и голосовать за Блэйна и предложил выступить в моем округе»⁵².

Рузвельт же в это время был на Западе и, переждав до октября, вернулся в Нью-Йорк, чтобы с той же энергией и пылом, с какими он организовал оппозицию Блэйну на съезде, включиться в кампанию за поддержку Блэйна против Кливленда, оправдывая измену своим принципам верностью республиканской партии. В ответ на многочисленные письма и газетные статьи по поводу его пылких речей за Блэйна он в достаточно четких выражениях за неделю до выборов окончательно отмежевался от своих бывших единомышленников. Получив письмо от одного из независимых республиканцев, в котором тот выражал уверенность, что Рузвельт и после съезда останется на прежних позициях, Рузвельт отвечал ему так: «Вы серьезно заблуждаетесь. Правда, во время съезда я поступал так, как Вы пишете; я практически действовал так, чтобы предотвратить выдвижение м-ра Блэйна; после съезда я всегда намеревался голосовать за республиканский список»⁵³.

Это отступничество было вызвано не столько верностью партии, сколько желанием и надеждой агитацией за Блэйна перечеркнуть свою оппозицию партийной машине на съезде. Как пи-

⁵⁰ *Schurz C. Speeches, Correspondence, and Political Papers of Carl Schurz*, sel. and ed. by F. Bancroft, 6 Vls. New York, 1969, Vol. IV, p. 204.

⁵¹ *Ibid.*, p. 268.

⁵² H. C. Lodge to C. Schurz, July 14, 1884.— In: *Schurz C. Op. cit.*, Vol. IV, p. 220.

⁵³ T. Roosevelt to R. R. Bowker, Oct. 31, 1884.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 85.

шет по поводу инцидента 1884 г. профессор Дж. Блам, один из наиболее компетентных биографов Рузвельта, последний осознал, что «независимость была слишком дорогим удовольствием»⁵⁴. Другими словами, взвесив возможные последствия отказа от выполнения решений национального съезда своей партии, отказа, который мог бы самым серьезным образом восстановить против него боссов и закрыть ему в будущем дорогу к политической карьере, Рузвельт решил не только формально проголосовать за кандидата республиканцев, но и вместе с Лоджем принять участие в избирательной кампании (сам Лодж баллотировался в конгресс). «Принимая вердикт партии,— справедливо пишет тот же Блам,— метод, которым он был достигнут, и учитывая силу людей, которые организовали его, Рузвельт выступил не только за Блэйна, но и за профессионализм. В свое время, думал он, возможно, наступит и его черед»⁵⁵. Однако этим отступничеством Рузвельт предавал людей, которые верили ему, и изменял принципу независимости от партийной машины, от боссов, принципу, который он сам не раз называл важнейшим стимулом поведения политического лидера. По существу первый важный шаг Рузвельта, начало его политической карьеры, был отмечен предательством, так же, как много лет спустя, ее закат (в 1916 г. отказом баллотироваться в президенты от Прогрессивной партии, лидером которой он стал, Рузвельт предаст движение прогрессистов).

Три года в Олбани, закончившиеся кампанией за Блэйна, сыграли большую роль в становлении политических взглядов и методов будущего президента. На заключительном этапе этого периода Рузвельт показал себя хотя и вспыльчивым, но весьма рассудительным политиком, больше заботящимся о своей будущей карьере (перспективы которой были еще очень и очень неясны), нежели об отношении к нему людей, многих из которых он уважал и чьим мнением дорожил. Если бы сам Рузвельт считал свою позицию в 1884 г. неуязвимой, вряд ли он ограничился бы в «Автобиографии» всего лишь беглым описанием этого события. Весьма скупо — в 10—12 строках — Рузвельт упомянул о выборах 1884 г. и о том, что он сначала «изо всех сил» боролся за кандидатуру сенатора Эдмундса, а затем стал поддерживать Блэйна, который завоевал большинство якобы «справедливым и честным образом, так как за него были рядовые члены партии»⁵⁶. Ни слова о всех махинациях и закулисной возне

⁵⁴ *Blum J. M. The Republican Roosevelt. New York, 1962, p. 11.*

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 86.*

вокруг кандидатуры Блэйна и о своих выступлениях против него на съезде.

К огорчению Лоджа и Рузвельта избирательная борьба закончилась победой демократов. Впервые после гражданской войны власть перешла в руки демократической партии. Президентом был избран губернатор штата Нью-Йорк Г. Кливленд, которому существенно помог разброд в стане республиканцев и выступления независимых республиканцев, беспощадно разоблачавших все старые и недавние грехи Блэйна. Скандальная репутация Блэйна помогла демократам затушевать связи их собственного кандидата с магнатами Уолл-стрита, для которых Кливленд был «надежным человеком»⁵⁷. Он не раз доказал это на посту губернатора, хотя бы своим вето на билль о сокращении рабочего дня трамвайных кондукторов (против которого выступал и член ассамблеи Теодор Рузвельт) или сопротивлением законопроекту о снижении цен на проезд в трамвае⁵⁸. Но демократическая партия не афишировала расположения Гульда, Хилла, Тилдена к своему кандидату, в то время как республиканцы неосторожно устроили в честь Блэйна парад миллионеров в Нью-Йорке, а за два дня до выборов Блэйн и партийная элита республиканцев, совсем потеряв голову, как лафонтеновская ворона, приняли приглашение на обед в отель «Дельмонико», где Блэйна чествовали бизнесмены Филд, Эвартс и сам Джей Гульд. Имя Гульда — железнодорожного короля Америки было столь одиозным, что обед в «Дельмонико» вызвал на другой день своеобразную реакцию в американском духе: по улице прошла толпа с криками «Повесить Джея Гульда»⁵⁹.

Четвертого ноября игра закончилась победой демократов. Кливленд получил свыше 4 879 500 голосов, Блэйн — 4 850 290, а кандидат гринбекеров Томас Батлер — всего 175 370⁶⁰. Тот же Гульд, поднявший на банкете в «Дельмонико» тост за победу Блэйна, послал вновь избранному президенту телеграмму, выражавшую уверенность, что «обширные деловые интересы страны будут в ваших руках в полной безопасности»⁶¹. Он не ошибся. Гровер Кливленд доказал, что был таким же ставленником монополий, как и Блэйн.

⁵⁷ *Ginger R. Age of Excess. The United States from 1877 to 1914. New York, 1971, p. 106.*

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 503—504.*

⁶⁰ Об участии гринбекеров в избирательной кампании 1884 г. см.: *Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии, 1867—1896. М., 1971, с. 117.*

⁶¹ *Ginger R. Op. cit., p. 107.*

Для Теодора Рузвельта осень 1884 г. была порой разочарований. Его положение в партии пошатнулось, хотя он и получил предложение — не очень настойчивое — еще раз баллотироваться в ассамблею, а кто-то даже заикнулся о выдвижении его кандидатуры в конгресс США, от чего он благоразумно отказался. Его друг Лодж на выборах в конгресс потерпел фиаско, в котором Рузвельт обвинял независимых республиканцев и поспешил выразить Лоджу свое сочувствие и возмущение поведением бывших единомышленников⁶². Совместные усилия и неудачи окончательно сблизили этих двух людей. В жизни Рузвельта дружба с Лоджем оказалась прочнее всех прошлых и будущих связей.

К середине ноября 1884 г., когда на берегах Миссури уже лежал толстый покров снега, Рузвельт прибыл в Медору. Запад оказался для него прибежищем в мире, расколотом на куски смертью Элис и политическими неудачами. Он провел в Дакоте без малого два года, и жизнь, которую он там вел, выдержал бы не всякий горожанин. Сам Рузвельт так описывал Дакоту начала 80-х годов: «В те дни это был еще Дикий Запад, Дальний Запад, Запад рассказов Оуэна Уистера и рисунков Фредерика Ремингтона, Запад индейцев и охотников на бизонов, солдат и погонщиков скота... Это была земля обширных тихих пространств, пустынных рек и равнин, где дикие звери провожали взглядом мчавшегося всадника. Это была земля редких ранчо со стадами длиннорогих быков, земля отважных наездников, которые, не дрогнув, смотрели в глаза жизни и смерти. На этой земле мы вели свободную и трудную жизнь, не расставаясь с лошадью и винтовкой. Мы работали под палящим солнцем середины лета, когда воздух широких равнин мерцал и колыхался от зноя; и мы знали морозный ужас верховых ночных дозоров во время клеймения скота поздней осенью. Ласковой весной звезды сияли над нами каждую ночь, пока мы не засыпали, а зимой мы скакали сквозь слепящие бураны, когда летящая снежная пыль обжигала наши лица... Мы знали труд и лишения, голод и жажду; и мы видели, как люди падали убитыми, когда они работали с лошадьми и скотом или дрались друг с другом из-за непримиримой вражды, но мы чувствовали биение дерзкой жизни в наших венах, и нашими были слава труда и радость жизни»⁶³.

Это романтическое описание во многом отражало образ жизни его автора в «Бэд лендз». Во многом, но не во всем. Рузвельту действительно приходилось по 13 часов проводить в седле,

⁶² T. Roosevelt to H. C. Lodge, Nov. 7, 1884.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 87.

⁶³ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 93—94.

в период клеймения скота он работал на ранчо наравне со своими ковбоями, и презрительная кличка «четыреглазый» вскоре приобрела иное звучание. Его смелость, физическая выносливость, нежелание уклоняться ни от тяжелой работы, ни от драки завоевали признание среди людей, которые зарабатывали свой хлеб тяжелым и отнюдь не романтическим трудом. Но была и другая сторона жизни Рузвельта в «Бэд лендз», отличная от жизни на ранчо его рабочих-погонщиков и охотников. Рузвельт был богатым владельцем, входил в Ассоциацию скотоводов Малой Миссури и не раз избирался ее президентом, что само по себе говорит о том, что и в Дакоте он принадлежал к верхушке общества. Работа на ранчо и охота были для него «приключением» (adventures), как он сам называл, а не средством к жизни. Много времени — может быть, большую часть — он уделял литературному труду, продолжая заниматься историей и публицистикой. Для этого он имел возможность оборудовать свою резиденцию в «Бэд лендз» даже с некоторым комфортом (конечно, относительным), перевез книги, получал газеты и журналы, следил за всеми политическими событиями и деятельно переписывался с друзьями, особенно с Лоджем, который, оправившись после провала на выборах 1884 г., собирался пробиваться дальше и даже выше — в сенат США. Рузвельт же твердил, что не думает о политике.

В Дакоте Рузвельт написал две книги. Одну — о своих приключениях на охоте, другую — историческую биографию Томаса Харта Бентона. За последнюю Рузвельт взялся по предложению Морзе, издателя серии «Американские государственные деятели». Лодж для той же серии писал биографию Вашингтона.

Над книгой о Бентоне Рузвельт работал с увлечением. В выступлениях этого южанина-рабовладельца, соратника президента Джексона, сенатора от штата Миссури в 1821—1851 гг., т. е. еще до гражданской войны, он нашел мысли об экспансии, оказавшиеся созвучными его собственным. Рузвельт, как северянин и республиканец, осуждал лидеров южной Конфедерации, и в Бентоне он оценил способность южанина, остававшегося рабовладельцем, признать факт, что рабство — это проклятие Юга. Однако более всего Рузвельта привлекал экспансионизм Бентона, «дух Запада», пронизывавший все выступления этого сенатора. Как справедливо пишет К. Пэтнам, Рузвельт сам мог бы подписаться под речами Бентона, произнесенными во время конфликта США с Англией по поводу Орегона⁶⁴. Так же как и его герой, Рузвельт был настроен воинственно. «Нам незачем было отказывать-

⁶⁴ *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 577.*

ся ни от пяди земли, которой мы владели на Северо-Западе,— писал Рузвельт в этой книге,— мы были народом, который мог использовать ее наилучшим образом, и мы должны были захватить ее всю»⁶⁵.

Когда Рузвельт писал эти слова, ему шел 28-й год. Работая над своим «Бентоном» да еще в условиях диких просторов «Бэд лендз», где он чувствовал или воображал себя почти пионером-завоевателем, Рузвельт впервые сформулировал идею о праве американской нации на завоевания и о ее превосходстве над другими народами. Конечно, он не был основоположником этой «теории». Именно в 80-е годы в определенных кругах США большим успехом пользовались лекции и работы Джона Э. Фиске на тему о превосходстве англосаксонской расы, ее институтов и ее праве на экспансию. Наиболее четко экспансионизм Фиске выражен в лекции «Предопределение судьбы англосаксонской расы», вошедшей позднее в его книгу «Американские политические идеи»⁶⁶. Но, по всей вероятности, Рузвельт тогда не был знаком с трудами Фиске и высказал свои собственные домыслы. Однако надо помнить, что он слушал лекции другого раннего идеолога экспансионизма, профессора Джона Барджесса, читавшего в Гарварде дополнительный курс по истории. Рузвельт закончил книгу к концу лета 1886 г. После выхода в свет книга получила одобрение в буржуазной печати, а много лет спустя (об этом пишет Пэтнам) такой же ярый экспансионист и империалист, как Рузвельт, Олберт Беверидж назвал ее первые три главы лучшими из того, что было написано о ранних днях американского продвижения на Запад⁶⁷.

Многие биографы Рузвельта склонны придавать очень большое значение в формировании личности Рузвельта дакотскому периоду. Они делают это вслед за самим Рузвельтом, который дважды (в 1910 г. и в 1918 г.) сказал, что если бы «в его жизни не было Бэд лендз, он никогда не стал бы президентом»⁶⁸.

Как бы то ни было, но Дакота научила Рузвельта находить контакт с людьми разного ранга, а также — и это было не менее важно — закалила его физически. Он изменился внешне и больше не производил впечатления анемичного хлыщеватого юнца. Когда осенью 1885 г., входя в дом на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке, где жила его старшая сестра Бэми с маленькой Элис, он

⁶⁵ Цит. по: *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 577.*

⁶⁶ О взглядах Фиске и Барджесса подробнее см.: *Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, с. 71—88.*

⁶⁷ *Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 579.*

⁶⁸ *Ibid., p. 310—311.*

случайно столкнулся с Эдит Кэроу, та увидела зрелого мужчину с широкими плечами, крепкой загорелой шеей и обветренным лицом. Это была их первая встреча после смерти Элис, так как оба избегали друга друга, хотя Эдит поддерживала дружеские отношения с сестрами Рузвельта.

Рузвельт был искренен в своем горе, когда летом 1884 г. в небольшом сборнике воспоминаний, изданном им в память Элис, писал на первой странице: «...И когда возлюбленная моего сердца умерла, свет для меня померк навсегда»⁶⁹. Он хотел остаться верным памяти первой жены, но жизнь с ее заботами, тревогами и радостями продолжалась, а он был молод и полон сил. После случайной встречи на Мэдисон-авеню начался его роман с Эдит Кэроу, и спустя всего несколько недель они уже были помолвлены, однако помолвка держалась в тайне, а время свадьбы не назначалось.

Неизвестно, была ли отсрочка желанием Рузвельта или его невесты; скорее всего на ней настояла Эдит, обладавшая, по словам близких людей, твердым и цельным характером и, конечно, помнившая о страстной любви Теодора к Элис. Во всяком случае, пишет Пэтнам, «пара проявила зрелость и самоконтроль, терпение и такт, отложив свадьбу на неопределенное время»⁷⁰. Рузвельт в середине марта 1886 г. вернулся в Медору, а Эдит в апреле должна была уехать в Европу, где большей частью жила ее мать с ней и другой дочерью после смерти главы семьи, оставившего расстроенное состояние.

Это было последнее лето, которое Рузвельт целиком провел в Дакоте, работая на ранчо, охотясь и много часов проводя за письменным столом, заканчивая «Бентона». О его жизни в «Бэдлендз» сложились легенды, чему в немалой степени способствовали не только его собственные статьи и книги, но и книга Германа Хэйдждорна, историка и писателя, лично знавшего Рузвельта в последние годы его жизни и буквально преклонявшегося перед ним⁷¹.

Хэйдждорн рисует романтический образ молодого американца, этакого «рыцаря» Дальнего Запада, пресловутой «границы», еди-

⁶⁹ Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 391.

⁷⁰ Ibid., p. 559.

⁷¹ Hagedorn H. Roosevelt in the Bad Lands. Boston, New York, 1921. Хэйдждорн получил от Т. Рузвельта рекомендательные письма к нескольким старожилам Медоры, но поехал в штат Северная Дакота уже после смерти экс-президента. Он опрашивал всех, кто помнил Рузвельта с 1883 г., прошел по всем дорогам и местам, где жил его герой. Так родилась книга, безусловно идеализирующая Рузвельта, но интересная тем, что автор сумел показать колорит времени и привел массу фактов о жизни Рузвельта.

нолично арестовавшего конокрадов и не дававшего спуска местным «злодеям», кто бы они ни были: подвыпившие ковбои в баре или самый богатый землевладелец в «Бэд лендз» маркиз де Морес. Столкновение Рузвельта с де Моресом, действительно имевшее место в 1885 г. и якобы чуть не окончившееся дуэлью, описывается очень подробно и, конечно, маркиз выглядит в нем не с лучшей стороны. Г. Ф. Прингл, единственный из биографов, критически относившийся к Рузвельту, сомневается, были ли со стороны де Мореса вызов, на который Рузвельт (по легенде) ответил немедленным согласием и предложением стреляться на 20 шагах из винтовок⁷². Но сохранилась записка маркиза, спрашивавшего Рузвельта об отношении к нему, и ответ Рузвельта. Сам же Рузвельт нигде не упоминает о несостоявшейся дуэли.

Отношения Рузвельта со сказочно богатым французом привлекали внимание всех обитателей Медоры, жизнь которых была не богата событиями. Чужестранец, собиравшийся скупить все пастбища и скот, не пользовался любовью, симпатии большинства дакотских лавочников и ковбоев были на стороне Рузвельта, менее богатого, чем де Морес, и более близкого им, как американца по рождению и по поведению. Потом родилась легенда о ковбое, и Рузвельту простили и очки, и его «странности», т. е. книги и занятия литературой. Не приходится удивляться, что, когда этот «четырёхглазый хлыщ» стал президентом, всем было лестно вспоминать, как они сидели с ним за одним столом или скакали за быками по прерии.

В начале октября 1886 г. Рузвельт вернулся в Нью-Йорк. В Ойстер-Бее заканчивалось строительство его загородного дома, который приобретал для него новый смысл в связи с женитьбой. Но его отъезд в Европу к Эдит был отложен, так как ему неожиданно предложили баллотироваться в мэры Нью-Йорка. Предложение, как видно из переписки Рузвельта, было действительно неожиданным. Он собрался ехать в имение к Лоджам, когда двое влиятельных республиканцев явились передать ему предложение босса республиканской организации штата Нью-Йорк Т. Платта выставить свою кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка. Предложение отнюдь не было заманчивым, так как для республиканцев кампания была обречена на провал. Рузвельт писал Лоджу: «Это совершенно безнадежное состязание, шансов на успех так мало, что их нечего принимать в расчет»⁷³. Тем не

⁷² Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 102, 103; Putnam C. Op. cit., Vol. I, p. 538.

⁷³ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Oct. 17, 1886.— In: The Letters..., Vol. I, p. 111.

мене он согласился, заверив партийное руководство, что «сделает на службе партии все, что в его силах»⁷⁴.

Муниципальные выборы в Нью-Йорке оказались в центре внимания политических группировок в стране далеко не случайно. В 1886 г. рабочее движение вступило в новую фазу. Оно стало широким и массовым. Майские события в Чикаго всколыхнули рабочий класс. Возмутительная провокация со взрывом бомбы в Чикаго и расправа властей с рабочими лидерами вызвали подъем рабочего движения и злобствование буржуазии. По отношению к чикагскому процессу, устроенному буржуазией над Парсонсом и его товарищами, можно было судить о радикализме или хотя бы политической объективности тех или иных политических деятелей. Высказывания Рузвельта о чикагских событиях ярко характеризуют классовую направленность его взглядов и доказывают, что он смолodu был сторонником самой жестокой расправы с рабочими. В мае 1886 г., узнав из газет о взрыве в Чикаго, всегда воинственно настроенный Теодор писал сестре Анне: «Мои здешние рабочие на ранчо — люди, занятые на изнурительной работе, их рабочий день длиннее, а заработная плата не выше, чем у многих стачечников; но они американцы до мозга костей... Я бы хотел, чтобы они оказались рядом со мной против мятежников, которых было бы в 10 раз больше нас; мои люди хорошо стреляют и не знают страха»⁷⁵.

Ненависть к рабочим, испытываемая Рузвельтом, была свойственна подавляющей части буржуазии. Ее привели в трепет волна стачек, прокатившаяся по стране, и первые попытки политических действий со стороны рабочего класса и социалистов, выразившиеся в организации Рабочей партии. Эта партия была создана в Нью-Йорке в июле — августе 1886 г. Центральным рабочим союзом, к которому примкнули социалисты для совместных политических действий⁷⁶.

В сентябре того же года на конференции Рабочей партии было принято решение выставить кандидатом в мэры Генри Джорджа. Он не был ни рабочим, ни социалистом, но его книга «Прогресс и бедность» (1871 г.), в которой он выступил с критикой существующего порядка и теорией «единого налога» как панацеи от всех зол капитализма, принесла ему громкую известность. Внешний радикализм Джорджа пугал, естественно, деятелей бур-

⁷⁴ The Letters..., Vol. I, p. 110.

⁷⁵ T. Roosevelt to A. Roosevelt, May 15, 1886.— The Letters..., Vol. I, p. 100—101.

⁷⁶ О муниципальных выборах в Нью-Йорке в 1886 г. и кампании Генри Джорджа подробнее см.: *Фонер Ф.* История рабочего движения в США, т. II. М., 1958, с. 142—154.

жуазных партий, хотя, как писал Энгельс в предисловии к «Положению рабочего класса в Англии», Джордж не посягал на капиталистический способ производства⁷⁷. С точки зрения Энгельса и американских социалистов Генри Джордж был далеко не блестящей кандидатурой, а его «теорию», игнорирующую эксплуатацию пролетариата капиталом, они резко критиковали. Несмотря на это, социалисты (члены Социалистической рабочей партии) решили поддержать Джорджа ради сплочения рядов рабочего класса в политической борьбе и добились принятия платформы, отражавшей цели рабочего движения⁷⁸.

Избирательная кампания Рабочей партии, по словам американского историка-коммуниста Ф. Фонера, «была проведена великолепно». Она «вошла в историю муниципальных выборов в Нью-Йорке как одна из самых оживленных, если не самая оживленная избирательная кампания»⁷⁹. Была развернута широкая агитация за сбор средств, а затем за самого кандидата. Энтузиазм, с которым выступали рабочие лидеры и социалисты, привлек гораздо больше избирателей, чем ожидали организаторы кампании.

Участие в избирательной кампании Рабочей партии привело в замечательство главарей обеих буржуазных партий.

Таммани и республиканцы приложили все силы и средства, чтобы отвлечь опасность победы рабочего кандидата. У буржуазных партий не было недостатка в деньгах, важнее и труднее было найти кандидатов, которые бы удовлетворяли требованиям и консервативных и либеральных членов буржуазных партий и их имена не звучали бы чересчур однозвучно для широкой публики. Таммани избрала своим кандидатом Абрама С. Хьюитта, крупного сталепромышленника, являвшегося членом конгресса и считавшегося реформатором. Он был удобен для всех фракций.

Платт и компания сначала хотели поддержать кандидатуру Таммани. Но появление на сцене Генри Джорджа вызвало их опасения потерять голоса тех республиканцев, кто не желал проголосовать за Хьюитта. Стали срочно искать подходящую фигуру. Однако никто из известных политиков-республиканцев не хотел рисковать именем и престижем для участия в кампании, которая не сулила им успеха. Тогда вспомнили о молодом Рузвельте, «отошедшем от политики». И Рузвельт тут же согласился, хотя прекрасно понимал, что получил это предложение лишь потому, что у республиканцев не было никаких шансов на успех, а он стремился наладить отношения с руководством своей пар-

⁷⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 350.

⁷⁸ Фонер Ф. Указ. соч., т. II, с. 145.

⁷⁹ Там же, с. 145—146.

тии. Правда, принимая выдвижение, он написал пространное письмо председателю и секретарю республиканского избирательного комитета, благодаря за честь и в то же время подчеркивая, что считает необходимым бороться за реформу муниципального правительства⁸⁰. Но на последнее никто не обратил внимания.

Рузвельт провел кампанию с огромной энергией. Он знал, что не победит, но хотел получить приличное количество голосов. «Большой бизнес» Нью-Йорка поддерживал своего отпрыска деньгами. Взносы в рузвельтовский фонд сделали даже некоторые уолл-стритовские дельцы, входившие в демократическую партию⁸¹. Явление — обычное для нравов бизнеса, субсидирующего обе буржуазные партии. Но в данном случае поднялась настоящая паника в связи с выдвижением кандидата от Рабочей партии. Журнал «Нэйшн», оценивая обстановку, утверждал, что «в истории Нью-Йорка не было ничего, что бы так угрожало его благосостоянию, как движение Джорджа»⁸².

Результаты голосования для всех оказались обескураживающими: Хьюитт прошел, но не абсолютным большинством, получив 90,5 тыс. голосов, Джордж — 68,1 тыс., Рузвельт — 60,4 тыс.⁸³ Для Рабочей партии, только что созданной и впервые выступившей с самостоятельными политическими требованиями, это был крупный успех. Так оценил итоги выборов и Ф. Энгельс. Отмечая всю путанность программы и сомнительную ценность для рабочего движения такого кандидата, как Генри Джордж, он писал о выборах: «Несмотря ни на что, это был знаменательный день... Чтобы после каких-нибудь восьми месяцев существования движения были достигнуты такие результаты на выборах, — это просто неслыханно»⁸⁴. Что же касается республиканцев, то для «Великой старой партии», а еще больше для ее кандидата 60 тыс. голосов были позорным провалом. В Нью-Йорке, городе, где демократическая партия имела много приверженцев, даже при неудачном исходе республиканский кандидат в мэры никогда не собирал меньше 75 тыс. «Я страшно побит, — телеграфировал Рузвельт Лоджу. — Даже хуже, чем боялся»⁸⁵. Вместо ответа Лодж,

⁸⁰ T. Roosevelt to E. Root and W. H. Bellamy, Oct. 16, 1886.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 110—111.

⁸¹ *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 121.

⁸² *Ibid.*, note 49.

⁸³ *The Letters...*, Vol. I, p. 110.

⁸⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 36, с. 488—489.

⁸⁵ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Nov. 2, 1886.— In: *Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918*, 2 Vls. New York — London, 1925, Vol. I, p. 50.

сам в этот же день избранный в конгресс, помчался в Нью-Йорк утешать своего младшего друга.

Щелчок по самолюбию, полученный Теодором Рузвельтом на выборах, был очень силен, настолько, что годы спустя в «Автобиографии» он только три строчки посвятил этой неудачной кампании. Такое разительное поражение могло означать для Рузвельта окончательную отставку как возможного кандидата партии вообще на любой пост. Он сам высказывал такие опасения еще до выборов, но успокаивал себя тем, что по крайней мере его положение в партии стало «лучше, чем когда-либо раньше»⁸⁶. Ну, что ж! Приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Не в характере Рузвельта было предаваться унынию. Тем более, что в Европе его ждала Эдит. Через несколько дней после выборов он с сестрой Анной отплыл в Лондон, где 2 декабря 1886 г. состоялась его свадьба.

⁸⁶ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Oct. 20, 1886. — In: *The Letters...*, Vol. I, p. 113.

Глава III • РЕФОРМАТОР В ВАШИНГТОНЕ И В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ

Рузвельт и Эдит вернулись в Америку в конце марта 1887 г. В Ойстер-Бее их ждал новый дом, названный Рузвельтом Сагамор-хилл, на индейский манер¹. Это не было данью уважения к покоренным аборигенам. Просто звучное название, вызывавшее ассоциации о воинственности и сражениях в былые времена. Этот живописный уголок на берегу залива стал постоянной резиденцией семьи Рузвельтов.

Личная жизнь Рузвельта вновь наладилась. Второй брак, заключенный в более зрелом возрасте, оказался тоже счастливым, но его отношения с новой женой складывались на иной основе. Эдит Кэроу Рузвельт не походила на Элис. Она представляла совсем иной тип женщины. В ней не было очарования и детской непосредственности Элис. Ее родные шутили, что Эдит «родилась взрослой». Она обладала сильным характером, была образованна и умна и не идеализировала мужа, хотя и гордилась его блестящей карьерой. Пожалуй, только она умела остановить Рузвельта резким или ироническим словом. А с годами и с возвышением Рузвельт все больше любил слушать только себя.

По словам Н. Рузвельта, Эдит прекрасно понимала мужа, «зная, что она не может его переделать, но надеясь, что может спасти его от самого себя и помочь ему в достижении его целей»². Она понимала, что честолюбие Рузвельта будет толкать его к политической деятельности, что он сможет далеко продвигаться, но лучше, чем он сам, разбиралась в том, какие опасности, разочарования, возможные провалы в осуществлении его планов ждут Рузвельта на поприще, которое его так влекло. Эдит, как шутя говорил сам Рузвельт, в семейной жизни иногда смотрела на него, как на одного из детей, самого старшего, но и самого трудного³.

¹ Сагамор на индейском языке значит вождь, правитель. Холм, на котором построили дом, по преданию был местом, где вождь Моганнис созывал военный совет (*Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt*. New York, 1963, p. 25).

² *Roosevelt N. Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him*. New York, 1967, p. 24.

³ *Ibid.*, p. 23.

Сагамор-хилл не отличался особыми архитектурными красотами. Это был добротный удобный дом для богатой семьи, достаточно просторный (22 комнаты), чтобы вместить большой кабинет и библиотеку хозяина, холл, столовую и гостиную, спальни и комнаты для гостей, часто наезжавших в Ойстер-Бей. Эдит была замкнутым человеком и большому обществу предпочитала узкий круг близких друзей, куда входили Лоджи, Уистеры, Эмлин Рузвельт (двоюродный брат Теодора и отец Николаса) с женой и еще несколько человек. Но она понимала необходимость для мужа политических связей и любезно принимала друзей Рузвельта, хотя, как пишет один из биографов Рузвельта, всегда была «скорее зрителем, чем участником светской жизни»⁴, предпочитая ей книги, рукоделие и, конечно, заботы о детях.

Большой дом Рузвельтов звенел детскими голосами. Семья разрослась. Кроме Элис, дочери от первого брака, появилось еще пятеро детей: Теодор (1887), Кермит (1889), Этель (1891), Арчибальд (1894) и Квентин (1897). Теодор Рузвельт оказался внимательным отцом. Сам вспоминая детство, как счастливейшую пору своей жизни, он постарался, чтобы и его дети имели все, что может дать не только любовь родителей, но и богатство и принадлежность к привилегированной части общества: жизнь на свежем воздухе, пикники (которые следовало бы назвать туристическими походами), собственные лошади, лодки для занятия греблей, а впоследствии образование в университете, возможность войти в высший круг общества — словом, все, что он сам получил когда-то от отца.

При постоянной занятости различными делами — службой или литературой — Рузвельт находил время для бесед и чтения вслух с подраставшими детьми, сознательно стремясь воспитать в них то, что сам ценил больше всего: дух буржуазного индивидуализма, приверженность американским институтам, национализм, а вместе с тем и личную смелость, инициативность, физическую выносливость. Он с увлечением принимал участие в играх в «индейцев» и «охотников», учил детей плавать, ездить верхом, стрелять. Его методы обучения иногда приводили в смятение жену. В семье сохранились воспоминания, — о чем потом говорили со смехом, — что после уроков плавания и ныряния уровень воды в заливе всегда повышался от слез маленькой Элис⁵. Тем не менее в глазах детей он был непререкаемым авторитетом, кумиром и образцом для подражания.

⁴ *Harbaugh W. H. Op. cit., p. 33.*

⁵ *Hagedorn H. The Roosevelt Family of Sagamore Hill. New York, 1956, p. 33.*

Физической закалке и тренировке воли, особенно у мальчиков, Рузвельт придавал особое значение. Здесь он был даже беспощаден. «Я предпочел бы, чтобы один из них умер, чем вырастить их слабыми», — сказал он однажды⁶. Это не было пустой фразой. В его отношениях с близкими сентиментальные восторги сочетались с большой долей жесткости и даже жестокости. Он не желал встречаться с братом Эллиотом⁷. Болезненный, нервный и слабохарактерный Эллиот рано пристрастился к вину. В глазах Рузвельта эта слабость была недостойна мужчины, и он не только не находил брату оправдания, но и отказывал ему в помощи. «Хотел бы я, чтобы Корина заимствовала у меня немного жестокости к Эллиоту, — писал он старшей сестре. — Она ничего не может и не должна для него делать. Ему нельзя помочь, и его надо просто предоставить его собственной судьбе»⁸. После смерти Эллиота Корина, а не старший брат, взяла на себя заботу о его маленькой рано осиротевшей дочери Элеоноре⁹.

Большая семья, желание жить на широкую ногу в загородном доме со штатом прислуги, с неизменными атрибутами этой жизни — лошадьми для выездов и игры в поло, лодками, охотой, приемами многочисленных гостей, — требовали немалых средств. Между тем материальные дела Рузвельта в эти годы пошатнулись. К бизнесу не было способностей. Эксперимент со скотоводческим ранчо закончился крахом. В суровую зиму 1886/87 г. погибла большая часть скота. Только помощь Дугласа Робинсона, нью-йоркского маклера, женившегося на его младшей сестре, дала возможность жить в Сагамор-хилле по-прежнему на широкую ногу.

Рузвельт вступил компаньоном в издательскую фирму и много писал, надеясь литературным заработком поправить положение. За три года он опубликовал пять книг, из которых две являются

⁶ *Harbaugh W. H. Op. cit., p. 142.*

⁷ Современный американский историк Г. Дэвис в новой работе о Т. Рузвельте приводит документы из семейного архива Рузвельтов, позволяющие заключить, что будущий президент с отроческих лет отличался эгоцентризмом и нетерпимостью к проявлению слабости со стороны младшего брата, страдавшего нервным заболеванием (*Davis G. The Early Years of Theodore Roosevelt: A Study in Character Formation. — History of Childhood Quarterly: the Journal of Psychohistory*, 1975, Vol. 2, N 4, p. 485—487).

⁸ T. Roosevelt to A. Roosevelt, July 29, 1894. — In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. I, p. 392.

⁹ Элеонора Рузвельт в 1905 г. стала женой Франклина Делано Рузвельта, троюродного племянника Теодора Рузвельта. В доме Рузвельтов среди своих шумных, веселых и драчливых двоюродных братьев и сестер застенчивая одинокая девочка вряд ли хорошо себя чувствовала.

историческими исследованиями: упомянутая ранее биография Т. Х. Бентона и «Завоевание Запада» (вышли первые две части). Над последней книгой, посвященной истории продвижения на Запад белых переселенцев, Рузвельт работал несколько лет и закончил ее только в 1896 г. Это главная историческая работа Рузвельта. Он писал ее на архивных материалах, подробно осветив процесс колонизации Американского континента европейцами. В этой книге он показал себя последователем социального дарвинизма в его откровенно жестоким варианте, оправдывая истребление индейцев законом выживания «наиболее приспособленных», каковыми он считал англоамериканцев. Советский историк И. П. Дементьев, исследовавший формирование идеологии экспансионизма в США в конце XIX в., отводит Т. Рузвельту в этом процессе заслуженно значительную роль. О лейтмотиве книги «Завоевание Запада» он пишет: «Рузвельт рассматривал вытеснение и истребление индейцев как естественный процесс гибели «неполноценной расы», якобы неспособной к формированию государственных институтов и созданию цивилизованного общества»¹⁰.

Исторические труды Рузвельта не принесли ему славы. Он же мечтал о книге, которая выдвинула бы его в первые ряды современных историков.

Занятия историей, журналистика, семья, охота, периодические стычки на политические темы с Э. Л. Годкином, издателем независимого еженедельника «Нэйшн», не простившим бывшему лидеру независимых его измены в 1884 г.,— все это не могло поглотить энергии Рузвельта, жаждавшего вернуться на политическое поприще. Хотя в разговорах и письмах, адресованных не очень близким ему людям, проскальзывала фраза: «Я, наверное, никогда вновь не займусь политикой»,— это было если не сознательным лицемерием, то желанием скрыть, порою даже от себя, как сильно он хочет вернуться к политической деятельности¹¹. Собственно говоря, он и не отрывался от нее окончательно. Достаточно прочесть его переписку за эти годы, особенно с Лоджем, чтобы увидеть, какой острый интерес он проявлял ко всему, что касалось партийной борьбы, политической жизни вообще, Вашингтонских кулуарных интриг.

Даже в этот период вынужденного отключения от непосредственного участия в политике Рузвельт встречался со многими

¹⁰ Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, с. 140.

¹¹ T. Roosevelt to J. S. Van Duzer, Jan. 15, 1888.— In: The Letters..., Vol. I, p. 135.

политическими деятелями своей партии. Знакомства, завязывавшиеся в клубах и на званых обедах, могли быть полезными в будущем. Большое значение в этом смысле имела дружба с Лоджем, жившем в Вашингтоне, который как член конгресса был в курсе всех событий.

Приближалась новая большая избирательная кампания — выборы президента, представителей палаты и сенаторов, губернаторов и мэров, и внутри каждой партии постепенно накалялась обстановка. Рузвельт не рассчитывал на избрание куда-либо, но решил принять участие в предвыборной агитации. Его отношение к прежним соратникам по «бунту» на съезде в 1884 г. оставалось по-прежнему враждебным. Бывший лидер независимых до сих пор бесился при одном упоминании имени кого-либо из них. «О как мне отвратительны магвампы, — писал он как-то Лоджу. — ...Если будет возможность, я собираюсь в этом году наброситься на магвампов с мечом сарказма. Я ненавижу лицемеров»¹². Независимые платили ему тем же.

К президентской кампании 1888 г. республиканцы начали готовиться задолго до выборов. Боссы перебирали возможных кандидатов, и имя Блэйна вновь появилось на страницах газет. Но прошлые выборы еще не стерлись в памяти общественности, чтобы можно было опять попытаться протолкнуть его кандидатуру. Не только демократы, но и независимая пресса писала об опасности «блэйнизма»¹³. Тогда республиканцы выдвинули Бенджамин Гаррисона, малоизвестного, ничем не примечательного человека, но в прошлом участника гражданской войны, генерала армии северян, что давало великолепный материал для агитации в его пользу.

Предвыборная агитация велась буржуазными партиями главным образом вокруг вопроса о тарифах; кроме того, в избирательные платформы обеих партий были включены пункты об антитрестовском законодательстве. Это была дань общественному недовольству деятельностью монополий, которые в тот период росли в США с угрожающей быстротой.

Расходы на избирательную кампанию щедро оплачивались бизнесменами. Р. Джинджер приводит такие цифры: в штате Индиана, где проживал Гаррисон, каждый голос в пользу республиканского кандидата стоил от 15 до 20 долл. вместо обычных 2—

¹² T. Roosevelt to H. C. Lodge, Aug. 20, 1887.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 131. Magwump (магвамп) на американском политическом жаргоне — «независимый избиратель». Так прозвали независимых республиканцев в 1884 г. Слово происходит от индейского *mogkiomp* великий человек (*mogki* — великий, *omp* — человек).

¹³ «*The Nation*», 1888, October 25, p. 324.

5 долл.¹⁴ Когда Гаррисон, принимая поздравления по случаю избрания президентом, лицемерно воскликнул: «Провидение даровало нам победу!» — М. Куэй, босс республиканской организации штата Пенсильвания, цинично комментировал эти слова президента: «Ему следовало бы знать, что провидение здесь ни при чем»¹⁵.

Итак, республиканцы вернулись к власти. В Белом доме был опять их президент, они получили большинство в обеих палатах конгресса. Началась лихорадочная борьба за выгодные посты: в правительстве, министерствах, различных комиссиях, управлениях и на местах.

Урок, полученный Рузвельтом от боссов в 1884 г., не был им забыт. Он предложил свои услуги национальному комитету республиканской партии и охотно выступал с речами¹⁶, агитируя за Гаррисона. Унижение собственного провала он постарался забыть. Когда «Нэйшн» злорадно напомнил Рузвельту о его неудачной кампании 1886 г., тот ответил, что предвидел провал, но выставил свою кандидатуру в мэры только затем, чтобы «поддержать партийную организацию»¹⁷. Возможно, что даже и такое обсуждение в прессе его «самопожертвования» в какой-то мере напоминало о нем политическому руководству. Еще более усердно делали это друзья Рузвельта, верившие в его способности, особенно Генри К. Лодж.

Пользуясь своим знакомством с Гаррисоном, Лодж просил его назначить Рузвельта помощником Блэйна, получившего пост государственного секретаря. Однако Блэйн не забыл поведения Рузвельта на чикагском съезде 1884 г. и решительно воспротивился. Тогда, уступая настояниям Лоджа, Гаррисон предложил Рузвельту место члена комиссии по гражданской службе, ожидая, что тот откажется, так как назначение считалось незавидным: всего 3,5 тыс. долл. в год и никакой дополнительной финансовой частной субсидии. Но Рузвельт не хотел отказываться¹⁸. Служба в комиссии означала жизнь в Вашингтоне, центре политической

¹⁴ *Ginger R. Age of Excess. The United States from 1877 to 1914. New York, 1971, p. 116.*

¹⁵ *Ibid.*, p. 117.

¹⁶ T. Roosevelt to A. Roosevelt, Aug. 22, 1888.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 146.

¹⁷ «*The Nation*», 1888, October 25, p. 325.

¹⁸ В письме Ч. Дж. Бонапарту, председателю Лиги борьбы за реформу гражданской службы, Рузвельт писал: «Мне очень не хотелось брать это место, но я решил, что не должен отказываться. Я думаю — ведь ни один человек не может быть уверен — эта комиссия означает дело» (T. Roosevelt to Ch. J. Bonaparte, May 14, 1889.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 161).

жизни страны, на виду у правительства и партийного руководства.

Кроме того, работа в комиссии, осуществлявшей надзор за проведением в жизнь закона Пендлтона (1883 г.) о реформе гражданской службы, обеспечивала Рузвельту активную деятельность, о которой он мечтал, сидя за письменным столом.

Реформа гражданской службы, декларированная законом Пендлтона, принятого при президенте Честере Артуре, была первым ударом по утвердившейся системе распределения государственных должностей среди членов правящей партии. В американской практике эта система называлась «спойлс систем»¹⁹, и движение за ее реформу, начавшееся еще в 1870-х годах, охватывало довольно широкий круг лиц из числа адвокатов, священников, журналистов, писателей, профессоров колледжей и университетов. В начале 1880-х годов в 30 городах страны существовали местные группы, агитировавшие за реформу гражданской службы и уничтожение «спойлс систем». Даже гринбекерское движение поддерживало агитацию за реформу.

Наконец, в августе 1881 г., после покушения на президента Гарфилда, была образована Национальная лига реформы гражданской службы²⁰. Ее возглавил ветеран этого движения, писатель и издатель журнала «Харперс уикли мэгэзин» Джордж Уильям Кертис, тот самый Кертис, член республиканской партии, который в 1884 г. при поддержке Теодора Рузвельта выступал против Блэйна, но — не в пример Рузвельту — не вернулся в старую партию. Такие люди, как он, Э. Л. Годкин, К. Шурц, упорно требовали реформы государственного аппарата, свято веруя, что если прогнать взяточников и посадить на их место честных людей (республиканцев или демократов, но, конечно, не социалистов), то все будет прекрасно в этой «замечательной» стране «равных возможностей для всех».

Кертис считал главным злом политической системы Америки партийную машину, а источником ее могущества, по его мнению, была возможность покровительства при назначениях на государственные должности. Еще в 1880 г. на съезде республиканцев Кертис критиковал систему боссизма и покровительства: «...Система, превращающая всю государственную службу, от самых незначительных должностей до самых важных постов, в добычу, распределяемую среди сторонников партии, победившей на выборах,— вот что неизбежно уродует партийную организацию, превращая ее в нетерпимый деспотизм партии. Все это служит фун-

¹⁹ Spoils — добыча (англ.).

²⁰ *Ginger R. Op. cit.*, p. 102—103.

даментом, на котором строится иерархия партийной машины»²¹.

Других пороков в американском обществе Кертис не находил. Его критика существующей политической системы с позиций либерализма ограничивалась указанием на зло, причиняемое обществу «спойлс систем». «Для искоренения этого зла необходимо было, по его мнению, прибегнуть к двум средствам: независимому голосованию и реформе гражданской службы»²². Историк В. Л. Паррингтон, которому принадлежат последние слова, совершенно прав, когда в очерке о взглядах и деятельности Д. У. Кертиса пишет, что «он больше, чем кто-либо другой, способствовал тому, что реформа государственной службы в конце концов все-таки была проведена»²³. Да, но посмотрим, с каким результатом.

Правительство Ч. Артура, вынужденное согласиться на реформу под напором открытого недовольства системой, ухитрилось так изуродовать проект реформы, что по новым правилам только немногим более 10% всех государственных должностей должны были замещаться чиновниками, прошедшими конкурсные экзамены. Главным пунктом было запрещение снимать с должности и назначать новых чиновников по партийным соображениям. Однако и через шесть лет после принятия закона этот пункт систематически нарушался. Кроме того, закон давал право президенту классифицировать государственные учреждения на подлежащие или не подлежащие юрисдикции закона²⁴. В 1883 г. конкурсные экзамены на замещение должностей были установлены лишь для таможенных чиновников и служащих почтового ведомства в крупных городах, что составило около 12% общего числа должностей в государственных учреждениях²⁵. Остальные 100 тыс. должностей замещались обычным путем, благодаря покровительству партийных боссов²⁶. Закон с самого начала был «слабым», как характеризовал его Р. Г. Уйби в исследовании по американской истории конца XIX — начала XX в.²⁷ Назначаемая президентом комиссия по гражданской службе (the Civil Service Commission), создание которой обуславливал закон, должна была следить за его проведением в жизнь и делать соответ-

²¹ Цит. по: *Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли, т. III. М., 1963, с. 207.*

²² Там же, с. 205.

²³ Там же, с. 207.

²⁴ *Speeches and Documents in American History, Vol. III, sel. and ed. by R. Birley. London, 1962, p. 144—145.*

²⁵ *Ibid.*, p. 142.

²⁶ *Ginger R. Op. cit.*, p. 104.

²⁷ *Wiebe R. H. The Search for Order, 1877—1920. London, 1967, p. 61.*

ствующие рекомендации. Этой комиссии предстояла грандиозная работа, ибо положение после принятия закона практически осталось почти без изменений.

Злоупотребления продолжались во всех ведомствах при попустительстве президента Гаррисона, которого самого публично обвиняли в nepoтизме²⁸. Члены кабинета, сенаторы и конгрессмены — все были заняты устройством на государственную службу своих родных и друзей и друзей своих друзей. После четырехлетнего перерыва республиканцы спешили наверстать упущенное, а закон Пендлтона никого не смущал. Сильное общественное недовольство вызвало в 1889 г. массовое замещение почтовых чиновников-демократов лояльными республиканцами. Эта операция проводилась по указанию нового генерального почтмейстера Уэнемейкера, богатого торговца, попавшего в правительство за заслуги перед республиканской партией. К ноябрю 1889 г. было уволено 30 тыс. демократов — почтовых чиновников четвертого класса²⁹. Но в это время в комиссии по гражданской службе уже подвизался новый энергичный член комиссии.

Теодор Рузвельт вступил в должность 13 мая 1889 г. В тот же день утром он, как ураган, ворвался в чинное помещение комиссии в Вашингтоне и немедленно заставил изумленного его натиском секретаря организовать ему первое деловое свидание³⁰. С этого момента в комиссии по гражданской службе, до сих пор бывшей тихой заводью бюрократического Вашингтона, началась бурная деятельность.

Рузвельт оказался самым беспокойным чиновником во всем Вашингтоне. В комиссию входили еще трое: два демократа и республиканец. Демократы, естественно, его поддерживали: во-первых, как сторонники реформы, во-вторых, как оппозиционеры республиканской администрации. Комиссия подняла вопрос о положении в почтовом ведомстве, о действиях Уэнемейкера, его помощника Кларксона и других чиновников в разных городах и портах страны. Рузвельт с наслаждением окунулся в борьбу с кликой Уэнемейкера, ездил из штата в штат, из одного города в другой, и имя его снова замелькало на страницах газет. Причем его стали хвалить даже независимые³¹. В Индианаполисе

²⁸ Журнал «Нэйшн» писал, что выгодные должности получили: брат президента Гаррисона, тесть, тесть его сына, брат мужа дочери Гаррисона, муж его племянницы и муж племянницы жены президента («The Nation», 1889, May 30, p. 435).

²⁹ Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 123.

³⁰ Ibid., p. 121.

³¹ «Нэйшн» с одобрением отзывался о деятельности Рузвельта и сообщал о похвалах ему в «Сентинел», демократической газете Индианаполиса,

он сместил почтовых чиновников, назначенных по протекции, и провел конкурсные экзамены³². В Порт-Гуроне он «поставил на место наглого протезе» республиканских боссов в таможне, в каком-то городке штата Огайо предотвратил незаслуженное увольнение клерка, за что его опять-таки хвалил «Нэйшн»³³. Однако похвала врагов раздражала, а может быть, и пугала нашего политика, о чем он писал Лоджу совершенно откровенно: «Меня всерьез раздражают восхваления магвампов, боюсь, что они дискредитируют меня в глазах влиятельных, но узколобых республиканцев, и действительно в последнюю неделю заметно, что мои партийные друзья в Вашингтоне чувствуют себя немного неуверенно»³⁴.

Легко себе представить, что «партийным друзьям» и президенту Гаррисону не нравилась активность новоиспеченного чиновника. Но Рузвельта, раз он взялся за какое-либо дело и выработал собственную точку зрения и линию поведения, удерживать уже было невозможно, хотя его поведение — он это сознавал — часто вступало в противоречие с его собственным желанием сохранять хорошие отношения с руководством партии. Поэтому в том же письме он просил Лоджа: «Если у Вас будет возможность, обязательно разъясните подробно, что все, что мы делаем для усиления закона, — в интересах Гаррисона»³⁵. Вряд ли заступничество Лоджа смягчило президента и Уэнемейкера, когда комиссия затеяла разбирательство злоупотреблений, проводимых кликой генерального почтмейстера.

В этом конфликте Рузвельт сыграл большую роль, возглавив расследование о нарушении закона Пендлтона в Балтиморе, о чем он сделал доклад весной 1891 г., затем выступил на митинге в Нью-Йорке в Ассоциации по борьбе за реформу гражданской службы. В Нью-Йорке, распалившись, он назвал генерального почтмейстера «чертов Джон Уэнемейкер» и потребовал, чтобы расследование было передано в комиссию конгресса³⁶. Летом 1892 г. состоялось рассмотрение дела Уэнемейкера и, поскольку демократы в это время уже имели большинство в палате, демократическое большинство поддержало республиканца Рузвельта, что

где Рузвельт производил расследование и наводил порядок («The Nation», 1889, June 27, p. 516).

³² «The Nation», 1889, July 4, p. 1.

³³ «The Nation», 1889, June 6, p. 455; *ibid.*, June 27, p. 516; *ibid.*, July 4, p. 1; *ibid.*, July 25, p. 61.

³⁴ Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918, 2 Vols. New York — London, 1925, Vol. I, p. 81.

³⁵ *Ibidem* (Рузвельт писал Лоджу из Ойстер-Боя в Вашингтон, где тот имел возможность встречаться с президентом и членами правительства).

³⁶ Harbaugh W. H. Op. cit., p. 81.

отнюдь не способствовало улучшению отношения лидеров республиканской партийной машины к чересчур увлекающемуся чиновнику³⁷. Можно предполагать, что балтиморский скандал и неуместная, по мнению республиканцев, напористость Рузвельта помогли демократам провалить Гаррисона на выборах 1892 г., после чего пришла к естественному концу и карьера Уэнемейкера.

Некоторые биографы Т. Рузвельта склонны считать, что он произвел настоящий переворот в деле упорядочения гражданской службы. Это, конечно, преувеличение, но несомненно, что его выступления оказали сторонникам реформы большую помощь в нескольких конкретных случаях. Нет ничего странного, что Рузвельт защищал реформу и боролся с коррупцией. В данном случае он исходил из трезвого убеждения, что в интересах его класса иметь работоспособный правительственный аппарат и укреплять его престиж.

Рузвельт оставался в комиссии и после избрания нового президента демократа Г. Кливленда, ставшего в 1892 г. вторично главой правительства. Пыл Рузвельта в борьбе за закон Пендлтона не угасал. Он проводил расследования в нескольких городах, где высшие чиновники-демократы, спеша воспользоваться своим пребыванием у власти, смещали с постов еще недавно торжествовавших республиканцев. Он поднял дело по поводу действий министра финансов Дж. Г. Карлайля, который обращался со своим министерством, как с «завоеванной добычей»³⁸. Конфликт Рузвельта с Карлайлем был перенесен на обсуждение в сенат, о чем сообщалось в прессе в начале марта 1894 г.³⁹ Президент Кливленд понимал, не хуже Рузвельта, вред, который приносила «спойлс систем» деятельности государственного аппарата США. Как человек умный и достаточно гибкий, он старался не обострять отношений в своем кабинете, но, пользуясь данными ему прерогативами и опираясь на рекомендации комиссии, довел почти до 50 тыс. число должностей, замещаемых по конкурсу⁴⁰.

Своего сотрудника-республиканца Кливленд ценил за энергию, настойчивость, оперативность и даже поддержал Рузвельта в его конфликте с Карлайлем. Все же в начале 1895 г. Рузвельт стал помышлять о новой должности. Уходить в отставку с государственной службы он не хотел, но перспектива сидеть там еще годы его не прельщала. Надо было искать новую работу, чтобы не быть забытым.

³⁷ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 125.

³⁸ T. Roosevelt to C. Schurz, July 8, 1894.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 390.

³⁹ «*The Nation*», 1894, March 8, p. 167.

⁴⁰ «*The Nation*», 1895, January 31, p. 82.

Дорога к выдвижению кандидатуры Рузвельта в мэры или в конгресс (от чего он, конечно, не отказался бы) была пока закрыта. Для этого нужны были деньги и могущественная поддержка партийной машины. Но республиканские лидеры, особенно сенатор Томас Платт, богатый бизнесмен и босс штата Нью-Йорк, не очень его жаловали.

Шесть лет активной деятельности за реформу вернули Рузвельту, к его неудовольствию, доверие многих независимых и прогрессивно настроенных политических и общественных деятелей и в то же время настораживали против него республиканских боссов. Последнее было весьма неприятно Рузвельту, уже давно понявшему, что, если он хочет сделать политическую карьеру, без партийной машины ему не обойтись. Отсюда вытекали такие его поступки, как активное участие в президентской кампании 1892 г., когда республиканцы безуспешно попытались вторично провести Гаррисона в Белый дом. Рузвельт тогда выступал с агитацией в пользу Гаррисона, хотя сам называл его «маленьким серым человечком в Белом доме»⁴¹. Последние годы он изо всех сил старался быть «правильным» республиканцем (*regulare partuman*) и, едва остывая после сражений, в которые его втягивали не только убеждения, но и вспыльчивый нрав, упрямство и стремление всюду играть первую роль, пытался наладить взаимоотношения с партийной машиной.

Решив добиться нового назначения, Рузвельт начал действовать через журналиста Лемюзла Э. Куига, занимавшего в партии прочное положение и близко стоявшего к Платту. Куиг знал Рузвельта уже давно и согласился похлопотать за него перед вновь избранным мэром Нью-Йорка Уильямом Л. Стронгом. После довольно длительных переговоров о том, какую должность в Нью-Йорке ему занять, Рузвельт получил то, чего добивался: назначение на пост начальника полицейского управления Нью-Йорка. Пост полицейского комиссара был как раз по нраву Рузвельту. Предвкушая возможность самостоятельно руководить работой полиции, собираясь перевернуть там всю систему и немного рисуясь перед близкими своей готовностью к опасностям такой службы⁴², Рузвельт явился в полицейское управление Нью-Йорка на Малберри-стрит в начале мая 1895 г.

В это время полицейское управление состояло из четырех человек. Комиссары назначались мэром по принципу двухпар-

⁴¹ *Harbaugh W. H. Op. cit.*, p. 81—82.

⁴² Рузвельт писал сестре Анне о своей будущей службе в полиции: «Я не разочаруюсь, каков бы ни был результат, ибо вполне сознаю опасности и неприятные стороны работы и жизни» (Т. Roosevelt to A. Roosevelt, Apr. 21, 1895.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 444).

тийности: т. е. по два от республиканцев и демократов. Начальником на пять лет «избирался» представитель правящей в штате партии. Формально в подчинении у начальника находился суперинтендант, он же глава сыскной полиции со штатом полицейского патруля. По существу этот суперинтендант был хозяином города, так как штатские члены управления ни во что не вмешивались, оберегая свою спокойную жизнь.

Во времени появления в управлении полиции Рузвельта эту должность уже много лет занимал некий Том Бирнс, считавшийся грозой нью-йоркских воров, жуликов и гангстеров, но прекрасно ладивший с хозяевами салунов и игорных домов.

Прогрессивный журналист Линкольн Стеффенс в «Автобиографии» нарисовал впечатляющую картину жизни и нравов нью-йоркской полиции. В качестве репортера газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» он был послан редактором выискивать сенсационный материал о происшествиях и работе полиции. Слухи — вполне обоснованные — о коррупции и взяточничестве в полиции будоражили город. Стеффенс, который только начинал свой путь репортера, решил докопаться, почему полиция не следит за выполнением законов, но жестоко расправляется не столько с жуликами, сколько с рабочими, как осуществляется связь полиции с бизнесом и партийной машиной.

Пользуясь своим положением корреспондента влиятельной газеты, Стеффенс встречался с суперинтендантом Бирнсом и боссом Таммани Ричардом Крокером, а также с их врагом преподающим доктором Паркхерстом. Этот священник с церковной кафедры изобличал хозяев салунов и игорных домов и покровительствовавшего им Бирнса за то, что не соблюдался закон штата Нью-Йорк, запрещающий по воскресеньям продажу спиртных напитков (даже пива) и вообще функционирование баров и салунов. Но проповеди д-ра Паркхерста против Бирнса и его инспекторов, открытое обвинение их во взяточничестве не приносили никаких результатов⁴³.

Полиция завела твердый порядок, по которому торговцы спиртными напитками выплачивали ей ежемесячную мзду за беспрепятственное функционирование салунов по воскресеньям. Года за два до появления на сцене Рузвельта более богатые хозяева салунов возмутились и обратились за помощью к губернатору, но тот обнаружил полное бессилие справиться со взяточниками. Тогда торговцы пошли к Р. Крокеру, и босс Таммани договорился с полицией об освобождении их от этой повинности.

⁴³ *Steffens L. J. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 216, 231—232.*

Мелкая же сошка продолжала платить Бирнсу дань⁴⁴. Сведения об этих махинациях проникли в газеты, о чем писал корреспондент «Нью-Йорк сан» Дж. Риис, как и Стеффенс интересовавшийся деятельностью полиции.

Стеффенс и Риис встретились на Малберри-стрит и стали друзьями. Стеффенс писал о Риисе: «Он страстно ненавидел всякую тиранию, зло, нищету и сражался с ними»⁴⁵. Общность взглядов сблизила молодого Стеффенса с его старшим коллегой. Оба присутствовали при появлении Рузвельта в полицейском управлении на Малберри-стрит.

Как вспоминал Стеффенс, Рузвельт не шел по улице, а мчался. На ходу поздоровавшись с Риисом, которого давно знал, и кивнув Стеффенсу, он стремительно взбежал на второй этаж, где его ждали остальные три комиссара, тут же объявил, что он новый президент полиции (по ритуалу его должны были избрать), а затем увел репортеров в свой кабинет. Там с ними, а не с коллегами, он начал обсуждать состояние дел, обычаи и правила полиции и развивать планы будущих мероприятий, «как будто мы трое составляли полицейское управление», — добавляет Стеффенс⁴⁶.

Поведение Рузвельта не понравилось остальным комиссарам. Они почувствовали себя отстраненными. А Стеффенс был покорен стремительностью Рузвельта, его энергией, настойчивостью и простотой в обращении. Только ближе его узнав, Стеффенс понял, сколько в нем тщеславия, эгоизма и даже двоедушия, но в то время комиссар Рузвельт импонировал будущему «разгребателю грязи» тем, что, подобно самому Стеффенсу, пытался бороться с продажностью.

Не только Риис и Стеффенс, но и многие независимые приветствовали назначение Теодора Рузвельта на должность комиссара полиции. С его приходом «откроется новая эра полицейской администрации», — писал журнал «Нэйшн»⁴⁷. Сильнее всех в это верил сам Рузвельт. Он утверждал, что эта должность как раз соответствует его наклонностям, и с увлечением занялся борьбой с хозяевами салунов и наведением порядка в полиции.

⁴⁴ Riis J. A. Theodore Roosevelt. The Citizen. New York, 1904, p. 136—137. Риис был автором книги «Как живет другая половина», в которой с негодованием и документальной точностью воспроизвел жизнь обитателей трущоб Нью-Йорка, рабочих-иммигрантов, пасынков «американской демократии». Рузвельт заинтересовался книгой и познакомился с ее автором. Риис сделался верным почитателем будущего президента.

⁴⁵ Steffens L. J. Op. cit., p. 258.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ «The Nation», 1895, May 2, p. 335.

Прежде всего он решил расправиться с Бирнсом. «Думаю, что сейчас же начну действовать против Бирнса,— писал он Лоджу.— Я совсем не доверяю ему и не могу предпринять никакого стоящего дела, пока он остается. Будет очень тяжелая борьба, и я не имею представления, чем это закончится»⁴⁸. Бирнс облегчил Рузвельту задачу. Поняв, что при таком напористом комиссаре ему будет трудно проделывать свои махинации, он подал в отставку, тем более что к этому времени успел положить в банк круглую сумму — 300 тыс. долл.⁴⁹

Уход в отставку Бирнса поверг в уныние хозяев нью-йоркских салунов. В полицейское управление потянулись визитеры для изъявления сочувствия уходящему шефу. Среди них были не только хозяева салунов, но и многие политики и уолл-стритовские тузы. Самое же курьезное заключалось в том, что гангстеры и воры нью-йоркского «дна» (the underworld) тоже были в панике. Бирнс, оказывается, умел ладить и с ними. Они не входили в управление, а скромно топтались на улице, вздыхая и поглядывая на окна, за которыми много лет сидел человек, возглавлявший систему компромисса между преступным миром и полицией. Но, как писал об этом Стеффенс, с его уходом ничего не изменилось, «на следующий день все пошло, как обычно»⁵⁰.

Полицейское управление, призванное наблюдать за исполнением законов и распоряжений муниципалитета, оказалось настоящим гнездом коррупции. Рузвельт, поддерживаемый мэром, рьяно взялся за очищение самой полиции и выполнение закона, запрещавшего открывать салуны в воскресные дни. Много лет спустя он писал: «Салун был главным источником зла. Именно с салуном мне пришлось иметь дело, и был только один способ действия — проведение закона в жизнь. Поднялся оглушительный вой. Профессиональные политики неистовствовали. Желтая пресса надрывалась от криков и лжи. Любимым утверждением было то, что я взялся проводить «голубой» закон, устаревший закон, который никогда раньше не выполнялся. В действительности я только честно выполнял закон, который до этого выполняли нечестно»⁵¹.

Единственными сторонниками Рузвельта в этих мероприятиях были Риис и Стеффенс, превратившиеся в негласных советников

⁴⁸ T. Roosevelt to H. C. Lodge, May 18, 1895.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 458.

⁴⁹ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 134—135.

⁵⁰ *Steffens L. J. Op. cit.*, p. 261.

⁵¹ *Roosevelt T. An Autobiography*. New York, 1948, p. 191.

полицейского комиссара; они морально поддерживали все его начинания, с удовольствием принимая участие в разносках, устраиваемых Рузвельтом полицейским. Приглашение журналистам явиться к Рузвельту для какого-нибудь сообщения выглядело несколько необычно и по-мальчишески. Рузвельт открывал окно кабинета и издавал пронзительный ковбойский клич. Риис и Стеффенс, снимавшие рабочее помещение в доме напротив, сломя голову бежали в полицию⁵², где их часто ожидало ошеломляющее известие о разоблачении и отставке еще одного взяточника в полицейском мундире.

Почти весь запас неиссякаемой энергии в бытность комиссаром Рузвельт расходовал на войну с хозяевами салунов, а поскольку эти хозяева в подавляющем большинстве были связаны с Таммани, то война с ними означала войну с Таммани и ее боссом Р. Крокером. Однако Крокер не принял вызова. Он был опытным партийным боссом и решил спокойно переждать этот взрыв реформаторства и уехал в Европу до лучших времен, которые вскоре вернулись к Таммани.

Рузвельт наслаждался своей властью: в первое лето службы в полиции он даже редко ездил в Сагамор-хилл и забросил работу над очередным томом книги «Завоевание Запада».

С помощью мэра Стронга начальнику полиции удалось сместить часть полицейских офицеров, бывших в контакте с владельцами салунов, заставить слушаться других и навести ужас на рядовых полицейских, обычно получавших хорошую мзду от хозяев салунов. Рузвельту очень нравились ночные полицейские рейды. Не раз он принимал в них участие в компании с Дж. Рисом, когда с револьвером в кармане приходилось проводить без сна 40 часов подряд.

Остальные комиссары отказались сопутствовать ему в этих походах и вообще были против всяких новшеств; отношения с ними быстро стали натянутыми. К концу 1896 г. Рузвельт успел перессориться с ними. Особенно обострились его отношения с Э. Д. Паркером — демократом, но противником Таммани, которого он даже хотел привлечь к суду за манкирование обязанностями комиссара, так как тот предпочитал не появляться в полиции и в свою очередь обвинял Рузвельта в самоуправстве⁵³. Вмешательство мэра предотвратило развитие скандала.

Газеты сначала довольно добродушно посмеивались над Рузвельтом, но затем перешли к резким выпадам против слишком деятельного комиссара. Наконец сам мэр попросил его умерить

⁵² *Steffens L. J. Op. cit., p. 263.*

⁵³ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 148.*

пыл, тем более, что новый закон, принятый нью-йоркским законодательным собранием, разрешил продажу спиртных напитков в ресторанах при отелях, а отелем считалось всякое строение с десятью спальнями. Гостиницей или отелем можно было назвать хоть конюшню, разделив ее наспех сколоченными перегородками и поставив кровати. Через полгода появилось до 2 тыс. таких «отелей»⁵⁴.

«Полицейский период» в биографии Рузвельта интересен не только его походами по ночному Нью-Йорку и борьбой с коррупцией, но и тем, что в роли комиссара Рузвельту пришлось, как и в ассамблее, столкнуться с проблемой труда и капитала и проявить свое отношение к рабочему классу, к его нуждам, требованиям, которые предъявляли рабочие во время забастовок. Линия поведения Рузвельта при столкновении с забастовщиками, «бунтовщиками», по его терминологии, линия, которую он выработал еще в молодости, оставалась неизменной в течение долгих лет.

Рабочий класс никогда не вызывал симпатий у будущего президента. Он пытался быть «справедливым» к рабочим. Однако его «справедливое» отношение было чересчур ярко окрашено чисто классовым чувством вражды и даже ненависти к рабочему движению.

1880-е и 90-е годы — время окончательного формирования политического мировоззрения Теодора Рузвельта — были отмечены острыми классовыми столкновениями. С конца 80-х годов начался новый подъем фермерского движения, оформившегося в популистскую партию. Образовавшиеся в 70-х годах социалистические группы и партии начали вести пропаганду среди рабочих. Раздробленность социалистического движения, конечно, вредила делу пролетариата, тем не менее социалистические идеи получили распространение. В эти же годы в буржуазной общественно-политической мысли усиливались либеральные веяния и как протест против гнета растущих монополий возникло буржуазно-реформаторское направление в противовес укоренившемуся с давних пор направлению классического буржуазного индивидуализма.

Для мыслящего человека, каким был Рузвельт, эти процессы не могли быть безразличны. Он много читал, рецензировал в журналах труды социологов и историков, писал сам, ездил по стране в периоды избирательных кампаний, сталкивался с различной аудиторией, перед которой выступал с агитационными речами. В этих речах, печатных работах и переписке он выражал

⁵⁴ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 149.

свое мнение и свое отношение к событиям, людям и идеям. Постепенно его приверженность принципу *laissez faire*, бывшая, скорее, бессознательной поддержкой традиций Гарварда, ослаблялась под влиянием новых веяний. Он все больше стал склоняться к мысли о необходимости политических реформ, которые бы очистили атмосферу подкупа и продажности, царившую в политических институтах Америки, и укрепили тем самым ее социально-экономическую основу. Укрепили бы, но отнюдь не видоизменили. На этом Рузвельт крепко стоял смолоду. Он отказывался признавать наличие классовых конфликтов в американском обществе, с первых шагов в ассамблее объявив себя поборником «моральных», а не классовых принципов. Испытав на себе, как и все его поколение, глубокое влияние дарвинизма — тем более глубокое, что он был в какой-то степени не только историком, но и зоологом-натуралистом, — Рузвельт признавал и социальную эволюцию, считая ее выражением прогресса. Носителями этого прогресса были как сильные индивидуумы, так и группы людей, нации. Здесь он показал себя откровенным расистом, отдавая пальму первенства англоамериканцам как более сильным и более способным, по его мнению, стать «двигателями прогресса».

Теоретически Рузвельт соглашался, что неимущие члены общества заслуживают лучших условий жизни, покровительства сильных, богатых и интеллектуально развитых людей, но это признание носило филантропический характер и, может быть, было данью памяти отца, занимавшегося благотворительной деятельностью. Если рабочие или социалисты-интеллигенты выступали с активным протестом и с требованиями лучшей жизни, у Рузвельта не было для них других эпитетов, кроме как «анархисты», «бунтовщики», «толпа».

В качестве начальника нью-йоркской полиции Рузвельт имел возможность официально выразить свое отношение к рабочим, ибо «поддержание порядка», другими словами, подавление рабочих волнений, всегда было одной из наиболее важных функций полицейского комиссара. Газета «Нью-Йорк ивнинг пост» цитировала в декабре 1895 г. слова Рузвельта: «Мы будем ревниво охранять права забастовщика, так же как и права предпринимателя. Но положение меняется, если налицо угроза бунта. Чернь (*the mob*) рискует. Порядок будет восстановлен любой ценой. Если придется стрелять, мы будем стрелять, чтобы ранить. Никаких холостых патронов или стрельбы поперх голов»⁵⁵. Так воинственно был

⁵⁵ Цит. по: *Hurwitz H. L. Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900. New York, London, 1943, p. 146.*

настроен новый полицейский комиссар с репутацией реформатора. Он же настаивал на сохранении в полицейском вооружении дубинки, особенно тяжеловесной дубинки для ночных патрулей⁵⁶.

Теодору Рузвельту не пришлось применить на практике свое решение стрелять в рабочих. Забастовки нью-йоркских рабочих, происходившие в период его службы в полиции, не принимали такого размаха, как пульмановская стачка 1894 г., и предприниматели не обращались к правительству с требованием прислать войска. Но полицейские патрули по прямому приказу комиссара полиции окружали территорию бастующего предприятия и следили за рабочими пикетами. Под охраной полиции штрейкбрехеры беспрепятственно проходили на предприятия. Когда однажды, во время стачки нью-йоркских каменщиков, один из тред-юнионистских лидеров обратился к Рузвельту с просьбой снять полицейские патрули, ибо рабочие сами тщательно следили за тем, чтобы не произошел какой-либо нежелательный инцидент, комиссар полиции наотрез отказал в этой просьбе. Полицейские патрули «будут охранять собственность компании», — писал Рузвельт секретарю Центрального рабочего союза⁵⁷. Следовательно, он признавал и считал само собой разумеющимся, что охрана собственности предпринимателей входит в функции полицейской власти.

Два года службы в полиции, в течение которых Рузвельт не раз вплотную сталкивался с проблемой взаимоотношений рабочих и предпринимателей, все-таки оказали влияние на его взгляды: он признал право рабочих объединяться в профсоюзы. Но как признал? Почти 20 лет спустя в «Автобиографии» он напишет: «К этому времени (т. е. к концу службы в полиции. — *И. Б.*) я превратился в ярого защитника рабочих союзов, в ярого защитника прав рабочих... Но я дал ясно и определенно понять, что ни при каких обстоятельствах не допущу насилия и буду всегда поддерживать порядок. Если бы допускалась несправедливость, я бы боролся с ней с чистым сердцем, но там, где было насилие (т. е. выступления рабочих. — *И. Б.*), все иные вопросы откладывались до тех пор, когда восстанавливался порядок»⁵⁸. Таким образом, признание профсоюзов со стороны Рузвельта еще не означало признания права рабочего класса бороться за свои интересы. Нельзя также верить, зная все его поступки и высказывания против рабочих и их лидеров, заявлению о том, что он стал «ярм

⁵⁶ *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 160.

⁵⁷ T. Roosevelt to J. E. Bausch, Jan. 12, 1897.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 576.

⁵⁸ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 201.

защитником» профсоюзного движения. Он был и оставался защитником буржуазного порядка любой ценой.

Осенью 1896 г. Рузвельт забросил свои полицейские обязанности, погрузившись в суету президентской избирательной кампании.

Острая политическая борьба разгорелась перед выборами 1896 г. Республиканцы собирали силы и... деньги, задавшись целью во что бы то ни стало вернуться к власти. Обстановка в стране не способствовала укреплению позиций правящей демократической партии. Кризис 1893 г. оставил без средств к существованию тысячи рабочих. 1890-е годы часто называют «бурными». Рабочие волнения охватили многие промышленные центры. Весной 1894 г. 17 колонн безработных из разных штатов двинулись в знаменитый поход на Вашингтон, руководимый Кокси. В мае, когда 500 измученных, голодных участников этого первого в истории США похода безработных наконец достигли столицы страны, их встретила полиция; Кокси и другие лидеры были арестованы.

Испуганное массовостью движения, правительство Кливленда увидело в репрессиях единственный выход. Летом 1894 г. федеральные войска, присланные в Чикаго по приказу президента, открыли огонь по бастующим рабочим завода Пульмана. Стачку проводил Американский союз железнодорожников, руководимый Юджином Дебсом. После этого преступления Кливленд уже не мог рассчитывать на выдвижение его кандидатуры в президенты. В западных штатах фермерское движение привело к созданию Народной (популистской) партии, требовавшей свободной чеканки серебра как единственного средства спасения от нищеты и деградации фермерских хозяйств и рабочего класса⁵⁹.

К движению рабочих и фермеров прибавилось недовольство, высказываемое многими передовыми публицистами, романистами и учеными усиливавшимся влиянием крупных трестированных предприятий и ростом коррупции. Американский капитализм быстро превращался в монополистический, и этот процесс, сопровождавшийся банкротством огромного числа мелких и средних предприятий, разорением фермерства, усилением эксплуатации рабочих, поляризацией нищеты и богатства, вызвал к жизни антимонополистические настроения, захватившие широкие слои американского общества. Общественное мнение формировалось под влиянием известных книг Марка Твена, Эдуарда Беллами, Генри

⁵⁹ О формировании, задачах и падении популизма, о позиции популистов на выборах 1896 г. подробнее см.: *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии. 1867—1896. М., 1971.

Джорджа, Генри Демареста Ллойда, Стивена Крейна и других писателей, талантливо нарисовавших неприглядную картину «американской демократии» и действие скрытых пружин политического механизма⁶⁰.

В сложившейся ситуации обе буржуазные партии искали лидеров, за которых отдали бы голоса массы фермеров и рабочих, и лозунги, которые оказались бы пригодными для сплочения этих масс. Демократы выдвинули своим кандидатом 36-летнего адвоката из Небраски Уильяма Дженнингса Брайана. Популистские лидеры предали дело своей партии и в августе 1896 г. настояли на том, чтобы Народная партия не выдвигала собственного кандидата, а поддержала Брайана⁶¹. Рядовым популистам втолковывали, что только голосование за Брайана может спасти страну от нищеты и от разорения плутократией, объединившейся под эгидой республиканской партии. Чтобы привлечь голоса рабочих и фермеров, демократы включили в программу пункт о серебряных деньгах и требование некоторых реформ. «Золотым» демократам, к которым, кстати, принадлежал и президент Кливленд, пришлось умолкнуть. Валютный вопрос — биметаллизм или «золотой стандарт» — превратился в основной вопрос политической кампании 1896 г.

Республиканцы сделали своим лозунгом «здоровые деньги», под которым подразумевалось утверждение «золотого стандарта» и окончательный отказ от биметаллизма. Другим важным пунктом их платформы был протекционистский тариф.

Включение «золотого стандарта» главным пунктом республиканской платформы было делом рук нью-йоркского партийного босса Платта, за которым стояли промышленные и банковские круги Востока США. Сам Платт чрезвычайно гордился тем, что сумел настоять на этом пункте. «Как раз в 1896 г., — писал он позднее, — я добился того, что считаю величайшим достижением моей политической карьеры. Это было включение золотого пункта в сент-луисскую платформу»⁶². Чтобы этого добиться, Платту и другим сторонникам «золотого стандарта» пришлось преодолеть сопротивление внутри партии со стороны тех влиятельных республиканцев (прежде всего Ханна и Маккинли), кто по той или иной причине еще поддерживал свободную чеканку серебряных монет. Эти переговоры происходили во время работы республи-

⁶⁰ Подробнее см.: *Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968, гл. I.

⁶¹ См.: *Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США, с. 350—351.

⁶² *Platt T. C.* The Autobiography of Thomas Collier Platt. New York, 1910, p. 310.

канского съезда в Сент-Луисе, собравшегося для выдвижения кандидата в президенты. Съезд утвердил кандидатуру Уильяма Маккинли, губернатора штата Огайо, в прошлом конгрессмена и автора закона о тарифах 1894 г., по которому значительно поднимались таможенные пошлины на многие товары.

Карьера провинциального адвоката Маккинли была вылеплена руками Маркуса Алонзо Ханна, крупнейшего железнодорожного и промышленного магната из Кливленда (штат Огайо) и одного из самых влиятельных боссов республиканской партии. Теперь Ханна решил протолкнуть своего друга на высший пост в государстве. Он приступил к этому чуть ли не за два года до выборов. В начале 1895 г. Ханна зондировал Платта и Квэя, предложив им выдвинуть Маккинли. В обмен за поддержку Платт потребовал от Маккинли письменное обязательство, что в случае успеха тот назначит его министром финансов. Маккинли отказался, и Ханна, вздохнув, сказал: «Ладно, нам придется поработать, чтобы ухватить эти голоса, но мы их получим»⁶³.

Платт, получив отказ, объявил, что решил выдвинуть своего кандидата в Белый дом — губернатора штата Нью-Йорк Леви П. Мортон. зарекомендовавшего себя «самым безопасным губернатором» (безопасным, конечно, для бизнеса)⁶⁴. Тем не менее на съезде боссы сумели найти общий язык: Ханна, Маккинли и их сторонники согласились с принятием требования о «золотом стандарте». Платт же, бесперемежно отказав Мортону, поддержал ставленника Ханна, а съезд голосованием за Маккинли утвердил их сделку.

После съезда в Сент-Луисе М. Ханна стал играть главную роль в руководстве республиканской партии. Начиная с этого момента и до смерти в 1904 г. Ханна занимал пост председателя национального комитета республиканской партии, сосредоточив в своих руках огромную власть, основывающуюся на его миллионном состоянии и на авторитете партийной организации, которой он распоряжался. Как писал канзасский журналист Уильям Аллен Уайт, Ханна «был первым национальным политическим боссом, которого когда-либо знала страна»⁶⁵. Вместе с тем даже аме-

⁶³ *Kohlsaat H. H. From McKinley to Harding: Personal Recollections of Our Presidents.* New York, London, 1923, p. 31.

⁶⁴ *Platt T. C. Op. cit.*, p. 311.

⁶⁵ *White W. A. An Autobiography.* New York, 1946, p. 290. У. А. Уайт, писатель и журналист, издавал газету «Эмпория стар» в городке Эмпория (штат Канзас). Его наиболее известный роман — «Некий богач» («A Certain Rich Man», 1909), в котором он изложил свои взгляды на общество. Считал себя реформатором, в 900-е годы примкнул к движению прогрессистов; в первую мировую войну выступал за участие США в войне.

риканский историк республиканской партии Дж. Г. Мэйер отметил, что Ханна заслуженно имел репутацию грубого, агрессивного, напористого бизнесмена, который, сколотив огромное состояние, с той же жестокостью и всепоглощающей страстью обратил свой организаторский талант на политику и, как пишет этот автор, «с такими же хорошими результатами»⁶⁶.

Появление на политической сцене США такого человека, как Ханна, было знамением времени. В его лице воплощалась связь бизнеса с политикой и растущее подчинение правительства интересам монополистического капитала.

Как только главные боссы, т. е. Платт и Ханна, договорились и съезд утвердил кандидатуру Маккинли и платформу партии, Ханна развил энергичную деятельность. Две штаб-квартиры — в Нью-Йорке и Чикаго — руководили пропагандистской кампанией. По всем штатам разъезжали лекторы. Миллионными тиражами выходили брошюры, листовки, статьи, разъясняющие одурманенному обывателю, что Брайан и биметаллизм приведут американцев к нищете и революции и только Маккинли, здоровый «золотой доллар» и протекционистский тариф спасут страну. В этот гимн «золотому стандарту» врывался еще один мотив — экспансия; экспансия и честь нации, экспансия и новые рынки, экспансия и богатство, экспансия и высокая заработная плата.

Мелкобуржуазные избиратели поддавались пропагандистскому нажиму, но настроение рабочего класса пугало и ожесточало республиканских заправил. Правда, Гомперс, глава Американской федерации труда, наотрез отказался выступить за Брайана⁶⁷. Несмотря на это, огромное большинство организованных рабочих объявили, что поддерживают кандидатуру Брайана и платформу демократов, утвержденную в Чикаго на съезде этой партии. Брай-

Уайт был моложе Т. Рузвельта на 10 лет. Познакомившись с ним зимой 1897 г., он увидел в Рузвельте человека, которому предстоит блестящая политическая карьера, и полностью подпал под его влияние. Уайт писал: «...Этот молодой Рузвельт был такой могучий, личность этого человека так всецело захватила меня, что я не протестовал и воспринял его волю, как свою веру. После этого я стал «его человеком»» (ibid., p. 238). Они сошлись на почве общих политических взглядов, кроме того, оба относились критически к Маккинли и тем не менее оба рьяно его поддерживали. «Автобиография» Уайта относится к классике американской мемуарной литературы. В книге необыкновенно ярко и сочно, хотя и не всегда объективно, показана Америка и ее люди — маленькие чиновники и политические боссы, сенаторы и президенты, писатели и журналисты — за длительный период времени: от 1870-х годов до середины XX в.

⁶⁶ Mayer G. H. The Republican Party, 1854—1966. New York, 1967, p. 244.

⁶⁷ Подробно о позиции рабочего класса, АФТ и С. Гомперса во время кампании 1896 г. см.: Фонер Ф. С. История рабочего движения в США, т. II. М., 1958, гл. XXII.

ан, при всей демагогичности его программы и двусмысленности его поведения по отношению к Таммани, которая его поддерживала, олицетворял в глазах многих протест против крупного монополистического капитала. Его популярность особенно возросла после съезда демократов, где под бурное одобрение присутствующих он заявил, что нельзя позволить «распяты человечество на золотом кресте». С этого момента имя Брайана стало знаменем антимонополистического движения. Не все рабочие, пишет Фонер, «хорошо разбирались в вопросе о свободной чеканке серебряных денег, но зато все они единодушно одобряли другие пункты и положения чикагской программы — ее воинственные заявления против трестов, ее требования прогрессивного подоходного налога и отмены системы судебных предписаний»⁶⁸.

Чтобы заставить рабочих голосовать за республиканского кандидата, Ханна решил применить тактику запугивания и экономического нажима. Промышленники и железнодорожные компании угрожали увольнением рабочим, отказывавшимся вступать в клубы маккинлистов, заставляли их платить долларовый взнос в фонд Маккинли и даже временно закрывали предприятия, объявив, что работа возобновится лишь после победы республиканской партии⁶⁹. Фермеры подверглись давлению страховых компаний, владевших закладными на многие фермы Среднего Запада и Юга и обещавших своим должникам 5-летнюю отсрочку в случае победы Маккинли⁷⁰. Угрозы, уговоры, подкуп, лекции, распространение пропагандистской литературы — таков был арсенал республиканской партии в 1896 г. Ханна и его сподвижники не скупились на расходы. Ветераны партийных битв уверяли, что такой остроты предвыборная борьба не достигала с 1860 г., когда в президенты баллотировался Авраам Линкольн. Но теперь на знамени республиканской партии, выражаясь фигурально, блесст не меч, поднимавшийся против рабства, а «золотой доллар».

В этой чрезвычайно наэлектризованной обстановке, когда партии вели борьбу за власть на следующее четырехлетие, борьбу, от исхода которой зависело дальнейшее возвышение и обогащение всех этих лоджей, платтов, куигов и иже с ними, Теодор Рузвельт с его темпераментом и стремлением выдвинуться, разумеется, не мог спокойно усидеть в кабинете на Малберри-стрит. Лодж без устали выступал с речами, где агитация за республиканских кандидатов в Белый дом и конгресс перемежалась с неистовыми призывами к империалистическим захватам. В глазах независи-

⁶⁸ Фонер Ф. С. Указ. соч., т. II, с. 415.

⁶⁹ Там же, с. 416.

⁷⁰ Куропятник Г. П. Фермерское движение в США, с. 390.

мой прессы выступления Лоджа, например за приобретение Виргинских островов, выглядело одиозным. Журнал «Нэйшн» называл позором для штата Массачусетс, что в сенаторском кресле сидит такой человек⁷¹. Но эта критика нисколько не смущала ни Лоджа, ни его единомышленников. Рузвельт, не принимавший участия в съезде в Сент-Луисе, потом оказался одним из наиболее активных ораторов-республиканцев.

Сразу же после съезда он предложил свои услуги партийному руководству в качестве лектора избирательной кампании. Его услуги были благосклонно приняты, и он часто встречался с Платтом и Ханной по текущим вопросам избирательной кампании, как явствует из его переписки⁷², и старался, что называется, быть на виду, забросив войну с хозяевами салунов ради более перспективной войны с демократами и популистами.

Рузвельт с азартом агитировал за Маккинли и республиканских кандидатов в конгресс, губернаторы и законодательные собрания штатов. Если он и уступал в красноречии Брайану, ораторский талант которого признавался всеми, даже Рузвельтом⁷³, то уж в страстности, вносимой им в полемику, в категоричности и резкости суждений, в демагогии этот республиканец, наверно, не уступал никому.

«В разгаре кампании, — пишет Г. Л. Хёрвитц, — Рузвельт назвал демократическо-популистского кандидата в президенты «болтливым демагогом», возглавившим бесчестную систему, которая «украдет у народных кредиторов половину того, что они заработали своим честным трудом»⁷⁴. Следует пояснить, что «народными кредиторами» Рузвельт не стеснялся называть трудящихся, которые якобы держат в банках свои сбережения. Выступая перед рабочей аудиторией, он пытался внушить своим слушателям, что в Соединенных Штатах совсем мало капиталистов, а те, кто есть, — «хорошие капиталисты», самые полезные члены общества⁷⁵. В будущем он объявит, что и тресты могут быть плохими и хорошими.

⁷¹ «The Nation», 1896, January, 23, p. 67; *ibid.*, 1896, February 27, p. 171.

⁷² T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 29, 1896; T. Roosevelt to M. L. Storer, Aug. 10, 1896. — In: *The Letters...*, Vol. I, p. 551, 556.

⁷³ В частном письме Рузвельт писал: «...Брайан лично честен и довольно привлекателен, настоящий оратор и прирожденный демагог, которого поддерживают все нездоровые, тупые и потенциально преступные элементы в стране и большое число невежественных честных людей» (T. Roosevelt to A. Roosevelt, July 19, 1896. — In: *Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, 1870—1918*. New York — London, 1924, p. 187—188).

⁷⁴ *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 178.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 179.

Трудно сказать, кого больше поносил Рузвельт в речах, статьях и письмах: популистов или демократов, или социалистов. Все они в его речах равно подвергались самому резкому осуждению, он называл их «анархистами», «коммунистами», «бунтовщиками» и «революционерами», а на языке Рузвельта не было ругательств страшнее. Вражда его ко всем и ко всему, что так или иначе было связано с борьбой трудящихся масс, была открытой и непримиримой. Что касается защиты им краеугольных пунктов республиканской программы, то здесь также трудно определить, где кончались его убеждения и начиналась сознательная буффонада, заведомо неискренняя поддержка позиций республиканизма, выраженных в платформе 1896 г., поддержка, конечно, с двойной целью: способствовать победе своей партии и завоевать себе доверие партийных лидеров.

Думается, что Рузвельт глубже своих коллег разбирался в природе популярности брайанизма в те годы. В этом плане мы находим не лишние интереса соображения, высказанные им в письме старшей сестре Анне, с которой он привык советоваться как с умным другом, разделявшим его политические убеждения. Анна жила с мужем капитаном Уильямом Каулсом (морским аташе США в Лондоне) в Европе, и Теодор держал их в курсе всех политических новостей. Он писал ей летом 1896 г.: «Я видел Марка Ханну. Я могу думать, что мы победим в ноябре; но нам придется сражаться с настоящим и опасным фанатизмом. В своей основе брайанистские настроения обусловлены недовольством массы людей, которые живут в тяжелых условиях и слепо восстают против своего положения; восстание, которое часто нацеливается по глупости против тех, кто живет лучше, только потому, что им лучше; это слепой, ослепляющий одноглазого»⁷⁶. Мы видим в этих словах признание социального неравенства и понимание, что это неравенство вызывает в массах протест. Однако Рузвельт не сомневается, что этот протест — выражение то ли глупости, то ли фанатизма, а следовательно, бунт, с которым, как он не однажды говорил, надо расправляться при помощи оружия.

Г. Ф. Прингл пишет, что реклама, которую Ханна организовал для Маккинли, как если бы он был «патентованным лекарством», вызвала у Рузвельта отвращение⁷⁷. Тем не менее он с готовностью, как только всемогущий босс обратился к нему с просьбой, отправился агитировать за Маккинли по городам Среднего Запада, где республиканцы опасались влияния Брайана. После

⁷⁶ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Aug. 2, 1896.— In: Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, p. 189—190.

⁷⁷ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 163.

этой поездки он писал сестре, что не сомневается в том, что Брайан будет разбит⁷⁸. А Лоджу сообщал с удовлетворением: «Я имел успех во время нее (поездки.— *И. Б.*), был в хорошей форме и говорил перед огромными толпами людей, которые всегда внимательно слушали, а иногда, например в Чикаго и Детройте, приходили в бешеный энтузиазм»⁷⁹. В том же письме Рузвельт упоминал, что «золотые» демократы оказывают большую помощь республиканцам, своим противникам, а среди рабочего класса очень большое влияние имеет Брайан, и большинство рабочих лидеров настроено против республиканцев⁸⁰.

К концу октября политические страсти достигли огромного накала. Республиканцы действовали массированным ударом, рассылая повсюду партийных функционеров. Их кандидат Маккинли сидел дома в Кантоне (штат Огайо) и принимал многочисленные делегации своих сторонников.

Брайан действовал по-иному. Он сам исколесил страну, побывал в 27 штатах, проехал 18 тыс. миль, произнес 600 речей. Впервые в истории США кандидат в президенты лично предпринял предвыборное турне. Но, несмотря на успех в некоторых штатах, поддержку Таммани, с одной стороны, и рабочих — с другой, Брайан потерпел поражение.

5 ноября 1896 г. У. Маккинли был избран президентом США⁸¹, и республиканцы начали энергично готовиться к 4 марта, когда их президент займет Белый дом и будет сформировываться новая администрация.

Места в кабинете делились заранее. Наиболее трудным для Маккинли оказалось удовлетворить желание его друга и покровителя М. Ханну. Ожидали, что босс получит самую большую награду: портфель государственного секретаря. Но Ханна захотел стать сенатором. Так как в сенате вакансии не было, то пост государственного секретаря был предложен сенатору Джону Шерману, хотя ни для кого не было секретом, что он стар и болен.

Вторым нелегким делом для президента при распределении должностей было устройство Рузвельта. Прингл считает, что главным препятствием для Теодора Рузвельта в получении награды за труды во время предвыборной кампании были его отчаянный джингоизм, воинственность и требования империалистических захватов: у Маккинли, якобы отличавшегося стремлением к со-

⁷⁸ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Oct. 22, 1896.— In: Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, p. 196.

⁷⁹ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Oct. 21, 1896.— In: The Letters..., Vol. I, p. 563.

⁸⁰ Ibidem.

⁸¹ Маккинли получил 7 035 638 голосов и 271 голос выборщиков; Брайан соответственно 6 467 946 и 176 (*Mayer G. H. Op. cit.*, p. 256).

хранению мира, это вызвало отрицательную реакцию⁸². Более вероятно, что президенту и Ханне не нравились несговорчивый характер начальника полиции и нападки на коррумпированных чиновников. Рузвельт же не в силах был оставаться в Нью-Йорке. Однако он не поехал в Кантон на поклон к новому президенту. Это сделали за него друзья.

Неустанным ходатаем за Рузвельта был опять Г. К. Лодж, в это время уже сенатор, пользовавшийся в Вашингтоне большим влиянием. Кроме него о том же усиленно хлопотали богатые друзья Рузвельта супруги Беллами и Мэрайа Сторер, пожертвовавшие в фонд Маккинли 10 тыс. долл. и теперь требовавшие назначений как для себя, так и для своего протеже. Для себя Беллами Сторер просил должность посла, для Рузвельта — помощника министра флота. В конце концов Лодж сумел заручиться согласием нового министра военно-морского флота Лонга на зачисление Рузвельта в его министерство⁸³.

И все же Маккинли не подписывал назначение, пока сторонникам Рузвельта не удалось получить согласия сенатора Т. Платта. Нью-йоркский босс республиканцев оказался главным препятствием к назначению Рузвельта первым помощником министра военно-морского флота. Дело в том, что за два года службы в полиции Рузвельт сумел восстановить против себя и партийных боссов, и владельцев салунов, и рабочих. Вполне обоснованное и трезвое старание Рузвельта искоренить коррупцию и внедрить в практику назначения на государственные должности согласно закону о гражданской службе бесило Платта. Владельцы салунов и нью-йоркские предприниматели не могли простить начальнику полиции вмешательства в их дела. Рабочие относились к нему с недоверием. Тем не менее в мелкобуржуазных кругах Нью-Йорка и среди прогрессивно настроенной интеллигенции — журналистов, писателей, адвокатов — авторитет Рузвельта как «реформатора» окончательно укрепился. Сам же он при всем критическом отношении к «спойлс систем» понимал, что ему многое придется принять, если он хочет быстро подниматься по служебной лестнице. И первое, что ему пришлось сделать, это смирить свою гордость и просить двух представителей республиканской партийной машины, чтобы они замолвили за него слово перед Платтом⁸⁴.

⁸² *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 165—166.

⁸³ *Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge*, Vol. I, p. 498.

⁸⁴ Рузвельт конфиденциально писал Лоджу, что просил неких У. М. К. Олкотта и А. Г. Доти уговорить Платта санкционировать его назначение в министерство военно-морского флота (T. Roosevelt to H. C. Lodge, March 20, 1897.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 587—588).

Только после санкции Платта он получил желанный пост. Как писал сам Рузвельт (и это соответствует действительности), республиканские боссы увидели в этом назначении «средство убрать меня из Нью-Йорка»⁸⁵.

Так закончилась двухлетняя борьба Рузвельта с владельцами салунов и с коррупцией в полиции Нью-Йорка. Его усилия, равно как и усилия мэра Стронга реформировать муниципалитет, ни к чему не привели. «Общество и пресса наблюдали и возмущались,— писал Стеффенс.— Политиканы выжидали и смеялись; полиция насмехалась. Прилив общественного негодования, который привел к избранию реформаторской администрации, спал, и мэр Стронг и его советчики ничего не могли поделать»⁸⁶.

Сам Рузвельт, естественно, более высоко оценивал свои достижения. В прощальном письме Стронгу он, не смущаясь, утверждал, что его усилия увенчались успехами. «Старая система шантажа и коррупции была почти уничтожена; мы в значительной мере улучшили дисциплину; мы сохранили полный порядок и боролись с преступностью и злом более эффективно, чем когда-либо раньше»⁸⁷. Однако это в достаточной степени оптимистическое заявление опровергается словами такого свидетеля, как Стеффенс: «Реформа была бита»,— писал он⁸⁸.

Перед тем как покинуть Нью-Йорк и приступить к новым обязанностям помощника министра военно-морского флота США, Рузвельту пришлось выполнить малоприятное дело: засвидетельствовать свою благодарность Платту. Он не ездил просить у него назначения, как хвастался потом Платт⁸⁹, но, получив это назначение и думая о будущем, заехал к Платту и оставил у него свою визитную карточку со словами признательности. Платт поспешил сделать достоянием гласности этот визит, и нью-йоркские газеты сообщили читателям, что м-р Рузвельт побывал в резиденции нью-йоркского босса. Это сообщение, пишет Прингл, поразило в самое сердце Рииса, свято верившего в бескомпромиссность своего героя⁹⁰. Но «герой» сделал дальнейший шаг по лестнице карьеры и не оглядывался назад.

⁸⁵ T. Roosevelt to H. C. Lodge, March 23, 1897.— Ibid., p. 590.

⁸⁶ Steffens L. J. Op. cit., p. 280.

⁸⁷ T. Roosevelt to W. L. Strong, Apr. 14, 1896.— In: The Letters..., Vol. I, p. 594.

⁸⁸ Steffens L. J. Op. cit., p. 281.

⁸⁹ Platt T. C. Op. cit., p. 540.

⁹⁰ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 169.

Глава IV • ЗА ФЛОТ И ВОЙНУ

Возвращение в Вашингтон радовало чету Рузвельтов. Два года назад, уезжая в Нью-Йорк, они с сожалением расставались с вашингтонскими друзьями. Шесть лет, проведенные в столице, вспоминались как очень счастливые годы¹. Это были первые годы их совместной жизни и время первых успехов в обществе. Именно здесь у Рузвельтов сложился тесный круг друзей и появилось много знакомых, объединенных общими взглядами; среди них наиболее близкими были Лодж с женой, Генри Адамс и его брат Брукс, женатый на свояченице Г. Лоджа, дипломаты Генри Уайт, Джон Хэй, чиновник английского посольства в США лорд Спринг Райс. Рузвельт был в дружеских отношениях с бывшим министром военно-морского флота при президенте Ч. Артуре Уильямом Э. Чандлером, сенатором Уильямом П. Фраем, а также со спикером Томасом Ридом и даже прочил последнего в президенты. С возвращением Рузвельта этот кружок оживился. В его присутствии политические дискуссии, особенно по вопросам экспансии, принимали часто бурный характер.

Группа Адамсов — Лоджа — Рузвельта принадлежала как раз к той части интеллектуальной элиты и высшего чиновничества Вашингтона, которая исповедовала империалистские взгляды и упорно их пропагандировала. В их домах радушно принимали не только собратьев по партии, но и демократов, разделявших взгляды этих республиканцев на экспансию и милитаризм. Партийные разногласия забывались, когда в гостиных Рузвельтов или Г. Адамса появлялись Ричард Олни, занявший в 1895 г. пост государственного секретаря в администрации Кливленда, и Уильям У. Рокхилл, профессиональный американский дипломат, эксперт по Дальнему Востоку, который в 1893—1897 гг. был помощником государственного секретаря. Это ему писал Рузвельт, оценивая внешнеполитические акции Олни: «Несмотря на то, что вы оба демократы, я горжусь Олни и Вами»².

¹ T. Roosevelt to A. Roosevelt, Apr. 21, 1895.— In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. I, p. 443—444.

² *Beale H. K. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*. New York, 1970, p. 38.

К этой группе вашингтонских империалистов примыкали сенатор О. Дж. Беверидж, Олберт Шоу — редактор журнала «Ревью оф ревьюз», Уитлоу Рид — издатель и редактор газеты «Нью-Йорк трибюн», Уолтер Х. Пэйдж — редактор журнала «Атлантик мансли». Эти люди настойчиво пропагандировали мысль о необходимости приобретения новых территорий и праве англоамериканцев на их захват. «Стремление к захватам, пропаганда расового превосходства англосаксов, борьба за создание мощного флота, оправдание и даже агитация за открытую интервенционистскую политику и войну с целью захвата военно-морских баз и установления экономического и политического протектората над слабыми странами и т. д., — все это объяснялось «учениями» о «предопределении судьбы», заключавшемся в «естественности, необходимости и неизбежности» экспансии, о «бремени белого человека» и другими «теориями», которые были разновидностями «теории» расового превосходства»³.

Эти «теории» непосредственно отвечали интересам крупного капитала, начавшего к концу века пробовать свои силы в освоении заграничных рынков. Таким образом, воинствующие идеологи экспансионизма добровольно выполняли роль провозвестников империалистической колониальной политики, которая сулила выгоды крепнущим с каждым днем монополистическим объединениям США.

Большое влияние на формирование экспансионистской идеологии в США оказали произведения военно-морского историка адмирала Альфреда Т. Мэхена. В течение 90-х годов Мэхен опубликовал несколько книг и статей, в которых проводил идею о необходимости американцам, как великой нации, иметь мощный военный флот⁴. Только превращение США в сильную морскую державу, подчеркивал Мэхен, может способствовать укреплению престижа страны и распространению ее влияния во всем мире. «Мэхен надеялся, что Соединенные Штаты вступят на путь колониальной политики, и делал все, что мог, чтобы достичь этой цели», — пишет американский историк М. Керти⁵.

Для Лоджа, Рузвельта, Бевериджа, Шоу и пр. книги Мэхена

³ *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, с. 32.

⁴ *Mahan A. T.* The Influence of Sea Power upon History, 1660—1783. New York, 1890; *idem.* The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire. Boston, 1892; *idem.* The Interest of America in Sea Power. Present and Future. Boston, 1897. О взглядах Мэхена см.: *Зубок Л. И.* Указ. соч., с. 29—32; *Дементьев И. П.* Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, с. 119—133.

⁵ *Curti M.* The Growth of American Thought. New York, 1964, p. 653.

были откровением, ибо отвечали их самым большим чаяниям. Самы они также выступали в печати, в конгрессе или на лекциях перед широкой аудиторией, доказывая необходимость экономической экспансии и предсказывая день, когда сфера интересов США распространится на бассейн Тихого океана. Лодж и Беверидж не уставали на заседаниях сената требовать от Кливленда более активной политики. Тогда — в 1895—1896 гг. — дебатировался вопрос об аннексии Гавайских островов, и они оба утверждали, якобы американцы имеют на них право. В марте 1895 г. Лодж опубликовал в журнале «Форум» статью «Наша ошибочная внешняя политика», где не только защищал аннексию Гавайев, но и требовал более твердой политики по отношению к Англии в венесуэльском конфликте, имея в виду, что в будущем, как он писал, «от Рио-Гранде до Ледовитого океана должен существовать единый флаг и одна страна». По мнению Лоджа, такой страной должны быть Соединенные Штаты, которым надлежит теперь противостоять Великобритании. «Англия,— продолжал Лодж,— усеяла Вест-Индию укреплениями, представляющими угрозу для нашего Атлантического побережья. Мы должны иметь на этих островах хотя бы одну сильную морскую базу, и, когда канал через Никарагуа будет построен, нам нужна будет Куба...»⁶.

Статья Лоджа вызвала самые различные отклики и настроения. Она была с одобрением воспринята близкими ему по духу друзьями, прежде всего Т. Рузвельтом, и шовинистической прессой. Но высказывались и критические суждения в адрес ее автора. С резкой отповедью Лоджу выступил «Нэйшн». Он обвинял Лоджа в разжигании провоенных антианглийских настроений в момент, когда администрация Кливленда, по мнению — довольно наивному — «Нэйшн», настроенная против империалистических захватов, испытывает трудности в связи с венесуэльским кризисом. Журнал возмущался поведением сенатора Лоджа, пользовавшегося любым случаем, чтобы сказать, что Куба вскоре «станет нам необходима»⁷.

Конфликт США с Англией явно раззадорил лидеров экспансионизма, которые не допускали мысли о том, что британский империализм может усилить свои позиции в Венесуэле и тем самым захлопнуть венесуэльские двери перед носом американцев. Рузвельт, который в статье Лоджа нашел изложение собственных взглядов, назвал ее восхитительной и выразил надежду, что американский народ обратит внимание на то, «что делает Англия»⁸.

⁶ Цит. по: Дементьев И. П. Указ. соч., с. 135.

⁷ «The Nation», 1895, March 14, p. 193.

⁸ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 5, 1895.— In: The Letters..., Vol. I, p. 461; Beale H. K. Op. cit., p. 59.

Невзирая на эти антианглийские выпады, оба друга сохраняли связи в лондонском высшем свете и старались использовать их, чтобы и путем неофициальной дипломатии воздействовать на английское правительство⁹.

Осенью того же года Лодж опубликовал статью, на этот раз в «Нью-Йорк уорлд», в которой вновь требовал от правительства Кливленда твердости в переговорах с Англией по венесуэльскому вопросу и настаивал на том, чтобы доктрина Монро «была признана фактом того же порядка, как независимость Соединенных Штатов»¹⁰. Эту же мысль Лодж положил в основу выступлений в сенате в первых числах декабря 1895 г., когда открылась очередная сессия конгресса.

Заявление лорда Солсбери о том, что пограничный конфликт между Англией и Венесуэлой не касается Соединенных Штатов, вызвало новый взрыв джингоистских настроений в Вашингтоне, и Лодж откликнулся на это заявление, в резкой форме утверждая право США на вмешательство в дела латиноамериканских стран. Резолюция, предложенная им, гласила, что «всякая попытка какой-то европейской державы захватить или потребовать новую территорию на Американском континенте под предлогом пограничного спора или как-либо иначе будет воспринята как акт враждебного отношения к Соединенным Штатам»¹¹.

Нечего и говорить, что Рузвельт и Лодж были удовлетворены, когда американское правительство ответило Англии известной доктриной Олни, считая, что наконец-то правительство демократов решилось ударить по лапе британского льва, пожелавшего присвоить еще один кусочек территории, расположенной слишком близко к американцам, уже помышлявшим о собственных приобретениях.

Разрешение венесуэльского конфликта в пользу США отнюдь не умерило пыла экспансионистов. Теперь Лодж начал настаивать на покупке у Дании ее вест-индских владений, упирая на то, что об этом думал еще государственный секретарь в правительстве Линкольна Уильям Сьюард¹². Надо сказать, что осенью 1895 г. отнюдь не один Лодж призывал администрацию Клив-

⁹ Лодж с женой путешествовал по Франции и Англии летом 1895 г. и общался Рузвельту о своих встречах в Лондоне (H. C. Lodge to T. Roosevelt, July 24, 1895.— In: Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918. 2 Vols. New York — London, 1925, Vol. I, p. 155).

¹⁰ «The Nation», 1895, October 31, p. 301.

¹¹ The Letters..., Vol. I, p. 498—499, note 2; Burton D. H. Theodore Roosevelt: Confident Imperialist. Philadelphia, 1968, p. 38.

¹² «The Nation», 1896, January 23, p. 67.

ленда к войне с Англией и вообще более агрессивной внешней политике. Трудно умалить «заслуги» Лоджа в деле разжигания военной пропаганды, но его голос звучал уже в целом хоре настойчивых требований войны для и ради «величия нации». Воинственный национализм и крикливый ура-патриотизм образовали в это время политическое течение, получившее название джингоизм, к которому примкнули многие известные в США политические деятели, военные, юристы, часть литераторов и профессоров высших учебных заведений. Джингоизм не всегда выглядел грубо воинственным, справедливо писал журнал Э. Л. Годкина «Нэйшн»: «Его облакали в мягкие одежды привлекательного литературного стиля, и он принимал вид высокой философии»¹³. Ведь среди его адептов были люди недюжинных способностей и эрудиции, как тот же адмирал Мэхен или судья Оливер У. Холмс, будущий высокий авторитет американской юриспруденции. Это он выступил в Кембридже с речью перед студентами, убеждая их, что «война является делом совсем юных и людей, не достигших пожилого возраста»¹⁴.

Воинственные речи экспансионистов вызывали отпор со стороны прогрессивно мыслящей части профессуры, духовенства, писателей, журналистов¹⁵. Экономист Т. Веблен, профессора У. В. Муди, У. Джеймс, известная суфражистка Джейн Аддамс, журналисты и писатели Г. Д. Ллойд, У. Хоуэлс, М. Твен. Х. Гарленд, К. Шурц, Э. Л. Годкин, сенаторы Р. Петтигрю и Д. Хоар, О. К. Смайли, организатор пацифистских Лейк-Мохонкских конференций¹⁶, — вот имена известных противников империалистической политики. Советский исследователь И. П. Дементьев пишет: «Каждый шаг США по пути экспансии в конце XIX в. вызывал нарастающие протесты. Оппозиция... выступила против военных угроз в адрес Чили в 1891—1892 гг. и вмешательства в англо-венесуэльский конфликт, воспрепятствовала захвату Гавайских островов в 1893 г.»¹⁷ Тем с большей энергией сторонники экспансии старались воспользоваться любым поводом для широкой пропаганды своих взглядов: выступали в сенате и палате конгресса, на публичных лекциях и с кафедр университетов, печатали книги, статьи и рецензии в журналах и газетах с

¹³ «The Nation», 1895, October 3, p. 234.

¹⁴ Цит. по: «The Nation», 1895, December 19, p. 440.

¹⁵ Об антиимпериалистическом течении см.: *Дементьев И. П. Указ. соч.*, с. 202—272.

¹⁶ См.: *Грибникова И. Н. Пацифистское движение в США накануне второй Гаагской конференции мира 1907 г.* — В кн.: *Американский ежегодник. 1973. М., 1973, с. 293.*

¹⁷ *Дементьев И. П. Указ. соч.*, с. 202.

«теоретическим» обоснованием империалистических захватов. Об аннексии Гавайев, о войне за Кубу и за базы на Тихом океане они говорили как о близком будущем, требовали от Кливленда, а позже от Маккинли более решительных действий в отношении Испании, на Кубе и Филиппинах.

Атмосфера нагнетания военной истерии воодушевляла Рузвельта, и он не упускал возможности где бы то ни было изложить свои взгляды на войну. Его враг Э. Годкин уже давно называл Рузвельта «джинго», что нисколько того не задевало, ибо он и сам мог при случае сказать: да, я джингоист, я хочу и жду войны.

О воинственности будущего президента США вспоминали все, кто его близко знал, и писали все биографы. Большинство — с восхищением. Лишь у немногих, например у Прингла, воинственный азарт Рузвельта вызывал иронию. Г. К. Били проследил и собрал его высказывания о войне с самых юных лет и должен был признать эту черту в характере Рузвельта. Он приводит слова одного из товарищей Рузвельта по колледжу: «Больше всего на свете он хотел бы пойти на войну с кем-нибудь... Он... все время хочет кого-нибудь убивать»¹⁸. В оправдание Рузвельта Били пишет, что тот романтизировал войну. «Традиции цивилизации удерживали его от открытой защиты войны. Но он лично упивался войной, приходил в экстаз от военной истории и выше всего ставил военные доблести. Бессознательно ожидая ее, он думал, что небольшая война теперь и потом будет стимулировать лучшие качества в людях. Конечно, и готовился к войне»¹⁹.

Били напрасно пишет, что его герой «бессознательно» ждал войны. Рузвельт вполне сознательно и убежденно жаждал войны, войны с любой американской страной — Чили, Мексикой — или с любой европейской державой. Били сам приводит слова Рузвельта, сказанные им в 1897 г.: «...Я приветствовал бы почти любую войну, ибо я думаю, что нашей стране она нужна»²⁰. А во время венесуэльского конфликта он писал Лоджу: «Пусть придет война, если это нужно. Меня не волнует, будут ли наши прибрежные города подвергнуты бомбардировке; мы бы захватили Канаду»²¹. Все это не похоже на бессознательный импульс или проявление мальчишеского задора и драчливости — только как черт характера, в самом деле присущих Т. Рузвельту. Нет, не инстинкт, а сознательное убеждение, то, что принято называть

¹⁸ Beale H. K. Op. cit., p. 49.

¹⁹ Ibid., p. 48.

²⁰ Ibid., p. 50.

²¹ Цит. по: *Ginger R. Age of Excess. The United States from 1877 to 1914.* New York, 1971, p. 195.

идеологией (в данном случае идеологией экспансионизма и милитаризма), в соединении с обостренным чувством расового превосходства, крайнего национализма — вот что двигало Рузвельтом. Именно поэтому он ценил и сознательно старался познакомиться и ближе сойтись с людьми, разделявшими его взгляды. Человек очень самолюбивый, он мог искать знакомства с теми, кто ему импонировал или был нужен. В этом сказывалась и немалая доля самоуверенности. Он был убежден, что его имя политического деятеля, способности, знания, разностороннее образование и, конечно, принадлежность к высшему кругу буржуазного общества Америки обеспечат ему всегда благожелательный прием. Таким путем у него завязались знакомство и переписка с историком Фредериком Дж. Тернером, написавшим рецензию на его книгу «Завоевание Запада».

Итак, экспансионистские взгляды Рузвельта получили широкую поддержку, когда он работал в комиссии по гражданской службе и вращался в кругу людей, равно одержимых одной идеей. В кружке Адамсов — Лоджа совершенно серьезно обсуждали возможности Соединенных Штатов стать вровень с мировым колониальным гегемоном — Англией, а может быть, и перегнать ее. В этом кружке Теодор был младшим, но своей практической деятельностью и резкостью суждений вскоре оставил позади старших друзей. Он признавал, что много почерпнул из бесед и книг Брукса Адамса, третьего из братьев, получившего позже известность как теоретик геополитики, и, как уже отмечалось, из сочинений адмирала Мэхена, поразивших его ум и воображение идеями о роли и влиянии морской силы на историю. Флот, могущественный флот — вот чем должна владеть Америка, если не хочет плестись в хвосте истории! Рузвельт был абсолютно согласен со всеми положениями книги Мэхена «Влияние морской силы на историю», вышедшей в 1890 г., где доказывалась необходимость иметь могущественный флот для державы, претендующей на участие в мировой политике. Он буквально не находил слов для выражения чувств, которые вызвала в нем книга Мэхена²². С этого момента и до конца жизни Рузвельт оставался почитателем А. Мэхена, считая его самым большим авторитетом в области военно-морской стратегии и политики.

Эта и последующие работы Мэхена, в которых он продолжал развивать и конкретизировать свою основную доктрину морской мощи как важнейшего фактора в исторических судьбах той или иной державы, принесли ранее ничем не примечательному мор-

²² T. Roosevelt to A. T. Mahan, May 12, 1890.— In: The Letters..., Vol. I, p. 221—222.

скому офицеру мировую славу и сделали его главным теоретиком экспансионизма и маринизма конца XIX — начала XX в. И. П. Деметьев следующим образом справедливо объясняет успех Мэхена: «...Главная причина колоссального успеха доктрины морской мощи и исторических экскурсов Мэхена в том, что правящие круги империалистических стран в эпоху окончания борьбы за раздел мира увидели в его теориях убедительное обоснование гонки вооружений и оправдание подготовки захватнических войн»²³. Книжки и многочисленные публицистические статьи Мэхена предлагали практические планы захвата Гавайев и других тихоокеанских островов, а также островов со стороны Атлантического побережья Америки — Кубы, Пуэрто-Рико и т. д. — для устройства морских баз, необходимых для экономического проникновения американского капитала. Писания Мэхена вызывали энтузиазм в определенных кругах его более молодых соотечественников. Они зачитывались его произведениями, а его письма обсуждали на общих встречах²⁴.

Первым практическим выводом из доктрины Мэхена было требование усилить военно-морской флот. Рузвельт подхватил эту идею. В рецензии на книгу «Влияние морской силы на историю», опубликованной в журнале «Атлантик мансли», он со страстью писал о том, как необходимо для США укреплять свои порты на океанских берегах, иметь базы для наступательных операций, но прежде всего иметь «боевой флот... эскадру тяжелых линейных кораблей, способных... нападать, лучших кораблей такого рода и побольше; большой военный флот не только из крейсеров, но и с соответствующим числом мощных линкоров»²⁵.

Американский историк Д. Г. Бертон в исследовании, посвященном империалистическим взглядам и политике Рузвельта, пишет: «Одним из наиболее сильных и эффективных в смысле популяризации было утверждение Мэхена — Рузвельта, что эра поспешного морского строительства, другими словами, импровизаций, пришла к концу с появлением тяжелых, технически и в целом внушительных новейших линкоров»²⁶. Теперь, утверждали они, требовалось продуманное планирование строительства кораблей, оборудованных с учетом технических достижений, а по-

²³ Деметьев И. П. Указ. соч., с. 124.

²⁴ Об этом мы находим рассказ в письме Т. Рузвельта Мэхену: «Мой дорогой капитан Мэхен, вчера вечером Лодж, Гэрри Дэвис, адмирал Льюис и я проводили торжественный военный совет по поводу Вашего письма ко мне» (Т. Roosevelt to A. T. Mahan, May 1, 1893.— In: The Letters..., Vol. I, p. 315).

²⁵ Цит. по: Burton D. H. Op. cit., p. 32—33.

²⁶ Ibid., p. 33.

сколько новые корабли требуют новой военно-морской стратегии и тактики, то отсюда следовал вывод о необходимости подготовки квалифицированного персонала, без которого самый прекрасный флот ничего не будет стоить. Рассуждая на эту тему, Рузвельт в другой рецензии даже ударился в панегирик людям военной профессии, выдавая этим свое восхищение войной и преклонение перед теми, кто ее ведет: «...Ни торговец, ни банкир, ни железнодорожный магнат, ни изобретатель... не в состоянии сделать для нации того, что могут сделать для нее военные люди. Никакой мирный триумф не может сравниться с триумфом оружия»²⁷.

Идея вооружения, идея создания мощного флота всецело завладела Рузвельтом. А так как в начале 90-х годов он сам практически не мог что-либо предпринять, ибо служил по гражданскому ведомству, то оставалось писать, выступать и подталкивать других. И он, и Лодж, не имевшие прямого отношения к делам флота, не жалели времени для визитов в военно-морское министерство, настойчиво внушая эту идею знакомым чиновникам. Надо сказать, что в администрации было достаточно людей, помимо государственного секретаря Р. Олни, разделявших эти взгляды и добивавшихся от конгресса средств на постройку новых военных судов. Министр военно-морского флота Хилари Эбнер Герберт, в прошлом сражавшийся на стороне южной Конфедерации, и его помощник Уильям Макаду, т. е. те, кто непосредственно ведал военно-морскими делами, были сторонниками усиления военной мощи США, но, с точки зрения нетерпеливого Рузвельта, нуждались в подстегивании извне, чтобы у них не опускались руки в борьбе с конгрессом, в то время неохотно соглашавшимся на новые ассигнования для флота.

Революция на о-ве Куба, вспыхнувшая против испанского колониального гнета в 1895 г., подогрела страсти американских империалистов. Испанские власти жестоко расправлялись с повстанцами, но не могли подавить стремление кубинцев к свободе. Испания, некогда мощная колониальная держава, обнаружила свою слабость. В этой обстановке пропаганда экспансионизма обрела конкретные формы призыва к войне с Испанией. Серьезные, эрудированные авторы, вроде того же Махена, Лоджа, Бевериджа, обсуждали положение кубинских патриотов, права и поведение Испании и подводили читателя к выводу о «долге» Соединенных Штатов вмешаться в войну. Они печатали статьи во влиятельных журналах — «Атлантик мансли», «Сэнчюри мэгэзин», «Харперс

²⁷ *Roosevelt T. Captain Mahan's «Life of Nelson».*— In: *Burton D. H. Op. cit.*, p. 34.

уикли», «Норс Америкен ревью», которые уже лет десять исподволь занимались пропагандой экспансионистских идей. Желтая пресса — газеты Пулитцера и начавшего свою издательскую деятельность Уильяма Рэндолфа Херста — действовала совсем открыто, требуя немедленного объявления войны Испании. Газеты красочно описывали зверства испанцев и упрекали правительство Кливленда, не заботящееся об американских гражданах, проживавших на Кубе, жизни и собственности которых якобы угрожала опасность.

Избирательная кампания 1896 г. немного отвлекла всеобщее внимание от вопроса войны к вопросу денежного обращения. Но джингоистов хватало в обоих лагерях: и среди сторонников «золотого стандарта» и среди защитников серебряного доллара. Когда же выборы прошли и победили республиканцы, проимпериалистическая пропаганда возобновилась с новой силой; в ней тонули голоса антиимпериалистов. Америка шла к войне, и 4 марта 1897 г., покидая Белый дом и прощаясь с новым президентом, Гровер Кливленд сказал ему, как бы извиняясь: «Я глубоко огорчен, господин президент, что передаю Вам войну с Испанией. Она начнется через два года. Ее ничто не может предотвратить»²⁸. Кливленд ошибся: война началась через год.

Новый президент Маккинли не торопил события. В инаугурационной речи он ни словом не обмолвился об Испании и Кубе, а, приступив к своим обязанностям, первым делом занялся тарифами. Созванный на специальную сессию по этому поводу конгресс провел новую ревизию тарифов и летом разразился актом Дингли, который оставил позади закон Маккинли 1890 г. — так высоко были вздуты ввозные пошлины, особенно на сахар, шерсть и кожу. Республиканской администрации повезло: страна как раз начала выходить из кризиса, что республиканцами приписывалось мудрой политике протекционизма, а в действительности улучшение конъюнктуры помогли урожай в США и неурожай в Европе. Однако если президент делал вид, что не помнит о Кубе и Филиппинах, джингоисты продолжали кричать, что настала пора

²⁸ *Kohlsaat H. H. From McKinley to Harding: Personal Recollections of Our Presidents.* New York, London, 1923, p. 64. Автор этой книги, богатейший и влиятельный газетный издатель, сумел стать советником и другом нескольких президентов — Маккинли, Рузвельта и Тафта. К его советам прислушивался и М. А. Ханна. В 1895 г. Коулсат купил две главные чикагские газеты и свел их в одну «Чикаго таймс геральд», изменив при этом их ориентацию: новая газета сделалась республиканским органом. Тогда же он приобрел контрольный пакет акций «Нью-Йорк ивнинг пост», но пренебрежительно не тронул ее редактора, и газета продолжала считаться независимой. Через год ему удалось прибрать к рукам и «Нью-Йорк таймс».

«оказать помощь Кубе». Такова была обстановка в стране, когда в апреле 1897 г. Т. Рузвельт приступил к своим обязанностям в Вашингтоне.

Министерство военно-морского флота было как раз тем местом, о каком только мог мечтать Рузвельт. Начиненный до отказа идеями экспансионизма, убежденный в превосходстве и способностях англоамериканской нации, уверовавший в необходимость для США мощного флота, энергичный «джинго» был в восторге — без преувеличения — от того, что теперь его служба связана с флотом, вооружением и в конечном итоге с войной, которую он ждал. Правда, пост помощника министра военно-морского флота был скромным, но удачно сложившиеся обстоятельства и его собственные усилия привели к тому, что помощнику министра на этом месте удалось сыграть роль, может быть, большую, чем он сам рассчитывал.

Рузвельт полагал, что он достаточно подготовлен для этой службы. Его интерес к флоту был общеизвестен; его шеф министр Джон Д. Лонг на первых порах думал, что Рузвельт «самый подходящий человек для этого поста»²⁹. Рузвельт же постарался его уверить, что не боится никакой трудной работы, что будет оставаться в Вашингтоне летом в самые жаркие дни, что единственная его цель — способствовать успешной работе министерства под руководством Лонга. По крайней мере так он писал о своих намерениях Лоджу еще до назначения³⁰. Однако у министра и его помощника оказались различные взгляды на тактические методы работы министерства и еще разительнее было их отличие в темпераменте.

Дж. Д. Лонг попал в члены кабинета, имея опыт политической и административной работы, но не в области военно-морского дела. Адвокат по образованию и профессии, он дважды избирался губернатором штата Массачусетс, затем шесть лет был членом конгресса, после чего вернулся к адвокатской практике. Теперь благодаря давней дружбе с Маккинли этот сугубо штатский человек стал министром военно-морского флота. Очень уравновешенный и неглупый, он надеялся строгим выполнением законов и внимательным надзором за текущими делами держать свое министерство в порядке. Естественно, что назначение на пост его помощника Рузвельта, энергичного и уже известного своим интересом к флоту и его истории, показалось Лонгу чрезвычайно удачным обстоятельством. Но молодой помощник — Руз-

²⁹ *Burton D. H. Op. cit., p. 43.*

³⁰ T. Roosevelt to H. C. Lodge, March 22, 1897.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 589.

вельту в это время было 37 лет, и он на 20 лет был моложе Лонга,— обладавший энергией, которой хватило бы на двух министров, и собственным взглядом на нужды флота, с первых дней на новом поприще решил, что пора положить конец министерской рутине и применить тактику натиска на президента и конгресс с тем, чтобы добиться усиления и расширения флота. Лонг и сам не был против укрепления военно-морских сил США, но даже не предполагал, в каком темпе начнет это дело Рузвельт, который спешил, ожидая, что вот-вот вспыхнет война.

Не прошло и 10 дней со дня появления в министерстве помощника Лонга, как президент получил от него одну за другой две докладные записки о состоянии американского флота. В первой Рузвельт высказывал соображения по поводу необходимого перемещения кораблей в связи с тем, что японское правительство заволновалось, предвидя возможность аннексии Соединенными Штатами Гавайских островов, на которые Япония имела свои виды. Японский крейсер появился на рейде в Гонолулу. И Рузвельт, сокрушаясь по поводу того, что американский крейсер «Филадельфия», посланный на Гавайи, слабее японского, так же как и многие другие военные суда Америки, писал, что в Гавайи «можно было бы послать линейный корабль «Орегон», который стоит половины японского флота»³¹.

По мнению Рузвельта, Гавайские острова надо аннексировать немедленно. Маккинли отнюдь не был против аннексии, но полагал необходимым сохранить какую-то дипломатическую форму. Рузвельт же был полон нетерпения и думал лишь о том, как заставить президента действовать более энергично. «Если бы зависело от меня,— писал он Мэхену через несколько дней,— мы бы завтра аннексировали эти острова. Если это невозможно, я установил бы над ними протекторат. Я полагаю, нам следует сейчас же построить Никарагуанский канал и одновременно с этим дюжину новых броненосцев, половину из них для Тихоокеанского побережья. Собственно, я уверен, что нам следует действовать мгновенно, до того, как два новых японских боевых корабля выйдут из Англии. Я бы послал «Орегон» и, если надо, еще «Монтерейн» (каждый с трюмами, заполненными углем, или сопровождаемые грузовым судном с углем) в Гавайи и водрузил бы наш флаг над островом, оставляя все детали для последующих действий...» И дальше: «Но в Вест-Индии имеются также громадные проблемы. До тех пор, пока мы решительно не выставим Испанию с этих островов (и, будь на то моя воля, это было бы

³¹ T. Roosevelt to W. McKinley, Apr. 22, 1897.— In: The Letters..., Vol. I, p. 601.

сделано завтра), нам всегда будут там угрожать неприятности. Нам следует приобрести датские острова, а, вышвырнув Испанию, мы тем самым официально объявим, что ни одной сильной европейской державе, и особенно Германии, не будет позволено укрепиться путем вытеснения какого-либо слабого европейского государства»³².

Это собственноручное письмо Рузвельта лучше любых подробных описаний рассказывает об убеждениях и устремлениях помощника министра. До поры до времени он скрывал их от своего шефа и в начале письма предупреждал Мэхена, что пишет «совершенно конфиденциально». Можно поверить, что он не смел в то время высказать Лонгу свое желание «водрузить флаг», а потом разбираться «с деталями». Как справедливо отметил Прингл, такая тактика проводилась им в течение большей части его жизни. «Дать делу свершиться, а потом волноваться из-за законов и деталей»³³. Но Маккинли и особенно Лонг («весьма милый старикан», — как называл его за глаза Рузвельт) были консерваторами старого закала, и им обоим было трудно решиться действовать без предварительной подготовки общественного мнения не только внутри страны, но и во всем мире.

Однако долго держать под спудом свои мечты и стремления Рузвельт был не в состоянии. Он ждал только случая, чтобы громко и в подходящей аудитории выступить с изложением и обоснованием своей военной программы. А случай представился незамедлительно. 2 июня 1897 г. он произнес речь перед выпускниками Военно-морского колледжа в Ньюпорте в качестве первого помощника министра военно-морского флота. Забыв о всякой сдержанности и сам все больше воодушевляясь при виде горящих глаз своих юных слушателей, Рузвельт развивал перед ними свои и капитана Мэхена взгляды на войну и на мир, на назначение Соединенных Штатов, на необходимость иметь мощный флот, превозносил войну и военную доблесть. Он заявил, что богатая нация, но «ленивая, робкая или неловкая, является легкой добычей для любого народа, который еще сохранил наиболее ценные из всех качеств — солдатскую доблесть... Мир только тогда бог, если он препоясан мечом... Никакое торжество мира не может быть столь великим, как превосходные военные победы. Храбрость солдата, храбрость государственного деятеля, который должен встречать бури, преодолеваемые только солдатской доб-

³² T. Roosevelt to A. T. Mahan, May 3, 1897.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 607; Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 171.

³³ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 172.

лестью, ценится выше, нежели любое качество, нужное только во время мира»³⁴.

Наэлектризовав будущих офицеров, с жадностью ловивших каждое слово, Рузвельт перешел к практическим предложениям, которые сводились, собственно говоря, к одному: необходимо увеличивать и усиливать флот США — строить и строить броненосцы и крейсера, усиливать их боевую мощь, готовить личный состав флота, офицеров и матросов. Для убедительности он привел изречение Дж. Вашингтона: «Готовность к войне является лучшей мерой для сохранения мира». Этот «забытый принцип», пишет советский историк А. П. Раскин, «Рузвельт объявлял вполне действенным сто лет спустя, равно как и полезным в будущем»³⁵. Не упоминая о том, что это было сказано в пору, когда Соединенные Штаты едва конституировались в самостоятельное государство, право на которое было отвоевано американскими колонистами у метрополии, Рузвельт убеждал слушателей в необходимости развивать военный флот, чтобы занять достойное место среди держав мира. Он негодовал, что народ и его правители не заботятся о вооружении страны: «Близорукость одних людей, беспечное равнодушие к фактам — других, сущее невежество огромной массы и эгоистичное нежелание остальных застраховать себя от будущей опасности сегодняшними жертвами — вот главные препятствия на пути строительства надлежащего флота и проведения должной внешней политики»³⁶. С упорством маньяка Рузвельт настаивал на том, чтобы во всех школах говорили о необходимости строить броненосцы и усиливать регулярные войска взамен милиции, с тем чтобы «вложить в умы всех наших граждан истину вашингтоновского изречения о том, что во время мира необходимо готовиться к войне»³⁷. Правда, он тут же старался затушевать эти призывы уверениями, что вооружение нисколько не угрожает миру. Но последние слова никого не могли ввести в заблуждение относительно его истинных взглядов и намерений.

В той уже достаточно накаленной обстановке, какая сложилась в Соединенных Штатах к лету 1897 г., когда джингоисты требовали аннексии Гавайев и интервенции на Кубу ради ее «освобождения», речь Рузвельта не могла остаться незамечен-

³⁴ «Proceedings of the US Naval Institute», Vol. 23, N 3, Annapolis, 1897, p. 449—450; Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 172.

³⁵ Раскин А. П. Развитие морской мощи в США (1901—1909 гг.). — В кн.: Американский ежегодник. 1974. М., 1974, с. 261—262.

³⁶ «Proceedings of the US Naval Institute», Vol. 23, N 3, p. 453.

³⁷ Ibid., p. 453.

ной. Однако ее автор был не очень доволен результатами. Правда, газета «Нью-Йорк сан» одной из первых откликнулась воинственной передовицей, но были и критические отзывы, причем со стороны людей, хорошо знакомых с Рузвельтом. Карл Шурц был столь же искренним антиимпериалистом и пацифистом, сколь неистовым джингоистом был Рузвельт. Он подверг резкой и беспощадной критике выступление Рузвельта в статье «Вооруженный и небооруженный мир», помещенной в журнале «Харперз уикли». Шурц предупреждал, что Рузвельт искренен лишь тогда, когда защищает войну, что слова о «сохранении мира» противоречат всем его помыслам и чаяниям и всему содержанию речи. Шурц справедливо оценил выступление в Ньюпорте как «настоящий панегирик войне»³⁸. Далее Шурц не только выступил против войны, но и беспощадно осудил нападение США на Мексику, назвав это «войной агрессии и завоевания с нашей стороны»³⁹.

Министр Лонг был совершенно обескуражен выступлением Рузвельта и сделал внушение своему помощнику. «Ему не понравилась речь, которую я произнес на днях в Военном колледже в Ньюпорте», — жаловался он капитану Мэхену⁴⁰.

Президент Маккинли более благосклонно, судя по письмам самого Рузвельта, относился к его выходкам. Может быть, он в это время просто не очень серьезно смотрел на задиру Рузвельта, но, скорее всего, сознательно усвоил с ним шуточный тон, позволяющий не одергивать этого зарывавшегося, но безусловно полезного чиновника. Факт остается фактом: Рузвельта нередко приглашали в Белый дом на обеды или вечерние приемы, где он имел возможность в непосредственной беседе с президентом со всей пылкостью развивать свои соображения о флоте, войне, торопить его с захватом Гавайских островов.

Рузвельт тогда не знал, что за шутливостью У. Маккинли и его лицемерными сентенциями о надежде урегулировать трения с Японией из-за Гавайев и с Испанией из-за Кубы скрывается не только уже принятое решение, но и что это решение претворяется в жизнь. С весны 1897 г. правительство Доула, американского ставленника на Гавайях, провело несколько антияпонских акций⁴¹. Как раз после этого в мае у берегов Гавайев появился японский крейсер «Нанива», о котором писал Рузвельт. Ни Мак-

³⁸ Schurz C. Speeches, Correspondence, and Political Papers of Carl Schurz, sel. and ed. by F. Bancroft, 6 Vls. New York, 1969, Vol. V, p. 399—400.

³⁹ Ibid., p. 400—402.

⁴⁰ T. Roosevelt to A. T. Mahan, June 9, 1897.— In: The Letters..., Vol. I, p. 623.

⁴¹ Например, был введен запретительный тариф на японский шелк и ограничена японская иммиграция (*Куропятник Г. П. Захват Гавайских островов*. М., 1958, с. 177—179).

кинли, ни помощник государственного секретаря У. Дэй, ставший фактическим главой госдепартамента в связи с болезнью Шермана, разумеется, не собирались информировать помощника министра военно-морского флота о том, что уже предпринимаются шаги к аннексии островов. Все проводилось в строжайшей тайне, и, когда 16 июня Маккинли подписал трактат о присоединении Гавайских островов к США и передал его на рассмотрение сената, это было неожиданностью и для японцев, получивших недавно заверения со стороны государственного секретаря Шермана, что президент не склонен торопиться в таком серьезном деле, и для широкого общественного мнения в самой Америке.

Приветствуемый джингойстами, трактат об аннексии Гавайев встретил отпор со стороны части сенаторов. Одни из них руководствовались антиимпериалистическими настроениями, другие — меркантильными, так как плантаторы Юга и сахарозаводчики Запада опасались конкуренции гавайского сахара. Советский историк Г. П. Куропятник пишет: «Важное значение в этом отношении имела также волна протестов, которыми отозвались на подписание трактата об аннексии Гавайев американские рабочие»⁴². Ратификация договора была отложена сенатом до осени, но джингойсты надеялись, и не без основания, на успех. А Рузвельт писал Лоджу, который лежал больной в своем загородном доме в Массачусетсе и не имел возможности выступить в сенате: «Я страшно доволен гавайскими делами. Вчера я чудесно провел время в Белом доме. Президент был сердечен, как всегда... и очень энергично выразился в пользу продолжения строительства флота. Ханна поддержал это, как и подобает мужчине»⁴³.

Лето 1897 г. Рузвельт провел почти безвыездно в Вашингтоне в лихорадочной работе. Лонг плохо переносил жару в Вашингтоне, уезжал на Запад и оставлял своего помощника официально исполняющим обязанности министра. Для Рузвельта это были лучшие дни его работы в министерстве. Он очень скучал без семьи, но писал сестре Анне: «... Тем не менее я действительно наслаждаюсь, так как безмерно интересуюсь всей работой, касающейся флота, а так как, когда я один, меня никто не связывает, я действительно достигаю многого»⁴⁴.

В качестве временного главы министерства — калиф хотя бы на час — он вмешивался во все действия министерства, стараясь

⁴² Куропятник Г. П. Захват Гавайских островов, с. 181.

⁴³ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 17, 1897.— In: The Letters..., Vol. I, p. 627.

⁴⁴ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Aug. 21, 1897.— In: Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, 1870—1918. New York, 1924, p. 208.

использовать любую лазейку для продвижения своих проектов перевооружения флота: отдавал личные распоряжения об установке на судах орудий нового образца, об изменениях уставных требований для командиров боевых судов с целью сокращения бесполезной переписки, затрудняющей инициативные действия командиров кораблей, об увольнении на пенсию неспособных офицеров и замене их другими, молодыми, знающими и энергичными людьми, одержимыми теми же взглядами и настроениями, что и он. Впоследствии он писал: «Я использовал всю власть, какая была у меня, чтобы помочь этим людям добиться материальной готовности. Я также старался из любых источников собирать информацию о лучших офицерах, которые были бы способны занять боевые посты»⁴⁵.

Словом, несмотря на одергивание со стороны своего пассивного и даже нерешительного шефа, Рузвельт не унимался. «... Мы должны делать все, что можем, доступными нам средствами», — писал он Лоджу⁴⁶. Одним из средств было давление на Лонга через А. Мэхена, авторитет которого был столь велик, что Рузвельт (конечно, совершенно конфиденциально) просил его убедить министра в необходимости постройки новых боевых судов. «Сделайте упор на то, что это мероприятие для мира, а не для войны», — наставлял при этом Рузвельт идейного вдохновителя маринизма⁴⁷. Его мечты о мощном военном флоте прорывались в письмах почти воплями. «Как бы я хотел, чтобы в нашем народе пробудилось сознание необходимости большого военного флота!», — писал он одному морскому офицеру⁴⁸.

А пока он «делал, что мог»: работал в Вашингтоне, ездил инспектировать новый строящийся военный корабль в Филадельфии, присутствовал на трехдневных маневрах атлантической эскадры — для него это было подлинным наслаждением — и успел произнести две-три воинственные речи. Его выступление в Огайо имело такой резонанс в прессе — газеты поместили кричащие заголовки о призывах к войне со стороны помощника министра военно-морского флота, — что Лонг устроил ему «сильный нагоняй», как он сам сообщал своему другу и ментору⁴⁹. Но как бы ни ворчал Лонг, он не отменял распоряжений помощника. Дело было все-таки в том, что президент снисходительно относился к Рузвельту. И хотя помощник министра замечал, что Маккинли

⁴⁵ *Roosevelt T. An Autobiography. New York, 1946, p. 210.*

⁴⁶ *T. Roosevelt to H. C. Lodge, Aug. 26, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 659.*

⁴⁷ *T. Roosevelt to A. T. Mahan, June 9, 1897.— Ibid., p. 623.*

⁴⁸ *T. Roosevelt to B. H. McCalla, Aug. 3, 1897.— Ibid., p. 636.*

⁴⁹ *T. Roosevelt to H. C. Lodge, Aug. 3, 1897.— Ibid., p. 637.*

часто отмалчивается, когда он начинает говорить о войне и вооружении, он чувствовал, что президент его поддерживает. В сентябре он писал сестре: «Сегодня я обедаю в Белом доме. Президент — настоящий «весельчак» — выражает большое удовлетворение по поводу всего, что я сделал»⁵⁰.

В свете дальнейших событий понятно, почему «весельчак» Маккинли «выражал удовлетворение», слушая рассказы Рузвельта о подготовительных операциях, проводимых им во флоте. Президент не посвящал молодого человека в тайны американской дипломатии; пожалуй, он не посвящал в них и Лоджа. Оба друга не знали, что, собственно говоря, глава государства не нуждается в уговорах и давлении, что идет тайная дипломатическая подготовка к войне с Испанией, точнее, к захвату Кубы, если можно — без войны, если надо — через войну с Испанией. Новый посол США при мадридском дворе генерал Стьюарт Л. Вудфорд получил перед отъездом в Испанию от государственного секретаря письменную инструкцию, отредактированную самим президентом, о том, какой линии следует придерживаться⁵¹. США ставили Испании ряд условий, требуя прекращения беспорядков и насилия на острове и угрожая испанцам более энергичными действиями. При этом целью американских политиков была отнюдь не независимость Кубы, а ее аннексия в интересах монополий.

Заинтересованность американского бизнеса в приобретении Кубы любым путем — от выкупа до войны — была определяющим фактором надвигающейся войны. Большинство американских буржуазных историков возлагало и возлагает вину за развязывание войны или на желтую прессу, или на интеллектуалов-джингоистов и пытается выгородить президента Маккинли⁵². Факты же говорят об ином. Крупные финансисты и промышленники, имевшие вклады или владевшие плантациями сахарного тростника на Кубе, терпели колоссальные убытки с начала освободительного движения кубинского народа, а кроме того, опасались за свои прибыли и собственность в случае, если Куба станет независимым государством. В мае 1897 г. два бизнесмена нанесли визит президенту: это были Джон Д. Маккук, адвокат корпораций, представлявший на Кубе интересы американского бизнеса и к тому же друг Маккинли, и мультимиллионер Роберт А. К. Смит⁵³. В том же месяце в Белом доме побывал еще

⁵⁰ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Sept. 17, 1897.— In: Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, p. 208.

⁵¹ *Foner Ph. S. The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism*, 2 Vls. New York and London, 1972, Vol. I, p. 215.

⁵² Подробнее см.: *ibid.*, p. 280—310.

⁵³ *Ibid.*, p. 220.

один финансовый магнат, Август Белмонт, также имевший крупные вклады на Кубе⁵⁴. Цель этих визитов была ясна: по-первых, выразить правительству свою тревогу в связи с непрекращающимися волнениями на острове, во-вторых, довести до сведения администрации, что бизнес ждет быстреего решения кубино-испанского конфликта. Белмонт настаивал на интервенции. Маккук поднимал вопрос о создании синдиката для выкупа Кубы. Администрация склонялась к первому, отдавая себе отчет в том, чего ждет от нее большинство монополистов.

Еще перед тем как Маккинли приступил к своим обязанностям, он советовался с сенатором Шерманом, который прямо сказал, что внешняя политика правительства «должна более соответствовать коммерческим интересам, нежели симпатиям к народу, борющемуся за свободу»⁵⁵. Именно такой линии следовал Маккинли, проводя ее с помощью Вудфорда и особенно помощника государственного секретаря Дэй. Они вели сложную интригу втягивания страны в войну с Испанией за ее колонии, стараясь перед мировым общественным мнением сохранить позу миротворческой державы. Вот почему Маккинли посмеивался и шутил, слушая пылкие разглагольствования Рузвельта и его «наставления» скорее начать войну.

Однажды, сопровождая президента во время верховой прогулки, Рузвельт сказал ему, что собирается лично участвовать в войне. Маккинли, опять полусушутя, обещал ему свою поддержку. Но на этот раз президент вряд ли понимал, что участие в войне, в сражениях было давней мечтой Рузвельта. Уже в сентябре, в нетерпеливом ожидании войны, он заранее ищет для себя возможности вступить в армию волонтером и пишет об этом Ф. В. Грини, военному эксперту и полковнику в отставке, служившему военным обозревателем в русско-турецкую войну. Выражая уверенность, что Грини пойдет на фронт, Рузвельт предлагает ему набрать волонтерский полк. «Я полагаю, нам следовало бы набрать полк с Вами в качестве полковника и со мной в качестве помощника командира полка. Мой военный опыт очень ограничен, я был капитаном национальной гвардии в течение трех лет; тем не менее я знаю, что под руководством такого человека, как Вы, я мог бы выполнять свои обязанности на высшем уровне»⁵⁶.

Как видим, Рузвельт заранее хотел обеспечить себе место в армии, пусть волонтером, только бы не оставаться во время вой-

⁵⁴ *Ginger R. Op. cit.*, p. 196.

⁵⁵ *Foner Ph. S. Op. cit.*, Vol. I, p. 209.

⁵⁶ T. Roosevelt to F. V. Greene, Sept. 15, 1897.— In: *The Letters...*, Vol. I, p. 679.

ны в Вашингтоне. Однако ему пришлось сдерживать свое нетерпение еще более полугода.

Нельзя не отметить, как расчетливо действовал Маккинли в эти последние месяцы перед войной. Только к концу 1897 г. он решил, что пора припугнуть Испанию. 6 декабря в ежегодном послании конгрессу он уделил особое внимание кубинскому вопросу. Делая, как обычно, массу оговорок и ссылок на гуманность, честь и интересы цивилизации, Маккинли позволил себе пригрозить Испании. Он заявил, что США готовы прибегнуть к вооруженной интервенции и не будут ждать, пока Испания справится с восстанием. Маккинли подчеркнул, что «в качестве соседней страны, имеющей широкие интересы на Кубе, мы могли ждать лишь в течение разумного времени, пока метрополия установит свою власть и порядок на острове»⁵⁷. И, заканчивая освещение позиции США в этом вопросе, Маккинли впервые произнес слова о возможности вооруженной интервенции. Конечно, они сопровождались заверениями, что это произойдет лишь в крайнем случае, лишь тогда, когда «долг, возложенный на нас нашими обязанностями по отношению к себе, цивилизации и человечеству, заставит вмешаться с оружием в руках. Это произойдет без вины с нашей стороны и только потому, что необходимость такого действия будет так ясна, что вызовет поддержку и одобрение всего цивилизованного мира»⁵⁸.

При всех оговорках, сделанных президентом, слова об интервенции все же были произнесены, а в устах главы государства они значили многое. Если к этому прибавить, что в январе 1898 г. в США был объявлен сбор средств в пользу кубинцев, пострадавших от испанских карателей, и это мероприятие возглавлял государственный департамент, то можно понять, что в Мадриде уже осознали всю опасность положения и отозвали с Кубы военного губернатора острова генерала Вейлера, желая умиротворить недовольство американцев. Но отставка и замена Вейлера не принесла ожидаемого Испанией снижения напряженности.

Обстоятельства, которые в конце концов привели к желанной для американских джингоистов развязке, широко известны и много раз описывались⁵⁹. Войне Америки с Испанией предшество-

⁵⁷ Congressional Record, Vol. 31, Pt 1, p. 5.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Отошлем читателя к следующим работам: *Слажкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956; *Дементьев И. П.* Указ. соч.; *Pratt J. W.* Expansionists of 1898. The Acquisition of Hawaii and the Spanish Islands. New York, 1951; *Foner Ph. S.* Op. cit. и др.

вали три события: антиамериканские выступления в Гаване, опубликование в херстовской газете «Нью-Йорк джорнэл» письма испанского посла в США Дюшюи де Лома с оскорбительной характеристикой президента Маккинли и взрыв в Гаванском порту американского броненосца «Мэйн», посланного туда под предлогом защиты жизни и собственности американских граждан, проживавших на Кубе.

Беспорядки в столице Кубы были организованы испанскими офицерами — противниками автономии Кубы и сторонниками генерала Вейлера, отставленного по требованию США. Толпа разгромила редакции кубинских газет антивейлеровского направления; раздавались угрозы в адрес американского консульства, которое, кстати, охранялось испанской полицией. Консул США телеграфировал об этом из Гаваны так: «Столкновения между испанскими фракциями... Слышал один раз вчера, как несколько бунтовщиков выкрикивали предложение идти к американскому консульству. Присутствие кораблей может быть необходимо, но не сейчас»⁶⁰.

Однако и этого сообщения было достаточно, чтобы желтая пресса в США подняла вой об оскорблении американской чести и несколько дней муссировала на все лады слухи об опасности, которая якобы угрожает американцам. 13 января «Нью-Йорк джорнэл» даже предсказывала, что интервенция на Кубу должна произойти в течение 48 часов⁶¹. Военный психоз быстро разгорался.

В сенате и палате республиканцы и демократы объединились в единодушном требовании признать кубинцев воюющей стороной. Газета «Нью-Йорк сан», более сдержанная в выражениях, нежели «Нью-Йорк джорнэл» и «Нью-Йорк уорлд», тоже заметила: «Необходимость прямой интервенции со стороны нашего правительства больше не будет отрицаться ни одним здравомыслящим человеком по обе стороны Атлантического океана»⁶². При этом, конечно, джингоистские крикуны «забывали» об акциях американских властей, позволивших себе недвусмысленно враждебные выступления против Испании: о том, что первая резолюция сената о признании Кубы воюющей стороной была принята еще в мае 1897 г., а главное — об угрозах президента в адрес Испании, содержащихся в упомянутом ранее послании конгрессу (6 декабря 1897 г.).

⁶⁰ Цит. по: *Wisn J. The Cuban Crisis as Reflected in the New York Press (1895—1898). New York, 1934, p. 374.*

⁶¹ *Ibid.*, p. 374—375.

⁶² Цит. по: *Wisn J. Op. cit.*, p. 379.

В эти последние месяцы перед войной Рузвельт был буквально наэлектризован ожиданием. Антиамериканские демонстрации в Гаване вызвали в нем новый прилив надежды на начало войны. Прочитав 13 января в утренних газетах сообщения из Гаваны, он тут же написал полковнику Грини о желании пойти с ним в действующую армию, когда начнутся «неприятности с Испанией»⁶³. Одновременно он атаковал Лонга, требуя усилить непосредственную подготовку к войне военно-морских сил США. «В настоящее время,— писал он шефу,— трения с Испанией кажутся чуть-чуть менее острыми, но я чувствую, сэр, что обязан обратить Ваше внимание на очень серьезные последствия для правительства в целом и особенно для военно-морского департамента (на который будет направлено народное негодование за любую потерю, невзирая на то, насколько мало в действительности департамент отвечает за такую потерю), если мы будем вовлечены в войну с Испанией и неожиданно окажемся вынужденными начать ее без подготовки, в то время как имея сейчас по крайней мере месяц мы могли бы активно подготовиться к нанесению удара»⁶⁴. Далее он излагал подробный план дислокации судов Атлантического и Тихоокеанского флотов с целью заблаговременной подготовки блокады Кубы и демонстрации своей силы в районе Филиппинских островов. Лонг пожевивался от напористости своего помощника, но кое-что из предложений Рузвельта принимал. Даже в газеты просачивались сообщения о подготовительных мероприятиях военно-морского министерства США.

Начиная с осени 1897 г. Испания пыталась уступками — не только смещением генерала Вейлера, но и предоставлением Кубе и Пуэрто-Рико автономии — смягчать разгневанных американцев, ибо в Мадриде понимали, насколько сильна в США «партия войны». Но неосторожность испанского посла в Вашингтоне Дюкюи де Лома, в частном письме в Гавану отозвавшегося о президенте Маккинли как о «низкопробном политикане», да еще слабохарактерном, дала в руки этой «партии войны» новый козырь. Нисколько не смущаясь тем, что письмо было выкрадено у адресата, газета «Нью-Йорк джорнэл» полностью его опубликовала 9 февраля, после чего в прессе и конгрессе поднялась невообразимая шумиха. Желтая пресса требовала высылки де Лома. Джингоисты в конгрессе воспользовались столь отличным предложением, как это письмо, чтобы устроить демонстрацию правительству. Они требовали от Маккинли немедленного ультиматума

⁶³ T. Roosevelt to F. V. Greene, Jan. 13, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 758.

⁶⁴ T. Roosevelt to J. D. Long, Jan. 14, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 759.

Испании ради «чести нации». При этом — в слегка завуалированной форме — говорилось и о том, что «освобождение Кубы» (т. е. переход ее под эгиду США) отвечает финансовым интересам американского бизнеса. Такая мысль была высказана сенатором Кэнноном: «Наши коммерческие связи со свободной Кубой представляют большую ценность для американского народа, являются более выгодными для трудящихся, более воодушевляющими производительность сельского хозяйства и промышленности в нашей стране, нежели вся наша торговля с Испанией»⁶⁵. Он закончил речь требованием открыть военные действия против Испании.

Де Лом, карьера которого была перечеркнута его собственной рукой, тут же подал в отставку; она была принята 14 февраля. Американское правительство сохраняло позу оскорбленной добродетели. Исполняющий обязанности государственного секретаря У. Р. Дэй заявил, что Испания действует со всей искренностью, но тут же добавил, что «инцидент не исчерпан»⁶⁶. Сообщение об этом интервью было напечатано 13 февраля, а 15 февраля в Гаванском порту на американском броненосце «Мэйн», пришедшем туда несколько дней назад, произошел взрыв. Судно затонуло вместе с половиной находящегося на нем экипажа⁶⁷.

Взрыв «Мэйна», причины которого до сих пор неясны, оказались кстаи американским джингоистам. Они сразу и бесговоротно объявили, что «Мэйн» был торпедирован испанцами. Вся нью-йоркская желтая пресса требовала немедленной войны и интервенции на Кубу⁶⁸.

«Нью-Йорк таймс» готова была признать, что взрыв был случайным происшествием, но заявляла, что Испания должна отказаться от Кубы⁶⁹. Только «Нью-Йорк ивнинг пост» выступила с осуждением тех, кто хотел использовать взрыв как предлог для войны, и хвалила администрацию за сдержанность⁷⁰.

Правительство США действительно проявляло сдержанность. Маккинли твердо решил не начинать войну, не обеспечив Америке перед лицом международного общественного мнения — хотя бы юридически — положения страны, поставленной перед необходимостью решительных действий. Его пугала ответственность, свалившаяся на него, как на главу государства, и необхо-

⁶⁵ Congressional Record, Vol. 31, Pt 2, p. 1575—1576.

⁶⁶ «The New York Times», 13.II 1898.

⁶⁷ Погибло 2 офицера и 264 матроса (*Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 177).

⁶⁸ *Wisn J. Op. cit.*, p. 400—401.

⁶⁹ «The New York Times», 26.II 1898.

⁷⁰ *Wisn J. Op. cit.*, p. 398.

димось принятия самостоятельного решения. Ничем иным нельзя объяснить потрясение, испытанное им при получении известия о взрыве «Мэйна», и настоящую истерику, свидетелем которой оказался Коулсат.

Срочно вызванный президентом в Белый дом, Коулсат застал там в разгаре музыкальный вечер; гости еще не знали о происшествии. Президент увел своего друга в кабинет и там сообщил ему о «Мэйне». Коулсат пишет, что президент «разрыдался и плакал как тринадцатилетний мальчик», когда сказал Коулсату: «Конгресс старается втянуть нас в войну с Испанией. Испанский флот в кубинских водах, а у нас на Атлантическом побережье не хватит снарядов отдать салют»⁷¹.

Описывая для потомства эту сцену, Коулсат, наверное, хотел показать невинность Маккинли в развязывании кубинской войны. Однако слезы не помешали президенту точно провести всю игру. Для расследования причин взрыва была создана комиссия военных экспертов, немедленно отправившаяся в Гавану, где перепуганные испанские власти оказывали авторитетным американским чиновникам всякое содействие. В это время конгресс вотировал билль о предоставлении в распоряжение администрации 50 млн. долл. на военные расходы⁷². И — пока шло расследование и пресса упражнялась в красноречии, описывая подробности взрыва, — оба военных министерства и государственный департамент развернули срочную подготовку к войне. Вот когда пригодилась активность и оперативность помощника военно-морского министра!

Рузвельт, конечно, не рыдал по поводу взрыва и даже не сожалел о погибших. Хорошо уж и то, что он не выражал неприличной радости, что свершившееся еще больше приближало развязку. Он повсюду открыто требовал возмездия, а в его меморандумах министру появился почти назидательный тон. Рузвельт не скрывал, что жаждет войны. Он писал на другой день после взрыва: «Будучи джингонстом, ...я скажу, чтобы облегчить душу, что все отдал бы, если бы президент Маккинли завтра дал приказ идти в Гавану»⁷³.

После взрыва «Мэйна» Рузвельт решил действовать, где мог, самостоятельно. «Как и народ, — писал он впоследствии, — правительство долгое время медлило с подготовкой к войне, ибо многие честные, но заблуждавшиеся люди верили, что подготовка

⁷¹ Kohlsaat H. H. Op. cit., p. 67.

⁷² См.: Слэзкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 года, с. 50.

⁷³ T. Roosevelt to B. H. Diblee, Febr. 16, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 775; Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 177.

сама по себе направлена на развязывание войны. Я по крайней мере не разделял этого чувства и, когда оставался исполняющим обязанности министра, делал все, что было в моей власти, чтобы привести нас в состояние готовности»⁷⁴. Обуреваемый такими чувствами, Рузвельт 25 февраля (т. е. за месяц до опубликования отчета о взрыве «Мэйна») воспользовался очередной отлучкой шефа и отправил официальное телеграфное распоряжение командующему тихоокеанской эскадрой адмиралу Дьюи привести корабли в состояние боевой готовности и, в случае объявления войны, начать боевые операции против испанского флота в районе Филиппинских островов⁷⁵.

Адмирал Дьюи, который получил свой пост благодаря помощнику министра, был подготовленным оперативным офицером, рвавшимся в бой не меньше, чем сам Рузвельт. Именно на эти его качества и рассчитывал Рузвельт. «Я был уверен, что если бы ему дали полшанса, он ударил бы мгновенно и с основательным эффектом; и я решил, что все, что мог сделать, дабы он получил эти полшанса, должно быть сделано»⁷⁶.

Рузвельт признавался, что советовался по поводу этого распоряжения с Лоджем, но не со своим прямым начальником. Лонг, узнав на другой день о действиях помощника, записал в дневнике: «Кажется, сам дьявол вселился в него ...он ведет себя, как слон в посудной лавке»⁷⁷. Тем не менее распоряжение Рузвельта не было аннулировано, как это иногда бывало с некоторыми из его приказов, отданных в отсутствие Лонга⁷⁸. Однако последнее

⁷⁴ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 213.*

⁷⁵ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 214; T. Roosevelt to G. Dewey, Febr. 25, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 784—785.*

⁷⁶ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 213.*

⁷⁷ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 178.*

⁷⁸ В последние годы появилось мнение, что Рузвельт послал телеграмму Дьюи с согласия Лонга; это мнение основано на том факте, что распоряжение не было дезавуировано. Американский историк Уолтер Лафебер пишет: «Историки слишком долго не придавали значения этому решающему аспекту рузвельтовского приказа — на посылку телеграммы смотрели, как на шалость. Хотя президент и министр военно-морского флота отменили более половины других рузвельтовских планов, они позволили Дьюи подготовиться к удару на Манилу. Кроме того, действия помощника министра не были результатом неожиданного вдохновения; Рузвельт действовал после многомесячных собеседований с Махеном, Адамсом, Лоджем и, да не будет забыто, с Маккилли» (*La Feber W. The New Empire. An Interpretation of American Expansion. 1860—1898. Ithaca, 1967, p. 362*). Советский историк А. П. Раскин также склоняется к мысли, что Рузвельта «сознательно» оставили одного в министерстве: «В пользу последнего предположения говорит тот факт, что приказы Рузвельта не были отменены вернувшимся в министерство Лонгом» (*Рас-*

обстоятельство еще не доказывает, что телеграмма была послана по приказу президента или хотя бы Лонга. Они отнюдь не стремились форсировать события, но, когда дело было сделано, Маккинли не трудно было сообразить, что распоряжение Рузвельта выгодно оставить в силе.

Правительство США официально продолжало заверять о желании разрешить конфликт мирным путем, но разворачивало приготовления к войне, хотя, как показали дальнейшие события, с меньшим эффектом, чем требовали «джинго» и военные круги. Все же в прессе появились сообщения о действиях обоих военных министерств. «Приготовления к переводу страны на военные рельсы продолжают без замедления во всех частях страны, — писала «Нью-Йорк таймс». — ...Министерство военно-морского флота просило конгресс предусмотреть добавочный призыв 1500 человек. Военное министерство проводит в армии подготовку к набору еще двух артиллерийских полков по законопроекту, обсуждаемому в конгрессе»⁷⁹. Со своей стороны Рузвельт продолжал кипучую деятельность по снаряжению флота, покупке новых судов и выколачиванию у конгресса ассигнований на вооружение. Американский историк Г. К. Били приписывает, не без основания, все заслуги по подготовке флота к войне с Испанией только Рузвельту, подчеркивая, что благодаря ему флот оказался снаряженным лучше, нежели армия⁸⁰.

Рузвельт чувствовал, что его настойчивость начинает раздражать министра, но, не обращая на это внимания, продолжал вмешиваться во все действия министерства и непрерывно подстегивал Лонга. В начале марта он писал одному из морских офицеров: «Если будет война, я хочу уйти отсюда и попасть на фронт, если смогу. Я навязываю так много советов министру, что боюсь, ... что превратился в персону нон грата...»⁸¹ Однако, по видимому, это не так уж сильно смущало помощника Лонга, если он не оставлял в покое своего начальника; тем более, что Рузвельт ощущал молчаливое одобрение президента.

Правда, Маккинли медлил с объявлением войны, желая создать благоприятное для США международное общественное мнение. 28 марта в газетах был опубликован в сокращенном виде доклад комиссии, расследовавшей причины взрыва «Мэйна». Ко-

кин А. П. Указ. соч., с. 263). Однако нет никаких документальных данных, подтверждающих такую версию. Все говорит за то, что это была, конечно, не «шпалость», а продуманное действие самого Рузвельта.

⁷⁹ «The New York Times», 27.II 1898.

⁸⁰ Beale H. K. Op. cit., p. 70.

⁸¹ T. Roosevelt to C. H. Davis, March 9, 1898.— In: The Letters..., Vol. I, p. 791.

миссия, куда не были допущены ни испанцы, ни представители незаинтересованных держав, представила доклад, в котором была налицо определенная двусмысленность. Параграф 4-й гласил: «Суд не может составить определенного мнения об условиях катастрофы на основании разноречивых свидетельств». Но следующие три параграфа утверждали, во-первых, что мина была подвезена со стороны порта (§ 5), во-вторых, что взрыв произошел не по вине тех, кто «находился на борту» (§ 6) и, в-третьих, что «взрыв мины вызвал взрыв двух пороховых погребов» (§ 7). А затем следовал вывод: «Суд объявляет, что не может найти доказательства для определения ответственности» (§ 8)⁸². Но и сказанного было достаточно, чтобы вызвать новый взрыв военной пропаганды.

Газеты «Нью-Йорк джорнэл» и «Нью-Йорк уорлд» обливали грязью президента за сдержанный тон ноты, направленной Испании⁸³. Не меньше них возмущался Рузвельт. Когда и после появления в печати доклада комиссии Маккинли ограничился нотой Испании, негодованию Рузвельта не было границ. Но Маккинли терпеливо сносил выходки Рузвельта и оскорбления газет. Даже среди ближайшего окружения президента продолжали считать, что глава государства, как и открытые пацифисты, желает во что бы то ни стало избежать войны.

30 марта 1898 г., т. е. через два дня после обнародования выводов комиссии по делу о взрыве «Мэйна», Рузвельт почти в отчаянии писал мужу своей младшей сестры: «Президент решительно настроен сохранить мир любой ценой. Если испанцы не объявят войну, у нас ее не будет... Развитие событий ведет к войне. Конгресс за войну. Все, что нужно, это крупный лидер; но два крупнейших лидера, президент и спикер (спикером был Томас Рид, антиимпериалист.— *И. Б.*), оба владеющие огромной властью, почти ненормальны в своей жажде мира и принесли бы почти любую жертву, чтобы сохранить мир»⁸⁴. В тот же день в письме другому шурина, капитану Каулсу, также с нетерпением ожидавшему открытия военных действий, он рассказывал, что в присутствии всего кабинета и М. Ханны он, Рузвельт, советовал президенту немедленно осуществить вооруженную интервенцию на Кубу: «...Я сказал президенту самым простым языком, что никакой другой путь не совместим с нашей национальной честью или с требованиями гуманности во имя несчастных женщин и

⁸² «The New York Times», 28.III 1898.

⁸³ *Wisn J. Op. cit.*, p. 438.

⁸⁴ T. Roosevelt to D. Robinson, March 30, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 805—806.

детей Кубы. Я огорчен и возмущен сильнее, чем могу выразить, промедлением с нашей стороны в таком деле, как это»⁸⁵. Ссылка на «несчастных женщин и детей Кубы» — необходимая фраза, не сходявшая уже много месяцев со страниц бульварных газет.

Несмотря на выпады прессы и настояния окружающих, Маккинти протянул еще три недели. Американское правительство признало неудовлетворительным объяснение Испании. В это время уже не только желтая пресса, но и широкая печать присоединилась к требованиям объявить войну — настолько распространились в стране экспансионистские настроения⁸⁶. Известные общественные деятели, военные, профессора выступали с воинственными заявлениями. Среди них мы встречаем имена У. Д. Брайана, генерала Уоллеса, президента Корнельского университета Шурмана и др.⁸⁷

Деловой мир Соединенных Штатов, ради интересов которого страна втягивалась в войну, не афишировал столь открыто свои стремления, но 9 февраля подал петицию президенту с напоминанием о затруднениях, испытываемых корпорациями, чьи финансовые и коммерческие интересы были связаны с Кубой. Под петицией стояли подписи 148 директоров банков и предприятий Нью-Йорка, Филадельфии и Мобила⁸⁸. Они настаивали на решительных действиях. Было также известно, что массачусетские предприниматели поддерживают и одобряют выступления Лоджа, одного из главных столпов джингоизма. Американский историк Д. Б. Ширмер подчеркивает, что в конце 90-х годов промышленные круги Бостона, выразителем интересов которых был Лодж, стали рассматривать империалистические захваты как средство преодоления трудностей, возникающих при сбыте растущего количества товаров⁸⁹. «Кроме того,— пишет Ширмер,— провоенное давление со стороны Лоджа при подобной конъюнктуре отражало чувства тех, кто в американской экономике занимал более важное место. В конце марта финансисты Уолл-стрита, национального банковского центра, Джон Гэйт, Томас Форчун Райан, Уильям Рокфеллер и Стьюварт Фиш — все были настроены воинственно; Дж. П. Морган не видел никакой пользы от продолжения болтовни об арбитраже»⁹⁰. Монополисты США

⁸⁵ T. Roosevelt to W. S. Cowles, March 30, 1898.— The Letters..., Vol. II, p. 804.

⁸⁶ См.: Демингъев И. П. Указ. соч., с. 169—170.

⁸⁷ Wisan J. Op. cit., p. 435.

⁸⁸ Foner Ph. S. Op. cit., Vol. I, p. 231—232.

⁸⁹ Schiermer D. B. Republic of Impire. American Resistance to the Philippine War. Cambridge (Mass.), 1972, p. 47.

⁹⁰ Ibid., p. 52.

ждали войны с нетерпением. «Деловой мир долго готовился к ней, и ему мало что остается, чтобы быть к ней готовым», — писал в Лондон американский корреспондент журнала «Экономист», когда война стала фактом⁹¹. Это произошло 21 апреля 1898 г.

Накануне посол США в Мадриде передал правительству Испании ультиматум с требованием вывода всех вооруженных сил с острова Куба и из кубинских вод и полного отказа от владения и управления островом. Утром 21 апреля в газетах появилось сообщение об ультиматуме, а «Нью-Йорк таймс» поместила его под красноречивым лозунгом «Война пришла»⁹², хотя еще не было официального объявления войны.

Испания объявила, что отказывается принять ультиматум, и в тот же вечер, 21 апреля, президент, к восторгу Лоджа, Рузвельта, сенатора Проктора (бывшего военного министра в кабинете Гаррисона) и прочих джингоистов, отдал приказ о блокаде Кубы и о призыве в армию волонтеров. Но только после того, как правительство Сагасты, не приняв американского ультиматума, 23 апреля декларировало состояние войны с США, конгресс 25-го вотировал билль о войне с Испанией с требованием от президента немедленной положительной санкции⁹³. И Маккинли, конечно, подписал этот закон, объявлявший, что с 21 апреля 1898 г. США находятся в состоянии войны с Испанией⁹⁴. Все было соблюдено так, как рассчитывала американская дипломатия.

⁹¹ Цит. по: *Слэзкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 года, с. 54.

⁹² «The New York Times», 21.IV 1898.

⁹³ «The New York Times», 25.IV 1898.

⁹⁴ «Congressional Record», Vol. 31, Pt 5, p. 4288.

Глава V • ПОХОД НА КУБУ

Весь последний месяц перед объявлением войны Рузвельт находился в чрезвычайно нервном, возбужденном состоянии. Он твердо решил уйти из министерства в действующую армию, когда начнется война. Даже семейные обстоятельства — длительная и тяжелая болезнь жены после рождения пятого ребенка и плохое состояние здоровья старшего мальчика — не могли заставить его отказаться от этого намерения. Он хотел участвовать в сражениях, а не писать бумаги; он полагал, что в качестве гражданского чиновника сделал все, что мог, для подготовки войны, и в этом, пожалуй, не ошибался. Но в военное время роль штатского помощника министра военно-морского флота будет слишком ограничена. Советниками министра и президента станут военные. «Помощнику министра, — писал он приятелю, — собственно говоря, нечего делать во время военных операций. Они будут решаться министром с помощью его военнослужащих. Я оказывал или мог оказывать какое-то влияние просто благодаря факту, что брал на себя ответственность вмешиваться не в свои дела и что *мне позволяли вмешиваться*. В сущности мне вмешиваться не позволяли, кроме исключительных случаев, и все, что я сделал, обычно делалось, когда я оставался исполняющим обязанности министра. Мне не позволят исполнять эти обязанности во время войны»¹. Как человек действия, Рузвельт не хотел оставаться в тени.

Были еще мотивы, по которым он стремился на фронт. «Итак, — продолжал он, — в течение долгих лет я настойчиво проповедовал то, что нашим противникам было угодно называть джингоистскими доктринами... Мне кажется, что, с точки зрения нации, в целом важнее, чтобы люди, подобные мне, пошли на войну, чем если бы мы оставались дома в комфортабельных кабинетах и предоставили другим вести войну, которую мы требовали»². Кроме того, при его воинственных наклонностях он,

¹ T. Roosevelt to W. S. Bigelow, March 29, 1898.— In: The Letters of Theodore Roosevelt, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. II, p. 802 (подчеркнуто мною.— *И. Б.*)

² Ibid., p. 803.

наверное, в глубине души сожалел, что его отец не был солдатом в гражданскую войну, и, возможно, это чувство, в котором он никогда и никому не признавался, еще больше подталкивало его к действиям. Во всяком случае, так заставляет думать следующее признание Рузвельта: «Я всегда чувствовал, что, если будет серьезная война, я хотел бы потом объяснить своим детям, почему я принял в ней участие, а не почему я не участвовал в ней»³.

Все друзья и родные (кроме жены) пытались отговорить Рузвельта от его намерения уйти на фронт. Но одна Эдит понимала, насколько сильно его желание попробовать силы в том, что он считал «делом настоящего мужчины». Правда, объясняя свои поступки, он не удерживался от позырства и притворной скромности, например, когда писал: «...Я не ожидаю от этой кубинской войны военной славы более той, что заключается в честном выполнении долга»⁴. В это нелегко поверить, зная, что выше всего он ставил военную доблесть. Но не приходится сомневаться в искренности его слов, когда он пишет своим близким и друзьям, что действует сознательно, взвесив тщательно все обстоятельства, а не по легкомыслию или под влиянием порыва⁵.

Друзья Рузвельта, особенно Лодж, считали его решение неправильным, даже с точки зрения будущей карьеры. Он покидал пост, на котором сблизился с правящей верхушкой партии и приобрел дружеское расположение самого президента, ради опасностей и неопределенных перспектив будущих военных действий, не говоря уж о возможности быть раненым, убитым или подхватить желтую лихорадку. Но все эти соображения не играли для Рузвельта никакой роли. Он боялся лишь, чтобы Испания или американское правительство не отказались от войны, чтобы события вдруг не пошли вспять. «Что касается здешних дел,— писал он сестре,— я бы отдал все, что имею, только бы на два дня стать верховным главнокомандующим. Затем я бы отлично мог уйти в отставку, ибо события пошли бы так, что никто не смог бы их остановить»⁶.

Эти мечты и страхи Рузвельта в последние три недели перед войной были плодом его воображения, нетерпения и самоуверенности. Как уже говорилось, правительство Маккинли не собиралось отступать от намеченного плана действий, и 25 апреля война стала фактом, а Рузвельт в тот же день получил не только

³ *Roosevelt T. An Autobiography. New York, 1946, p. 217.*

⁴ *T. Roosevelt to P. Dana, Apr. 18, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 817.*

⁵ *T. Roosevelt to A. Lambert, Apr. 1, 1898.— Ibid., p. 808; T. Roosevelt to D. Robinson, Apr. 2, 1898.— Ibid., p. 809.*

⁶ *T. Roosevelt to A. R. Cowles, Apr. 1, 1898.— In: Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, 1870—1918. New York, 1924, p. 212.*

согласие президента и Лонга отпустить его в действующую армию, но и лестное предложение военного министра Олджера принять командование над одним из трех кавалерийских волонтерских полков, о формировании которых состоялось решение конгресса и правительства.

К немалому удивлению Олджера Рузвельт отказался принять чин полковника, не считая себя подготовленным для этого поста и не желая терять время на военную подготовку. Он удовольствовался званием подполковника (the lieutenant colonel) Первого кавалерийского полка волонтеров Соединенных Штатов под командованием Леонарда Вуда, хирурга по профессии, но знающего военный строй, человека организованного и собранного. Вуд получил это назначение по непосредственной рекомендации Рузвельта, давно его знавшего. Им предстояло сначала сформировать полк, экипировать его, вооружить и попытаться провести с волонтерами кое-какие строевые занятия. В полк принимались только те, кто умел ездить верхом и обращаться с оружием, но никто из будущих волонтеров не имел понятия о строевой службе и военной дисциплине. Военная подготовка новоиспеченного подполковника ограничивалась трехмесячной службой в национальной милиции.

Местом формирования полка был избран городок Сан-Антонио в штате Техас. Первым туда отправился Вуд, его помощнику надо было дожидаться назначения заместителя на его место в министерстве военно-морского флота. Эти последние дни в Вашингтоне Рузвельт провел в лихорадочных сборах. Он срочно заказал для себя в Нью-Йорке военный мундир, а также дюжину пенсне в металлической оправе, больше всего боясь при своей близорукости остаться без очков.

Уход Рузвельта в армию не остался незамеченным: о нем говорили, об этом писали газеты. «Нью-Йорк таймс» поместила на первой странице сообщение: «Рузвельт покидает министерство». Газета писала: «Господин Рузвельт сейчас получил возможность перейти к более активной деятельности, которой он так страстно желал с тех пор, как война стала фактом. Сегодня он... ожидает отъезда на Запад, чтобы завтра же помочь вербовать своих ковбоев»⁷. Рузвельт мог быть доволен.

За несколько дней до ухода Рузвельта из министерства пришло известие о полном разгроме испанского флота близ Манилы американской эскадрой под командованием адмирала Дьюи. Совершилось именно то, на что рассчитывал Рузвельт, посылая

⁷ «The New York Times», 30.IV 1898.

Дью приказ держать наготове корабли. Ликование охватило Рузвельта. Он считал себя причастным к этой первой победе американцев. «Не великолепно ли действовал адмирал Дью? — восклицал он. — Я добился для него поста в Азии в прошлом году, и мне пришлось здорово просить, чтобы это сделать; а причиной я выставил то, что мы могли бы послать его в Манилу. И мы послали его — и он пошел!»⁸ В поздравительной телеграмме самому адмиралу Рузвельт не отказал себе в удовольствии подчеркнуть, что это он доставил Дью возможность, которую тот использовал «столь удачно»⁹.

Освободившись от обязанностей по министерству 6 мая, Рузвельт по просьбе Вуда задержался на несколько дней в Вашингтоне, утрясая в различных военных управлениях вопросы по экипировке и снабжению их формирующегося полка. Здесь весьмагодились его связи, энергия и напористость, ибо организация новых военных частей и их снабжение были поставлены из рук вон плохо, и все целиком зависело от способностей их командиров урвать необходимые вооружение и припасы для своих солдат.

В «Автобиографии» Рузвельт впоследствии посвятил несколько страниц описанию полной неподготовленности к войне военного министерства, оказавшегося в худшем положении, чем министерство военно-морского флота. «Даже в течение последних месяцев перед началом военных действий очень мало было сделано для эффективной подготовки»¹⁰. Он с гордостью отметил, что военно-морской флот был к началу войны в лучшем состоянии, чем сухопутные силы. Начальники военных ведомств, как он писал, действовали по шаблону, выработанному лет 30 назад, и «не имели ни малейшего представления о подготовке армии к войне»¹¹. Годы спустя после описываемых событий, возвращаясь к тому времени, Рузвельт снова и снова развивал свою любимую идею о необходимости военной подготовки для сильной нации; можно предположить, что именно с этой целью он так беспощадно критиковал неподготовленность, близорукость, даже тупость военного командования США в период испано-американской войны. «Что касается моей задачи узнать, каковы были планы военного министерства (во время формирования волонтерских полков. — *И. Б.*), то эта задача была простой. У них не было никаких планов», — вспоминал Рузвельт с пренебрежением¹².

⁸ T. Roosevelt to W. W. Sewall, May 4, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 823.

⁹ T. Roosevelt to G. Dewey, May 2, 1898.— Ibid., p. 822.

¹⁰ Roosevelt T. An Autobiography, p. 220.

¹¹ Ibid., p. 223.

¹² Ibid., p. 219.

Надо полагать, что неразбериха в делах управлений военного департамента еще больше усиливалась от партизанских действий таких командиров волонтеров, каким был Рузвельт. По его собственному признанию, в случае отказа в ружьях, обмундировании и т. п. он оперировал прямыми приказами Олджера, относившегося к нему с симпатией. Как бы то ни было, но ему удалось справиться с этими делами и явиться в Сан-Антонио в середине мая, чтобы непосредственно включиться в подготовку своего полка.

Ко времени прибытия Рузвельта в Техас полк, еще не полностью укомплектованный, успел завоевать среди местного населения не очень лестную славу. За недисциплинированность, попойки, грубые выходки этих волонтеров в газетах прозвали «лихими», или «дикими», всадниками (*the Rough Riders*). Это прозвище соответствовало действительности: основной контингент полка состоял из ковбоев юго-западных штатов, умевших обращаться с оружием, как правило, прекрасных наездников, непритязательных, смелых, но грубых и необузданных. Среди них были и совсем отпетые головорезы с темным прошлым, но были и отпрыски буржуазных семей. Война за испанские колонии, несмотря на красивые слова буржуазных газет об освобождении Кубы, была войной буржуазии, что подтверждается добровольной записью в волонтерские части целых отрядов студентов университетов и членов привилегированных клубов¹³. Известный нью-йоркский миллионер Джон Джэкоб Астор не только купил на свои средства и передал правительству артиллерийскую батарею стоимостью свыше 100 тыс. долл., но и вступил волонтером в армию и получил чин подполковника¹⁴. К отчаянию родителей добровольцем во флот записался сын Генри Лоджа, Джордж Кэбот, поэт, отнюдь не воинственного характера, однако и его захлестнула военная истерия.

Явившись в Сан-Антонио, Рузвельт с азартом окунулся в повседневную горячку спешного формирования и муштровки своих кавалеристов. Он чувствовал себя в своей стихии и только боялся, что «игра закончится до того, как мы в нее вступим»¹⁵.

¹³ У. Г. Харбаг пишет, что число желавших попасть в полк Рузвельта достигало 23 тыс. Из них отобрали несколько сот ковбоев, два десятка индейцев, большую группу нью-йоркских полицейских и несколько десятков спортсменов — питомцев Гарварда, Йела и Принстона (*Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1963, p. 105; T. Roosevelt to H. C. Lodge, May 25, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 832*).

¹⁴ *The Letters..., Vol. II, p. 830, note 1.*

¹⁵ *T. Roosevelt to A. R. Cowles, May 8, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 829.*

Подготовительное обучение волонтеров-кавалеристов продолжалось всего 3—4 недели. За эти дни Рузвельт успел приобрести необычайную популярность среди «лихих всадников», главным образом благодаря тому, что был прост в обращении и не соблюдал субординации в отношениях с подчиненными. Популярность завоевывалась и такими поступками: однажды, возвращаясь с отрядом после строевых учений под палящим техасским солнцем через курортное местечко Риверсайд-Парк, Рузвельт остановил лошадь, отдал приказ спешиться и объявил: «Люди могут пойти и выпить за мой счет пива, сколько захотят»¹⁶. Нужно ли говорить, что приказ был выполнен с энтузиазмом; выговор же, полученный подполковником от полковника Вуда за выпивку с солдатами, выслушанный, конечно, без возражений, не возымел действия. Он приглашал на обед сержантов своего полка в тот же отель, где обедали высшие офицеры¹⁷. Офицеров это шокировало, остальных окружающих восхищало.

Опасения Рузвельта, что флот Соединенных Штатов, одержав первую победу у Филиппинских островов, в течение нескольких дней докончит разгром противника, а сухопутные войска будут распушены и ему не придется участвовать в десанте и сражениях на Кубе или Филиппинах, не оправдались. В первых числах июня полк в составе других военных частей был переброшен во Флориду, в порт Тампа, откуда морские транспорты должны были доставить на Кубу военный десант. Злоключения начались в Тампе, куда полк прибыл 6 июня. Вуд и Рузвельт обнаружили, что транспорт «Юкатан», на который им следовало погрузить полк, оказался уже предназначенным для двух других полков. Но, как потом описывал сам Рузвельт, «лихие всадники» сумели захватить судно и отразить атаки регулярных полков. Транспорт «Юкатан» остался в их владении. «Такова была первая победа лихих всадников», — иронизирует по этому поводу Г. Ф. Прингл¹⁸. Но самое невероятное, что эта операция, по словам Рузвельта, была проделана по совету генерального квартирмейстера армии!¹⁹

Случай с «Юкатаном» отражал тот общий хаос и дезорганизацию, которые царили в военных частях перед вторжением. Погрузка войск на морские суда происходила в невероятном беспорядке. «Полки воровали друг у друга железнодорожные ваго-

¹⁶ Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 186.

¹⁷ Ibid., p. 187.

¹⁸ Ibid., p. 188.

¹⁹ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 12, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 841.

ны, чтобы первыми попасть к пирсу, и в нескольких случаях разгоралась ружейная перестрелка»²⁰. Рузвельт писал обо всем Лоджу: «Никакими словами не смогу тебе описать здешнее смятение и отсутствие системы и всеобщее расстройство в делах; в значительной мере это является неизбежным следствием неожиданной войны там, где народ решительно отказывался делать необходимые приготовления, но очень многого можно было бы избежать»²¹.

После подробного описания того, как безалаберно проходила погрузка его людей, лошадей, вооружения и припасов, Рузвельт замечает: «Полный контроль здесь должен был быть в руках у одного человека, облеченного абсолютной властью, особенно над железнодорожными владельцами, которые вели себя очень гадко»²².

Десантный флот, перегруженный людьми и снаряжением, проболтался в бухте у Тампы еще неделю. Все ежедневно ожидали приказа об отплытии, измученные жарой, скученностью, плохим питанием. Рузвельт строчил Лоджу в Вашингтон отчаянные письма, возмущаясь безответственностью и неспособностью командования, умоляя показать президенту и, если необходимо, военному министру его письмо с подробным и весьма эмоциональным описанием состояния армии в лагере Тампа. «Я не знаю,— писал он,— являются ли исключением условия в Тампе; если нет, то налицо необходимость немедленных и радикальных изменений, или же неспособность нашего правительства в 1812 г. окажется более чем простым сравнением»²³. Но, несмотря на эту вполне реалистичную оценку состояния американской армии, он продолжал рваться в бой и наставлять Лоджу: «Вы должны захватить Манилу и Гавайи; вы должны предотвратить всякие разговоры о мире, пока мы не получим Пуэрто-Рико, а также Филиппины и не обеспечим независимость Кубы»²⁴. Как видим, все неурядицы лишь подстегивали подполковника Рузвельта.

Наконец 14 июня был получен приказ об отплытии и после нескольких дней перехода эскадра тихоходных транспортов достигла южного берега острова недалеко от Сантьяго. Хотя газеты торжественно сообщили об этом событии, присовокупив, что вспомогательный крейсер «Глочестер» приветствовал прибывшие

²⁰ *Foner Ph. S. The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism, 2 Vls. New York — London, 1972, Vol. II, p. 353.*

²¹ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 10, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 837.

²² *Ibid.*, p. 838.

²³ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 12, 1898.— *Ibid.*, p. 842.

²⁴ *Ibidem.*

суда²⁵, высадка американских войск происходила в том же духе, что и погрузка. «Мы высаживались в полном беспорядке,— вспоминал Рузвельт,— так же, как и грузились»²⁶. «Лихим всадникам» и тут посчастливилось высадиться раньше других частей (высадка продолжалась с 22 по 24 июня). Под проливным дождем голодные волонтеры пешком (провиант и лошади еще не прибыли) стали пробиваться сквозь джунгли в сторону Сантьяго под командованием своего подполковника и уже 24 июня попали в первую стычку с испанским арьергардом у Лас-Гуасимас. Так начались на Кубе военные действия, ««маленькая освободительная война» против испанцев»²⁷. Однако уже первая стычка показала, что американцам будет совсем не так легко, как они ожидали, выбить испанцев с острова.

Бездарность американского командования в лице генерала Шафтера, интриги генералов, отсутствие единого плана операций, незнание местности, плохая связь между штабом и отдельными частями армии вторжения — все это привело к тому, что американцы потеряли в первом же бою много людей и попали в затруднительное положение.

Полк «лихих всадников», участвовавший в столкновении под Лас-Гуасимас, имел значительные потери; очевидцы обвиняли в них Рузвельта, который повел своих людей в глубь страны, не зная местности и не имея представления о расположении испанских частей. Прингл пишет, что в полку находились военные корреспонденты Р. Г. Дэвис и Э. Маршалл, чьи рассказы противоречат один другому. Маршалл отрицал, что полк оказался в засаде, Дэвис же сообщил в «Нью-Йорк геральд» по горячим следам после боя, что «мы попали в настоящую засаду»²⁸. Но Прингл почему-то забывает, что там присутствовал еще один военный корреспондент, Стивен Крейн, не только талантливый писатель, но и зоркий человек и страстный правдоискатель. Его корреспонденции с театра военных действий на Кубе отличаются резкостью и правдивостью. Причем от критики американской военщины в газетных репортажах Крейн перешел к мучительным сомнениям и размышлениям о том, что в действительности происходит на Кубе и в его собственной стране вообще. Советский исследователь

²⁵ «The New York Times», 22.VI 1898. Кстати, этот крейсер был переоборудован под военный корабль из яхты Дж. П. Моргана «Корсар», переданной этим финансовым магнатом правительству.

²⁶ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 234.

²⁷ *Foner Ph. S. Op. cit.*, Vol. II, p. 358.

²⁸ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 191. Впоследствии, пишет там же Прингл, Дэвис, подружившийся с Теодором Рузвельтом, по-прежнему описывал этот случай, и тогда ни о какой засаде не было и речи.

О. В. Васильевская пишет: «Однако, не в пример своим коллегам, Крейн не воспевал деятельности Рузвельта, не писал о громких именах»²⁹. В статье «Потери лихих всадников Рузвельта — результат доблестного заблуждения» (Roosevelt's Rough Riders Loss Due to a Gallant Blunder) Крейн возмущался, что сотни людей погибли из-за недомыслия и безрассудной храбрости начальства. «Это была просто-напросто глупая храбрость»³⁰. Так справедливо оценил Крейн битву при Лас-Гуасимас, в которой Рузвельт получил боевое крещение.

Сам командир «лихих всадников» был другого мнения и о самой стычке, и о своей роли в ней. Через три дня он писал Лоджу: «Ну, что бы ни случилось, я буду рад, что бросил морское министерство ради того, чтобы пойти на войну, так как наш полк участвовал в первой битве на суше и проявил себя хорошо... Я командовал эскадром на правом фланге до тех пор, пока мы не соединились с регулярными частями, которые продвигались самостоятельно. Затем майор Броуди был убит, и я принял на себя командование его эскадром и вел его в заключительном бою»³¹. Словом, в этом описании все выглядело прекрасно; хотя он и упомянул об убитых и раненых в стычке, но, конечно, не мог признать, что полк попал в засаду из-за неосмотрительности его командира.

На самом деле все обстояло далеко не блестяще. Операции сухопутных американских войск на острове развивались совсем не так успешно, как ожидали в Вашингтоне. Войска были плохо обучены, не хватало обмундирования и даже боеприпасов, было мало кадровых офицеров, дисциплина — особенно в волонтерских частях — никуда не годилась, санитарная служба и даже разведка были поставлены из рук вон плохо. Правда, американцам удалось подтянуть свои войска и 1 июля произошел бой, в котором американские части захватили Сан-Хуанские высоты на подступах к Сантьяго. Это был тот самый бой, который принес Теодору Рузвельту славу.

Накануне боя Рузвельт был назначен командиром полка, так как Вуду поручили командовать бригадой взамен заболевшего генерала Янга.

Битва при Сан-Хуане началась неудачно для американцев. Не было артиллерийской подготовки. Испанцы отбили атаки, но их дальнейшая пассивность принесла американцам победу. Од-

²⁹ *Васильевская О. В.* Творчество Стивена Крейна. М., 1967, с. 262.

³⁰ Цит по: *Васильевская О. В.* Указ. соч., с. 262.

³¹ T. Roosevelt to H. C. Lodge, June 27, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 846.

нако она была достигнута не в результате выполнения военного плана, разработанного командованием. Первоначальное сопротивление испанских войск привело в растерянность командование. Связь между отдельными частями была нарушена. Командиры действовали на свой страх и риск. В конце концов испанцы были выбиты из траншей и Сан-Хуанские высоты оказались в руках американцев, но ценою очень тяжелых потерь. Шафтер готов был дать приказ об отступлении и послал в Вашингтон паническое донесение, в котором просил о срочной высылке подкреплений³².

Но остальные генералы воспротивились намерениям Шафтера отступать. Рузвельт же хвастливо заявил генералу Уилеру, осматривавшему позиции на следующий день и сообщившему о возможности отступления: «Ну, генерал, по правде, я не знаю, будем ли мы повиноваться приказу об отступлении. Мы можем взять атакой этот город, и если уж мы уйдем отсюда, то я склонен двинуться в атаку в правильном направлении»³³. По словам Рузвельта, старый генерал горячо с ним согласился. Тем не менее американские войска у Сантьяго оказались в затруднительном положении, и только гибель эскадры Серверы, разбитой у Сантьяго 3 июля, вернула Шафтеру присутствие духа. Однако он перешел в наступление только после получения подкрепления людьми и боеприпасами. Сантьяго был окружен и сдался 16 июля.

В битве при Сан-Хуане и во взятии Сантьяго большую помощь американцам оказали кубинские повстанческие отряды, хотя Шафтер умолчал об этом в донесениях военному министру. Сначала американское командование решило использовать кубинских повстанцев только на рытье окопов и подвозе припасов. Такое отношение оскорбляло командира кубинских частей Гарсию. Однако, оказавшись в трудном положении под Сантьяго, американцы были вынуждены допустить кубинцев к участию в сражении. Пресса США писала о храбрости американских солдат и лишь бегло упоминала об отряде из 200 кубинцев, шедших впереди «лихих всадников» в атаке на Сан-Хуан³⁴.

Американские историки предпочитали обходить молчанием участие кубинских повстанцев в войне. И лишь несколько лет назад Ф. Фонер разыскал и опубликовал документы, рассказывавшие об участии кубинских негритянских отрядов во взятии Сантьяго. Он приводит свидетельство одного из американских офицеров, южанина по происхождению: «Если бы не было негри-

³² См.: *Слэкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956, с. 97.

³³ *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 244.

³⁴ «The New York Times», 3.VII 1898.

тянской кавалерии, лихие всадники были бы уничтожены. Я не поклонник негров. Мой отец сражался в отряде кавалеристов Мосби ³⁵, и я родился на Юге, но негры спасли эту битву, и придет день, когда генерал Шафтер воздаст им должное за их храбрость» ³⁶. Этот офицер ошибся, так как Шафтер отнюдь не был заинтересован в восстановлении истины и нигде не упоминал о храбрости кубинских повстанцев. Забыл это сделать и «герой» кубинской войны Рузвельт ³⁷.

Как было сказано, в начале операции испанцы оказали упорное сопротивление регулярным частям американцев. Связь со штабом была нарушена. Полк Рузвельта попал под жестокий обстрел противника, занимавшего более выгодную позицию на холмах. Рузвельт и Вуд решили перейти в наступление. Рузвельт, оставшийся старшим в чине в разгар сражения, принял на себя командование остатками нескольких полков, поднял их в атаку под прямым огнем испанцев и первым ворвался в испанские траншеи.

Полк «лихих всадников» понес тяжелые потери, но ни одна пуля не задела полковника Рузвельта, хотя он скакал на лошади впереди полка и представлял собой живописную мишень: в сомбреро, на котором развевался яркий голубой платок. Упоенный боем, победой, Рузвельт был счастлив и до конца дней считал бой при Сан-Хуане самым великим днем своей жизни. Он терял чувство меры и хвастался в письмах даже тем, что сам убил испанца из пистолета, подаренного ему капитаном Каулсом ³⁸. Наверное, никакие успехи в прошлом и будущем не значили для него так много, как это «великое приключение» его жизни,— так назвал кубинскую авантюру один из его биографов ³⁹. Даже спустя 20 лет он писал одному из своих друзей: «Я взлетел над этими кадровыми армейскими офицерами, как воздушный шар» ⁴⁰.

Безмерно гордый собственной храбростью и счастливый, что наконец-то участвовал в настоящей войне и даже не был ра-

³⁵ Джон С. Мосби — командир кавалерийского отряда южной Конфедерации во время гражданской войны в США.

³⁶ *Foner Ph. S. Op. cit.*, Vol. II, p. 361, note.

³⁷ Описывая битву за Сан-Хуан, Рузвельт не упоминает о кубинцах, а о стычке при Лас-Гуасимас даже написал: «Наши кубинские разведчики и проводники бежали как овцы при первых выстрелах» (Т. Roosevelt to H. C. Lodge, June 27, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 846). Это вовсе не похоже на правду, ибо кубинцы уже несколько лет сражались с испанскими угнетателями.

³⁸ Каулс преподнес ему пистолет, найденный в отсеках затонувшего «Мэйна».

³⁹ *Harbaugh W. H. Op. cit.*, p. 93.

⁴⁰ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 195.

нен⁴¹, Рузвельт, однако, правильно оценил многие недостатки в разработке планов операции и в назначении бездарных или старых генералов на важнейшие посты, возмущался недочетами вооружения (например, у американской армии не оказалось даже бездымного пороха, который уже имели испанцы), плохой материальной подготовкой операции в целом, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что люди с первого дня ощущали недостаток в снабжении артиллерийскими снарядами, провиантом, водой и т. д. В первых же после сражения письмах Лоджу Рузвельт дал уничтожающую характеристику американскому командованию, особенно генералу Шафтеру, которого называл «ничтожным» и «слишком тупым, чтобы командовать фронтом»⁴². Его описание битвы при Сан-Хуане дает такую картину: «Бой развивался сам по себе, три командира бригады, большинство полковников и все солдаты каждый сам по себе действовали хорошо; но Шафтер всегда держался линии огня не ближе, чем на три мили, и ни разу не подъехал; смятение было невероятное. Осадные орудия еще не были выгружены!.. Здесь нет главы, приказы с огромной поспешностью следуют один за другим, они в высшей степени запутанные и противоречивые...»⁴³

Несмотря на тяжелое положение американских войск на Кубе, разгром испанского флота и растерянность испанского командования привели к сдаче Сантьяго и капитуляции Испании в конце июля. Генерал Вуд был назначен военным губернатором Сантьяго.

Американское правительство с готовностью приняло предложение начать мирные переговоры. В Вашингтоне уже поняли, что продолжать войну будет совсем нелегко, несмотря на морские победы и взятие такой крепости на суше, как Сантьяго. Особенно плачевным было положение американских войск на Кубе из-за тяжелых эпидемий, косивших к концу кампании по 800 человек в день. Не хватало медикаментов, коек в госпиталях, провианта, одежда солдат превратилась в лохмотья, плохо было с питьевой водой. Американское командование не учло в свое время, что

⁴¹ Он откровенно писал о своих чувствах Лоджу во время осады Сантьяго: «Я рад, что Вуд назначен командиром бригады, он это заслужил. Я думаю, что я заслужил свой полковничий чин и медаль почета, и надеюсь, что получу их; но это не имеет большого значения, ибо ничто не изменит факта, что в течение десяти великих дней в жизни полка я им командовал и победоносно вел его во время тяжелого кровавого сражения. Я никак не ожидал, что останусь в живых!» (Т. Roosevelt to H. C. Lodge, July 10, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 851).

⁴² T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 3, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 846.

⁴³ T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 5, 1898.— Ibid., p. 849.

высадка началась в сезон, когда усиливаются заболевания малярией. Требовалось принять срочные меры для спасения людей, но правительство медлило, пока в газеты не попало письмо полковника Рузвельта и «круговое письмо»⁴⁴ американских высших офицеров генералу Шафтеру о положении в армии.

Письма Рузвельта родным в эти дни полны подробных описаний тяжелого состояния армии и постоянных просьб о присылке лекарств, обуви, белья, продуктов⁴⁵. Его старшая сестра Анна Каулс входила в нью-йоркский комитет Красного Креста и работала по организации помощи больным и раненым на Кубе. Она отправляла брату посылку за посылкой лично для него и для его солдат. Из 600 «лихих всадников», с которыми Рузвельт высадился в конце июня на остров, осталась едва половина. Около четверти были убиты, остальные лежали в полевых госпиталях раненые или больные.

Рузвельт решил добиваться переброски своего полка и других частей на Пуэрто-Рико или на север Кубы и с этой целью отправил военному министру письмо, в котором хвастливо утверждал, что его «лихие всадники» «так же хороши, как и регулярная кавалерия и в три раза лучше других войск штатов»⁴⁶. Его письмо, видимо, разозлило Олджера, написавшего ему резкую отповедь: «...Я полагаю, — писал министр, — что, если вы не хотите испортить эффект и славу своей победы, не делайте обидных сравнений. Лихие всадники не лучше других волонтеров»⁴⁷. Что касается вывоза войск с острова, то военный министр решил, как предполагал Рузвельт в письме Лоджу, протянуть с этим делом до тех пор, пока эпидемия желтой лихорадки в войсках начнет сама по себе затухать⁴⁸. Это действительно циничное решение возмутило не только Рузвельта, но и высший командный состав армии. Шафтер в полной растерянности 3 августа созвал на совет командиров дивизий и бригад совместно с главными военными медиками для обсуждения положения в армии.

⁴⁴ «Круговое письмо» (round robin), т. е. письмо, в котором подписи расположены по кругу в целях равной ответственности.

⁴⁵ T. Roosevelt to D. Robinson, July 9, 1898.— The Letters..., Vol. II, p. 854; Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, p. 218—220.

⁴⁶ T. Roosevelt to R. A. Alger, July 23, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 859—860.

⁴⁷ Ibid., p. 860, note 2.

⁴⁸ T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 31, 1898.— Ibid., p. 862. Однако в «Автобиографии» Рузвельт сдержанно написал: «После осады вашингтонское начальство проявило полное незнание условий вокруг Сантьяго и предложило оставить там армию. Это означало, что по крайней мере три четверти людей или умерли бы, или превратились бы в инвалидов...» (Roosevelt T. An Autobiography, p. 245).

Рузвельт в «Автобиографии» подробно описывает дальнейшие события. Он был приглашен на совет самим Шафтером, хотя был всего лишь полковником, исполнявшим обязанности командующего бригадой. Оказалось, что его пригласили с определенной целью: просить напечатать в какой-либо форме в прессе сообщение о состоянии армии. К Рузвельту обратились как к волонтеру, будущее которого не зависит от военного министерства. «Я подумал, что это справедливо,— пишет Рузвельт,— и сказал, что напишу письмо или сделаю заявление, которое можно будет опубликовать»⁴⁹. Видимо, полковник сгоряча дал такое обещание, так как, посоветовавшись с Л. Вудом, он в тот же день написал не заявление для прессы, а открытое письмо на имя генерала Шафтера с описанием ужасного состояния войск и предупреждением об опасности дальнейшего распространения эпидемических заболеваний на всю армию. Он отнес это письмо генералу и хотел ему вручить в присутствии корреспондента Ассошиэтед пресс. Но Шафтер отказался принять письмо. «Делайте с ним, что хотите»,— будто бы сказал он Рузвельту⁵⁰. С этими словами генерал сделал знак корреспонденту, как бы предлагая взять письмо, и тот поспешно это выполнил. Так рассказывает об инциденте Рузвельт.

В тот же день генерал Эймс лично послал телеграмму с аналогичным содержанием в министерство военно-морского флота и сделал заявление непосредственно для печати. А затем Рузвельт и семь генералов (в том числе тот же Эймс и Л. Вуд) написали и подписали «круговое письмо» на имя генерала Шафтера, в котором требовали, чтобы «армия была немедленно эвакуирована с острова Куба и отправлена в какой-либо из пунктов северного побережья Соединенных Штатов; что это может быть сделано без опасности для народа», так как люди в данное время болеют малярией, а не желтой лихорадкой, но последняя может вновь вспыхнуть, а армия истощена и дезорганизована⁵¹.

Через два дня вся страна читала в газетах эти документы, что вызвало гнев начальства в Вашингтоне, ибо раскрыло перед всем миром скверное состояние американской оккупационной армии и неблагоприятное поведение военного министерства, оттягивавшего эвакуацию больных и раненых и переброску воинских частей в более здоровую местность. Газеты сообщали, что в докладе президенту генерал Шафтер отрицает свою ответственность за состоя-

⁴⁹ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 246.

⁵⁰ *Ibidem*.

⁵¹ *T. Roosevelt to W. R. Shafter*, Aug. 3, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 864—865.

ние армии и осуждает «круговое письмо», подписанное высшим командующим составом его армии⁵². Видимо, генерал струсил не на шутку, так как стало известно, что президент обсуждал инцидент с министрами Лонгом и Олджером. Правительство опасалось, как писала в тот же день газета «Нью-Йорк таймс», что эти письма могут произвести за границей плохое впечатление⁵³. Это было особенно нежелательно в момент, когда Испания начала переговоры о мире.

Эвакуация войск из Сантьяго в Соединенные Штаты началась 6 августа. На первом пароходе «Майами» находились остатки полка «лихих всадников» со своим командиром. Теодор Рузвельт плыл на родину после победоносной военной кампании, а впереди летела его слава в виде газетных полос с портретами и репортажами о том, что сделал, что сказал, как улыбнулся полковник Рузвельт. Однако его ожидала и порция яда: Олджер наотрез отказался подписать приказ о награждении Рузвельта орденом за Сан-Хуан. Это был удар для полковника «лихих всадников». Он страстно мечтал о медали почета и с самого начала настолько был уверен в ее получении, что даже написал из Сантьяго Лоджу прочувствованное письмо (по поводу опасности эпидемии желтой лихорадки), в котором были такие строки: «Я ничуть не боюсь за себя. Во-первых, я думаю, что не умру, если ее подхвачу, а, во-вторых, если случится наихудшее, я вполне согласен уйти сейчас и оставить своим детям по крайней мере славное имя (и, старина, если я действительно умру, я очень хочу, чтобы ты каким-либо образом получил для меня эту медаль почета, так как я бы страшно хотел, чтобы она была у детей, и я думаю, что я ее заслужил)»⁵⁴. И вот его лишили этой медали, несмотря на заступничество Лоджа перед министерством и многочисленные рекомендации свидетелей боя, написанные (как сообщает биограф Рузвельта Харбар) по просьбе самого «героя»⁵⁵.

Высадившись на берег 15 августа, до 4 сентября полковник Рузвельт пробыл со своими «лихими всадниками» в Монтауке, местечке на Лонг-Айленде, неподалеку от Нью-Йорка, в лагере, оборудованном для приема больных и раненых.

К чести Рузвельта, как бы он ни жалел об уплывшей награде, он никогда не раскаивался в том, что подписал упомянутые документы. В глазах же публики и его волонтеров он даже вы-

⁵² «The New York Times», 9.VIII 1898.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 31, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 861.

⁵⁵ Harbaugh W. H. Op. cit., p. 108—109.

играл, ибо вскоре стало широко известно, что его лишили медали за выступление против военного министра.

Надо сказать, что головорезы его полка и без того любили своего командира. Рузвельт платил им тем же, везде безудержно хвалил их воинское искусство, храбрость, выносливость и терпеливость. Но удивительным образом его похвала в адрес полка переходила в безудержное хвастовство своей собственной храбростью и умением командовать. «Я не хочу быть тщеславным,— «скромно» писал он Лоджу,— но не думаю, что кто-нибудь еще смог бы командовать этим полком так, как командовал им я...»⁵⁶ Рузвельт заявил, что его святым долгом является написать книгу о «своих ребятах», чтобы увековечить их героизм.

Забегаю вперед, скажем, что несколько месяцев спустя полковник действительно написал книгу «Лихие всадники». Но когда его сочинение увидело свет, оказалось, что главным героем книги и войны на Кубе является сам автор. В этом был весь Рузвельт. «Почему книга называется «Лихие всадники»? — зубоскалил мистер Дули (за этим именем скрывался известный писатель-сатирик Ф. Питер Данн).— Ее следовало бы назвать «Один на Кубе»⁵⁷. Вся страна смеялась, и враги, и друзья.

Когда появился фельетон Ф. П. Данна, «герою Сан-Хуана» не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре. Рузвельт послал Данну милое письмо, выразил желание познакомиться и получить экземпляр его фельетона. «Мой дорогой мистер Данн,— писал Рузвельт,— я с сожалением констати-

⁵⁶ T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 29, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 851. Лодж подогревал тщеславие Рузвельта. Он писал в Сантьяго 23 июля: «Ты не можешь представить, какое впечатление произвели на страну твою блестящая атака и великолепное командование. Ты — один из героев сражения, и один из самых замечательных, и все это знают» (*Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1913, 2 Vols. New York — London, 1925, Vol. I, p. 330*).

⁵⁷ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 196. Замечательный чикагский журналист сатирик Фивли Питер Данн (1867—1936) приобрел огромную популярность своими газетными фельетонами, в которых в виде диалогов двух простаков-ирландцев обсуждал все политические новости и яростно, порой с горьким сарказмом высмеивал несправедливость, ложь, обман, лицемерие «высших мира сего». Он был младшим собратом по перу М. Твена, и, хотя не обладал таким блестящим талантом, тем не менее в фельетонах-диалогах мистера Дули (хозяина кабачка) и его приятеля Хеннеси как в зеркале отразилась Америка в пору ее превращения в страну трестов и монополий, в пору ее первых притязаний на международную арену. Советский литературовед М. О. Мендельсон пишет, что Данн — «писатель, в дальнейшем надолго переживший свою славу, с большой резкостью запечатлел средствами сатиры вступление Соединенных Штатов в новый этап своего развития» (*Мендельсон М. О. Американская сатирическая проза XX века. М., 1972, с. 112—113*).

рую, что моя семья и близкие друзья восхищены Вашей рецензией на мою книгу»⁵⁸. Можно не сомневаться, что Рузвельт был все же уязвлен. Через несколько лет, будучи президентом, он нашел случай раздавить Данна... своим великодушием. Писатель с женой получил приглашение на дипломатический прием в Белый дом. После обеда Рузвельт подошел к Данну, беседовавшему с О. Уистером. Положив руку на плечо Данна, Рузвельт процитировал целую страницу из этого фельетона (он обладал феноменальной памятью), как раз то место, где м-р Дули обыгрывает название книги, процитировал со всеми особенностями и комизмом ирландского говора Дули. «Клянусь, это было здорово», — сказал президент гедри общего смеха⁵⁹.

В августе 1898 г. Рузвельт готовился к прощанию со своими головорезами, со своей военной карьерой и к возвращению к гражданской жизни. Когда четыре месяца назад он уходил из морского министерства, и Лонг, и Лодж, и многие другие говорили ему, что он губит свою карьеру. Даже если судьба пощадит его на фронте, убеждали друзья, неизвестно, удастся ли ему получить такой пост на государственной службе, как пост помощника министра. Тогда Рузвельт не желал слушать благоразумных друзей, а хотел одного — попасть на фронт. Теперь с той же энергией он спешил демобилизоваться. Война окончилась, его не посылали ни на Филиппины, ни в Пуэрто-Рико, и ему не давали медаль. Однако награда пришла в другой форме: он получил предложение баллотироваться в губернаторы Нью-Йорка.

Разговоры, заметки в прессе о возможности выдвижения Рузвельта кандидатом в губернаторы Нью-Йорка появились еще тогда, когда полк «лихих всадников» находился на Кубе. Эти слухи сначала не вызывали у него особых надежд. На прямое обращение к нему одного из республиканских лидеров по поводу выдвижения его кандидатуры в губернаторы он дал уклончивый ответ, что не может оставить свой полк, пока продолжается война⁶⁰.

В конце июля, когда полковник Рузвельт фактически выполнял обязанности командира бригады и был очень доволен собой, он писал Лоджу, с которым привык советоваться и быть откровенным: «Что касается политики, то я действительно не способен теперь предпринимать в этом отношении какие-либо шаги, так как — пока длится война — единственное, что я хочу делать, это

⁵⁸ T. Roosevelt to F. P. Dunne, Nov. 28, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 1099.

⁵⁹ Инцидент в Белом доме описал О. Уистер (*Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930, p. 114*).

⁶⁰ T. Roosevelt to J. L. Childs, July 27, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 860.

командовать полком и вести его во все сражения, какие смогу... и во всяком случае я не знаю, как мне вести себя с нью-йоркскими политиками»⁶¹.

Рузвельт помнил, что, уходя из нью-йоркской полиции, он оставил о себе отнюдь не самые приятные воспоминания у многих партийных боссов Нью-Йорка. А хуже всех к нему относился глава нью-йоркской республиканской организации Т. Платт. Правда, среди приближенных к Платту партийных боссов были и Рузвельта и благожелатели, но дело решал только Платт. Чтобы получить назначение на государственную службу или на выдвижение кандидатуры на любой пост, необходимо было согласие этого человека. Даже М. А. Ханна не мог в 1896 г. протащить кандидатуру Маккинли без санкции Платта.

Влияние Платта в партии основывалось, во-первых, на силе нью-йоркской организации, многочисленной и к тому же владевшей большими средствами, ибо в нее входили или ее поддерживали многие магнаты Уолл-стрита. Во-вторых, он сам к этому времени уже принадлежал к числу крупнейших бизнесменов. С 1880 г. он был президентом железнодорожной компании «Юнайтед Стэйтс экспресс», контролировавшей железнодорожную сеть к северу от восточного побережья США. Под его руководством эта компания поглотила железнодорожную систему до Скалистых гор, а позднее (к 1910 г.) до Сент-Луиса и Сан-Франциско. Вполне заслуженно Платта называли «патриотом и защитником крупного предпринимательства»⁶². Ему это льстило, он считал себя больше бизнесменом, нежели партийным лидером, но, несмотря на это, железной рукой вел дела в организации республиканской партии, хотя его и называли «Легким боссом»⁶³. Нью-йоркская резиденция сенатора Платта в роскошном отеле «Пятая авеню» была своеобразным штабом республиканцев Нью-Йорка. Здесь, внизу — в своей конторе или в ресторане — он принимал посетителей; некоторые допускались наверх, в апартаменты, где он жил с женой, также предпочитавшей жизнь в гостинице ведению хозяйства. В отеле постоянно толклись всякого рода функционеры партии, на жалованье и без него, готовые к услугам для своего патрона.

⁶¹ T. Roosevelt to H. C. Lodge, July 31, 1898.— Ibid., p. 863.

⁶² Platt T. C. The Autobiography of Thomas Collier Platt. New York, 1910, p. 555.

⁶³ Кстати, «Легким боссом», или доступным, Платта прозвала девочка — продавщица газет, за которую он заступился перед полицией. Платту очень понравился прозвище, и он сам побеспокоился, чтобы инцидент, в котором он выглядел таким добрым Санта-Клаусом, получил широкую известность и прозвище закрепилось (Platt T. C. Op. cit., p. 527).

Летом 1898 г. республиканская организация штата Нью-Йорк оказалась перед нелегкой задачей: найти надежного кандидата в губернаторы. Было известно, что Таммани и ее босс Крокер собираются дать генеральное сражение. Они надеялись отнять у республиканцев губернаторский пост, сыграв на том, что губернатор Блэк и его ближайшие помощники скомпрометировали себя взятками и казнокрадством. Когда у Платта спросили, что он думает по поводу кандидата в губернаторы, он предложил подождать, так как считал, что начавшаяся война выдвинет «героя», которого и можно будет сделать губернатором. Сам он впоследствии писал, что предполагал, что таким человеком может оказаться и Т. Рузвельт, об уходе которого в действующую армию кричали все газеты. Но можно не сомневаться, что Платт этого не хотел.

Независимо от мнения Платта сразу же после Сан-Хуана о Рузвельте заговорили как о возможном кандидате в губернаторы или в конгресс, о чем Лодж написал ему уже 6 июля. Правда, Лодж полагал менее вероятным выдвижение Рузвельта кандидатом в губернаторы, но был уверен, что в палату представителей и даже в сенат тот легко пройдет⁶⁴. Еще больше Лодж хотел бы увидеть своего друга военным министром. Оба они считали, что Олджера следует убрать, а лучшей замены Лодж не видел. «Как бы я хотел, чтобы ты мог стать военным министром,— писал Лодж.— Ты сумел бы проделать огромную работу для страны, и твое назначение было бы самым популярным делом, которое мог бы выполнить президент»⁶⁵. Но Маккинли не собирался вводить Рузвельта в свой кабинет, а в это время имя Рузвельта в связи с предстоящими выборами в губернаторы уже замелькало в прессе.

Полк «лихих всадников» был еще на Кубе, когда «Нью-Йорк таймс», не вдаваясь в комментарии, перепечатала статью из «Рочестер пост экспресс», в которой описывалось «доблестное» поведение полковника Рузвельта на фронте. Газета писала о популярности Рузвельта среди молодежи и тут же подчеркивала, что его ненавидят партийные боссы, которые «знают, что не могут его использовать (это утверждение само по себе было хорошей рекламой.— И. Б.). И за каждый голос, который они отнимут у него, он получит голос из рядов демократов. Мы вновь спрашиваем: почему не Рузвельт»⁶⁶.

⁶⁴ H. C. Lodge to T. Roosevelt, July 6, 1898.— In: Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, Vol. I, p. 320.

⁶⁵ H. C. Lodge to T. Roosevelt, Sept. 1, 1898.— Ibid., p. 338.

⁶⁶ «The New York Times», 1.VIII 1898.

Статья была многозначительной и по содержанию и по тому, что она появилась в «Нью-Йорк таймс». Это был знак, что на полковника смотрели серьезно те самые партийные боссы, о ненависти которых писала газета.

Однако Платт долго колебался, прежде чем согласился на кандидатуру полковника. Один из представителей нью-йоркской республиканской верхушки, Л. Э. Куиг, 15 лет спустя в письме Рузвельту приводил следующие возражения Платта против него: «Храбрость и искренность мистера Рузвельта неоспоримы... Но, если он станет губернатором Нью-Йорка, рано или поздно, при его личных качествах, он должен сделаться президентом Соединенных Штатов, и никто не может предвидеть, как будут решаться проблемы, выросшие из испанской войны, и, оставляя в стороне вопрос, будет ли он благожелателен ко мне и к нашей организации, я боюсь дать ход этому делу»⁶⁷.

Трудно поверить в то, что Платта больше заботила судьба Соединенных Штатов, нежели его собственная, в случае, если Теодор Рузвельт станет президентом, но его отрицательное отношение к «герою» Сан-Хуана — неоспоримый факт. И не экспансионизм Рузвельта пугал Платта, а страх, что тот будет вмешиваться во все вопросы, касающиеся назначений, сбора налогов, строительства каналов или железных дорог, т. е. всех внутренних мероприятий, при проведении которых крупный капитал и партийная верхушка извлекали непосредственную выгоду. Только потому что Платт не нашел другого подходящего человека, он дал согласие на кандидатуру Рузвельта, хотя и обставил свое согласие целым рядом условий.

Заручившись согласием «Легкого босса», Куиг и Оуделл обратились к Рузвельту с конкретным предложением. Транспорт «Майами» прибыл в Монтаук-Пойнт 15 августа 1898 г., а уже 17-го Рузвельт послал Куигу телеграмму, соглашаясь безоговорочно встретиться с ним для переговоров здесь же, в лагере⁶⁸, так как до демобилизации своих солдат он не мог выехать из Монтаука. Встреча состоялась 19 августа в палатке полковника. В этот день у Рузвельта был еще один гость — Дуглас Робинсон, муж младшей сестры Корины. В его присутствии Куиг и Рузвельт в течение двух часов обсуждали некоторые деликатные вопросы, касающиеся отношения Платта к Рузвельту.

В интерпретации главных участников это соглашение, если так назвать условия, выдвинутые Платтом, выглядит по-разному.

⁶⁷ Цит. по: The Letters..., Vol. II, Appendix II, p. 1474.

⁶⁸ T. Roosevelt to L. E. Quigg, Aug. 17, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 869.

Платт писал, что на вопрос Куига, примет ли Рузвельт выдвижение в губернаторы от республиканской партии, полковник ответил с быстротой выстрела: «Приму ли я? Я буду восхищен». В таком случае, заметил Куиг, «рассчитывайте на поддержку сенатора Платта. Приезжайте в отель «Пятой авеню» и повидайтесь с ним... Полковник Рузвельт действительно приехал ко мне»⁶⁹.

Рузвельт же пишет, что был долгий разговор, во время которого Куиг сказал, что он еще не имеет полномочий сделать определенные предложения. «Он хотел только чистосердечного определения моего отношения к существующему положению в партии»⁷⁰. И будто бы уже тогда, пишет Рузвельт, он ответил на все условия, поставленные ему Платтом.

Возможно, и в изложении Рузвельта все было не совсем так. Рузвельт дал согласие баллотироваться, хотя предпочел бы службу в Вашингтоне. Но коль скоро предлагался губернаторский пост, он не отказался. Позднее Куиг действительно прислал ему письмо с перечислением условий, на которых Платт соглашался поддержать полковника Рузвельта. Требований было достаточно много, и все они были направлены на ограничение власти Рузвельта. Платт, писал Куиг, хотел получить от Рузвельта обещание, что, «если вы будете губернатором, вы не пожелаете быть кем-либо еще, кроме губернатора; что вы не пожелаете быть номинальным главой...; что вы примете этот пост, если вообще примете, собираясь честно играть роль его (сенатора Платта.— *И. Б.*) друга, личного и политического, признавать и уважать его положение как главы республиканской партии, так и республиканского сенатора Соединенных Штатов; что вас не вовлекут ни в какую фракционную оппозицию, но что вы, наоборот, будете постоянно стремиться сделать интересы организации идентичными общественным интересам; что вы будете широко и полностью советоваться с сенатором по всем важным делам; что вы не примете политического курса и не согласитесь ни на одно важное мероприятие или назначение без предварительной консультации и что хотите, чтобы он со своей стороны согласился на то же самое, чтобы оба — вы и он — могли встречаться на совещаниях свободно и открыто, каждый со стремлением достичь результата, удовлетворительного для обоих, и таким образом сохранить полную гармонию в организации и среди тех, кто поддерживает партию»⁷¹.

⁶⁹ *Platt T. C. Op. cit.*, p. 369.

⁷⁰ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 271.

⁷¹ Цит. по: *The Letters...*, Vol. II, p. 874, note 1.

Рузвельт был вспыльчив, безмерно тщеславен и самолюбив. Эти оскорбительные требования должны были бы задеть его, но он их принял. В ответном письме Куигу он признал по существу (substantially) представления Куига правильными, принимал главное, как писал сам, «дух» (the Spirit) этих требований и слабо возражал лишь против некоторых формулировок⁷². И при этом — противореча самому себе — закончил ответ таким утверждением: «Короче говоря, я хочу сделать ясным, что не было вопроса о каких-либо публичных обязательствах или обещаниях, менее всего о сделке ради выдвижения; но что я сразу сказал вам о позиции, которую займу, если буду избран губернатором...»⁷³ Эту позицию он изложил позже в «Автобиографии» так: «Я сказал, что не буду воевать с мистером Платтом или еще с кем-нибудь, если можно будет избежать войны; что я хочу быть губернатором, а не фракционным лидером; что буду, конечно, советоваться с людьми организации..., но что, когда я буду стараться по-хорошему ладить с организацией, организация должна с такой же искренностью прилагать усилия к выполнению того, что я считаю важным для общественной пользы; и что в каждом случае... я окончательно буду действовать так, как диктуют мне мое собственное разумение и совесть, и буду управлять правительством штата так, как, я думаю, им следует управлять»⁷⁴.

Эти слова Рузвельт писал спустя 15 лет. Высказывался ли он так категорично прежде? Во всяком случае, не в цитированном письме Куигу. И что бы он ни писал и ни говорил тогда или позже, с Платтом была заключена именно сделка, которую предложил босс, а Рузвельт принял, поскольку не отверг требований Платта и признал приемлемым их дух.

Платт действительно не требовал публичного признания полковником обязательств по отношению к партии. Это подтверждает и Л. Стеффенс. Он пишет: «Когда он (Рузвельт.— *И. Б.*) объявился в Монтаук-Пойнте, полковник лихих всадников мог быть избран куда угодно; Платт искренне его ненавидел, но сенатор был политиком и знал, что наилучшим шансом для него повести за собой штат является избирательный список, возглавляемый Тедди. Согласно информации, полученной мной от политических репортеров, Платт не будет требовать от Рузвельта никакого публичного подтверждения; все, чего он добивался, это формального

⁷² Например, вместо: «что я не пожелаю быть номинальным главой» — Рузвельт предлагал: «что я не соглашусь». Различие, как видим, действительно, не меняло «духа» требований Платта (T. Roosevelt to L. E. Quigg, Sept. 12, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 874).

⁷³ The Letters..., Vol. II, p. 875.

⁷⁴ Roosevelt T. An Autobiography, p. 271.

признания его руководства и некоторых внешних знаков «объединенного фронта», столь любимых машиной»⁷⁵. Однако из письма Куига видно, что Платт если и не требовал публичного подтверждения, то хотел не формального, а действительного признания его лидером.

Стеффенс был в числе журналистов, приезжавших в Монтаук-Пойнт повидать Рузвельта и его волонтеров. Его влекло к Рузвельту не только любопытство репортера. Со времен службы Рузвельта в нью-йоркской полиции Стеффенс оставался его другом и на правах приятеля позволял себе подшучивать над «героем» кубинской войны. Обладавший проницательным взглядом и тонким чувством юмора, Стеффенс видел многие слабости Рузвельта и все ж таки питал к нему симпатию, как и многие другие. Под маской иронии Стеффенс часто прятал и свою симпатию, и свое осуждение.

Рузвельт, окрыленный новыми надеждами и в то же время обуреваемый сомнениями по поводу того, как ему держать себя с Платтом, рассказал Стеффенсу о предложении боссов выдвинуть его кандидатуру в губернаторы и даже спросил, следует ли ему баллотироваться. Как пишет Стеффенс, вопрос был чисто риторическим. «Я знал Т. Р. достаточно хорошо, чтобы почувствовать уверенность в том, что он будет баллотироваться в губернаторы, что было новостью даже для Т. Р.» — добавляет с усмешкой Стеффенс⁷⁶.

Видимо, и партийные лидеры после визита Куига в Монтаук-Пойнт уверились в том, что полковник не откажется. И хотя Рузвельт говорил, что еще ничего не решено, газеты республиканской ориентации начали наперебой расточать ему похвалы, принимавшие форму рекламы. Например, «Нью-Йорк таймс» знакомила читателей с биографией этого «видного политического деятеля», особенно много уделяя внимания его заслугам в подготовке к войне флота и подвигам на Кубе. «Действительно, — восклицал автор статьи, карьера Теодора Рузвельта является образцовым уроком для наших молодых людей». Подчеркивая с одобрением, что Соединенные Штаты теперь вступили на путь широкой экспансии, автор делал знаменательный вывод: «Пусть полковник Рузвельт будет солидарен с этой Великой Программой Национальной Экспансии, и он сможет сделаться не только губернатором Нью-Йорка, но и президентом Соединенных Штатов»⁷⁷.

⁷⁵ *Steffens L. J. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 345—346.*

⁷⁶ *Ibid.*, p. 343 (Т. Р. — так стали называть Рузвельта за глаза).

⁷⁷ «*The New York Times*», 22.VIII 1898.

А «герой» этой статьи продолжал «хранить молчание». Его молчание не только интриговало репортеров, но — как потом оказалось — ввело в заблуждение некоторых независимых реформаторов.

Рузвельт не отлучался из лагеря, занимаясь делами своего полка. Лагерь в Монтауке и госпиталь, где лежали больные и раненые, посетил сам президент⁷⁸. Маккилли был очень приветлив с командиром «лихих всадников», ни одним словом не упомянув о «круговом письме».

4 сентября полковник Рузвельт торжественно простился со своими волонтерами, сказал перед строем прочувствованную речь, пожал руку каждому солдату и офицеру и получил от них на память бронзовую копию со скульптуры Фредерика Ремингтона, изображающую дикого скакуна. Через 10 дней полк «лихих всадников» был демобилизован, и его командир с офицерами отбыл в Сагамор-хилл. Военное приключение Рузвельта окончилось, полк волонтеров был распущен.

После демобилизации, перед тем как уехать к себе, на Запад, кавалеристы Рузвельта отправились в Нью-Йорк. О «лихих всадниках» нью-йоркские репортеры писали почти как о дикарях, появившихся на улицах цивилизованного города, удивляясь, что они не стреляли в кого попало, хотя имели оружие. «Лихие всадники» группами слонялись по Пятой авеню, Уолл-стрит и Бродвею, заходили в рестораны, напивались, рассказывали о своих подвигах, приставали на улицах к полисменам⁷⁹. Все относились снисходительно к этим «детям прерий». Даже когда по дороге на Кони-Айленд⁸⁰ бывшие волонтеры стреляли из окон вагона электрической железной дороги, им все сошло с рук.

Похождения «лихих всадников» были неплохой рекламой для Рузвельта, так как некоторые из них тут же, на улице, агитировали за своего полковника, а многие из них носили значки с надписью: «Нашего Тедди в губернаторы»⁸¹. Кампания по выборам губернатора началась де-факто.

⁷⁸ «The New York Times», 3.IX 1898.

⁷⁹ «The New York Times», 15.IX 1898.

⁸⁰ Кони-Айленд — место народных гуляний и аттракционов в Нью-Йорке.

⁸¹ «The New York Times», 15.IX 1898.

Глава VI • ГУБЕРНАТОР

В Сагамор-хилле полковник пробыл всего два дня. Он спешил в Нью-Йорк, где должно было состояться свидание с Платтом. Рузвельт без колебаний согласился поехать к боссу, чтобы лично заверить его в своей лояльности в отношении партийной машины. Самолюбие было отброшено в сторону, ибо губернаторство — он-то это понимал — являлось ступенью для дальнейшей карьеры. После губернаторского дома в Олбани можно было думать о президентстве.

Встреча состоялась 17 сентября в Нью-Йорке в отеле «Пятая авеню» и продолжалась 2 часа¹. Много лет спустя в «Автобиографии» подробно излагая мотивы, которыми он руководствовался, когда баллотировался в губернаторы, Рузвельт говорит о чем угодно — о положении в партии, «необходимости» борьбы с Таммани, о своих отношениях с боссами, о твердом руководстве Платта всей организацией штата и т. д., — только не об условиях, поставленных ему тогда «Легким боссом».

Рузвельт писал Лоджу после свидания с боссом: «Я видел Платта позавчера, встреча прошла вполне удовлетворительно. Конечно, у меня будут огромные неприятности во время губернаторства, но недостойно уклоняться от ответственности»². Эти прекрасные слова Рузвельт писал в момент, когда сам отнюдь не достойно обошелся с людьми, с которыми некогда выступал против партийной машины.

Дело в том, что группа независимых республиканцев предложила полковнику баллотироваться в губернаторы в качестве кандидата независимых. Среди них были Джон Джей Чепмен и К. Шурц, с которыми Рузвельт оставался в хороших отношениях. Независимые обратились к нему тоже еще в Монтаук-Пойнте, через несколько дней после приезда Куига, и Рузвельт сказал им (так было даже напечатано в прессе), что «приветст-

¹ «The New York Times», 18.IX 1898.

² T. Roosevelt, ed. by H. C. Lodge, Sept. 19, 1898.— In: The Letters of Theodore Roosevelt, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. II, p. 876.

вовал бы поддержку независимых»³. Уж очень не хотелось будущему губернатору терять голоса презираемых им магвампов! Только после свидания с Платтом Рузвельт написал Чепмену, что не может баллотироваться одновременно по двум спискам. Отказаться от предложения Платта он, как мы видим, не соби-рался. При этом Рузвельт не постеснялся присовокупить, что хочет получить «поддержку каждого независимого»⁴.

«Не было никакой возможности остаться кандидатом, раз боссы не хотели этого», — оправдывался он в мемуарах⁵, объясняя свой очередной компромисс с партийной машиной, компромисс, на который теперь — после 15 лет политической деятельности — пошел легко, без угрызений совести, мучивших его во время конфликта с руководством партии в 1884 г.

Независимых возмутило предательство полковника, но их упреки были сущей мелочью перед внезапно возникшим препятствием к выдвижению Рузвельта кандидатом. Налицо оказался «курьезный факт», как выразился Прингл, заключавшийся в том, что Рузвельт не только не имеет права на избрание, но даже не может принимать участия в выборах в штате Нью-Йорк. Желая уклониться от уплаты налога на собственность (за свой дом в Ойстер-Бее), а потом и от личного налога в Нью-Йорке, он еще в январе 1898 г. объявил, что его резиденцией является Вашингтон, а не Нью-Йорк⁶.

Эта некрасивая история была предана гласности противником Рузвельта и сторонником губернатора Блэка Луисом Ф. Пэйном, занимавшим один из самых выгодных постов в штате: суперинтенданта (управляющего отделом) по страхованию. Пэйн не надеялся удержаться на своем месте, если Рузвельт будет губернатором. Сначала он пытался уговорить Платта отказаться от мысли о выдвижении Рузвельта. Когда это не удалось, Пэйн пошел на отчаянный шаг: он решил выступить против босса, скомпрометировав кандидатуру Рузвельта на предстоящем съезде.

Куиг и Оуделл, узнав о выходке Пэйна, бросились к Платту. Но того нелегко было выбить из седла. Если он и проклинал и

³ Цит. по: *The Letters...*, Vol. II, Appendix II. Note on Roosevelt's Nomination for the Governorship, p. 1476.

⁴ T. Roosevelt to J. J. Chapman, Sept. 22, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 877.

⁵ *Roosevelt T. An Autobiography*. New York, 1946, p. 277.

⁶ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography*. New York, 1931, p. 203—204. Многие биографы Рузвельта умалчивают об этом инциденте, говоря только о триумфальной выборной кампании и победе Рузвельта. Г. Ф. Прингл довольно подробно рассказывает о попытке Рузвельта избежать уплаты налога «по забывчивости или намеренно».

Пэйна, и Рузвельта, то ничем не выдал своего смятения и медленно велел обратиться к Руту, нью-йоркскому адвокату, принадлежавшему к элите республиканской партии. На политической сцене предвыборной кампании появился еще один персонаж, которому предстояло сыграть немалую роль не только в жизни Рузвельта, но и в политической истории США.

Имя юриста Илайю Рута было хорошо известно и в Нью-Йорке, и за его пределами. В описываемое время за его плечами был уже 30-летний опыт юридической практики, принесший ему большие деньги и репутацию адвоката корпораций.

В среде «большого бизнеса» Рут пользовался огромным авторитетом. Это обстоятельство становится понятным, если вспомнить, что именно ему, Руту, принадлежит воистину блестящая идея использовать законодательство штата Нью-Джерси для создания так называемых держательских компаний, что позволило монополиям обходить антитрестовский закон Шермана 1890 г.⁷ К республиканской партии Рут присоединился в молодости, и к 1898 г. занял прочное место среди верхушки «Великой старой партии»: он был президентом нью-йоркского клуба «Юнион лиг» (The Union League Club) — цитадели партии, куда принимались только очень богатые люди. Вот к нему-то и обратились помощники Платта по поводу «элиджибилити» или «инэлиджибилити» (eligibility or ineligibility) Рузвельта, т. е. законности или незаконности выставления его кандидатуры в губернаторы. Платт надеялся, что изощренный в юридических сделках Рут найдет выход из щекотливого положения, в каком очутился «герой Сан-Хуана». Сам «герой» был чрезвычайно напуган, так как понимал, что находится на грани публичного скандала, и тоже возлагал все надежды на смекалку Рута. И Рут оправдал репутацию способнейшего адвоката Нью-Йорка.

Для политических нравов Америки весьма характерно, что никто, даже противники, не находил ничего предосудительного или хотя бы странного в том, что человек, который собирался стать губернатором, т. е. блюстителем закона, сам нарушил этот закон, пытаясь уклониться от уплаты налога, предписанного конституцией штата. Всех, в том числе и виновника, волновал один вопрос: как представить дело, чтобы на съезде предотвратить объявление «инэлиджибилити» кандидата.

⁷ По плану Рута распущенный по постановлению суда «Сахарный трест» возродился в виде держательской компании в штате Нью-Джерси (*Leopold R. W. Elihu Root and the Conservative Tradition*. Boston, 1954, p. 15—16). Так был создан прецедент, сыгравший огромную роль в дальнейшем укреплении правового положения корпораций.

Платт решил, что Рузвельт не будет присутствовать на съезде, а Рут лично выдвинет его кандидатуру и, не дожидаясь возражений, обрушится на возможных оппонентов Рузвельта.

Съезд республиканской партии штата Нью-Йорк открылся 27 сентября 1898 г. в Саратоге. Вся программа шла как по нотам. Появление Платта было встречено громом приветствий, оркестр исполнил марш. После принятия платформы приступили к выдвижению кандидатов. Первым было названо имя полковника Рузвельта. Не успели стихнуть аплодисменты, как слово получил Рут.

Адвокат корпораций мастерски повел игру. Это была, по свидетельству тех, кто слышал, блестящая речь, в которой с массой подробностей доказывалось, что Рузвельт не виноват в том, что произошло недоразумение из-за неправильного толкования слова «резиденция». Это слово можно употребить в смысле постоянного местожительства, но можно назвать резиденцией и временное пребывание в том или ином месте в связи со службой или отдыхом. Рут уверял делегатов, что Рузвельт имел в виду именно такое толкование, когда назвал Вашингтон своей резиденцией. В подтверждение он зачитал официальное объяснение Рузвельта, адресованное ему, т. е. Руту, и частные письма полковника Дж. Э. Рузвельту, его поверенному, и Д. Робинсону. В том месте, где Рузвельт просит Робинсона помочь ему добиться снижения налога, так как его капитал значительно уменьшился, Рут сделал паузу и, подняв глаза, патетически произнес: «Да, уменьшился во время снаряжения полка «лихих всадников» для защиты его родины!»⁸ Годы спустя, вспоминая этот инцидент, Рут самодовольно говорил: «Я перемешал мои аргументы известной долей сенсации, и это имело огромный успех»⁹.

Никто не посмел опротестовать кандидатуру Рузвельта, и, хотя Пэйн все же выдвинул Блэка, «герой Сан-Хуана» получил значительный перевес¹⁰. Попытка Пэйна и Блэка «восстать» против босса ни к чему не привела. Платт крепко держал в руках всю партийную организацию штата. «Делегаты играли чисто пассивную роль, как аудитория в театре», — признавал американский историк Х. Ф. Госнелл¹¹.

Как волновался Рузвельт за исход этого дела, можно себе представить из его письма Лоджу накануне съезда. Он жаловал-

⁸ *Jessup Ph. C. Elihu Root, Vols 1—2. New York, 1938, Vol. 1, p. 200.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Gosnell H. F. Boss Platt and His New York Machine. Chicago, 1924, p. 108.* Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала такие цифры: за Рузвельта — 753 голоса, за Блэка — 218 («The New York Times», 23.IX 1898).

¹¹ *Gosnell H. F. Op. cit., p. 108.*

ся, что был «не в состоянии есть и спать в течение последней недели»¹². Он понимал, что всецело обязан ловкости и самообладанию Рута, сумевшего предотвратить нежелательные вопросы и выступления. Официально дело о неуплате налога было прекращено только 11 октября, после того как Рузвельт через адвоката внес в налоговое управление Нью-Йорка сумму своего долга¹³.

Через неделю, 5 октября, в концертном зале Карнеги-холл (Нью-Йорк) Рузвельт должен был произнести первую предвыборную речь. Зал был переполнен, и трехтысячная толпа жаждавших увидеть полковника Рузвельта осаждала здание. Ложки были переполнены. Галерею и сцену украшали флаги и банты национальных цветов. «Все выглядело как на грандиозном оперном представлении», — писал репортер «Нью-Йорк таймс»¹⁴.

Когда в зале появился полковник, его встретили бурей аплодисментов и криками «Тедди, Тедди!» Рузвельт, с детства запрещавший так называть себя, должен был быть терпимым к «голосу народа». Затем появился отряд «лихих всадников» и в сомкнутом строю промаршировал к сцене. Публика приветствовала их стоя. Маркус Ханна, с каменным лицом сидевший в одной из лож, не спускал глаз с полковника Рузвельта. О чем думал, какие опасения возникали у этого старого политика, смотревшего, как толпа рукоплещет восходящему «светилу» политической сцены? Скорее всего, он опасался возвышения Рузвельта.

Речь Рузвельта в Карнеги-холл поразила многих. Прингл саркастически заметил, что «по его выступлению трудно было заключить, что он баллотируется в губернаторы, а не в президенты»¹⁵. Он говорил на тему «Обязанности великой нации», и все свое красноречие обратил на доказательство любимого тезиса о необходимости для США быть вооруженными до зубов: «В жизни нации, как и в жизни отдельного человека, наступает момент, когда она должна встретиться с великой ответственностью, хочет она того или нет. Мы сейчас приблизились к этому моменту. Мы не можем отрицать, что занимаем новое место среди народов мира и вступили на новую стезю. Мы можем решить, как — хорошо или плохо — мы поведем себя, следуя по этому пути. Величие означает борьбу равно для нации и для человека... Пушки наших кораблей в тропических морях Запада и далекого

¹² T. Roosevelt to H. C. Lodge, Sept. 26, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 880.

¹³ «The New York Times», 11.X 1898.

¹⁴ «The New York Times», 6.X 1898.

¹⁵ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 205.

Востока разбудили нас к познанию нового долга. Наш флаг — это гордый флаг, и он поднят за свободу и цивилизацию»¹⁶.

В высокопарных выражениях Рузвельт восхвалял армию и флот, особенно флот, и требовал усилить национальную оборону, обратить теперь больше внимания на вооружение и обучение сухопутной армии. «Если мы заранее не подготовимся к войне,— зывал Рузвельт, энергичными взмахами руки подкрепляя каждое слово,— потом другие державы будут нас справедливо презирать»¹⁷.

Выступление Рузвельта в Карнеги-холл вызвало различные отклики. Друзья и единомышленники одобряли и восхищались, Лодж писал: «Нет никакого сомнения в том, что твоя речь хороша, необыкновенно хороша. Она не понравилась бы здесь магвампам, но каждый республиканец нашего штата был бы ею восхищен»¹⁸.

Рузвельт понимал, что, призывая нацию проявить силу, вооружаться и т. п., он рискует голосами независимых. Действительно, выступление в Карнеги-холл возмутило антиимпериалистов. Многие из них намеревались голосовать за Рузвельта, но его речь, которую всюду справедливо оценивали как программу республиканцев в начавшейся избирательной кампании, вызвала у этих людей резко отрицательное отношение к возможному избранию губернатором воинственного командира «лихих всадников». Об этом честно, с беспощадной прямоотой заявил Шурц, опубликовав в «Нью-Йорк ивнинг пост» открытое письмо редактору. Это был нелегкий шаг для Шурца, видевшего в Рузвельте талантливого политического деятеля, способного, по его мнению, стать лидером движения за буржуазные реформы. Но империалистические взгляды Рузвельта не только были неприемлемы для Шурца, но и вызывали у него страх за судьбы страны, если когда-нибудь во главе нее будет стоять джингоист и империалист. «Я повторяю,— писал Шурц,— такая программа не ограничится теперешней аннексией Филиппин. Она кажется экстравагантной, но каждый, кто знаком с господином Рузвельтом, знает, что это то, во что он действительно верит и что принимает ближе всего к сердцу»¹⁹. В сильных выражениях и с большой убежденностью Шурц писал, что не может поддержать полковника с его

¹⁶ «The New York Times», 6.X 1898.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ H. C. Lodge to T. Roosevelt, Oct. 6, 1898.— In: Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918, 2 Vls. New York — London, 1925, Vol. I, p. 352.

¹⁹ Schurz C. Speeches, Correspondence, and Political Papers of Carl Schurz, ed. by F. Bancroft, 6 Vls. New York, 1969, Vol. V, p. 523.

«чрезвычайными идеями воинствующего империализма». В глазах Шурца империализм столь же пагубен для страны, как пагубно в свое время было рабство²⁰.

Шансы Рузвельта на избрание губернатором были не очень велики, но с тем большей энергией он собирался бороться²¹. Платт проявил дальновидность и настоящее политическое чутье, когда, скрепя сердце, согласился выдвинуть энергичного полковника, да еще имеющего репутацию реформатора и человека неподкупного. Два последних губернатора-республиканца — Мортон (1895—1896) и Блэк (1897—1898) — совершенно скомпрометировали себя, особенно Блэк, хищением общественных денег, выделенных на строительство канала Эри.

Конечно, Платт позаботился и о средствах. Он лично отправился на Уолл-стрит собирать взносы «в избирательный фонд Тедди»; последний, по его словам, заупрямился и сказал, что не может делать это сам. Первым в списке Платта стояло имя Дж. П. Моргана²².

Начиная с 17 октября и до дня выборов Рузвельт на специальном поезде колесил по штату, останавливаясь и в больших городах, и на маленьких станциях, иногда на пару часов, иногда даже на несколько минут. Таким образом он посетил 110 мест, не считая Нью-Йорка, и произносил в день до 15 речей! Он вел предвыборную кампанию в бешеном темпе, обещая избирателям «честное и храброе правительство». Он умело избегал вопроса о махинациях на строительстве канала Эри и говорил в основном о себе. В последнем ему помогал эскорт из нескольких бывших «лихих всадников», задававших на митингах в подходящую минуту вопросы о сражении на Кубе и даже произносивших краткие спичи на тему «Как Тедди вел нас в бой». Это производило впечатление.

По свидетельству современников, тем, кто слушал Рузвельта, он казался искренним и доброжелательным, веселым и жизнерадостным, энергичным и смелым. Часто его речь была бессодержательной, но слушателей, а это в основном были мелкие буржуа городов и фермеры, привлекал оратор. Рузвельт действительно умел располагать к себе людей. Пожалуй, больше ничем нельзя объяснить, что такие бескомпромиссные реформаторы с

²⁰ Schurz C. Op. cit., Vol. V, p. 525.

²¹ Рузвельт писал в середине октября о своих шансах следующее: «Результат таков, что у меня не совсем приятная кампания. Возможно еще, что я одержу победу, и я собираюсь сделать все, что можно» (T. Roosevelt to H. C. Lodge, Oct. 16, 1898.— In: The Letters..., Vol. II, p. 886).

²² Platt T. C. The Autobiography of Thomas Collier Platt. New York, 1910, p. 537—538.

прогрессивными взглядами, как Шурц, Чепмен, Стеффенс, остались его друзьями, хотя возмущались его экспансионизмом и понимали, что доверять ему нельзя. И тем не менее выборы показали, что подавляющее большинство независимых республиканцев проголосовало за Рузвельта. Независимые мотивировали свои действия убеждением, что «он не будет подчиняться диктату партийной машины»²³.

Частично, как мы увидим дальше, они оказались правы, но только частично.

8 ноября 1898 г. все волнения наконец разрешились. Рузвельт был избран губернатором, хотя перевес в голосах в пользу республиканского губернатора был не так уж велик: всего 17 794 голоса (на выборах 1896 г. Блэк получил большинство почти в 213 тыс.²⁴). Это оскорбляло самолюбие полковника, откровенно заявившего, что он ожидал большего²⁵. Но через две три недели Рузвельт уже забыл об этом огорчении и упивался победой. О его способности отбрасывать все неприятное и любоваться собственной персоной можно судить по следующим отрывкам из его письма после выборов: «Мне пришлось вынести тяжелую ношу скандалов как со стороны национальной администрации, так и в штате; а выступали против меня профессионалы-независимые, как Карл Шурц, Годкин, Паркхерст, так и idiotские разновидности простаков (Goo-Goos)²⁶, потому что они отрицательно относились к тому, что я был за войну с Испанией, частично из-за того, что боялись, что кто-нибудь, кто им не нравится, может проголосовать за меня. Однако мы откололи от них агрессивных и заполучили очень много не только собственно независимых, но и независимых демократов, и после очень упорной, тяжелой борьбы мы победили»²⁷.

В отношении независимых Рузвельт был явно несправедлив. Они не питали к нему вражды. Священник Паркхерст сердечно поздравил его с избранием, присовокупив, что будет соблюдать лояльность к его администрации²⁸. Журнал «Нэйшн», а ведь его издателем был противник Рузвельта Э. Л. Годкин, до выборов равно высоко оценивал обоих кандидатов. Правда, он отметил,

²³ *Chessman G. W. Governor Theodore Roosevelt. The Albany Apprenticeship, 1898—1900. Cambridge (Mass.), 1965, p. 69.*

²⁴ *Gosnell H. F. Op. cit., p. 140.*

²⁵ «The New York Times», 10.XI 1898.

²⁶ В тексте игра слов: Goo-Goos — ироническое прозвище либералов, требовавших хорошего правительства — Good Government, отсюда Goo-Goos, а goose по-английски «гусь» и «дурак», «простак».

²⁷ Roosevelt to J. Bryce, Nov. 25, 1898.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 889.

²⁸ «The New York Times», 10.XI 1898.

что платформа демократического кандидата не содержит джунгоистского духа, а республиканская программа в этом плане «является насколько возможно плохой»²⁹.

Вновь избранный губернатор приступает к своим обязанностям с Нового года. Остававшиеся до вступления два месяца полковник делил между радостями семейной жизни в Сагамор-хилле и интенсивной деятельностью. Он выезжал в Бостон, Нью-Йорк и другие города штата для выступлений с лекциями, несколько раз встречался с Платтом, Оуделлом и прочими видными функционерами в отеле «Пятая авеню» по вопросам партийной политики и будущих назначений, выступал с речами на банкетах, дававшихся в его честь. Речи Рузвельта уже вполне могли насторожить Платта, так как полковник обещал сражаться с негодями обеих партий и призывал общественность помочь ему в этом. «Вы знаете,— говорил он на званом обеде в Нью-Йорке 29 ноября,— что демократические и республиканские мошенники должны быть наказаны. Помогите мне это сделать»³⁰.

В последний день 1898 г. полковник Рузвельт прибыл в столицу штата Нью-Йорк Олбани. Вступление нового губернатора в должность напоминает процедуру вступления в должность президента США. Сначала губернатора должны были привести к присяге. По традиции эта церемония проводится 1 января. Но 1 января приходилось на воскресенье. Ожидать двое суток! Рузвельт немедленно отправился в здание Капитолия штата и там в присутствии нескольких человек из старого и нового кабинета выслушал текст присяги, сказал требуемое «да» и поставил свою подпись³¹. Экс-губернатор Блэк не присутствовал. 2 января в ассамблее состоялась торжественная передача полномочий бывшим губернатором новому.

Итак, Теодор Рузвельт стал губернатором. У него не было четкой программы, но были энергия и желание действовать. Он знал, что ему предстоит распутать сложное дело о злоупотреблениях и взяточничестве на строительстве канала Эри. Он должен был заниматься назначениями чиновников, рабочим вопросом, благоустройством штата, тюрьмами, образованием, милицией, паллагами штата и пр., и пр. В первом послании законодательно-

²⁹ «The Nation», 1898, October 6, p. 249.

³⁰ «The Nation», 1898, December 1, p. 403.

³¹ «The New York Times», 1.1 1899. Эпизод с принятием присяги закончился тем, что Рузвельт — в память об «историческом» событии — велел своему секретарю отдать Теду (старшему сыну Рузвельта) золотое перо, которым он подписал присягу. Перо принадлежало генералу Палмеру, государственному секретарю штата, которому ничего не оставалось, как согласиться.

му собранию, представленном в день открытия очередной сессии собрания 4 января 1899 г., губернатор коснулся всех этих вопросов в той или иной мере, стараясь наглядно показать, что он уже в курсе насущных интересов штата. В этом послании рабочему вопросу уделялось довольно много места. Новый губернатор, видимо, хотел выглядеть беспристрастным арбитром в отношениях труда и капитала, подчеркнув, что законодательство по рабочему вопросу, если оно будет умно разработано, послужит на пользу и рабочим и предпринимателям³². Он обращал внимание законодателей также на важный вопрос налогообложения, хотя пока конкретно ничего не предлагал. В целом послание выглядело вполне умеренным и не вызвало никаких возражений со стороны партийных лидеров.

Губернатор — первое лицо штата, его хозяин на два года, но рядом с ним находится законодательное собрание, которое контролируется партийной машиной — республиканской или демократической — в зависимости от результатов последних выборов. В 1899 г. в верхней палате собрания — сенате республиканцы имели совсем незначительное большинство (шесть человек) и исход голосования часто зависел от позиции сенаторов-демократов и республиканцев, фрондирующих против своего руководства. В ассамблее республиканцы располагали прочным большинством (25 человек), подчинявшимся партийной машине, а ею из Вашингтона руководил сенатор Платт, без которого, по джентльменскому соглашению перед выборами, Рузвельт не должен был ничего предпринимать.

Верный своему принципу ни под каким видом не порывать с партией и в то же время убежденный в необходимости проведения некоторых реформ по упорядочению администрации, по борьбе с коррупцией, введению начатков социального законодательства, Рузвельт оказался в сложном положении. Его трудности усугублялись тем, что сам он был человеком властным, упрямым и не терпел возражений. В Олбани же в роли губернатора ему предстояло пройти школу гибкости и терпения, согласовывая с боссом каждый шаг. «В республиканской организации штата Нью-Йорк,— писал Рузвельт,— сенатор Платт был абсолютным боссом республиканской партии. За ним стоял большой бизнес, но в то время это наиболее важное обстоятельство, объясняющее его влияние, не вполне всеми понималось. Я сам разобрался в нем только после того, как был избран губернатором»³³.

³² «The New York Times», 5.I 1899.

³³ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 274.

Контакт нового губернатора с боссом осуществлялся совершенно открыто, Рузвельт решил не делать тайны из своих еженедельных воскресных свиданий в Нью-Йорке с Платтом, приезжавшим туда из Вашингтона. В рабочие дни к Рузвельту ездил Оуделл в качестве доверенного лица Платта. В первое же воскресенье января в доме на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке у Анны Каулс состоялась первая встреча.

Об этом завтраке с Платтом «Нью-Йорк таймс» писала: «Губернатор не испугался крика, что он нарушает все прецеденты своей поездкой в Нью-Йорк для консультации с политическими деятелями... Он собирается часто совершать такие поездки»³⁴. Враждебные Рузвельту газеты называли эти встречи «завтраками с дьяволом» и в продолжение всех двух лет, которые полковник провел в Олбани, поносили его, как могли. В основном это относится к демократической прессе, так как независимые издатели оказались более сдержанными. Даже Годкин не только не затрагивал эту тему, но осторожно похваливал губернатора за первые попытки самостоятельных действий. Рузвельт игнорировал как похвалы независимых, так и насмешки демократов. Губернатор интересовался лишь его отношения с партийным руководством, поэтому он держался с Платтом подчеркнуто вежливо, понимая, что не достигнет успеха ни в каком начинании, если пойдет на открытый конфликт с партийной машиной. В свою очередь и Платт, оправдывая свое прозвище «Легкого босса», предпочитал сохранять с губернатором приличные отношения. Тем не менее предлогов для обоюдного неудовольствия оказалось достаточно.

Одним из поводов для конфликта был отказ Рузвельта безоговорочно назначать на выгодные должности лиц, рекомендуемых Платтом. Новый губернатор отнюдь не стремился раздавать посты только прогрессивно настроенным республиканцам. Но, как человек умный и имеющий опыт административной работы, Рузвельт старался выбирать людей по деловым качествам, а это не всегда отвечало намерениям Платта, не прощавшего никакого «самовольства». В первые дни после водворения в Олбани Рузвельт назначил на пост генерал-адъютанта национальной гвардии штата подполковника волонтерских войск Э. Д. Эндрюса, принадлежавшего к независимым демократам. Пресса тут же оценила решимость губернатора выдвигать наиболее способных людей, «не обращая внимания, нравится это или нет партийным боссам»³⁵.

³⁴ «The New York Times», 7.I 1899.

³⁵ «The Nation», 1899, January 5, p. 2.

Платту это не понравилось, но он промолчал. Однако дальше дела пошли хуже.

Через несколько дней Рузвельт отстранил от должности суперинтенданта (управляющего) по общественным работам Дж. Олдриджа и предложил соответствующим органам заняться расследованием злоупотреблений суперинтенданта, руководившего строительством канала Эри. Платт не мог протестовать против увольнения Олдриджа, но хотел поставить на это место человека по своему выбору и без ведома губернатора предложил этот пост некоему Ф. Гендриксу. Однако, когда во время очередного завтрака босс сказал губернатору, что назначил нового суперинтенданта по общественным работам, он услышал вежливый, но твердый отказ подтвердить назначение Гендрикса. В виде компромисса Рузвельт предложил Платту на выбор четыре кандидатуры, и «Легкому боссу» пришлось согласиться с назначением полковника Патриджа. Рузвельт очень хвастался этими маленькими победами и писал позднее: «...Необходимо было с самого начала дать понять, что это было мое правление и ничье больше, только мое»³⁶. Однако Платт тоже считал себя хозяином и, вынужденный иногда уступать, брал реванш в других случаях, накапливая в душе раздражение против строитивого губернатора.

Заняв пост губернатора, Рузвельт хотел претворить в жизнь свои взгляды на роль исполнительной власти, т. е. правительства. Уже тогда он считал, что деятельность администрации, а не законодательного органа должна быть основой правительства³⁷. А отсюда он делал вывод о праве правительства вмешиваться в экономику, о контроле государства над деятельностью корпораций и о социальном законодательстве, т. е. о регулировании государством социально-экономических отношений. Первыми приверженцами этой доктрины в Америке были экономисты Г. К. Адамс и Р. Эли, социолог Л. Уорд³⁸. Однако их теоретические работы не были поняты большинством представителей господствующего класса, усматривавших в их концепции не острое беспокойство за судьбу капитализма, как это было на самом деле, а нападки на капиталистический строй. Рузвельт же относился к просвещенному меньшинству. Он был знаком с трудами Эли, Кида и других экономистов и даже пригласил для консультации профессора Эли и журналиста Гантона, когда столкнулся с проблемой налогового обложения корпораций. В американской лите-

³⁶ *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 285.

³⁷ *Blum J. M.* The Republican Roosevelt. New York, 1962, p. 17.

³⁸ См.: *Согарин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

ратуре принято считать, что закон о налоговом обложении привилегий, предоставляемых штатом корпорациям, был главным и «блестящим» достижением политики Рузвельта в штате Нью-Йорк. В действительности губернатор сыграл в этом деле не очень благовидную роль, пытаясь одновременно служить богу и маммоне, т. е. ввести умеренный налог и не разорвать с партийной машиной³⁹.

Сначала Рузвельт обещал автору законопроекта сенатору штата Джону Форду подписать билль, представленный в собрание в конце января 1899 г. Полю Дэйна Рузвельт честно написал, что считает билль Форда хорошим⁴⁰. Однако «большой бизнес» и Платт настолько были перепуганы возможностью утверждения нового налога на корпорации, что 28 марта Платт лично явился в Олбани. Рузвельт устроил в губернаторском доме прием боссу и Оуделлу с супругой, вызвав возмущение даже лояльных республиканцев. «Ни один из платтовских губернаторов,— писал Форд в 1931 г.,— никогда открыто не являлся ни с главным боссом, ни с его подручными... Но Рузвельт осмелился пригласить его в резиденцию губернатора и свободно общался с Платтом и официально, и неофициально»⁴¹.

Губернатор попал в трудное положение, испытывая, с одной стороны, нажим партийной машины, а с другой — общественности, не желая полностью подчиниться Платту и в то же время не желая обострять с ним отношения. Но он сумел выпутаться из этой ситуации. Он тянул с подписанием билля, утвержденного обеими палатами, используя его как «дубинку», которой он размахивал перед Платтом. В его распоряжении было 30 дней со дня закрытия сессии, в течение этого времени он имел право подписать билль или наложить на него вето. Он не сделал ни того, ни другого, а созвал экстренную сессию собрания для выработки нового текста законопроекта.

Перед открытием сессии Рузвельт довольно цинично напомнил одному из сенаторов штата, какова его позиция: «Я держу билль Форда о привилегиях для сохранности в сокровенном тайнике. Если [законодатели] попробуют валять дурака, я его сразу под-

³⁹ Подробно о деятельности Рузвельта в роли губернатора Нью-Йорка, истории принятия закона о налоге на привилегии корпораций, позиции губернатора в рабочем вопросе см.: *Велаяевская И. А. Теодор Рузвельт и политическая борьба в штате Нью-Йорк, 1899—1900 гг.*— В кн.: *Американский ежегодник. 1978. М., 1978.*

⁴⁰ T. Roosevelt to P. Dana, Apr. 7, 1899.— In: *The Letters...*, Vol. II, p. 982.

⁴¹ *Ford J. Mr. Roosevelt's Feet of Clay.*— «Current History», 1931, August, Vol. 5, p. 681. В этой статье бывший сенатор штата Нью-Йорк Форд излагает свою версию об истории «билля Форда».

пишу, я его подпишу также и в том случае, если в новом билле о налоге на привилегии они не захотят учесть все мои требования»⁴².

Рузвельту не пришлось приводить в исполнение свою угрозу. Законодательное собрание утвердило новый билль как поправку к биллю Форда. Рузвельт тотчас подписал новый билль, без стеснения нарушив обещание, данное им ранее Форду. Платту пришлось согласиться на компромисс, но этот инцидент не был им забыт.

Принятый в конце концов закон о налогах на привилегии увидел свет в урезанном виде, но все же он в какой-то мере ставил вопрос о контроле над доходами корпораций со стороны администрации штата. Однако нетрудно увидеть, что настойчивость, проявленная Рузвельтом во время выработки закона о налоге на привилегии, так же как и громкие заявления о социальном законодательстве, отнюдь не означали его «полевения», что доказывают его непосредственные поступки.

Позиция Рузвельта по рабочему вопросу была изложена им в статье «Как же не помочь нашему бедному брату», помещенной в январском номере «Ревью оф ревьюз» за 1897 г. Рузвельт полагал, что вмешательство государства во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими стало неизбежным при существующем развитии индустриального общества. «Бедный брат» нуждается в помощи, но не должен сам добиваться улучшения своего положения. Социалистов, стремившихся пробудить сознание рабочего класса и призывавших к объединению пролетариев, Рузвельт называл «демагогами». Их деятельность, по его мнению, приносила только вред. «Самый страшный враг бедного человека,— писал Рузвельт,— это рабочий лидер»⁴³. Рабочие должны смиренно ждать, когда правительство проведет в жизнь законодательство, облегчающее их жизнь. «Это тот вид прогресса,— говорил он,— который должен проводиться очень медленно и осторожно»⁴⁴.

⁴² T. Roosevelt to F. W. Higgins, May 17, 1899.— In: The Letters..., Vol. II, p. 1013.

⁴³ *Roosevelt T. American Ideals and Other Essays, Social and Political.* New York and London, 1902, p. 212. В эту книгу, посвященную Г. К. Лоджу, вошли статьи и рецензии, опубликованные в журналах с 1885 г. Первое издание вышло в 1897 г.

⁴⁴ Цит. по: *Hurwitz H. L. Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900.* New York, 1943, p. 230. В этой работе Хёрвигт подробно исследует отношение Рузвельта к рабочему классу Нью-Йорка начиная с первых дней его пребывания в Олбани в качестве члена ассамблей, затем комиссара полиции и, наконец, губернатора штата. В книге использованы материалы из архива Т. Рузвельта в Библиотеке конгресса,

Проблеме отношений между трудом и капиталом Рузвельт придавал большое значение, но никогда не могло возникнуть сомнений, на чьей стороне губернатор. Он не раз доказал готовность вмешаться в конфликт или для его мирного урегулирования, если возможно, или для того, чтобы силой подавить протест рабочих. Американский исследователь Г. Л. Хёрвигт справедливо оценил его позицию во время стачки грузчиков зерна в Буффало в мае 1899 г.: «Рузвельт предпочитал мирное решение спора. Однако не было секретом, что он всегда готов был использовать силу. Вот почему его первым действием был приказ национальной гвардии быть готовой к подавлению волнений рабочих в Буффало»⁴⁵.

Местные власти в Буффало отнюдь не требовали прислать войска, тем не менее губернатор Рузвельт дал распоряжение генерал-майору Роэ держать наготове целую бригаду национальной милиции и ввести ее в действие против рабочих при первом требовании местного начальства или угрозах со стороны рабочих⁴⁶.

Примерно так же губернатор отнесся к стачкам трамвайщиков Нью-Йорк-Сити и Бруклина, происходившим в июне того же года. Обе стачки потерпели поражение, а в Бруклине, где батовало около 2 тыс. человек, требовавших соблюдения закона о 10-часовом рабочем дне, полицейские отряды стреляли в рабочих. Как же реагировал на кровопролитие губернатор? Он телеграфировал командиру национальной гвардии: «Иметь все наготове к действию, если произойдет что-либо незаконное, с чем полиция не сумеет справиться»⁴⁷. Но полиция «справилась», и стачка была разгромлена без участия войск штата.

Однако в апреле 1900 г. во время забастовки рабочих (итальянцев) на строительстве плотины в Кротоне туда были присланы войска национальной гвардии с одобрения губернатора.

Условия работы на плотине были очень тяжелыми. К тому же подрядчики беззастенчиво обирали рабочих, которые в конце концов не выдержали и объявили стачку. Их требования были очень умеренными. Итальянцы даже не посмели настаивать на 8-часовом рабочем дне, они готовы были согласиться на 9-часовой и небольшую прибавку (не выше 2 долл. в день). Прибывшие на

документы законодательного собрания и правительства штата Нью-Йорк, а также рабочая и буржуазная, центральная и местная пресса.

⁴⁵ *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 246.

⁴⁶ Письма из архива Рузвельта, не вошедшие в публикацию Э. Морисона и Дж. Блама (*The Letters*) цит. по: *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 246.

⁴⁷ T. Roosevelt to general Ch. F. Roe, July 17, 1899.— In: *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 242.

место действия представители отдела посредничества и арбитража признали условия работы тяжелыми, а заработную плату — низкой и просили подрядчиков согласиться на компромисс. Что-то пытался сделать даже итальянский консул в Нью-Йорке. Но представитель фирмы наотрез отказался пойти на уступки⁴⁸. Он потребовал ареста рабочих лидеров. Шериф вызвал в район забастовки две роты национальной гвардии (пехота и кавалерия) общей численностью до 1300 человек⁴⁹. Рабочие знали, что губернатор поддержал действия шерифа, и военный лагерь тут же окрестили «лагерем Рузвельта».

Прибытие войск накалило атмосферу; положение обострилось еще и тем, что каким-то неизвестным был убит молодой сержант национальной гвардии⁵⁰. Стрелявшего не нашли, и были ли виноваты в этом убийстве стачечники — следствие не установило. Но генерал Роэ приказал арестовать руководителей забастовки, и стачка была проиграна.

Во время забастовки в Кротоне Рузвельт держался жестко и непреклонно, хотя утверждал, что войска присланы только для предотвращения беспорядков. Итальянский посол барон Фава получил категорический ответ, что губернатор не допустит «бунта»⁵¹. При этом в конфиденциальной переписке Рузвельт признавал отчаянное положение рабочих в Кротоне. Он писал Лоджу: «Между прочим, у нас возможен бунт на плотине в Кротоне, где взбунтовавшиеся итальянцы уже убили парня из национальной гвардии. Собственно говоря, я думаю, что кто-то из подрядчиков, несомненно, угнетал служащих, но, конечно, теперь, когда последние обратились к насилию, мы должны поставить их на место, чего бы это ни стоило...»⁵²

Итак, подавить сопротивление «бедного брата» «чего бы это ни стоило» и одновременно заниматься мерами по сглаживанию социальных конфликтов. Встревоженный обострением отношений между предпринимателями и рабочими, Рузвельт полагал, что следует обратить внимание имущих классов на опасность для всей страны недовольства со стороны необеспеченных слоев, и даже признавал, что если не полностью, то частично «возмущение против богатства... имеет основанием действительное зло»⁵³.

⁴⁸ «The New York Times», 15.IV 1900.

⁴⁹ «The New York Times», 15, 16.IV 1900; Hurwitz H. L. Op. cit., p. 250—251.

⁵⁰ «The New York Times», 17.IV 1900.

⁵¹ «The New York Times», 21.IV 1900.

⁵² T. Roosevelt to H. C. Lodge, Apr. 17, 1900.— In: The Letters..., Vol. II, p. 1265.

⁵³ Цит. по: Hurwitz H. L. Op. cit., p. 263.

Свидетельством того, что отношения между трудом и капиталом уже тогда внушали опасения Рузвельту-политику, является его частная переписка, мысли, высказанные не для публики, размышления, которыми он делился с друзьями. Летом 1899 г. он писал лорду Спринг Райсу: «Но мы должны также решать огромные проблемы, возникающие из отношений между трудом и капиталом. Я убежден, что в предстоящие пятьдесят лет нам придется уделять этому вопросу гораздо больше внимания, чем экспансии; как экспансионист, я верю, что мы можем ее продолжать и утвердить свое место среди наций мира, но, занимаясь внешними проблемами, мы ни в коем случае не должны пренебрегать вопросами нашего внутреннего управления»⁵⁴.

Содержание этого письма объясняет, почему Рузвельт действительно много занимался рабочим вопросом в первый год своего губернаторства. Во вступительной речи он даже употребил термин «антагонистические интересы», имея в виду отношения рабочих и работодателей (правда, смягчив словом «кажущиеся») ⁵⁵. Вот почему, не будучи другом рабочего класса и не колеблясь в применении репрессивных, жестких мер против стачечного движения, губернатор поддержал целый ряд рабочих законопроектов и даже принимал в их выработке активное участие. Среди них наиболее важными были: о расширении полномочий и усилении власти фабричной инспекции; о запрещении без лицензий сдавать рабочим помещения с работой на дому; о создании специальной комиссии, следящей за условиями жизни рабочих, работающих на дому; о регулировании рабочего времени женщин и детей и охране их труда на опасных предприятиях; о надзоре за строительным оборудованием с целью обеспечить безопасность рабочих; об уменьшении рабочего дня служащих аптек; о повышении жалованья учителям нью-йоркских народных школ; о рабочих местах для работниц на фабриках и официанток в отелях и ресторанах; о привлечении к ответственности работодателей по жалобам фабричных инспекторов за нарушения рабочих законов, и некоторые другие ⁵⁶.

Рузвельт очень гордился своим социальным законодательством, не меньше, чем проведением налогового обложения привилегий и мерами по консервации природных ресурсов. Возникший у него интерес к последней проблеме не только не остыл с годами, но даже сделал его активным сторонником и защитником дела охраны национальных богатств.

⁵⁴ The Letters..., Vol. II, p. 1053.

⁵⁵ «The New York Times», 5.I 1899; Hurwitz H. L. Op. cit., p. 278.

⁵⁶ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 221.

В этой области губернатор опирался на советы своего друга архитектора Кристофера Гранта Лафарга, некоторых нью-йоркских чиновников и, наконец, Гифффорда Пинчота, специалиста-лесоведа, занимавшего пост генерального лесничего Соединенных Штатов, с которым Рузвельт близко сошелся в эти годы⁵⁷. Рузвельт предложил законодательному собранию разработать меры по развитию и перестройке лесоводства в штате Нью-Йорк на научных принципах⁵⁸, но натолкнулся на глухое сопротивление законодателей. Законодатели долго сопротивлялись предложению сохранить уникальные по красоте месторождение диабазы, образовавшего причудливые скалы на западном берегу Гудзона. Залежи этого минерала уже начали разрабатывать и использовать камень для мощения дорог.

В 1899 г. судьбой Палисэйдс-парка заинтересовался Рузвельт. Он поддержал проект объявить этот район заповедником и создать для надзора за ним смежную комиссию двух штатов (Нью-Йорка и Нью-Джерси). На первые нужды нового национального парка губернатор добился от законодательного собрания ассигнования 10 тыс. долл. Затем он пригласил очень богатого нью-йоркского бизнесмена Джорджа У. Перкина на пост президента этой комиссии⁵⁹. Именно тогда началось знакомство Рузвельта с этим финансистом, сыгравшим большую роль в его жизни.

Активность губернатора раздражала Платта, привыкшего считать себя в штате полным хозяином. По многим вопросам, не сулившим прямой выгоды для «большого бизнеса», Рузвельту приходилось преодолевать сопротивление «Легкого босса», но не доводить их отношения до разрыва⁶⁰. Да и сам босс, видимо,

⁵⁷ Дружба между Пинчотом и Рузвельтом была дружбой людей одного круга, скрепленная общими взглядами и наклонностями: любовью к природе, охоте, игре в теннис. Рузвельт пользовался безоговорочной преданностью своего младшего друга, относившегося к нему с чисто галльской пылкостью (Пинчоты вели свой род от французских гугенотов, переселившихся в Америку).

⁵⁸ В этом послании от 3 января 1900 г. губернатор Рузвельт потребовал, чтобы вырубка леса в штате была поставлена «на строго научную основу» (цит. по: *The Letters...*, Vol. II, p. 1179, note 1).

⁵⁹ Перкинс согласился на предложение, желая быть в хороших отношениях с Рузвельтом. А потом интерес к парку, на благоустройство которого он собирал средства среди знакомых магнатов, стал его хобби (*Garraty J. A. Right-Hand Man. The Life of George W. Perkins. New York, 1960, p. 83; Chessman G. W. Governor Theodore Roosevelt, p. 242—243*).

⁶⁰ Рузвельт писал об отношениях с Платтом: «Были мероприятия, на которые он неохотно и раздраженно давал согласие, не приводя в исполнение угрозу разрыва» (*Roosevelt T. An Autobiography, p. 288*). К числу таких мероприятий относились рабочее законодательство и охрана природных ресурсов.

не хотел ссоры; их пресловутые совместные завтраки в Нью-Йорке (в отеле у Платта или у какой-нибудь из сестер Рузвельта) продолжались. Однако уже в начале 1900 г. из-за назначения на один из важных в иерархии штата постов между ними произошел крупный конфликт.

В феврале 1900 г. истек срок полномочий главы департамента по страхованию суперинтенданта Л. Ф. Пэйна. Рузвельт не хотел оставлять его на этой должности. Репутация у Пэйна была сомнительная — он принимал взятки от страховых корпораций. Можно думать, что Рузвельт не забыл и то, что именно Пэйн поднял дело о неуплате им, Рузвельтом, налога и пытался дискредитировать его кандидатуру. Во всяком случае он воспользовался промахом Пэйна, принявшего от страховой компании «Стэйт траст» под видом займа 435 тыс. долл.⁶¹ Обнародование этого факта и назначение расследования повлекло бы за собой крупный скандал. И Платт сдался. Пэйн был снят (но его не привлекли к суду), а на его место был назначен по предложению Рузвельта Гендрикс, тоже из числа лиц, угодных боссу. Конфликт как будто был разрешен, но «Легкий босс» не простил губернатору этой выходки, в чем Рузвельту довольно скоро пришлось убедиться.

Шел второй год пребывания Рузвельта в Олбани. Было заметно, что административный пыл губернатора штата остыл. Он объяснял это тем, что «так много было сделано в 1899 году»⁶² (!). На самом же деле в это время он был озабочен собственной судьбой в связи с предстоящими выборами осенью 1900 г. Рузвельт собирался вторично баллотироваться в губернаторы.

К 1900 г. популярность полковника Рузвельта была уже очень велика, особенно в мелкобуржуазных кругах. Коулсат, знакомство которого с Рузвельтом относится к этому времени, рассказывает, с каким энтузиазмом встречали Рузвельта на Западе — и в Чикаго и в мелких городишках. Особенно шумную рекламу ему делали верные «лихие всадники». Но и без них Рузвельт с талантом прирожденного демагога умел устанавливать контакт с аудиторией, перед которой ему приходилось выступать.

Однажды, читая доклад в датской реформаторской церкви в Чикаго, губернатор так увлекся, что громогласными возгласами и энергичными жестами напугал ребенка. Смущенная мать хотела унести плакавшее дитя, но Рузвельт остановил ее: «Сядьте, пожалуйста, мадам, — сказал он. — Не уходите. У меня дома та-

⁶¹ Gosnell H. F. Op. cit., p. 211.

⁶² Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 214.

ких собственных шестеро, и я привык к плачущим ребятишкам»⁶³. Присутствующие были растроганы. Надо сказать, что он действительно любил детей и умел найти путь к их сердцам, но он также умел выгодно показать себя окружающим идеальным «чисто американским» семьянином.

Прием, оказанный Рузвельту в 1899 г., во время лекционного турне по Западу (но не в штате Нью-Йорк), мог заронить в его легко воспламеняющееся сердце самые смелые надежды. На транспарантах, которые несли в толпе, встречавшей столичных агитаторов, пестрели лозунги «Тедди Рузвельт — 1904»⁶⁴. Значит, среди рядовых избирателей о нем уже говорили как о кандидате в президенты в 1904 г. На избрание в 1900 г. — он понимал — рассчитывать не приходилось: партийные боссы выдвигали в президенты Маккинли на второй срок.

Рузвельт был готов отслужить еще два срока (по два года) губернатором или получить пост генерал-губернатора Филиппинских островов, или стать членом кабинета министров, а потом баллотироваться в президенты на следующих выборах. Пожалуй, больше всего его привлекали Филиппины.

Положение на Филиппинских островах, только что аннексированных американским правительством, было очень напряженным. Неожиданно для американских захватчиков филиппинский народ не принял «веляния бога», по которому, согласно рассказу президента Маккинли, он — Маккинли — решил объявить острова собственностью Соединенных Штатов. Парижский договор в декабре 1898 г. узаконил этот предательский акт, а конгресс США его ратифицировал. Но филиппинцы не сложили оружия, а обратили его против своего коварного союзника, превратившегося во врага и поработителя. Эта война оказалась более кровавой и затяжной, чем война с Испанией.

Экспансионисты торжествовали по поводу захвата Филиппин; их известные лидеры, в первую очередь Рузвельт и Лодж, выступали с одобрением политики правительства.

Члены Антиимпериалистической лиги, образованной еще в 1898 г., пытались вразумить свое правительство, выступая с осуждением расправы над филиппинским народом⁶⁵. Широко известен гневный памфлет Марка Твена «Человеку, ходящему во тьме», в котором знаменитый писатель-сатирик заклеил массо-

⁶³ *Kohlsaat H. H. From McKinley to Harding: Personal Recollections of Our Presidents. New York and London, 1923, p. 91.*

⁶⁴ *Ibid.*, p. 77.

⁶⁵ Подробнее см.: *Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, с. 202—221.*

вые убийства стариков, женщин и детей американскими солдатами. Сенаторы Хоар и Петтигрю в конгрессе, М. Твен и Дж. Баутвелл, К. Шурц и др. в печати или с трибуны во весь голос осуждали действия правительства. Против империалистических акций правительства Маккинли К. Шурц произнес пылкую речь на конференции Антиимпериалистической лиги в Филадельфии 22 февраля 1900 г., отчет о которой был напечатан в «Нэйшн»⁶⁶. В этой речи Шурц возмущенно обличал президента и адмирала Дьюи в вероломстве, ибо объявление островов собственностью США и уплата испанцам выкупа, превращавшего филиппинцев в подданных Америки, являлось «актом отъявленного предательства»⁶⁷.

Однако, несмотря на такие выступления, пропаганда экспансионизма и идеи о необходимости бороться за первенство США в системе мировых держав имели огромный успех, особенно среди военщины и мелкобуржуазных кругов, упоенных легкой победой над Испанией. У. А. Уайт писал об этом времени: «Когда испанцы сдались на Кубе и позволили нам захватить Пуэрто-Рико и Филиппины, Америка на этом перекрестке свернула на дорогу, ведущую к мировому господству. На земном шаре был посеян американский империализм. Мы были осуждены на новый образ жизни»⁶⁸. Эти слова, написанные более 40 лет спустя, подчеркивают якобы фатальную неизбежность американской агрессии и одобряют ее.

В преддверии новой избирательной кампании лидеры республиканской партии как партии, возглавлявшей успешную войну, надеялись выиграть сражение с демократами, выставив кандидатуру Маккинли на второй срок. Поддержка Маккинли в тот момент означала признание политики империалистических захватов, и как раз на империалистическом угаре, отравлявшем атмосферу в Соединенных Штатах на рубеже старого и нового, XX в., строили свои планы республиканские политики.

Все эти политические коллизии занимали губернатора Нью-Йорка, которому в конце 1900-го года предстояло добиваться или переизбрания, или нового поста. Рузвельт был в затруднении, может быть, даже в смятении, ощущая, что его отношения с партийной машиной достигли степени кризиса. Он понимал, что, победив в 1898 г. с совсем небольшим перевесом голосов, теперь он может не собрать и незначительного большинства, так много

⁶⁶ «The Nation», 1900, March 1, p. 158.

⁶⁷ Schurz C. Op. cit., Vol. VI, p. 161.

⁶⁸ White W. A. An Autobiography. New York, 1946, p. 319 (подчеркнуто мною.— И. Б.).

было в штате недовольных его действиями. Рузвельт жаловался старшей сестре, что каждый рабочий билль вызывает недовольство той или иной группы. Он писал: «Крупные корпорации встают против налога на привилегии и соответственно злятся на меня. Федерация труда сердится из-за того, что я молниеносно вызываю милицию, чтобы предупредить бунт во время забастовки на кротонской плотине. Партийные лидеры и вовсе с трудом удерживаются в рамках, а ярые экстремисты среди них ворчат, что они могли бы поддержать демократа, так как я не выказываю милосердия к тупости и еще менее к мошенничеству; в то же время, с другой стороны, порядочные, но непрактичные люди возмущаются, потому что я во всем консультируюсь с руководством партии. Так продолжается все время, и я постоянно вооружаю против себя мелких людишек, так что — насколько я могу предвидеть — мне нечего уповать на то, что кто-нибудь из ранее голосовавших против меня изменит свою позицию»⁶⁹.

В свете цитированного письма Рузвельта становится понятно, почему в это время губернатор не только стал меньше заниматься делами штата, но и неожиданно для многих круто изменил отношение к нашумевшему скандальному делу о злоупотреблениях на строительстве канала на оз. Эри.

В первом послании законодательному собранию в январе 1899 г. губернатор Рузвельт упомянул об этом деле и обещал его расследовать. В апреле он потребовал от законодательного собрания штата выделить специальные средства для ведения такого расследования, чем поставил законодателей в трудное положение, ибо «у обеих политических партий руки были в грязи», — как писал обозреватель «Нэйшн»⁷⁰. В том же номере журнала отмечалось, что отношение Рузвельта к этому делу совершенно изменилось. В одном из своих регулярных выступлений губернатор заявил, что юристы, проводившие расследование, отрицают состав преступления в поведении высших чиновников, руководивших строительством канала, и называют обвинения их в злоупотреблении своим положением «бесстыдной ложью и клеветой»⁷¹. В результате чиновники, изрядно нагретые руки на общественных работах по строительству канала, остались безнаказанными. Редактор «Нэйшн» Годкин упрекал Рузвельта главным образом даже не за то, что мошенники не были привлечены к суду,

⁶⁹ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Apr. 30, 1900.— In: The Letters..., Vol. II, p. 1277.

⁷⁰ «The Nation», 1899, September 7, p. 180.

⁷¹ Ibid., p. 181. Правда, губернатор сместил суперинтенданта по общественным работам и назначил нового — полковника Патриджа — по своему выбору, но дело было замято.

а за то, что губернатор, постоянно подчеркивающий свою честность, сознательно скрыл правду об этом деле⁷².

Этот компромисс с собственной совестью уже ничем не помог Рузвельту. К 1900 г. Платт был в ярости от самоуправства Рузвельта и подумывал, куда бы спихнуть не в меру деятельного губернатора. Просто отставить его в сторону он не решался. Популярность Рузвельта среди рядовых республиканцев всех оттенков была столь велика, что при желании он мог попытаться выставить свою кандидатуру хотя бы от независимых, — так думал Платт. Он даже не предполагал, что этот политикан, несмотря на свою строптивость, ни под каким видом не хочет порывать с республиканской партией. (Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы через 12 лет Рузвельт решился на такой шаг. Но тогда он уже был лидером национального масштаба.) Поэтому Платт видел выход только в том, чтобы предложить Рузвельту внешне блестящий пост, но без перспективы активной политической деятельности. Таким постом было вице-президентство.

Рузвельт не хотел верить, что Платт намеревается отправить его в почетную ссылку, в сенат, хотя вокруг него все время циркулировали слухи, будто ему предложат выставить свою кандидатуру в вице-президенты. В середине декабря 1899 г. он писал сестре Анне: «Я сказал Кэботу, что не хочу и не приму вице-президентства, также и Платту. Последний меня уверяет, что он за повторное выдвижение меня в губернаторы и что оппозиции против меня не будет... Конечно, если мое повторное выдвижение исключается, то я приму вице-президентство, если мне его предложат»⁷³. Последние слова важны для последующего анализа поведения Рузвельта.

В течение зимы и весны 1900 г. Рузвельт настойчиво пытался отвести от себя угрозу стать вице-президентом, точнее, угрозу не получить возможности вторично баллотироваться на пост губернатора. В феврале он прямо написал Платту: «Я хотел бы остаться губернатором на второй срок, особенно если мы сможем удержать в рамках дело о каналах. Но в качестве вице-президента я не вижу ничего, что бы я мог сделать»⁷⁴. Коулсату он говорил, что вице-президентство — «самый последний пост, на который я бы пошел или о котором беспокоился»⁷⁵. При встрече с Рузвельтом в конце марта Коулсат, ухитрившийся поддерживать друже-

⁷² «The Nation», 1899, October 26, p. 307.

⁷³ T. Roosevelt to A. R. Cowles, Dec. 17, 1899.— In: The Letters..., Vol. II, p. 1112.

⁷⁴ T. Roosevelt to T. C. Platt, Febr. 1, 1900.— Ibid., p. 1157.

⁷⁵ Kohlsaat H. H. Op. cit., p. 86.

ские отношения с Ханной, Маккинли и Рузвельтом, советовал ему не соглашаться на вице-президентство. Коулсат знал, что М. А. Ханна не терпит Рузвельта и постарается не допустить его выдвижения⁷⁶. Впрочем, об этом обстоятельстве мало кто в республиканских кругах не был осведомлен. Говорили, что Ханна пришел в ужас при мысли, что — как он выразился — «этот сумасшедший» может попасть в Белый дом в случае смерти президента Маккинли. Платту предстояло приложить немало усилий, чтобы убедить национального босса республиканцев согласиться с кандидатурой Рузвельта.

Рузвельт, когда стало ясно, что ему уготовано вице-президентство взамен повторного избрания губернатором, пришел в отчаяние и продолжал повторять, что ни за что не согласится стать вице-президентом. Он жаждал действовать, а не стучать молотком в сенате. Многие друзья поддерживали его и советовали не соглашаться, вплоть до публичного отклонения своей кандидатуры на предстоящем съезде. Но, видимо, «Легкий босс» знал губернатора Рузвельта лучше, чем его друзья.

Съезд республиканской партии должен был проходить в Филадельфии 18—20 июня 1900 г. Делегаты начали съезжаться за несколько дней. Кандидатура президента Маккинли была бесспорной, а вокруг кандидатуры вице-президента шли толки и пересуды на закрытых собраниях организаций штатов (кокесах).

Нью-йоркский кокес, собравшийся в эти решающие дни, послушно высказался за Рузвельта как кандидата в вице-президенты. Платт был болен и руководил событиями из своего номера в отеле. Он велел привести к нему строптивого губернатора. Как рассказывал потом Коулсату приятель Рузвельта Н. М. Батлер, полковник пошел к Платту с твердым намерением бороться, а вернулся «с поджатым хвостом. Весь задор вылетел из него, и он изменил свой прежний тон...»⁷⁷ И немудрено. «Легкий босс» показал, кто является хозяином в штате.

Платт буквально с наслаждением вспоминал, как он подрезал крылья Рузвельту в 1900 г. Когда привели к нему губернатора, тот был, писал Платт, страшно возбужден и, едва перешагнув через порог, заявил, что на съезде возьмет слово и откажется от кандидатуры вице-президента, что он способен лучше служить в качестве губернатора. Но босс остановил его словами: «Вы будете баллотироваться в вице-президенты». И, указывая на Оуделла, добавил: «Вот ваш преемник»⁷⁸.

⁷⁶ Ibid., p. 87.

⁷⁷ Ibid., p. 88.

⁷⁸ Platt T. C. Op. cit., p. 389.

На этом беседа с Платтом окончилась, и Рузвельт вышел. Он не рассказал Батлеру, ожидавшему его, о пережитом унижении, но друзья слышали иной мотив в его разглагольствованиях: «Я не могу разочаровать моих западных друзей, если они будут настаивать, и т. д. Я не могу ставить себя выше партии и т. д.»⁷⁹

Рузвельт смирился. В день съезда он сидел на скамье нью-йоркской делегации рядом с Платтом с мрачным лицом и держал на коленях черную шляпу — знак траура по своим надеждам (!). Его кандидатура была утверждена единодушно, и овация, устроенная ему делегатами, когда он поднялся для ответного слова, немного утешила полковника, остро чувствовавшего свое моральное поражение в последней битве с Платтом. Репортеры отметили, что губернатор Рузвельт был взволнован и молча смотрел на беснующуюся аудиторию, ожидая, когда стихнут аплодисменты и крики⁸⁰. Они не знали, что Рузвельт слышал за спиной поукания своих сторонников, шептавших ему: «Полковник, откажитесь». Но он промолчал, ибо остаться за бортом, не получив ни губернаторства, ни вице-президентства, было бы еще хуже.

Версия Рузвельта об истории его избрания вице-президентом отличается от версии Платта ровно настолько, чтобы читатели его мемуаров поняли, что он уступил настойчивому желанию широких кругов видеть его имя в избирательном бюллетене республиканцев рядом с именем Маккинли. По его словам выходило, что отношение Платта к губернатору усилило «чувства делегатов из других штатов в такой степени, что выдвижение моей кандидатуры стало необходимостью. К наступлению следующего дня сам сенатор Ханна пришел к заключению, что это необходимо... Никакой другой кандидат не был внесен в список»⁸¹.

Однако общественное мнение восприняло выдвижение губернатора Рузвельта кандидатом в вице-президенты как победу Платта. «Нэйшн» резко критиковал «лихого всадника» и его смирение перед боссом. «Что бы ни сказали его (Рузвельта.— *И. Б.*) защитники, его выдвижение есть пагубная победа врагов Рузвельта над ним...»⁸²

Что бы ни испытывал полковник при насмешках врагов или укоризнах некоторых друзей, он не вешал головы. Сам он был чрезвычайно высокого мнения о своих действиях в роли губернатора. «Я думаю, что я был самым лучшим губернатором моего

⁷⁹ *Kohlsaat H. H.* Op. cit., p. 88.

⁸⁰ «The New York Times», 22.VI 1900.

⁸¹ *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 309.

⁸² «The Nation», 1900, June 28, p. 491.

времени, лучше чем Кливленд или Гилден», — писал он своему дяде⁸³. При таком сомнении ему нетрудно было убедить себя, что его согласие на выдвижение в вице-президенты — не поражение. Смирившись с обстоятельствами, Рузвельт стремился убедить прежде всего себя, а потом и всех окружающих, всех, с кем он сталкивался, что принял кандидатуру «ради партии и нации», что он послушался «голоса народа». Одной из черт его характера была настоятельная необходимость верить в собственную значительность и убеждать в ней других.

Избирательная кампания 1900 г. проходила в обычной крикливой суете, но без особой остроты. Главные соперники — республиканцы и демократы (другие партии, участвовавшие в выборах, в счет не шли) основным пунктом своих программ сделали вопрос о борьбе с трестами, избегая после захвата Филиппин внешнеполитических вопросов, ибо в данном случае стояли на одних и тех же позициях, т. е. экспансионистских.

Несомненно, что в 1900 г. республиканская партия после успешной для США войны с Испанией могла рассчитывать на победу, хотя ее кандидат Маккинли — личность довольно тусклая — во многом уступал Брайану, прирожденному оратору, воспользовавшемуся в свое время популистским движением как трамплином для собственной карьеры. В этих обстоятельствах кандидатура Рузвельта действительно неплохо подкрепила Маккинли, тем более, что кандидат в вице-президенты не мог спокойно ожидать результатов, а участвовал в агитационной кампании с бешеной энергией. Он охотно взял на себя словесную дуэль с Брайаном, будто не Маккинли, а он сам был кандидатом в президенты. Выступления Брайана и Рузвельта, их перепалки широко освещались в газетах⁸⁴.

Выборы закончились внушительной победой республиканцев. 28 штатов голосовали за Маккинли и Рузвельта и только 17 за Брайана⁸⁵. Даже Канзас и Южная Дакота, Орегон и другие тихоокеанские штаты, считавшиеся «серебряными», пошли за республиканцами. Это был окончательный крах брайанизма, и Рузвельт приписывал себе немалую долю в этой победе.

Итак, Маккинли остался в Белом доме, а Рузвельту предстояло четыре года председательствовать в сенате, не принимая активного участия в политике, т. е. быть лишенным дела, к которому он считал себя наиболее способным.

⁸³ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 214.

⁸⁴ См., например: «*The New York Times*», 13.X 1900.

⁸⁵ «*The New York Times*», 8.XI 1900.

Глава VII • ПРЕЗИДЕНТ

Во время церемонии вторичного вступления Маккинли на пост президента новый вице-президент произнес краткую, но многозначительную речь. Эта речь по содержанию больше подходила бы главе государства. Помимо воли оратора, его выступление показало, *как* он хочет быть лидером, а не пешкой в чужой игре. Он не говорил, а вещал о «великой миссии» американской нации, убеждая соотечественников в том, что Соединенным Штатам предстоит борьба за ведущую роль на «широкой всемирной арене жизни». Вот его слова: «Мы принадлежим к молодой нации..., чья политическая сила еще лишь преддверие нашей будущей мощи... Через два великих океана на востоке и на западе мы взираем на широкую всемирную арену жизни, в которой, хотим мы этого или нет, мы должны принимать неизменно возрастающее участие... Великий труд возложен на наше поколение. Главную долю этого труда должен принять на себя августейший и мощный законодательный орган, которым я призван руководить. Я от глубины души приветствую преимущество моего положения, ибо поистине велика честь председательствовать в американском сенате на заре двадцатого столетия»¹.

Несмотря на такое заверение, «великая честь» направлять прения в сенате показалась невероятно пресным занятием беспокойному и предприимчивому вице-президенту. Даже стычки с Платтом и интриги нью-йоркских партийных боссов теперь казались только острой приправой к ощущению своей силы и власти, испытанному им в роли губернатора. В Олбани он был — или почитал себя — первой фигурой, хотя бы только в одном штате. В Вашингтоне он был ничем.

Однако не прошло и года со дня выборов, как на Маккинли было совершено покушение. 6 сентября 1901 г. на панамериканской выставке в Буффало Леон Чолгош в упор выстрелил в президента из револьвера. Вице-президента, проводившего каникулы в Адирондакских горах, немедленно вызвали в Буффало. Сна-

¹ Цит. по: Theodore Roosevelt, 1858—1919. Chronology-Documents-Bibliography Aids, ed. by G. J. Black. New York, 1969, p. 27.

чала врачи надеялись на благополучный исход, и Рузвельт вернулся в горы. Но через несколько дней Маккинли умер.

Неожиданная смерть Маккинли была ударом для монополистов и руководства республиканской партии. Они совершенно серьезно были готовы причислить новоиспеченного президента к опасным радикалам, но недооценивали ни его страха перед рабочим движением и распространением социалистических идей, ни его способности к маневренной политике. Современный американский историк Дж. Бернс сказал про него: «Рузвельт не был щепетильным в политических акциях»². Это было правдой.

В то же время либералы и прогрессивно настроенная интеллигенция (в основном журналисты, например Л. Стеффенс, У. А. Уайт, Дж. Риис и др.) были исполнены радужных надежд, ожидая каких-то необыкновенных действий от своего героя — «первого президента-реформатора». Увы, они также недооценивали рузвельтовской гибкости и внутренне глубокого консерватизма, в которых им пришлось довольно скоро убедиться.

Ликуя в душе, что он стал президентом, Рузвельт, по словам Стеффенса, наслаждался «яростью босса Платта и трагическим разочарованием Марка Ханна»³. Однако он держал себя с последним предельно осторожно и корректно. Он внял советам друзей успокоить магнатов бизнеса заявлением о верности курсу покойного президента. Такой совет подали банкир Д. Робинсон, написавший ему в категорическом тоне, как себя держать, и Г. Коулсат. Последний продиктовал Рузвельту, в каких выражениях поговорить с Ханной, действительно убитому горем, ибо он потерял и друга, и власть. И Рузвельт, которого все считали несговорчивым и упрямым, прекрасно провел всю сцену.

В траурном поезде, когда они ехали в Вашингтон хоронить президента, Рузвельт пригласил Ханну поужинать с ним. Неохотно, уступая уговорам Коулсата, Ханна согласился провести вечер с «этим проклятым ковбоем». За ужином новый президент протянул ему руку и сказал: «Старина, я хочу, чтобы Вы были моим другом. Я знаю, вы не можете подарить мне любовь и привязанность, которые вы питали к Маккинли, но я хочу, чтобы вы дали мне то, что можете. Вы мне нужны. Хотите ли быть мне другом?»⁴ И Ханна принял это предложение при условии, что Рузвельт будет продолжать политику Маккинли⁵.

² *Burnes J. M. The Deadlock of Democracy. Four-Party Politics in America. Englewood Cliffs (N. J.), 1964, p. 102.*

³ *Steffens L. J. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 503.*

⁴ *Kohlsaat H. H. From McKinley to Harding. New York — London, 1923, p. 102.*

⁵ *Ibid., p. 103.*

Может быть участники этих закулисных переговоров не передают точно все сказанные слова, но остается фактом, что Рузвельт быстро сориентировался и, принимая присягу, сделал официальное заявление о том, что будет продолжать политику своего предшественника. Он просил всех членов кабинета остаться на местах и помочь ему в управлении государством. Он тщательно подготовил первое послание конгрессу, не забыв дать его предварительно и Ханне, и Платту, и лидеру республиканцев в сенате Олдричу, и некоторым бизнесменам, и членам кабинета Руту и Ноксу.

Рузвельт придавал большое значение этому выступлению. Он рассматривал его как свою личную политическую платформу, которой будет придерживаться, чтобы иметь твердую почву под ногами, когда придет время бороться за то, чтобы стать президентом — как говорят в США — «по собственному праву», ибо поставил перед собой цель быть избранным президентом, а не наследником в Белом доме⁶. Для этого ему надо было помнить об интересах монополий, которые дадут ему деньги на избирательную кампанию; о требованиях партийных боссов, которые организуют для него эту кампанию; о нуждах и недовольстве простых людей, которые опустят в избирательную урну бюллетени с его именем, если он сумеет обещать им больше, чем демократы, доказать, что социализм — утопия неамериканского стиля. Недаром газеты назвали его послание «коктейлем», составленным так, чтобы угодить любому вкусу⁷.

«Большой бизнес» и боссы успокоились: правда, президент сказал о необходимости контроля над трестами, но воздал хвалу «капитанам индустрии», создавшим, как он отметил, экономическую мощь страны. Он подтвердил принцип протекционизма, сказав о нежелательности вообще какого-либо изменения тарифной системы и о допущении взаимных таможенных договоров лишь в качестве дополнения к протекционизму. Он коснулся рабочего вопроса, отметив необходимость федерального социального законодательства, но лишь в области регламентации рабочего дня и труда женщин и детей на государственных предприятиях. В по-

⁶ В первые дни своего президентства Т. Рузвельт жил в доме сестры А. Каулс, ожидая, пока вдова Маккинли выедет из Белого дома. Там же он принимал друзей, и У. А. Уайт, приехавший на «коронацию» друга, рассказывал, что тот откровенно говорил о своих планах остаться президентом на второй срок (*White W. A. An Autobiography. New York, 1946, p. 339*).

⁷ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 245; Kolko G. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900—1914. Chicago, 1967, p. 66.*

слании не поднимался вопрос о демократизации избирательной системы, хотя в штатах уже не первый год шла борьба прогрессистов с консерваторами за введение референдума, права отзыва депутатов и прямых выборов в муниципалитеты, законодательные собрания штатов и конгресс США. Зато много внимания новый президент уделил внешней политике. Подчеркнув, что он одобряет внешнеполитический курс своего предшественника, захват Филиппин и установление протектората над Кубой и Пуэрто-Рико, новый президент заявил, что главной чертой внешней политики США и даже всех стран Американского континента должна быть доктрина Монро. Это было первое упоминание Рузвельта о доктрине Монро; в дальнейшем он вернется к ней и придаст ей особую интерпретацию. В этом же послании Рузвельт подробно и со вкусом изложил одну из своих излюбленных идей о необходимости укрепления военно-морской мощи США, о строительстве сильного флота, прибегнув, разумеется, к обычной демагогической аргументации: сильный флот — гарантия мира⁸.

Став президентом, Рузвельт оказался лицом к лицу со множеством проблем, как внутри страны, так и в области внешней политики, проблем, требующих незамедлительного действия. Политическое положение внутри страны в это время было далеко не спокойным. Только год назад, перед выборами, закончилась длительная забастовка угольщиков антрацитовых шахт Пенсильвании, но истекал срок коллективного договора рабочих с предпринимателями и назревал новый конфликт. Тревожные опасения у Рузвельта вызывало распространение социалистических идей, которое усилилось после образования социалистической партии. В 1900 г. социалисты впервые выступили на президентских выборах со своим кандидатом; это был рабочий-социалист Юджин Дебс. Агитация социалистов падала на благодатную почву. Засилье монополий, приобретавших все большее не только экономическое, но и общественно-политическое влияние, вызвало к жизни еще в конце прошлого века антимонополистическое движение. Наиболее сильным его проявлением было популистское движение, в основном фермерское, приведшее к образованию в 1892 г. Народной партии. Правда, к началу нового века популистское движение потерпело крах, когда его лидеры примкнули к демократической партии. Зато во многих штатах с каждым годом усиливалась борьба за антистретовское законодательство, за контроль над действиями железнодорожных компаний, очищение правительственного аппарата от коррупции и демократизацию избирательной системы. Новое движение также носило мелкобуржу-

⁸ Congressional Record, Vol. 35, Pt 1, p. 82—86.

азный характер, но его участниками — в отличие от популистов — были представители интеллигенции и городской мелкой и средней некорпорированной буржуазии.

Рузвельт понимал, что перед фактом широкого общественного брожения, когда «реформы носились в воздухе»⁹, он не может бездействовать, если хочет сохранить за собой президентское кресло на второй срок. Помимо этого, он склонялся к мнению, что внутреннее положение страны требует более гибкой политики, направленной на сглаживание конфликтов и укрепление существующего строя путем реформ, а не репрессий, реформ, проводимых сильной исполнительной властью. Надо было избрать объект для реформ. И Рузвельт решил сделать этим объектом тресты.

19 февраля 1902 г. правительство возбудило дело против компании «Норзерн секьюритис», обвиняя ее в нарушении закона Шермана. Это была огромная держательская компания с капиталом в 400 млн. долл.; ее организаторами были Дж. П. Морган и Дж. Дж. Хилл, а в ее деятельности оказались заинтересованными У. Рокфеллер, Э. Гарриман, Дж. Стиллмен, Дж. Ф. Бэйкер и Ч. С. Меллен. Расследование продолжалось целый год, и в апреле 1903 г. суд вынес решение о роспуске компании. Моргану и Хиллу пришлось разделить предприятие на два, но деление было чисто фиктивным, так как обе новые компании оставались в одних и тех же руках¹⁰. Однако широкая публика не знала об этом, и судебный процесс над «Норзерн секьюритис компани» имел большой общественный резонанс.

Престиж президента необыкновенно возрос, буржуазные газеты начали именовать его «взрывателем трестов», хотя сам он был далек от мысли об уничтожении монополий, которые признавал основой экономической мощи США. Идея Рузвельта заключалась в утверждении права исполнительной власти, т. е. президента, регулировать рост и деятельность корпораций.

Пропаганду идеи регулирования трестов президент взял на себя. В конце лета 1902 г. Рузвельт совершил турне по стране, посетив 10 штатов и выступив в 12 городах. Совершая эту поездку, энергичный президент убивал двух зайцев: он подготавливал почву для расширения антитрестовского законодательства, которое объявил самым действенным средством против развития революции¹¹, и устанавливал контакт с избирателями, имея в виду

⁹ *White W. A. An Autobiography*, p. 368.

¹⁰ *Josephson M. The Robber Barons*. New York, 1935, p. 480.

¹¹ В речи, которую Рузвельт произнес в Бостоне 25 августа 1902 г., он заявил: «Я защищаю действия, которые предупредят революцию» (Presi-

выборы 1904 г. После такой обработки общественного мнения конгрессу было предложено обсудить несколько законопроектов об усилении антитрестовского законодательства.

Настроенный очень критически к Рузвельту еженедельник «Нэйшн» писал, что предложения «взрывателя трестов» разочаруют его поклонников, ибо все угрозы и обещания контроля над трестами свелись к проекту о запрещении железнодорожным компаниям произвольно снижать и повышать тарифы на перевозку грузов¹². Действительно, три акта о трестах 1903 г. оказались весьма ограниченными. Один предписывал ускорение судопроизводства в процессах, возбужденных против трестов. Второй закон создавал новое министерство торговли и труда, в составе которого предусматривалось Бюро по делам корпораций с функциями надзора за корпорациями и сбора информации. Третий — закон Элкинса — запрещал железнодорожным компаниям допускать отклонения от принятых и опубликованных тарифов на перевозки¹³.

Обсуждение этих мер в конгрессе прошло быстро, но не без трений. Консерваторы, за которыми стояли представители многих крупных монополий, пытались сорвать даже такое ограниченное законодательство. Прогрессисты, наоборот, хотели бы провести более радикальные билли. Рузвельт проявил немалый талант к политической интриге и сумел настоять на своем, т. е. не пропустить радикальных антитрестовских мер, но в то же время сделать шаг в сторону регулирования деятельности корпораций. Он пошел даже на легкий шантаж, поручив корреспондентам нескольких газет опубликовать информацию (без указания источника) о том, что шесть сенаторов получили письма от Дж. Д. Рокфеллера с требованием воспрепятствовать прохождению антитрестовских биллей¹⁴. Сообщение, конечно, вызвало в прессе взрыв негодования против корпораций, чего и добивался Рузвельт. В то же время он активно воспрепятствовал прохождению более радикального антитрестовского билля, представленного прогрессистом Литтлфилдом, но сумел воспользоваться этим биллем как средством нажима на Ханну, Олдрича, Спунера и прочих консерваторов, с которыми в итоге умел находить общий язык. Он сам признавался, что предпочитает работать с этими

dent Roosevelt's Speeches Delivered at Hartford, Conn, Providence etc. New York, 1902, p. 17).

¹² «The Nation», 1903, January 15, p. 44.

¹³ Antitrust Laws with Amendments, 1850—1937, compl. by E. A. Lewis. Washington, 1962, p. 4—5; Congressional Record, Vol. 36, Pt 2, p. 2159.

¹⁴ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 341.

людьми, а не с «радикальными «реформаторами» типа Литтлфилда»¹⁵. Вместе с тем через Дж. У. Перкинса из банкирского дома Моргана Рузвельт заручился в деловых кругах одобрением билля о создании министерства торговли и труда¹⁶.

Однако в целом крупный капитал с подозрением относился ко многим высказываниям и поступкам Рузвельта, проявляя тупость и неспособность видеть дальше собственного носа. Так аттестовал представителей капитала сам Рузвельт, когда ему пришлось вплотную заняться рабочим вопросом и вмешаться в отношения труда и капитала. А Рузвельт отдавал себе отчет в том, что в современной Америке проблема отношений труда и капитала является, как он писал К. Шурцу в 1903 г., «величайшей, охватывающей целиком нашу страну и требующей в некоторых ее проявлениях самого немедленного разрешения»¹⁷.

Рузвельт понимал, что пролетариат является опасной средой, в которой социалистические идеи находят своих адептов, что угроза капитализму исходит прежде всего и главным образом от пролетариата. Рузвельт принадлежал к числу тех более гибких и дальновидных государственных деятелей, которые в начале XX в. во всех крупных капиталистических странах взяли курс на политические реформы и выдвинули буржуазный лозунг, говоря словами В. И. Ленина, «реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти»¹⁸.

Косность уолл-стритовских магнатов, «совершенно неспособных понять ни настроений страны и ее нужд, ни собственных нужд», — как писал президент в том же письме Шурцу, поражала и возмущала его. С этой косностью ему непосредственно пришлось столкнуться во время забастовки углекопов, начавшейся в мае 1902 г., когда предприниматели не захотели возобновить соглашение с рабочими, заключенное в 1900 г., и удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы на 20%. Борьба затянулась на много месяцев, ибо шахтовладельцы задались целью не только отказать в повышении заработной платы, но и разгромить Объединенный союз горняков, руководивший стачкой. Газеты писали о возможности «угольного голода» с наступ-

¹⁵ T. Roosevelt to W. H. Taft, March 19, 1903.— In: The Letters of Theodore Roosevelt, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. III, p. 450.

¹⁶ Kolko G. Op. cit., p. 70.

¹⁷ T. Roosevelt to C. Schurz, Dec. 24, 1903.— In: The Letters..., Vol. III, p. 679.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

лением зимы. Правительство решило выступить посредником, несмотря на нежелание шахтовладельцев вести какие-либо переговоры даже с инспектором по труду, посланным в Пенсильванию непосредственно президентом¹⁹.

Рузвельт апеллировал к самому Моргану, направив в Нью-Йорк Рута с поручением уговорить старого финансового волка воздействовать на шахтовладельцев, дабы они согласились на арбитраж²⁰. Только после этого Морган приехал в Вашингтон, где состоялась его встреча с президентом, во время которой они договорились передать дело на арбитраж, но при условии, что рабочие прекратят забастовку. Дж. Митчелл, лидер профсоюза, принял это условие. Забастовка закончилась в октябре 1902 г., а решение арбитражной комиссии состоялось только в марте следующего года. Комиссия выработала компромиссные условия (повышение заработной платы на 10% вместо 20% и т. д.), но при этом отказала рабочим в официальном признании Объединенного союза горняков, т. е. узаконила систему «открытой мастерской», против которой выступал рабочий класс США.

Рузвельт не скрывал впоследствии, что, ведя переговоры с Митчеллом и Морганом, одновременно готовился к тому, чтобы в случае необходимости занять шахты федеральными войсками²¹. Такую двойную игру вел Рузвельт-президент, так же как несколько лет назад Рузвельт — губернатор штата Нью-Йорк.

Признавая на словах право трудящихся на борьбу за улучшение своего положения, президент-реформатор не постеснялся подписать закон, запрещающий государственным служащим обращаться в конгресс с петициями о повышении заработной платы. Это был известный «закон-затычка», ставивший государственных служащих в совершенно бесправное положение.

Проблему «труд и капитал» Рузвельт, как уже говорилось, считал наиболее важной для правительства и страны. Второй великой проблемой современности президент называл негритянскую проблему²². Однако он считал, что она существует только в южных штатах, и тем самым уходил от необходимости рассматривать черных как дискриминируемое национальное меньшинство в составе населения всей республики.

За время пребывания в Белом доме Рузвельт ничего не сделал для разрешения негритянского вопроса, для улучшения пра-

¹⁹ *Лелл С.* Из истории забастовочного движения в США. М., 1950, с. 153.

²⁰ *Mowry G. E.* The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. New York, 1958, p. 139.

²¹ *Roosevelt T.* An Autobiography. New York, 1946, p. 474.

²² T. Roosevelt to C. Schurz, Dec. 24, 1903.— In: The Letters..., Vol. III, p. 679.

вового и материального положения «младшего цветного брата». Правда, он не одобрял практики судов Линча, часто говорил, что для него имеют значение достоинства человека, а не цвет кожи, и даже пригласил однажды на обед в Белый дом негра Букера Вашингтона, руководителя «движения Таскиги»²³. Однако отклики печати на обед президента и его супруги в обществе черного были столь неблагоприятны, что даже Рузвельт, вспыльчивый и не обращающий внимание на критику со стороны, если хотел в каком-нибудь вопросе настоять на своем, больше никогда не пытался нарушить неписанный американский статут поведения белого в отношении негра.

Став президентом, Рузвельт получил огромные возможности применить на практике свои экспансионистские теории. Господство США на Тихом океане было навязчивой идеей нового президента. «Я хотел бы видеть Соединенные Штаты главенствующей державой на Тихом океане», — откровенно писал он в 1900 г.²⁴ Вполне понятно, что Рузвельт поддержал Маккилли, когда тот объявил аннексию Филиппин. Он полностью оправдывал вероломство американцев и, настаивая на неспособности филиппинцев к самоуправлению, требовал подавления национально-освободительного движения и введения на островах американской администрации.

Ко времени вступления Рузвельта на пост президента военные действия на островах были официально прекращены, ибо после предательского пленения американцами Агинальдо — вождя филиппинских повстанцев — и его капитуляции в марте 1901 г. повстанческие армии одна за другой прекратили сопротивление²⁵. Но продолжалась неслыханно жестокая расправа американских войск и с повстанцами, и с мирным населением островов.

Рузвельт называл эти карательные меры «воспитанием законопослушания»²⁶. Убежденный в праве США огнем и мечом рас-

²³ Негритянское мелкобуржуазное «движение Таскиги» (по имени городка Таскиги, штат Алабама) ставило целью улучшить положение негров, но отказывалось от политических действий.

²⁴ Цит. по: *Beale H. K. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*. New York, 1970, p. 50.

²⁵ О борьбе филиппинцев и американской агрессии подробнее см.: *Губер А. А. Филиппинская республика и американский империализм*. М., 1968.

²⁶ 2 сентября 1901 г. в штате Миннесота он говорил: «Мы не пытаемся поработить народ: мы стараемся развить людей, воспитать в них законопослушание, сделать их трудолюбивыми и образованными, и мы надеемся в конечном итоге сделать их людьми, способными к самоуправлению» (цит. по: *Burton D. H. Theodore Roosevelt: Confident Imperialist*. Philadelphia, 1968, p. 73).

Рузвельт сажает древо империализма

правляться с филиппинским народом, он с трудом скрывал раздражение против антиимпериалистов, искренне возмущавшихся действиями своего правительства и честно старавшихся открыть народу глаза на действительные причины захвата островов и жестокость американских солдат. Его особенно бесили даже не социалисты, а буржуазные пафисцы (миллионер Э. Карнеги, сенаторы Хоар и Петтигрю, Шурц), т. е. влиятельные представители его класса, от которых нельзя было просто отмахнуться. Одной из отличительных черт президента Т. Рузвельта было жела-

ние, чтобы нужные ему люди им восхищались или хотя бы одобряли его поступки, но уж никак не осуждали. Летом 1902 г. с неподражаемым лицемерием он писал сенатору Хоару в ответ на упреки в жестоком обращении с филиппинцами: «...Мне невыносимо думать, что в Ваших глазах я кажусь человеком, который плохо выполняет свой долг в огромном деле. Я прошу Вас верить, что после долгого, тяжкого раздумья, после длительных поисков и некоторой неуверенности относительно того, в чем заключается мой долг, сейчас я выполняю его так, как мне дано это видеть»²⁷. Этот долг, по мнению президента, заключался в безоговорочном подавлении сопротивления и в «восстановлении закона и порядка» силой оружия.

Не следует забывать, что Рузвельт одобрял методы физической расправы с восставшим народом и возражал только против «пыток и ненужной жестокости», как сам отметил всего через месяц после письма Хоару в частном письме германскому дипломату фон Штернбургу, с которым поддерживал приятельские отношения: «Я позаботился, чтобы армия понимала, что я вполне одобряю суровые методы, когда они необходимы, и нимало не чувствителен к убийству некоторого числа людей, если имеется соответствующая причина. Но я не люблю пыток и ненужной жестокости»²⁸.

Порабощение филиппинского народа в годы президентства Рузвельта стало фактом. Оно было юридически закреплено принятием в июле 1902 г. акта Купера, навязавшего филиппинцам «Органический закон» об управлении островами. Закон предусматривал назначение президентом США всех главных административных чиновников начиная с гражданского губернатора и кончая начальниками департаментов и передавал законодательную власть ассамблее, избираемой на основании строгого имущественного и административного ценза. Кроме того, верхняя палата состояла наполовину из американцев²⁹. Таким путем правительство Рузвельта осуществляло «подготовку» островитян к самостоятельному управлению страной.

Итак, превращение США в колониальную империалистическую державу свершилось. Внешнеполитический курс Рузвельта как курс империалистической экспансии, курс на выдвижение США в ряд великих мировых держав, более того, как стремление занять среди них место лидера, опираясь на свою экономическую и военную мощь, стал ясен с момента его прихода в Белый дом.

²⁷ T. Roosevelt to G. F. Hoar, June 16, 1902.— In: The Letters..., Vol. III, p. 277.

²⁸ T. Roosevelt to H. Speck von Sternburg, July 19, 1902.— Ibid., p. 298.

²⁹ Первая ассамблея собралась только в 1907 г.

Еще в первом послании конгрессу Рузвельт выдвинул доктрину Монро в качестве краеугольного камня внешней политики страны и сумел в течение 1902—1903 гг. превратить ее в орудие порабощения стран Американского континента под предлогом охраны порядка и насаждения законности и цивилизации. Энергия и настойчивость, проявляемые президентом для достижения цели, которую он провозгласил совершенно открыто, не знали границ. Представляется понятным, что историк Г. Адамс, тоже исповедовавший экспансионизм как ведущую политическую доктрину, но не утративший способности критически оценивать поступки своих друзей, впоследствии писал: «Власть, направляемая патологической энергией, является серьезнейшим фактом, а все друзья Рузвельта знают, что его беспокойная и воинственная энергия была более чем ненормальна». И далее: «Он был воплощением действия»³⁰. Это писал Г. Адамс, в доме которого каких-нибудь 5—8 лет назад в тесном кружке интеллектуалов Теодор Рузвельт находил поддержку своим взглядам и аудиторию, где разглагольствовал на тему о необходимости развивать армию и особенно военно-морской флот.

В известной речи, произнесенной в Чикаго в апреле 1899 г. и опубликованной под названием «Деятельная жизнь», Рузвельт витийствовал за усиленное вооружение и войну. «Армия и флот — это меч и щит, которые нация должна нести, если ей придется выполнять свой долг среди народов земли», — возглашал Рузвельт-губернатор³¹. Он превозносил военный опыт и утверждал, что величие нации приходит лишь в борьбе: «Только через борьбу, через тяжелый и опасный опыт мы в конце концов достигнем цели — подлинного национального величия»³². Теперь в роли главы государства Рузвельт мог не только говорить, но и действовать; написав на одной стороне своего щита «реформа», а на другой — «экспансия», он без оглядки ринулся в авантюру колониальной политики.

³⁰ Adams H. The Education of Henry Adams. Boston, 1961, p. 417. Хотя многие относили Адамса к числу друзей Рузвельта (например, О. Уистер), уже Прингл приводил его критические замечания по адресу президента. Николас Рузвельт пишет, что Рузвельт раздражал Адамса. Их отношения были сложными: несомненная общность взглядов при резкой противоположности характеров. Адамс был постоянным гостем в Белом доме, но, как отмечает Н. Рузвельт, «частые светские ветречи сами по себе еще никак не означают близкой дружбы» (Roosevelt N. Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him. New York, 1967, p. 49).

³¹ Roosevelt T. The Strenuous Life, Essays and Addresses. London, 1903, p. 15—16.

³² Ibid., p. 21.

Было два направления американской экспансии: Дальний Восток и близлежащие страны Латинской Америки. Но в Азии позиции США были еще слабы. Там не могло быть и речи ни о чем, кроме поддержки доктрины «открытых дверей», доктрины Дж. Хэя, старого дипломата, оставшегося на своем посту в кабинете Рузвельта. Утверждение США на Филиппинах было шагом к созданию базы на Дальнем Востоке (базы, которая одновременно была и ахиллесовой пятой американского империализма). Но в Западном полушарии — дело другое. Здесь можно было подумать о вытеснении европейских держав. Вот тут и пригодилась доктрина Монро.

Задолго до президентства Рузвельт говорил и писал о доктрине Монро как о «широком общем принципе жизненной политики» Соединенных Штатов. В 1896 г. он даже заявил, что «если бы доктрина Монро уже не существовала, ее нужно было бы немедленно создать»³³. Тогда (это было во время первого венесуэльского кризиса) Рузвельт ограничивал толкование доктрины Монро «запрещением европейского вторжения на американскую землю»³⁴. В этом же плане он затронул доктрину Монро еще в первом президентском послании. Однако вскоре он начал говорить не только о запрещении захвата территории, но и о том, что США не потерпят установления контроля европейской державы над какой-нибудь из американских республик под предлогом получения с нее долга³⁵.

Наконец в декабре 1904 г. в очередном послании конгрессу (уже после избрания в президенты) Рузвельт сформулировал свое добавление к доктрине Монро, сделав вывод, что Соединенные Штаты являются единственной державой, которая имеет право «наблюдать за порядком» на всем Американском континенте в качестве «международной полицейской силы». Это любопытное выражение принадлежит самому президенту. Отмечая, что южноамериканские страны находятся в состоянии «хронического беспорядка» и неспособны поддерживать отношения с цивилизованными государствами, Т. Рузвельт предупреждал, что может наступить момент, когда вмешательство «цивилизованного государ-

³³ *Roosevelt T. American Ideals and Other Essays, Social and Political. New York and London, 1902, p. 220.*

³⁴ *Ibid., p. 222.*

³⁵ Он писал Хэю в марте 1903 г.: «...Я должен был говорить достаточно ясно в уточнение этой идеи, объясняя, что американский народ никогда не позволит какой-либо из американских республик оказаться под контролем европейской державы при помощи такой лазейки, как осуществление этого контроля (над финансами.— *И. Б.*) под видом претензии на гарантию и получение долга» (Т. Roosevelt to J. Hay, March 13, 1903.— In: *The Letters...*, Vol. III, p. 446).

ства» окажется необходимым. «В Западном полушарии Соединенные Штаты, принявшие доктрину Монро, могут быть вынуждены, помимо своего желания, в исключительных случаях, вызванных такими беспорядками..., выполнять роль международной полицейской силы»³⁶. Эта недвусмысленная угроза сопровождалась длинными и фальшивыми сентенциями на тему о том, что «любая страна, народ которой хорошо себя ведет, может рассчитывать на нашу сердечную дружбу»³⁷. Другими словами, президент Соединенных Штатов угрожал южным соседям вмешательством в их внутренние дела, если в этом будут заинтересованы правящие круги США.

«Говори сдержанно, но держи большую дубинку, и ты пойдешь далеко,— это изречение, пущенное в оборот Рузвельтом, было лозунгом, формулой его внешней политики. Для того чтобы такая формула имела силу, Рузвельту нужен был мощный флот; не для защиты территории его страны, которой никто не угрожал, а как весомое подкрепление угроз другим государствам, малым и большим.

В 1902 г., когда Англия, Германия и Италия предъявили Венесуэле ультиматум, президент взял на себя роль арбитра. Но держался он как хозяин Американского континента, и европейским державам пришлось фактически признать права США как полицейской силы Западного полушария³⁸.

В 1903 г. Рузвельт вынудил Кубу согласиться с пресловутой «поправкой Платта» (принята конгрессом в 1901 г.), по которой США получали право на интервенцию и оккупацию острова³⁹. Едва освободившись от испанского гнета, Куба превратилась в американскую полуколонию, чем в первую очередь воспользовались крупные монополии США. За годы президентства Т. Рузвельта (с 1902 по 1909 г.) американские капиталовложения на Кубе возросли с 30 млрд. до 200 млрд. долл.⁴⁰

Венцом империалистических деяний Рузвельта, которыми он, кстати, всегда гордился, был, конечно, захват территории на Панамском перешейке для постройки межокеанского канала⁴¹.

³⁶ Congressional Record, Vol. 39, Pt 1, p. 19.

³⁷ Ibidem.

³⁸ О втором венесуэльском конфликте см.: *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, с. 71—74.

³⁹ См.: *Roug de Леучсенринг Э.* Кубинский народ в борьбе против империализма США. М., 1968, с. 131—222; *Слэзкин Л. Ю.* История Кубинской республики. М., 1966, с. 56—64.

⁴⁰ *Jenks L. H.* Our Cuban Colony. New York, 1928, p. 162—163.

⁴¹ В «Автобиографии» он называет Панамский канал «самым важным вопросом внешней политики» из всех, какими ему пришлось заниматься в годы президентства (*Roosevelt T.* An Autobiography, p. 512).

«Я взял зону канала и предоставил конгрессу дебатировать этот вопрос..., а пока шли дебаты, шло и строительство канала»⁴². Эта фраза, произнесенная Рузвельтом в 1911 г., точно передает роль президента в панамской эпопее, завершившей полувековые переговоры с Англией о постройке канала.

Рузвельт мечтал о захвате перешейка давно. Еще в конце 90-х годов, когда шли предварительные переговоры о заключении нового договора (Хэя — Паунсефота) с Англией, он буквально неистовствовал, стараясь подбить Хэя и Маккинли на более решительные действия. Он хотел, чтобы США не только владели каналом без всякого содружества с Англией или другой державой, но и располагали правом вооруженной охраны зоны канала. Американские орудия на берегах перешейка, по мнению Рузвельта, должны быть нацелены на всех врагов США. «О, как я хотел бы, чтобы Вы и президент порвали договор (речь шла о договоре Клейтона — Бульвера, взамен которого Хэй и лорд Паунсефот, английский министр иностранных дел, должны были выработать новый акт.— *И. Б.*) и протащили билль о постройке и *укреплении* нашего собственного канала», — писал губернатор Нью-Йорка Рузвельт государственному секретарю США Дж. Хэю⁴³.

В конце концов Англия, завязывая в войне с бурами, пошла на уступки, и новый договор Хэя — Паунсефота 1901 г., подписанный в ноябре уже Рузвельтом, фактически делал Штаты единственной страной, ответственной за строительство канала и его сооружение.

Существовали два варианта постройки канала: через территорию Колумбии, где уже были начаты работы по прорытию канала печально знаменитой Панамской компанией, или через Никарагуа. В том и другом случае было необходимо соглашение об аренде. Естественно, что правительства этих республик надеялись сорвать со своего богатого соседа изрядную сумму (стоимость канала через Никарагуа исчислялась в 189 864 тыс. долл., через Колумбию — около 250 млн. долл.). Пока в конгрессе шли дебаты, какой вариант принять, президент сетовал на то, что канал не станет собственностью США, так как территория будет взята всего лишь в аренду. «Почему не можем мы просто купить Панамский перешеек, вместо того чтобы арендовать его у Колумбии? — писал он Хэю. — Мне кажется, это будет прекрасная штука. Я думаю, они изменили бы свою конституцию, если бы мы достаточно предложили»⁴⁴.

⁴² Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 330.

⁴³ *Beale H. K. Op. cit.*, p. 103.

⁴⁴ T. Roosevelt to J. Hay, Aug. 21, 1903.— In: *The Letters...*, Vol. III, p. 318.

Выход был найден в стиле известного романа О'Генри «Короли и капуста». Зная о давних сепаратистских стремлениях панамского народа, несколько десятилетий пытавшегося создать суверенное государство на перешейке, правительство США оказало тайную поддержку группе сепаратистов, выступавших против колумбийского правительства⁴⁵. В ноябре 1903 г. Панама объявила себя независимой, а Рузвельт неприлично быстро признал новое государство. Двух недель не прошло, как был подписан в Вашингтоне договор, передававший в вечное пользование США зону канала шириной в 10 миль. В качестве компенсации Панама получила всего 10 млн. долл. одновременно и 250 тыс. долл. ежегодно через девять лет после ратификации договора.

Независимость Панамы оказалась призрачной. США сумели использовать ситуацию для того, чтобы «подчинить себе Панаму, сделав ее вначале республикой, а затем создать на ее перешейке настоящую колонию США — так называемую зону канала, где утвердился бы американский империализм»⁴⁶. Под защитой своего правительства американские монополии незамедлили протянуть руки к естественным богатствам новой маленькой республики. Правительству Панамы оставалось только подчиниться, так как конституция Панамской Республики, навязанная ей США в феврале 1904 г., давала право Соединенным Штатам применять силу «для поддержания порядка» на перешейке⁴⁷.

Рузвельт считал захват зоны и строительство канала своим величайшим достижением⁴⁸. Позднее он не отказал себе в удовольствии открыто похвастаться, что захват зоны канала был лично его идеей, и в автобиографии написал: «Я захватил Панаму, не советуясь с кабинетом»⁴⁹. Сенат, хотя и не без скрипа, ратифицировал договор с Панамой уже в феврале 1904 г. Последнее обстоятельство имело для Рузвельта особое значение, ибо страна стояла накануне новых президентских выборов, а Рузвельт жаждал стать избранным президентом.

По неписанному правилу кандидатура президента обычно выставляется на второй срок. Рузвельт тем не менее не чувствовал уверенности, что боссы его партии — Ханна, Платт, Олдрич — выдвинут его кандидатуру на национальном съезде. Главным

⁴⁵ Карнеро Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960, с. 431—432.

⁴⁶ Соуса Р. Д. и др. Панама, 1903—1970 гг. М., 1974, с. 29—30.

⁴⁷ Гониионский С. А. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М., 1964, с. 287.

⁴⁸ Рузвельт говорил об этом О. К. Дэвису (*Davis O. K. Released for Publication*. Boston — New York, 1925, p. 129).

⁴⁹ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 526, 548.

противником и даже соперником он считал М. Ханну, и не только потому, что четыре года назад тот не сразу согласился на его кандидатуру в вице-президенты. Прошел слух, что старый сенатор, «делавший президентов», не прочь сам войти в Белый дом. Такой претендент был сильнее Рузвельта: Ханну поддержали бы и «столпы партии» (ведь он был главой Национального комитета республиканцев) и промышленно-финансовые круги.

Временами Рузвельт впадал в отчаяние, что вообще было ему не свойственно. «У меня нет ни партийной машины, ни фракции, ни денег», — мрачно сказал он однажды весной 1903 г.⁵⁰ Не рассчитывая на поддержку партийной машины и бизнеса, Рузвельт решил обратиться к массам. Он много ездил по стране, выступая с речами в сотнях больших и малых городов. Его встречали овациями, но он понимал, что аплодисменты фермеров и лавочников еще не дадут ему победы.

Не известно, как повернулись бы события осенью 1904 г., если бы Ханна остался жив: в феврале 1904 г. Ханна скончался от тифа, и президент оказался единственным кандидатом республиканцев. Не желая рисковать, он обеспечил себе поддержку в руководстве республиканской партии — сумел поставить на пост главы Национального комитета вместо Ханны Джорджа Кортилью, ранее бывшего его личным секретарем, а последний год — министром торговли.

Кортилью собрал большой избирательный фонд для рузвельтовской кампании и провел ее с большим шумом⁵¹. Победа Рузвельта была предрешена, так как демократический кандидат — судья Паркер — был малоизвестной фигурой и, конечно, не мог состязаться с президентом. Интересно отметить, что платформы обеих партий были умышленно бесцветны. Демократы сняли свое устаревшее требование серебряных денег и ратовали только против трестов, а Рузвельт исключил из программы все подводные камни: тарифы, финансы, о трестах говорил в весьма туманных выражениях, а вместо призывов к социальным реформам недвусмысленно приравнивал рабочие союзы к трестам и вы-

⁵⁰ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 339.

⁵¹ Фонд составил сумму в 3,5 млн. долл. Главными жертвователями были корпорации. 150 тыс. долл. дал Морган. Рокфеллеры внесли деньги в фонды обеих партий, что вызвало у Рузвельта отрицательную реакцию. Он потребовал возвращения этих денег, считая, что Рокфеллеры вообще настроены против него (*Memorandum of the President*, Oct. 27, 1904. — In: *The Letters...*, Vol. IV, p. 997). Впоследствии, когда комиссия Клеппа в 1911 г. вела расследование материалов по сбору средств на избирательные кампании, Рузвельт утверждал, что его не информировали о том, откуда поступают деньги (*Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 358).

сказался за распространение на них действия закона Шермана. И в платформе и в выступлениях республиканского кандидата энергично подчеркивалась идея активной внешней политики и необходимость дальнейшего усиления флота и армии⁵². С такой урезанной программой выступил президент-реформатор в 1904 г., когда в стране уже развивалось прогрессистское движение, выдвигавшее требования демократизации политического строя, борьбы с коррупцией, активной борьбы с монополиями. Но Рузвельт рассудил, что в данный момент консервативная программа даст ему больше гарантий на победу. В ноябре 1904 г. он наконец достиг осуществления своей мечты, став избранным президентом.

Он победил Паркера огромным большинством голосов. Возбужденный победой, принимая поздравления (Рузвельт голосовал в Ойстер-Бее и вернулся к ночи в Вашингтон), он сделал заявление, которое некоторые его биографы считают грубой ошибкой. Он сказал: «Ни при каких обстоятельствах я никогда не стану кандидатом и не приму выдвижение еще раз»⁵³. Об этом заявлении ему впоследствии пришлось пожалеть, ибо для его деятельной и властолюбивой натуры жизнь частного лица была невыносима.

Рузвельт действительно был чрезвычайно энергичным и предприимчивым человеком. Он обладал редкой работоспособностью, организованностью и умением быстро схватывать суть дела. При этом он любил чувствовать себя до предела занятым. «Каждый день, почти каждый час,— писал он не без удовольствия одной из близких знакомых их семьи,— я должен решать как очень большие, так и очень маленькие вопросы...»⁵⁴ Эта напряженная жизнь не тяготила его.

В роли президента Рузвельту приходилось не только много работать, но и тратить время на представительство, встречаться с огромным числом людей. В Белом доме постоянно были приглашенные к ланчу и к обеду. Кажется, со стороны Т. Рузвельта последнее обстоятельство было не только выражением гостеприимства в одних случаях и официального долга — в других, но и потребностью всегда иметь слушателей: Рузвельт любил говорить. Беседа с президентом большей частью превращалась в монолог президента. Л. Стеффенс не без юмора рассказывал, что он предпочитал приходить в Белый дом с визитом в час, когда

⁵² *Myers W. S. The Republican Party. A History. New York, 1928, p. 368.*

⁵³ *Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1963, p. 224.*

⁵⁴ *T. Roosevelt to M. L. Storer, Dec. 8, 1902.— In: The Letters..., Vol. III, p. 392.*

парикмахер брил Рузвельта. Тогда волей-неволей тому приходилось кое-что выслушивать⁵⁵. Этот неиссякаемый фонтан красноречия раздражал многих. Генри Адамс, хотя и бывший частым гостем Рузвельта, не раз жаловался своим друзьям на способность Теодора завладевать разговором во время обедов в Белом доме: «Мы были ошеломлены потоком разглагольствований,— ядовито писал он однажды после приема у президента,— и в конце концов я слышал только повторение я — я — я, свидетельствовавшее о нескромности больше, чем что-либо другое»⁵⁶.

При Рузвельтах в Белом доме бывали частые приемы, не только официальные, но и музыкальные вечера, на которые президент приглашал писателей, художников, ученых — иностранцев и соотечественников. О. Уистер писал: «Впервые в нашей истории у нас был американский *salon*, и не женщина, как во Франции, а мужчина объединял всех»⁵⁷. Иногда запросто приглашался более узкий круг родных и друзей. К завтраку или обеду Рузвельт имел обыкновение приглашать несколько человек, среди которых встречались малознакомые, но нужные ему люди. Этот открытый образ жизни президента даже обсуждался в прессе, и недоброжелательные к Рузвельту газеты в южных штатах обвиняли его в расточительстве⁵⁸.

Огромное число посетителей — и друзей, и должностных лиц, и не знакомых ранее, но приглашенных президентом или искавших с ним встречи, — весь этот калейдоскоп лиц, окружавших Рузвельта, нередко бывал в тягость его жене⁵⁹. Но Эдит Рузвельт знала, что «положение обязывает», а также и то, что ее общительный и тщеславный муж не может обойтись без аудитории. Впрочем, по свидетельству самого Рузвельта, в общем Эдит правилось выполнять обязанности «первой леди государства»⁶⁰. Она разбиралась в общественных делах, но не стремилась навязывать президенту свое мнение. Для Рузвельта она всегда была идеалом «американской женщины», как он любил выражаться, жены и матери.

Рузвельт любил подчеркивать, что больше всего в жизни це-

⁵⁵ *Steffens L. J. Op. cit., p. 509—510.*

⁵⁶ Цит. по: *Roosevelt N. Op. cit., p. 48.*

⁵⁷ *Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930, p. 124.*

⁵⁸ Рузвельт возмущался этим вмешательством в его личные дела. В письме Лоуренсу Эбботту он утверждал, что все расходы на приемы и в Белом доме, и в Ойстер-Бее он оплачивает из своих средств (T. Roosevelt to L. F. Abbott, March 14, 1904.— In: *The Letters...*, Vol. IV, p. 752).

⁵⁹ *Harbaugh W. H. Op. cit., p. 73.*

⁶⁰ T. Roosevelt to M. L. Storer, Dec. 8, 1902.— In: *The Letters...*, Vol. III, p. 392.

нит семейные радости⁶¹. Он был ласковым, но требовательным отцом, внимательно следил за воспитанием своих шестерых детей, стремился внушить им свое понимание морали и долга. В годы президентства Рузвельта младшие мальчики — Арчибалд и Квентин — посещали начальную школу неподалеку от Белого дома; со временем они, как и старшие братья, поступили в закрытую школу, а потом в Гарвардский университет. Рузвельт постоянно переписывался с детьми, постепенно приобщал сыновей к политической жизни, умело формируя их мировоззрение по своему образу и подобию.

Для детей он был непререкаемым авторитетом, и только старшая дочь Элис, во многом унаследовавшая его собственную вспыльчивость, непоседливость и упрямство, рано заявила о своей самостоятельности. Красивая и своенравная девушка доставляла родителям немало забот⁶². Газеты были полны сообщениями об экстравагантных выходках дочери президента, «принцессы Элис», как ее с возмущением называли. Президента заслуженно порицали за разрешение дочери поехать в Японию с миссией военного министра Тафта летом 1905 г. Элис была удостоена особого внимания со стороны японской императрицы, что вызвало нареkania американской прессы. С тех пор Рузвельт больше не решался отпускать дочь за границу. Досужие репортеры и без того обсуждали все ее выходки, привычку открыто курить сигареты, встречи с принцем Генрихом во время его визита в США и, наконец, блестящий свадебный бал в Белом доме по случаю бракосочетания Элис с Николасом Лонгуортом, 35-летним преуспевающим конгрессменом от штата Огайо, крайне консервативных взглядов.

Рузвельт был прост в обращении и умел быстро сближаться с людьми, особенно с теми, кто был ему нужен. Это качество его характера было во многом результатом длительного опыта его политической жизни.

Этикет официальных приемов тяготил Рузвельта. Визит принца Генриха (брата кайзера) в 1902 г. вызвал оживленную переписку Рузвельта с государственным секретарем Хэем и другими чиновниками по поводу мелочей этикета, раздражавших президента: как устраивать прием, кого приглашать, где сидеть принцу и т. д. Между прочим Рузвельт запретил дипломатам лично и в официальных документах употреблять обращение «ваше пре-

⁶¹ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 347.*

⁶² О. Уистер рассказывает, что как-то во время его беседы с президентом в Белом доме Элис трижды бесцеремонно входила в кабинет. На замечание Уистера, что его дочь плохо воспитана, Рузвельт ответил: «Послушай, я могу быть либо президентом Соединенных Штатов, либо воспитателем Элис» (*Wister O. Op. cit., p. 87.*)

восходительство» по отношению к президенту США. Он считал такое обращение глупым и даже умаляющим достоинство его страны. Он предложил простую форму — «господин президент» или «сэр»⁶³. Это распоряжение импонировало его почитателям как проявление «американского демократизма».

Несмотря на многочисленные государственные обязанности, перегрузку делами, Рузвельт вел огромную переписку с самыми различными людьми, довольно регулярно писал статьи для журналов за большие гонорары, готовил многочисленные и пространные выступления. Лучшим отдыхом президент считал бокс, игру в теннис, охоту, прогулки верхом или пешком. Рузвельт был очень вынослив, и ему доставляло огромное удовольствие приглашать на прогулку дежурного молодого офицера или даже приехавшего с визитом дипломата и довести своего попутчика до изнеможения, заставив вместе с собой быстрым шагом продирается через заросли, переходить вброд ручьи и карабкаться по склонам Рок-Крик-парка, который в ту пору не был таким благоустроенным и асфальтированным местом для прогулок, как ныне. Даже принца Генриха Рузвельт утащил на «первоклассную двухчасовую прогулку верхом под дождем»⁶⁴ и радовался, что заставил того вымокнуть.

Рузвельт умел находить удовольствие и даже радость в любых обстоятельствах, в мелочах жизни и в «больших приключениях». Л. Стеффенс писал о нем: «Даром богов Теодору Рузвельту была радость, радость жизни. Он находил радость во всем, что он делал, — в охоте, лагерной жизни, работе на ранчо, в политике, реформе полиции и гражданской службы, в организации и командовании лихими всадниками»⁶⁵. Действительно счастливый характер! Но величайшей радостью было для него стать президентом, а в 1904 г. быть избранным «по собственному праву», да еще подавляющим большинством. Он признавался сыну Кермиту через три дня после выборов: «...Конечно, это был день величайшего триумфа, который я когда-либо имел или мог иметь, и я был очень горд и счастлив»⁶⁶. Он чувствовал себя человеком, получившим все, чего добивался, и впереди были четыре года власти, возможности выполнения замыслов, от отсутствия которых он

⁶³ T. Roosevelt to A. A. Adee, Sept. 2, 1904.— In: *The Letters...*, Vol. IV, p. 915; *Beale H. K. Op. cit.*, p. 23.

⁶⁴ T. Roosevelt to H. Speck von Sternburg, March 6, 1902.— In: *The Letters...*, Vol. III, p. 239.

⁶⁵ *Steffens L. J. Op. cit.*, p. 502.

⁶⁶ T. Roosevelt to K. Roosevelt, Nov. 8, 1904.— In: *The Letters...*, Vol. IV, p. 1025.

никогда не страдал. Его честолюбие и властолюбие были удовлетворены.

Едва развеялся угар избирательной кампании, как Рузвельт приступил к выполнению, точнее, к продолжению работы над мероприятиями, начатыми в его первый срок. Он привлекал к обсуждению текущих дел не только членов кабинета (состав кабинета был уже изменен, кроме Дж. Хэя, остававшегося государственным секретарем), но еще чаще кружок близких ему лиц, которых сам называл своим «kitchen cabinet», как принято говорить в Америке. Это были Джон Б. Бишоп — журналист и первый историограф Рузвельта, Лаймен Эбботт — издатель и редактор журнала «Аутлук», в котором президент сотрудничал, О. Шоу — издатель и редактор «Ревью оф ревьюз» и Н. М. Батлер — профессор Колумбийского университета. В эти же годы он сблизился с Уильямом Г. Тафтом, губернатором Филиппин, которого пригласил в кабинет на пост военного министра вместо Рута, вышедшего в отставку в начале 1904 г.⁶⁷ Все эти лица не отличались прогрессивными взглядами, скорее, наоборот.

В начале декабря 1904 г. Рузвельт выступил с очередным ежегодным посланием конгрессу. Послание было плодом длительных размышлений и обсуждений с близкими советниками и охватывало большой круг вопросов. Наиболее важными из них, которые не случайно выдвигались президентом на первый план, были: проблема отношений между трудом и капиталом, регулирование деятельности корпораций, охрана природных ресурсов, расширение военно-морского флота и усиление армии, утверждение принципов доктрины Монро⁶⁸. Вопрос о тарифах Рузвельт не затрагивал и делал это, конечно, совершенно сознательно, не желая возбуждать разногласия внутри собственной партии и поднимать острую дискуссию в национальном масштабе⁶⁹. Тарифный вопрос, справедливо пишет Дж. Блам, никогда не заботил его по-настоящему⁷⁰. Более того, по всей видимости, он предпочи-

⁶⁷ Через год Рут вернулся в кабинет в качестве государственного секретаря после смерти Дж. Хэя.

⁶⁸ Congressional Record, Vol. 39, Pt 1, p. 10—19.

⁶⁹ Рузвельт полагал, что можно провести небольшое снижение тарифов на некоторые товары (сталь, стекло) и даже объявить свободным ввоз, например, древесины, но сделать это без обсуждения тарифов в целом. Он писал: «Я собираюсь попробовать достичь чего-либо из того, что мне хочется, проведя поправку к соответствующему закону о тарифах; но я не пойду на разрыв с моей партией, ибо было бы абсурдом так поступить» (T. Roosevelt to N. M. Butler, Dec. 2, 1904.— In: The Letters..., Vol. IV, p. 1056).

⁷⁰ Blum J. M. The Republican Roosevelt. New York, 1962, p. 85.

тал уклониться от его решения, используя его лишь как средство нажима на «твердых консерваторов», когда это было ему нужно.

Несмотря на внушительный объем, в послании Рузвельта не было почти ничего нового. Это было повторение в новых выражениях его политического кредо, суть которого можно сформулировать в нескольких фразах: стремление к усилению исполнительной власти, т. е. власти президента, регулирование государством деятельности корпораций и отношений между трудом и капиталом, борьба с коррупцией, с расхищением национальных богатств (цель внутренних реформ — сглаживание классовых конфликтов, борьба с распространением идей социализма, за укрепление существующих капиталистических порядков); активная внешняя политика, подкрепленная ростом военной мощи, особенно военно-морского флота (цель — выход США на международную арену в качестве державы, претендующей на мировое господство). Огромная власть, которой по конституции располагает президент США как руководитель кабинета министров и главнокомандующий вооруженных сил, дала возможность Рузвельту воплотить в жизнь империалистические устремления правящих кругов США и его собственные планы подчинения латиноамериканских стран диктату США.

Жертвой «доктрины Рузвельта» оказалась Доминиканская Республика. Правительство этой маленькой страны, разоряемой европейскими империалистами, было вынуждено под давлением госдепартамента США обратиться к богатому соседу за помощью. Рузвельт проявил «необычайную отзывчивость», результатом которой оказался протокол, подписанный в феврале 1905 г. в Санто-Доминго, где как недвусмысленная угроза стояли американские военные корабли. На основании этого протокола все таможенные республики переходили под контроль США. Не обращая внимания на противодействие сената, Рузвельт отправил в Доминиканскую Республику офицера с отрядом морской пехоты для сбора таможенных пошлин; из них доминиканское правительство получало на свои нужды только 45%, а 55% предназначались для уплаты кредиторам через банк США⁷¹. Так над Доминиканской Республикой был установлен фактический протекторат, оправдываемый президентом все той же доктриной Монро.

Оппозиция в конгрессе и в печати отрицательно оценивала действия президента. Журнал «Нэйшн» писал, что президент оправдал звание «полицейского этого полушария»⁷². Но Рузвельт не обращал внимания ни на какую критику.

⁷¹ Hill H. C. Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927, p. 162.

⁷² «The Nation», 1905, March 23, p. 224.

«Большая дубинка» в Карибском море (на борту корабля надпись: «Сборщик долгов»)

Еще откровеннее в 1906 г. была осуществлена вторая оккупация Кубы американцами. Поводом для интервенции послужило повстанческое движение против правительства президента Эстрады Пальмы. После его свержения народ Кубы надеялся, что новое правительство облегчит жизнь и будет бороться за независимость Кубы. В условиях Кубы повстанческое движение принимало антиимпериалистический характер, что вызвало страх у кубинских буржуазных либералов. Американская военщина при поддержке этих либералов подавила повстанческое движение⁷³. Рузвельт послал на Кубу «улаживать конфликт» Тафта и Бэкона и десант морской пехоты в 6 тыс. человек. Разумеется, в оправдание своих действий американцы кричали, что жизни и имуществу их соотечественников на острове угрожает опасность. Но, посылая войска, президент желал сохранить видимость вынужденности действий, предписывая Тафту действовать осторожно, считаться

⁷³ Слёзкин Л. Ю. История Кубинской республики, с. 77—79.

с общественным мнением внутри США. «Помните,— телеграфировал он Тафту,—...здесь вспыхнет очень серьезное недовольство нашей интервенцией, если мы не сможем ясно показать, что истощили все способы обретения мира и сохранения правительства, способного поддержать порядок, до того как принять на себя функции контроля»⁷⁴. Такова была политика «большой дубинки» в действии, политика, отвечавшая интересам американских монополий.

В Западном полушарии Соединенные Штаты чувствовали себя хозяевами. Но домогательства президента Рузвельта на ведущую — или для начала хотя бы значительную — роль США в международной политике простирались за пределы Американского континента. Рузвельт был первым президентом, вмешавшимся в мировые конфликты. Под его руководством американская дипломатия впервые вышла на широкую арену в роли якобы незаинтересованного посредника. Но настоящей целью этого посредничества было установление на Дальнем Востоке и в Европе «баланса сил», выгодного для Америки. Этапами этой политики был Портсмут и Альхесирас. В обоих случаях Теодор Рузвельт взял на себя роль миротворца, однако его миротворческие действия имели в виду намерения усилить позиции американского империализма. Это особенно четко проявилось в поведении Рузвельта во время русско-японской войны.

С самого начала русско-японского конфликта правящие круги США отдавали свои симпатии Японии, а не России⁷⁵. Если бы не боязнь возбудить против себя конгресс и все общественное мнение страны, то Рузвельт, возможно, даже примкнул бы к англо-японскому союзу, как он однажды написал Джорджу Кеннану.

Советский историк Н. Н. Иноземцев пишет: «Американские империалисты... считали себя заинтересованными в том, чтобы в этом столкновении потерпела поражение Россия. Япония еще не рассматривалась в качестве особо опасного конкурента, и влиятельные американские круги рассчитывали использовать в дальнейшем в своих интересах японские захваты на Дальнем Востоке»⁷⁶.

⁷⁴ T. Roosevelt to W. H. Taft, Sept. 28, 1906.— In: *The Letters...*, Vol. V, p. 432.

⁷⁵ Подробнее о роли США в русско-японской войне и Портсмутском мире см.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.— Л., 1955; *Зубок Л. И.* Указ. соч., с. 211—252.

⁷⁶ *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, с. 101.

А пока политические деятели США во главе с президентом полагали, что Японию следует использовать как ударную силу против России на Дальнем Востоке. В американской прессе даже писали, что Япония ведет войну в интересах США, а американские финансисты предоставили Японии широкий кредит.

Победы японцев над русскими вызвали одобрение Рузвельта. Но, как пишет советский исследователь Л. И. Зубок, он «все же не хотел допустить ее (России.— *И. Б.*) полного разгрома и изгнания с Дальнего Востока»⁷⁷. Неустойчивый «баланс сил» в этом регионе, над созданием которого трудилась американская дипломатия во главе с президентом, означал противопоставление на Дальнем Востоке России и Японии — обеих ослабленными войной — лицом к лицу.

На заключительном этапе войны, когда ресурсы Японии также были сильно истощены, президент выступил посредником между воюющими сторонами для заключения мира. В августе 1905 г. в Портсмуте (штат Нью-Гэмпшир) на мирной конференции Рузвельт поддержал японские притязания⁷⁸ и был разочарован, когда Япония согласилась на мир без контрибуции.

Рузвельт надеялся, что Портсмутский мир создаст на Дальнем Востоке благоприятное для США соотношение сил, оставит в Китае «открытые двери» для укрепления там позиций американского капитала. «Однако,— как признал американский историк Били,— через три года после Портсмутской конференции две державы (Россия и Япония.— *И. Б.*) объединились, чтобы исключить все другие империалистические нации»⁷⁹. И тогда Рузвельту не оставалось ничего другого, как пойти на соглашение с Японией.

В 1908 г. было заключено соглашение Рута — Такахира, по которому правительства США и Японии обязывались признавать интересы друг друга в бассейне Тихого океана, поддерживать в

⁷⁷ Зубок Л. И. Указ. соч., с. 215.

⁷⁸ Комментируя русско-японские переговоры в Портсмуте, обозреватель «Нэйшн» иронизировал по поводу того, как откровенно и грубо Рузвельт подыгрывает Японии и старается заставить Россию отказаться от Сахалина и платить контрибуцию («The Nation», 1905, August 24, p. 153).

⁷⁹ Beale H. K. Op. cit., p. 390—392. Отметим, что Г. К. Били, очень высоко оценивавший дипломатические способности Т. Рузвельта, тем не менее признает, что его внешняя политика принесла Соединенным Штатам далеко не те результаты, на какие надеялся президент. А в вышедшем в 1975 г. курсе по истории США XX в. его авторы прямо говорят о «провале дипломатии большой дубинки» в отношениях США с Японией, о том, что даже визит американского флота в Японию в 1907 г. не заставил «правительство Токио отступить в Маньчжурии» (*LaFeber W., Polenberg R. The American Century. A History of the United States Since the 1890s. New York a. o., 1975, p. 73*).

этом районе существующее положение и защищать «принципы равных возможностей ради торговли и промышленности в Китае»⁸⁰. Этим соглашением Соединенные Штаты фактически признавали все японские захваты на Дальнем Востоке, т. е. в Корее и затем в Китае. По существу это был раздел «сфер влияния» на Тихом океане между Японией и Соединенными Штатами на основе статус-кво на Дальнем Востоке, раздел, на который американские империалисты согласились лишь потому, что не могли помешать усилению Японии и ее агрессивным притязаниям. Рузвельт часто говорил, что следует занимать ту позицию или выбирать тот курс, который в данный момент принесит успех. Но на этот раз он не выбирал, у него не было иного выхода. Соглашение Рута — Такахира было не чем иным, как потворством японской агрессии, попустительством по отношению к агрессору, которое спустя много лет принесло роковые плоды. В конечном итоге дальневосточная политика Рузвельта была не только не плодотворной для дела мира, но и не столь удачной для США, как это представляет большая часть биографов Рузвельта.

Международная обстановка в начале XX в. была очень накаленной, один конфликт между империалистическими державами сменялся другим. В этой ситуации неустойчивого «баланса сил» весной 1905 г. возник марокканский кризис, в котором американскому президенту еще раз довелось сыграть роль «миротворца». Можно понять Г. Ф. Прингла, назвавшего «восхитительной прозой» факт, что такой воинственный человек, как Рузвельт, дважды выступал посредником в мирных переговорах и способствовал во время Альхесирасской конференции мирному урегулированию конфликта между Германией и Францией⁸¹. Более того, за эти заслуги в 1906 г. он получил Нобелевскую премию мира⁸².

Действия Рузвельта в 1905—1906 гг. объясняются, разумеется, не пацифизмом, которым он никогда не страдал, — американские пацифисты его только раздражали, — но пониманием факта, что в случае большой войны Америка окажется в нее втянутой в момент, не выгодный для ее правящих кругов. Только поэтому президент Рузвельт оказался более сдержанным, нежели полковник Рузвельт, и принял предложение Вильгельма II содейство-

⁸⁰ The Root — Takahira Agreement, Nov. 30, 1908. — In: Documents of American History, Vols I—II. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, Vol. II, p. 53.

⁸¹ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 280.

⁸² Рузвельт был очень горд наградой, но считал неудобным для президента принять деньги (около 40 тыс. долл.). По его поручению министр торговли и труда Штраус передал их в фонд для образования комитета «Мир в промышленности» (Т. Roosevelt to J. Löfvland, Dec. 10, 1906. — In: The Letters..., Vol. V, p. 524).

вать мирному урегулированию марокканской проблемы. К недовольству Вильгельма, надеявшегося на поддержку США, президент занял позицию, близкую Франции, и ему пришлось приложить усилия, чтобы заставить кайзера согласиться с компромиссным решением, составленным самим Рузвельтом. Как известно, Альхесирасская конференция не разрешила империалистических противоречий, а еще более обострила их, подогрев колониальные устремления Франции и лишь на время отсрочив неуклонно назревавший военный конфликт. Поэтому политику Рузвельта трудно назвать миротворческой⁸³.

Участие американской делегации в Альхесирасе вызвало оппозицию в сенате, где даже раздавались голоса против ратификации Альхесирасского договора. Но оппозиция была слабой и преодолеть ее президенту не стоило большого труда. Все же в Америке еще существовало мнение, что Соединенным Штатам следует придерживаться положений «отцов-основателей» и не вмешиваться в европейские дела. Но сам Рузвельт был другого мнения. Он неуклонно вел курс на активное участие США в мировой политике, на превращение своей страны в державу, к мнению которой прислушивались бы все нации и которая бы диктовала свою волю правительствам других стран. Достичь этого, считал Рузвельт, можно так: выступать с мирными, другими словами, лицемерными, речами и в то же время развивать военную мощь и военно-морской флот США. При этом любимым аргументом его в пользу усиления флота был, как всегда, тезис: большой флот — гарантия мира. «Как раз сейчас, — писал Рузвельт в 1906 г., — флот Соединенных Штатов является во много раз более мощным фактором мира, нежели взятые все вместе мирные общества в Соединенных Штатах»⁸⁴. Верный своей идее, Рузвельт в декабре 1907 г. отправил 16 боевых кораблей в кругосветное плавание с единственной целью — продемонстрировать миру военную мощь США.

Мысль о развитии флота повторялась во всех выступлениях президента как навязчивая идея. Ему приходилось постоянно наступать на конгресс, выколачивая из законодателей все новые и новые ассигнования на военные корабли. К 1905 г. правительству удалось увеличить флот дополнительно на 10 линкоров и 4 крейсера. В 1907 г., воспользовавшись усилением трений с Японией, Рузвельт потребовал добавочных ассигнований. «После отчаянной борьбы в конгрессе в 1907 г. он вновь заставил поддерживать его программу, и перед уходом с президентского поста мог

⁸³ См.: *Зубок Л. И.* Указ. соч., с. 289—290.

⁸⁴ T. Roosevelt to Ch. W. Eliot, Sept. 22, 1906.— In: *The Letters...*, Vol. V, p. 421.

хвастать, что в течение двух сроков его правления флот удвоился»⁸⁵.

В это же самое время во всем мире, в том числе и в США, происходила подготовка ко второй Гаагской конференции по вопросам мира и разоружения, инициатором которой был сам президент Соединенных Штатов. Рузвельт признавал важность Гаагской конференции, поэтому считал, что Соединенные Штаты, претендующие на главенствующую роль в мировой политике, должны принять в ней участие.

В 1907 г. американские пацифисты созвали в Нью-Йорке конгресс в защиту мира. Мелкобуржуазное по характеру и по основному составу, пацифистское движение включало многих общественных деятелей, конгрессменов, сенаторов, бизнесменов, например, в нем принимали участие видная общественная деятельница Джейн Аддамс, конгрессмен Т. Бертон, стальной король Э. Карнеги и др. Рузвельт не захотел поехать в Нью-Йорк. Он отправил туда государственного секретаря Рута, выступившего с речью⁸⁶. Сам же послал «защитникам мира» (как они себя называли) только приветствие. В письме же своему давнишнему другу лорду Спринг Райсу президент как всегда резко отозвался о действиях Карнеги и других пацифистов. «...Я думаю, что о мире говорится больше чепухи, чем о каком-либо другом хорошем деле, с которым я сталкиваюсь... Поскольку чистым продуктом их нью-йоркской конвенции была болтовня, они по сути серьезно помешали нам достичь каких-либо хороших результатов в Гааге»⁸⁷.

Последнее утверждение было лицемерным, ибо Рузвельт совершенно не интересовался ходом конференции в Гааге, предоставив Руту заниматься этим вопросом, чего он никогда не сделал бы, если бы собирался серьезно «достичь каких-либо хороших результатов». Еще задолго до конференции, когда только шли переговоры о ее созыве, Рузвельт уже подчеркивал в частных письмах, что не собирается в Гааге «заходить слишком далеко»⁸⁸.

Как ни возмущался президент речами и действиями пацифистов, он не позволял себе оскорблять их публично, как это он неоднократно делал по адресу социалистов, рабочих лидеров и даже журналистов-макрейкеров.

⁸⁵ *Dulles R. F. America's Rise to World Power, 1898—1954. New York, 1955, p. 68.*

⁸⁶ См.: *Грибникова И. Н. Пацифистское движение в США накануне второй Гаагской конференции мира 1907 г.— В кн.: Американский ежегодник. 1973. М., 1973, с. 286—310.*

⁸⁷ *T. Roosevelt to C. A. Spring Rice, July 1, 1907.— In: The Letters..., Vol. V, p. 699.*

⁸⁸ *T. Roosevelt to Ch. W. Eliot, Sept. 22, 1906.— Ibid., p. 421.*

Рузвельт-президент проявлял завидную последовательность в своем отношении к рабочему движению и его вождям, никогда не отступая от раз и навсегда выработанных им для себя взглядов на рабочий вопрос. Президент часто бранил «тупых бизнесменов», но на деле всегда оказывался на их стороне и разделял особую ненависть предпринимателей к боевой рабочей организации «Индустриальные рабочие мира» и ее вождям.

В 1906 г. в Бойси был организован судебный процесс по ложному обвинению У. Хейвуда, Ч. Мойера и Дж. Петтибона в убийстве губернатора штата Айдахо Ф. Стюнненберга. Рузвельт еще до суда, даже не желая разобраться в обстоятельствах дела, позволил себе несколько раз публично назвать арестованных убийцами. Он не посчитался с тем, что слова президента могли оказать влияние на суд присяжных.

Лидер левых социалистов Ю. Дебс, баллотировавшийся в президенты в 1900 и 1904 гг., обратился к Рузвельту с открытым письмом, исполненным скорби и достоинства, упрекая его в несправедливости и нарушении конституции. Дебс писал: «Если вы, г-н президент, не верите, что нарушается конституция, или хоть немного сомневаетесь в этом, прошу Вас, призовите меня и я докажу Вам это». И далее: ««Не убий!» Это относится не только к рабочим, но и к капиталистам... Убийство отвратительно в любой форме, но наиболее ужасно оно тогда, когда совершается под видом и во имя закона и справедливости»⁸⁹.

Непричастность рабочих лидеров к убийству была столь очевидна, что суд их оправдал. Но решение суда нисколько не отрезвило президента.

Примерно тогда же стало известно, что президент называет всех социалистов и рабочих лидеров «нежелательными гражданами»⁹⁰. К ним он причислял не только Хейвуда и Дебса, но и писателя Джека Лондона. Между прочим, из писем Рузвельта явствует, что он был хорошо знаком с выступлениями социалистов, читал Дебса и считал его самым опасным вдохновителем революционных настроений⁹¹.

На президенте Рузвельте осталось несмываемое пятно за расправу с солдатами трех негритянских рот 25-го пехотного полка, расквартированных в Техасе рядом с г. Браунсвиллом. В городе произошло убийство, и, несмотря на то что все солдаты в ту злополучную ночь ночевали в казарме, их объявили виновными. За

⁸⁹ Debs: His Life, Writings, and Speeches. Girard (Kansas), 1908, p. 259, 260.

⁹⁰ T. Roosevelt to J. S. Sherman, Oct. 8, 1906.— In: The Letters..., Vol. V, p. 452.

⁹¹ T. Roosevelt to W. H. Moody, March 26, 1906.— Ibid., p. 196—199.

неимением улик некого было приговаривать к повешению, но по приказу президента все три роты были расформированы, солдаты — ветераны войны с Испанией были изгнаны из армии и лишены права служить в государственных учреждениях, потеряли право на пенсию⁹².

Эта страшная несправедливость возмутила сенатора Дж. Б. Форэйкера, который начал открытую войну с президентом, требуя пересмотра дела. Но Рузвельт отказал в пересмотре и подписал приказ военного мипистра о разжаловании солдат.

Вскоре после этого, в начале января 1907 г., президент и сенатор оказались за одним столом на политическом банкете в Гридайрон-клубе (привилегированный клуб Вашингтона). Президент произнес речь, в которой оправдывал действия правительства в браунсвиллском деле. Когда он окончил, председательствующий, злорадно улыбаясь от предвкушения скандала, предоставил слово Форэйкеру. Сенатор обрушил на президента лавину прямых обвинений в несправедливости и превышении власти. Сначала Рузвельт сдерживался, но, когда раздались аплодисменты, вскочил с места и яростно закричал, что негры — «кровавые мясники» и он повесил бы убийцу, если бы точно знал, кто совершил преступление⁹³. Затем, побагровев от злости, выбежал из зала. На другой день все газеты смаковали подробности скандала в Гридайрон-клубе.

Почти с такой же нетерпимостью Рузвельт относился к журналистам-макрейкерам, возбуждавшим общественное мнение обнародованием правды о многих неприглядных сторонах американской общественной и политической жизни.

Движение прогрессивных журналистов, разоблачавших политическую коррупцию в муниципалитетах, в правительственных органах в штатах, в самом конгрессе США, вскрывавших в острых статьях зловещую роль бизнеса в политике, продажность во всех сферах общественной жизни, возникло еще в конце 90-х годов. С 1902 г. «Макклюэрс мэгэзин» начал публикацию серии статей Л. Стеффенса о коорупции в муниципалитетах (в Сент-Луисе и других городах). Сногшибательный успех этих публикаций привлек внимание издателей других журналов, они тоже принялись за разработку золотой жилы сенсационных разоблачений. К 1905—1906 гг. это направление в публицистике приняло ши-

⁹² Материалы по «браунсвиллскому происшествию» составляют шесть томов (60th Congress, 1st Session, Senate Document N 389, Vls 19—23, 32).

⁹³ Gardner J. L. *Departing Glory. Theodore Roosevelt as Ex-President*. New York, 1973, p. 84.

рокий размах. Среди писателей и журналистов, воодушевленных идеей оздоровить общественно-политическую жизнь своей страны, выделялись Л. Стеффенс, Ч. Рассел, Э. Синклер, Т. Лоусон, Д. Г. Филлипс, Р. С. Бэйкер, А. Тарбелл, М. Сэлливен, Б. Хэмптон. Хотя движение макрейкеров не выходило за рамки публицистики, так как журналисты не ставили перед собой никаких политических задач, ограничиваясь критикой общественных пороков, тем не менее оно имело огромное социальное значение. Журналисты-макрейкеры показали блестящий пример бесстрашия, самоотверженности и честности, призывая американцев покончить со взяточничеством и подкупом, продажностью и злоупотреблениями должностных лиц. Как ни наивны были они, верующие в возможность очищения общества от язв капитализма без изменения основ этого общества, их деятельность вызывала уважение. Но не у президента Рузвельта, которого сами макрейкеры признавали реформатором и чуть ли не радикалом.

Рузвельт дважды в публичных выступлениях оскорбил журналистов. Именно он назвал их «макрейкерами» — людьми с лопатой для разгребания грязи или навоза, не способными поднять глаза к небу и помыслить о более высоких идеалах. С упрямой настойчивостью президент обвинял журналистов в том, что они будто бы «развязывают могущественные силы зла»; он несправедливо не желал признавать пользу их разоблачений для общества⁹⁴. Между тем выступления макрейкеров оказывали непосредственное воздействие на общественное мнение и способствовали проведению через конгресс прогрессивных законопроектов, например закона об учреждении правительственной инспекции на бойнях и заводах мясных консервов (1906 г.). В принятии этого закона большую роль сыграли статья Ч. Рассела о порядках на консервных предприятиях мясного треста в Чикаго и особенно известный роман молодого писателя-социалиста Эптона Синклера «Джунгли». Даже президент (несмотря на его резко отрицательное отношение к Синклеру как макрейкеру и социалисту) признал, что в данном случае тот «сослужил нам службу»⁹⁵.

Возмущаясь разоблачениями макрейкеров, Рузвельт в то же время полагал, что для успокоения общественного мнения необходимы меры со стороны правительства, доказывающие, что оно стоит на страже порядка и придерживается «честного курса», как

⁹⁴ *Roosevelt T. The Roosevelt Policy, Speeches, Letters and State Papers Relating to Corporate Wealth and Closely Allied Topics, Vol. II. New York, 1919, p. 368.*

⁹⁵ *T. Roosevelt to W. A. White, July 3, 1906.— In: The Letters..., Vol. V, p. 340.*

он всюду заявлял. Став президентом «по собственному праву», он с 1905 г. энергично занялся проведением некоторых прогрессивных реформ. Кроме упомянутого закона о контроле над производством мясных консервов, в один день с ним был утвержден акт о контроле над изготовлением и продажей пищевых продуктов и медицинских препаратов. Рузвельт, поносивший Синклера и Рассела, не преминул отнести эти мероприятия на свой счет. Интересно, что один из «новых левых» историков, Г. Колко, приписывает успех администрации при проведении реформы в пищевой промышленности не помощи макрейкеров, а нажиму крупных корпораций-экспортеров, испытывавших затруднения в торговле с иностранными фирмами из-за отсутствия в США государственной санитарной инспекции⁹⁶.

В 1906 г. Рузвельт предложил усилить контроль над железными дорогами. На свет появился законопроект Хэпберна, в подготовке которого президент принимал личное участие. Он придавал ему большое значение, полагая, что проведение в жизнь закона о праве Междугосударственной торговой комиссии предписывать железнодорожным компаниям «максимальную тарифную ставку», т. е. предел, выше которого нельзя поднимать тарифы на перевозку грузов, усилит prerogatives правительства. Последнее было важно для Рузвельта, считавшего укрепление исполнительной власти первейшим условием политического развития страны.

Борьба в конгрессе и деловых кругах вокруг билля Хэпберна продолжалась полгода. Это была борьба грузоотправителей с владельцами железных дорог, которые в массе своей, естественно, выступали против расширения функций Междугосударственной торговой комиссии. Главным сторонником билля была мелкая и средняя буржуазия, включая фермерство, по не они решали вопрос. Сенаторы и конгрессмены подвергались настойчивым атакам лоббистов, толпившихся в коридорах Капитолия и представлявших интересы своих хозяев. При этом даже внутри одной и той же корпорации были враги и сторонники билля. Например, президент «Стального треста» Э. Гэри отрицательно относился к законопроекту, а другой компаньон Моргана, Г. К. Фрик, поддерживал его⁹⁷.

Самое важное сражение происходило в сенате между консерваторами и прогрессистами обеих партий. В этой борьбе Руз-

⁹⁶ *Kolko G. Op. cit.*, p. 98. Колко справедливо подчеркивает, что закон об учреждении санитарной инспекции в мясной промышленности несколько не улучшил положения рабочих; кроме того, корпорации отказались нести расходы по санитарному надзору, в результате чего их пришлось взять на себя государству (*ibid.*, p. 106—107).

⁹⁷ *Wiebe R. H. Businessmen and Reform. A Study of the Progressive Movement. Chicago, 1968, p. 51—55.*

вельт был активным действующим лицом, хотя и не принимавшим, конечно, участия в дебатах. Он проявил в эти месяцы необыкновенную настойчивость, а еще больше — способность к сложной политической интриге. Он лавировал между консервативными лидерами своей партии (Н. Олдрич, У. Эллисон и пр.), прогрессистами во главе с Робертом Лафоллеттом и демократами, при этом еще шантажируя консерваторов своей партией разговорами и письмами о реформе таможенных тарифов, о чем в действительности и не помышлял.

Лидером консервативной оппозиции президенту в сенате теперь был Олдрич, бизнесмен из Род-Айленда, тесть Рокфеллера, после смерти Ханны прибравший к своим рукам республиканскую фракцию в сенате. Не желая с ним ссориться, боясь разрыва с консерваторами, Рузвельт повел сложную интригу. Он вступил в переговоры с лидером демократического меньшинства в сенате Тиллменом (сенатор от Южной Каролины), который обещал поддержать президента с условием, чтобы билль считался коалиционным, т. е. мероприятием обеих партий. Но тут Олдрич и Эллисон предложили Рузвельту пойти на компромисс, и тот немедленно предал демократов, прекратил все разговоры о реформе тарифов и согласился на принятие компромиссной «поправки Эллисона», вводившей в билль пункт о юридическом надзоре за действиями Междуштатной торговой комиссии⁹⁸. Если законопроект Хэберна и предполагал наступление на тресты, то после всех перипетий в ходе обсуждения, и особенно после добавления к нему «поправки Эллисона», он утратил этот характер, так как поправка лишала комиссию всякой свободы действий.

Рузвельт согласился на «поправку Эллисона», ибо ему всегда важнее было сохранить контакт с консерваторами, нежели провести более радикальный и действенный законопроект. Так же, как и в первые годы президентства, он не стремился к союзу с левым крылом палаты и сената. В результате, когда билль был принят и подписан, Рузвельт считал это своей победой, а Олдрич и его сторонники — своей. Но какие бы мотивы ни приводил в свое оправдание президент, его поведение в отношении Тиллмена выглядело двуличным, и сенатор от Южной Каролины даже попытался отомстить, дискредитировать президента. За несколько дней до окончательного голосования билля Тиллмен взял слово и во всеуслышание рассказал «историю вопроса», описал переговоры с президентом и все нелестные слова, которые Рузвельт употреблял в разговоре с ним по адресу влиятельных сенаторов-республиканцев, т. е. членов своей партии.

⁹⁸ Congressional Record, Vol. 40, Pt 10, p. 9085, 9258, 9289, 9586, 9655.

Рузвельта выручил Лодж, никогда не терявший самообладания. Он хладнокровно выслушал речь Тиллмена, затем бросился к телефону и через 5 минут зачитал телефонограмму Рузвельта, дезавулирующую все сообщения Тиллмена. Больше никто не посмел оспаривать слова президента, и инцидент был исчерпан⁹⁹. Позднее, в «Автобиографии», Рузвельт назвал выступление Тиллмена «просто ребячеством»¹⁰⁰. Но что еще оставалось ему делать? Лидер «честного курса» не имел ни мужества, ни желания признать свои нечестные методы, обман и интриги.

При объективной оценке реформаторской деятельности Т. Рузвельта достижения в антитрестовской политике выглядят совсем бледно. Деление трестов на «плохие» и «хорошие» всегда могло быть и было субъективным, и внесение той или иной монополии в список «хороших» трестов обычно зависело от личных взаимоотношений с членами правительства и с самим президентом. Это особенно хорошо видно при знакомстве с историей отношений Рузвельта с моргановской корпорацией «Юнайтед Стэйтс стил». Между главой треста Э. Гэри и президентом США в 1905 г. было заключено негласное «джентльменское соглашение». Гэри обещал давать правительству информацию о делах корпорации, а президент — хранить ее втайне и не использовать против треста¹⁰¹. После этого до конца пребывания Рузвельта в Белом доме «Стальной трест» числился «хорошим» и ни разу не привлекался к суду, хотя в 1907 г. во время начавшегося экономического кризиса явно нарушил закон Шермана. Правда, в тот раз бизнесмены действовали очень искусно. Фрик и Гэри лично обратились к Рузвельту с просьбой о разрешении купить терпящую финансовые затруднения компанию «Теннеси коул энд айрон». Рузвельт санкционировал поглощение «Домом Моргана» этой компании¹⁰². И тогда, и позже Рузвельт выставлял сотрудничество правительства с моргановской корпорацией как образец «честного курса»¹⁰³.

⁹⁹ *Harbaugh W. H.* Op. cit., p. 241—242.

¹⁰⁰ *Roosevelt T.* An Autobiography, p. 436.

¹⁰¹ *Wiebe R. H.* The House of Morgan and the Executive, 1905—1913.— «The American Historical Review», 1959, Vol. LXV, N 1, p. 52.

¹⁰² *Wiebe R. H.* Businessmen and Reform, p. 80.

¹⁰³ В 1911 г. комиссия конгресса под председательством Стенли расследовала деятельность «Стального треста», и экс-президента Рузвельта вызывали для дачи показаний. Он яростно защищался и защищал «Стальной трест», не желая ни признать свою вину, ни признать себя обманутым. В «Автобиографии» он продолжал настаивать, что сотрудничество «Стального треста» с правительством было примером «честного курса» (*Roosevelt T.* An Autobiography, p. 438—442).

По-настоящему эффективной была деятельность Рузвельта в области охраны природных богатств страны. Рузвельт возвел этот вопрос в степень национальной проблемы, сумел привлечь и объединить вокруг себя группу энтузиастов, среди которых были крупные специалисты, сенаторы, конгрессмены, журналисты, общественные деятели, помогавшие правительству в борьбе с консервативной оппозицией. Деятельность администрации Рузвельта по охране (или консервации) природных ресурсов получила высокую оценку одновременно и современников (прогрессистов) и историков. Даже Р. Лафоллетт выступал с одобрением движения за приостановление истощения почвы¹⁰⁴.

Рузвельт действительно проявлял известный интерес к консервации природных ресурсов. Живо интересуясь вопросами развития цивилизации, прогресса науки и техники, совершающимся у него на глазах, он писал Спринг Райсу в 1907 г.: «Наши дети и дети наших детей увидят механических агентов этой цивилизации, работающих с невиданно возрастающей силой и эффективностью. Возможно, мы увидим поезда с жироскопами, пересекающие за один день наши континенты; возможно, увидим воздушные корабли; возможно, мы увидим разные такие вещи; с другой стороны, век, который только что начался, может, по всей вероятности, стать свидетелем исчезновения лесов, а также приближающегося истощения запасов железной руды. Даже и угля не может хватить на много столетий. Что будет потом? Будут ли найдены заменители? Будет ли последующая цивилизация проще и здоровее и лучше нашей или она будет поглощена варварством изнутри и извне? Никто не может сказать. Очень мало значит, являемся ли мы оптимистами или пессимистами. Наш долг — хорошо выполнять нашу работу и ждать событий»¹⁰⁵.

Рузвельт задумывался над вопросами о будущем человечества, но в области политического развития видел только один путь: сохранение и упрочение капитализма. Социализм, как он постоянно твердил, был для него неприемлем. Он отказывался признать за социалистами право представлять гуманистические идеалы человечества. Но в борьбе за консервацию национальных ресурсов он проявил и понимание, и настойчивость, и присущую ему страстность в достижении цели, ясно себе представляемой.

Конечно, его интерес к данной проблеме объяснялся стремлением усилить экономический потенциал страны. Американский

¹⁰⁴ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 431.

¹⁰⁵ T. Roosevelt to C. A. Spring Rice, Dec. 21, 1907.— In: The Letters..., Vol. VI, p. 870.

историк Дж. Блам полагал, что за этим скрывалась еще и мысль укрепить военный потенциал США ¹⁰⁶. Можно принять эту трактовку вопроса, ибо она полностью соответствует общей концепции Рузвельта. Но каковы бы ни были мотивы, по которым Рузвельт подхватил идею консервации, зародившуюся в кругах ученых, специалистов и некоторых политических деятелей еще в 90-е годы прошлого века ¹⁰⁷, подхватил и начал продвигать в жизнь, охрана природных ресурсов, борьба с хищническим истреблением лесов, истощением почвы, незаконной эксплуатацией рек, разграблением минеральных и рудных богатств объективно была прогрессивной политикой.

В ежегодном послании конгрессу в декабре 1905 г. Рузвельт отметил жизненно важное значение охраны лесов и вод для всей страны и необходимость мелиоративных работ. В 1902 г. был принят закон Ньюлэндса об ирригации засушливых земель на Западе, представлявший широкую программу орошения 3 млн. акров пустынной земли и сооружения огромных каналов и плотин. Программа была рассчитана почти на четыре года.

Движение за консервацию природных ресурсов охватило страну. Во многих штатах были образованы комиссии по внутренним водным путям, охране национальных ресурсов и сельской жизни. Президент поддерживал эти начинания.

В мае 1908 г. президент созвал в Вашингтоне совещание губернаторов штатов, продолжавшееся три дня, на котором был заслушан доклад комиссии по внутренним водным путям и обсужден вопрос о способах и методах охраны лесных массивов, водных путей, минеральных и рудных залежей. Совещание приняло решение о создании в 36 штатах специальных комиссий, а также Национальной комиссии по консервации природных ресурсов во главе с Г. Пинчотом ¹⁰⁸.

Комиссия по консервации, так же как образованные ранее комиссия по внутренним водным путям и сельскохозяйственная комиссия, была создана без согласия конгресса, отказавшего президенту в ассигнованиях на нужды консервации. Активность президента в области консервации вообще не встретила одобрения ни в сенате, ни в палате. Только отдельные прогрессисты под-

¹⁰⁶ *Blum J. M. Op. cit., p. 111—112.*

¹⁰⁷ Рузвельт не был пионером консервации природных ресурсов, но очень ревниво относился к своей славе «главного» поборника этого движения. Из всех защитников охраны природных богатств он особо выделял роль Гиффорда Пинчота, который был энтузиастом этого дела, впрочем, как и Ньюэлл, Ньюлэндс, Макги и др.

¹⁰⁸ 60th Congress, 2d Session, House Document N 1425, Vol. 128, p. XIX—XXXI.

держивали Рузвельта. Консерваторы относились к его программе крайне враждебно. Но Рузвельт шел напролом. Он не только издавал распоряжения о создании новых комиссий, но и, не запрашивая согласия конгресса (надо сказать, что он не надеялся его получить), административными приказами в несколько раз увеличил площадь охраняемых земель, переведя огромные земельные и лесные угодья из разряда общественных земель, подлежащих распродаже в частные руки, в разряд государственных заповедников. К 1901 г. государственный земельный фонд составлял всего 45 млн. акров.

За годы президентства Рузвельт включил в него еще почти 150 млн. акров лесных угодий, берегов рек, земель с залежами угля, нефти, руд и т. д.¹⁰⁹

«Самовольство» президента вызвало раздражение владельцев земельных участков и спекулянтов землей, обратившихся за помощью к своим ставленникам в сенате и палате. Конфликт был перенесен в конгресс. В феврале 1907 г. в сенат был подан билль о запрещении причислять лесные угодья к государственному фонду без согласия конгресса. Пока билль рассматривался, Рузвельт поспешил отчислить в государственный резерв еще 32 угодья¹¹⁰. Перед самым уходом Рузвельта из Белого дома противники нанесли ему прямое оскорбление, поставив в палате вопрос о запрещении президенту впредь назначать комиссии или создавать управления без санкции конгресса¹¹¹.

Последние годы пребывания Рузвельта в Белом доме проходили в условиях обострившихся отношений между конгрессом и президентом, что отражало постоянную враждебность к нему со стороны партийной машины республиканцев. Н. Рузвельт утверждает, что опрометчивым заявлением о том, что он больше не будет баллотироваться в президенты Рузвельт развязал руки своим врагам. Если бы, пишет Н. Рузвельт, он оставил боссов в неизвестности, будет или не будет выдвигать свою кандидатуру вторично, «он располагал бы большей властью в партии. Но в момент, когда он сказал, что не примет повторного выдвижения, лидеры старой гвардии перестали его бояться»¹¹². Лидеры «старой гвардии», как известно, занятые борьбой за свои непосредственные интересы и выгоды, не понимали, что целью правительственного регулирования, выдвигаемого Рузвельтом в качестве основного направления политики, было упрочение существующего

¹⁰⁹ *Mowry G. E.* The Era of Theodore Roosevelt, p. 214.

¹¹⁰ *Ibidem.*

¹¹¹ *Congressional Record*, Vol. 43, Pt 4, p. 3664.

¹¹² *Roosevelt N.* *Op. cit.*, p. 81.

строю. Следует сказать, что против президента их восстанавливало и его стремление к личной власти.

Несмотря на обострение отношений с конгрессом, перед уходом из Белого дома Рузвельт выступил с двумя посланиями (от 8 декабря 1908 г. и 22 января 1909 г.), в которых намечал программу дальнейших реформ, делая упор на регулирование экономической жизни, включая контроль над корпорациями и рабочее законодательство. Большое место в посланиях отводилось планам дипломатической деятельности США; в них так и сквозила цель укрепления позиций Соединенных Штатов среди великих держав¹¹³. Конечно, это были уже выстрелы в воздух, но, видимо, он решил уйти «с шумом», выступив с посланиями, оказавшимися наиболее радикальными из всех его обращений к конгрессу. Кроме того, в последние дни он наложил вето еще на два билля. Таким образом, он оставался в глазах народа реформатором и оставлял своему преемнику программу либеральных реформ, его самого уже ни к чему не обязывающую.

Нелегко было Рузвельту расставаться с Белым домом и в 50 лет выходить из игры. В 1907 г., перед выдвижением кандидатов на выборы 1908 г., ему пришлось повторить свой отказ баллотироваться. Но, являясь в то время лидером партии, Рузвельт сам решил избрать преемника, и его выбор пал на военного министра, в прошлом губернатора Филиппин и усмирителя кубинского восстания Уильяма Говарда Тафта¹¹⁴. Рузвельт питал большую симпатию к «старине Уиллу», воображая, что тот полностью разделяет не только его экспансионистские взгляды, но и мысли о сильном правительстве, проводящем либерально-реформистский курс внутри своей страны. Но он жестоко ошибся. Индифферентность, неспособность руководить людьми, инертность Тафта он принимал за покладистость и выдержку и был уверен, к тому же, в личной преданности своего министра. Но главное, Рузвельт не разглядел, что консерватизм Тафта был иного аспекта, чем его собственный, ближе, гораздо ближе к консерватизму Олдрича и других реакционных столпов «старой гвардии» республиканцев.

¹¹³ Congressional Record, Vol. 43, Pt 1, p. 16—23, 1263—1276.

¹¹⁴ Наиболее подходящим кандидатом в президенты Рузвельт считал И. Рута. Он говорил об этом многим, в том числе Оскару К. Дэвису, репортеру «Нью-Йорк таймс»: «Я недавно сказал нескольким людям, что прополз бы на четвереньках от Белого дома до Капитолия, чтобы увидеть Рута президентом. Но я знаю, что это невозможно. Он не может быть избран. Против него слишком большая оппозиция из-за его связей с корпорациями» (*Davis O. K. Op. cit.*, p. 54). Как видим, для Рузвельта последнее обстоятельство не имело значения.

Остановив свой выбор на Тафте, Рузвельт сделал все от него зависящее, чтобы добиться его избрания. Для финансово-промышленных кругов, субсидировавших кампанию, Тафт также оказался приемлемым кандидатом. На выборах он получил необходимое количество голосов, но его преимущество перед кандидатом демократов Брайаном, решившимся в третий, и последний, раз попытать счастья, оказалось не столь значительным, как в 1904 г. у самого Рузвельта. Рузвельт же тешил себя мыслью, что новый президент был выдвинут им самим и принят как его представитель¹¹⁵.

Видимо, для Теодора Рузвельта мысль о спокойной жизни в Сагамор-хилле сразу после кипучей деятельности в Вашингтоне была невыносима. Окружающие решительно не понимали, как он согласился выпустить власть из своих рук при возможности повторного выдвижения кандидатом в президенты.

Наилучший для себя выход Рузвельт увидел в длительном путешествии и весь последний год в Белом доме готовился к поездке в Африку посмотреть землю, «как она лежит в лучах солнца, нетронутая плугом... Увидеть огромных зверей, которых видели наши предки, когда они жили в пещерах и сражались друг с другом каменными топорами», — поэтически писал он о своих планах Дж. Тревелиану¹¹⁶. Потом предполагалось совершить путешествие по Европе так, чтобы вернуться в Америку не раньше, чем через год.

Последние дни, проведенные Рузвельтами в Белом доме, были посвящены прощанию с кабинетом министров и другими сотрудниками. Помимо официальных приемов, 1 марта в Белом доме Рузвельт дал обед своим близким друзьям, в том числе входившим в так называемый «теннис-кабинет». Так оказалось, что в Белом доме в этот день за одним столом сидели Жан Жюль Жюссеран (французский посол), Илайю Рут и Билл Сьюэлл, профессиональный охотник и бывший первый наставник молодого Рузвельта в охотничьих поездках¹¹⁷.

Вопреки обычаю Рузвельт пригласил избранного президента с супругой провести в Белом доме ночь перед инаугурацией. Тафт принял это приглашение¹¹⁸. Зато 4 марта Рузвельт не захотел и часа провести в Белом доме. Уход в отставку Рузвельту немного скрасили многочисленные письма соратников по кон-

¹¹⁵ T. Roosevelt to L. Abbott, May 29, 1908.— In: *The Letters...*, Vol. VI, p. 1041—1042.

¹¹⁶ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, June 19, 1908.— In: *The Letters...*, Vol. VI, p. 1089.

¹¹⁷ *Harbaugh W. H. Op. cit.*, p. 349—350.

¹¹⁸ *Gardner J. L. Op. cit.*, p. 102.

сервации ресурсов, министров, просто друзей ¹¹⁹. Некоторые предвидели с уходом Рузвельта крушение и своей карьеры, и общих начинаний (как, например, Гиффорд Пинчот и Джеймс Гарфилд).

После традиционной церемонии вступления президента в должность в портике Капитолия, на которой он обязан был присутствовать, выслушав речь Тафта и поздравив его (пожалуй, с несколько аффектированной горячностью), Рузвельт отказался сопровождать кортеж нового президента в Белый дом, к большому удовольствию жены Тафта. Экс-президент с супругой отправились прямо на вокзал, а оттуда поездом в Ойстер-Бей. Для Рузвельта начиналась жизнь частного лица.

¹¹⁹ В ответных письмах Рузвельта сквозит горечь бесплодного сожаления и неуверенность в будущем, ему ранее не свойственная. «Но, мой дорогой дружище,— писал он одному из друзей,— ради бога, не говорите мне, что у меня есть будущее. Мое будущее в прошлом, кроме, может быть, выполнения скромной работы, которую в состоянии исполнить каждый гражданин» (T. Roosevelt to P. Morton, March 2, 1909.— In: The Letters..., Vol. VI, p. 1541).

Глава VIII • ИНТЕРМЕДИЯ: АФРИКА И ЕВРОПА

Вернувшись в Ойстер-Бей, Рузвельт занялся приготовлениями к отъезду в Африку, что отвлекало его от мыслей о политике и Вашингтоне. Сагамор-хилл был по-прежнему ему мил как надежный приют от жизненных тревог и бурь, но экс-президент жаждал не отдыха, а тревожений, связанных с политической деятельностью, и при этом считал себя самым подходящим кандидатом на пост президента. Рузвельт и не пытался скрывать, как ему нравилось быть президентом. «Я был самым счастливым на свете человеком моего возраста. Я не знаю ни одного президента, который бы так наслаждался Белым домом, как наслаждался им я», — писал он перед отъездом из Вашингтона¹.

Сознание неизбежной утраты им своего положения по истечении срока полномочий преследовало Рузвельта в продолжении всех лет пребывания в Белом доме. У. А. Уайт, приглашенный Рузвельтом провести с ним первый вечер в Вашингтоне (еще не в Белом доме, а у Анны Каулс), был поражен, что президент уже в этот день был занят мыслью не только о том, как ему в 1904 г. побороть Ханну и добиться выдвижения своей кандидатуры, но и о том, «что он будет делать, когда уйдет из Белого дома. Ему будет едва 50 лет — сильный и энергичный мужчина, удовлетворивший все свои честолюбивые помыслы, но все еще преданный политической жизни»². Теперь наступил момент, которого Рузвельт так боялся.

Американская традиция диктует автоматический переход лидерства в партии к новому президенту. С того дня, как этот новый президент приступает к выполнению своих обязанностей, его предшественник превращается в политический нуль. Далеко не каждый государственный деятель готов после Белого дома — подобно Джону Куинси Адамсу — занять скромное место члена конгресса. Для Рузвельта такое решение было немыслимо. Он не представлял себя ни в роли конгрессмена, ни даже сенатора.

¹ Цит. по: *Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt.* New York, 1963, p. 343.

² *White W. A. An Autobiography.* New York, 1946, p. 339.

Неприемлемой казалась и мысль о том, чтобы занять пост президента Гарвардского университета после Элиота, в 1909 г. ушедшего в отставку.

Судьба всех экс-президентов США обычно вызывает различные толки и предположения. В случае с Рузвельтом эти толки курсировали в политических кругах с удесятенной силой. Сенатор Ф. Нокс, бывший в первые годы министром юстиции в кабинете Рузвельта, не отказал себе в удовольствии попутить на одном из вашингтонских приемов, что Теодора следует сделать епископом³. Все, кто знал Рузвельта, понимали, сколь тяжел для него будет переход от бурной политической деятельности к мирной жизни частного лица. Поэтому предпринимаемая экс-президентом экспедиция в Африку воспринималась как удачное, правда, несколько экстравагантное решение вопроса хоть на какое-то время — на год или более. Кроме того, стало известно, что Рузвельт согласился на предложение издателя «Аутлука» стать с 5 марта 1909 г. постоянным сотрудником журнала с обязательством представлять ежемесячно статью по социально-политическим проблемам, за что ему полагалось жалованье в 12 тыс. долл. в год. Бывший президент становился журналистом и в качестве такового собирался заработать деньги для оплаты расходов на путешествие в Африку, описывая свои приключения в африканских джунглях.

Эти очерки предназначались для журнала «Скрибнерс мэгэзин», с которым был заключен договор на 50 тыс. долл.⁴

Последние дни в семье пролетели быстро. Эдит Рузвельт была почти в отчаянии, отпуская мужа с сыном Кермитом в длительное и опасное путешествие, но понимала, что Рузвельт не в силах оставаться дома и наблюдать за первыми шагами Тафта в Вашингтоне. Именно это чувство, а не благородное желание «развязать Тафту руки» в начале его президентства, гнало Рузвельта из Америки.

Было также не очень приятно после стольких лет власти читать в прессе писания бесперомонных репортеров, разбирающих и оценивающих деятельность экс-президента, будто он уже покойник.

В таком духе появилась статья в «Нэйшн» под заголовком «Прощальный взгляд на Рузвельта». Автор писал, что журнал не собирается подводить итоги деятельности рузвельтовской адми-

³ Gardner J. L. *Departing Glory*. New York, 1973, p. 108.

⁴ Gardner J. L. *Op. cit.*, p. 110. Журнал «Кольерс мэгэзин» в расчете на сенсацию в последний момент предложил Рузвельту 100 тыс. долл., но экс-президент предпочел печататься в «Скрибнерс мэгэзин».

нистрации, тем более, что все еще находится «под впечатлением личности этого человека, сотканного из противоречий, в котором хорошее и дурное необычайно и неразрешимо перемешано». Вслед за этим сомнительным комплиментом шло описание характера и склонностей экс-президента. Обозреватель подчеркивал его страсть ко всему сенсационному, удивительный талант к саморекламе и сравнивал его с балаганщиком, который с профессиональной ловкостью умеет «привлекать внимание общества ко всему, что он говорит и делает». Самым большим недостатком экс-президента, по мнению «Нэйшн», было его равнодушие к конституционным и легальным методам. «Он всегда склонялся к тому, чтобы деспотически обращаться с конгрессом, проклянуть суды, когда они отказывались поддержать его политику, и делать то, что ему казалось наилучшим в данный момент, невзирая на строгую законность... Он не признавал ограничений, связанных с его положением». Таково было резюме журнала, немного подслащенное заключительной фразой о том, что все плохое забудется, а «достижения, чем дальше, тем будут казаться большими»⁵.

Совсем откровенно свой восторг по поводу смены президента выражала газета «Нью-Йорк уорлд», писавшая на другой же день после вступления Тафта, что наступает эра «хорошего самочувствия», что нация устала от рузвельтовских битв и «хочет покоя»⁶.

Конечно, у Рузвельта оставались и сочувствующие ему друзья, и незнакомые почитатели, кричавшие при встрече с ним на улице: «Тедди еще четыре года». Но это только растравляло его душу. Тем не менее через несколько дней после возвращения в Ойстер-Бей он уже мог написать лорду Спринг Райсу: «Конечно, я хотел бы быть президентом — любой сильный человек хотел бы подольше оставаться президентом, но я более чем доволен возвращением в Сагамор-хилл, и мне почти стыдно, что я не скучаю о Белом доме»⁷. Эти слова, возможно, были правдой, так как он с увлечением занялся делами экспедиции.

Рузвельту удалось привести в исполнение желание, чтобы поездка в Африку выглядела не просто сафари⁸, но научной экспедицией, ставившей целью собрать экспонаты животного мира

⁵ «The Nation», 1909, March 11, p. 240—241.

⁶ Цит. по: Pringle H. F. The Life and Times of William Howard Taft, 2 Vls. New York, 1939, Vol. I, p. 398.

⁷ T. Roosevelt to C. A. Spring Rice, March 10, 1909.— In: The Letters of Theodore Roosevelt, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. VII, p. 2.

⁸ Сафари — охотничья экспедиция (араб.).

этого континента для Смитсоновского института — зоологического музея в Вашингтоне. По договору с институтом в экспедицию с Рузвельтом отправлялись три зоолога-натуралиста. Их расходы оплачивались из фонда частных пожертвований на нужды института. На расходы за себя и сына Теодор Рузвельт внес 20 тыс. долл.⁹

Наступил день отъезда — 23 марта 1909 г. Родные, друзья, знакомые, группа «лихих всадников», репортеры, почтители и просто зеваки собрались на пирсе гавани Хобокен (штат Нью-Джерси) проводить экс-президента в романтическое путешествие по Африке. Новый президент прислал к отплытию письмо и памятный подарок через капитана Арчи Бэтта, военного представителя Белого дома, занимавшего этот пост и при Рузвельте.

В порту и прилегавших к нему улицах, по свидетельству Бэтта, творилось настоящее столпотворение. Люди загрохотали гавань и давили друг друга, желая хотя бы взглянуть на Рузвельта. Экс-президент, которого теперь вновь величали полковником, — что ему нравилось, — мог быть доволен. В костюме военного покроя цвета хаки и с полковничьими знаками отличия на воротнике и рукавах, в любимой черной мягкой ковбойской шляпе он пожимал руки направо и налево, блестя зубами и стеклами пенсне. Он был в центре внимания, отбивался от репортеров, обнимал своих «всадников», произносил трогательные прощальные слова. Бэтт рассказывал потом, что все выглядело, как на церемонии вступления в должность президента¹⁰.

Прощание длилось два часа. Наконец под звуки национального гимна «Звездно-полосатое знамя» пароход «Гамбург» отошел от пристани, сопровождаемый целой флотилией лодок и буксиров, и медленно двинулся по проливу к выходу в океан мимо Манхэттана с его небоскребами. В каждом окне огромных зданий виднелись люди, махавшие платками и что-то вопившие. Заключительным аккордом этих торжественных проводов прозвучал салют из 21 орудия форта Гамильтон. Рузвельт мог быть уверен, что никогда частному лицу не устраивались такие шумные проводы. Слухи, циркулировавшие в Нью-Йорке о довольно язви-

⁹ Расходы оказались выше предполагаемых. Институт дополнительно высылал еще 10 тыс. долл.; кроме того, Рузвельт лично обращался к Э. Карнеги с просьбой о помощи для того, чтобы после Восточной Африки экспедиция могла отправиться в Уганду, Конго и дальше. Карнеги оказался щедрым и пожертвовал сначала 20 тыс. долл., затем еще несколько тысяч (*The Letters...*, Vol. VII, p. 24—25, 42; *Gardner J. L. Op. cit.*, p. 124).

¹⁰ *Gardner J. L. Op. cit.*, p. 114.

тельной шутке старого банкира Дж. Пирпонта Моргана, выразившего в связи с отъездом Рузвельта в Африку надежду на то, что «каждый лев выполнит свой долг», только укрепляли репутацию экс-президента среди его почитателей.

«Гамбург» приплыл в Неаполь 5 апреля; там путешественники со всем грузом пересели на пароход «Адмирал». Еще 16 суток плавания сначала по Средиземному морю, затем через Суэцкий канал и Красное море, и корабль вышел в Индийский океан. 21 апреля они были в Момбасе, порте на восточном берегу Африки. На другой же день американцы по железной дороге отправились в глубь страны до станции Капити-плэйн, места сбора первой сафари.

В 1909 г. Восточная Африка была еще дикой страной, напоминавшей Рузвельту «границу» его родной Америки в 1870—1880 гг. Англичане, объявившие в 1895 г. этот богатый уголок черного континента своим протекторатом, к 1903 г. проложили железную дорогу только от побережья Индийского океана до оз. Виктория. Но по территории были разбросаны усадьбы — ранчо знатных англичан, получивших в собственность огромные земельные владения и вытеснявших (как в свое время те же англичане вытесняли в Америке индейцев) племена африканских аборигенов, которые отступали под натиском белых завоевателей в джунгли. Эти англичане оказывали Рузвельту и его спутникам помощь и самое широкое гостеприимство, что превращало сафари если не в увеселительную прогулку, то во всяком случае в приятное и временами даже комфортабельное путешествие.

С первых шагов Рузвельта по африканской земле англичане встречали его с энтузиазмом. В Найроби (столице колонии) экс-президента принимал исполняющий обязанности губернатора Восточной Африки Джексон. Местные набобы наперебой приглашали путешественников останавливаться в их поместьях для отдыха, обработки собранного материала и охоты в пределах их владений.

Маршрут экспедиции пролегал сначала по Восточной Африке от Капити-плэйн к Найроби и далее до оз. Виктория. Здесь была распущена первая сафари. Американцы с проводниками переправились через озеро в его верхней узкой части, а затем пошли на север, к оз. Альберт.

До Рузвельта в этих местах еще не появлялось экспедиции, проводившей с таким размахом изучение фауны и флоры Восточной Африки. Для сафари были наняты два белых проводника и 260 туземцев — носильщиков и слуг. Из них 200 несли ящики и тюки с оборудованием, солью и другими препаратами, необходимыми для выделки шкур и сохранения скелетов млекопитаю-

щих, птиц и рыб¹¹. В распоряжении полковника находились шестеро слуг: двое несли оружие, двое прислуживали в палатке и двое смотрели за лошадьми. Возвращаясь с охоты, полковник всегда находил готовой горячую ванну и чай. Приняв ванну, неутомимый путешественник, закутавшись до глаз от moskitov, сел за импровизированный письменный стол и принимался просматривать корреспонденцию и строчить письма или статьи в «Скрибнерс».

В Африке Рузвельт написал 15 статей, изданных по возвращении в Америку отдельной книгой под названием «Африканские охотничьи тропы». Это рассказ о природе Африки, об увлекательных приключениях в глубине еще малоисследованного континента. Пожалуй, в литературном отношении это лучшее из того, что вышло из-под пера Рузвельта. В книге есть интересные наблюдения, живо изложенные автором, красочные описания африканской природы; при этом все повествование пронизано жизнерадостием автора. И хотя азартный охотник большей частью побеждал в Рузвельте бесстрастного исследователя, его товарищи по путешествию говорили, что им не раз приходилось удивляться его разносторонним знаниям. Член экспедиции зоолог Эдмунд Геллер, с которым Рузвельт потом издал двухтомную работу «Жизнь африканских диких животных» на материале, собранном в Африке, считал его «выдающимся натуралистом-практиком» (field naturalist)¹².

Конечно, в статьях об Африке, писавшихся под свежим впечатлением после охоты в лагере при свете керосиновой лампы, Рузвельт оставался самим собой: он увлеченно хвастался охотничьими трофеями, как когда-то своими воинскими похождениями на Кубе. И, разумеется, он был главным и почти единственным действующим лицом сафари. Почти, а не единственным только потому, что рядом был собственный сын, которого он не забывал хвалить как охотника и фоторепортера экспедиции. Хвастливость Рузвельта вызывала саркастические замечания даже у друзей. Руг, прочитав первое описание африканских подвигов, сказал: «Конечно, Теодор убил трех львов одной пулей, а Кермит — одного льва тремя пулями»¹³. Но Рузвельт, узнав об этой шутке, только смеялся. Он снова чувствовал себя «в седле» буквально и фигурально. «Ни один экс-президент и ни один премьер, коли на то пошло, никогда так не наслаждался, как наслаждался я в те-

¹¹ The Letters..., Vol. VII, p. 13, note 1.

¹² Harbaugh W. H. Op. cit., p. 356.

¹³ The Letters..., Vol. VII, p. 22, note 2.

чение шести месяцев, теперь пришедших к концу», — писал он Тревельяну в сентябре 1909 г.¹⁴

Путешествуя по Африке, Рузвельт смотрел на окружающий его мир глазами не только натуралиста, но и типичного белого колонизатора. Это видно из его писем и статей. Он писал Спринг Райсу: «Мне страшно нравятся, я восхищаюсь вашими чиновниками; а ваши поселенцы мне кажутся во всем основном похожими на наших жителей Запада»¹⁵.

Идея цивилизаторской миссии белого человека, «несущего свет дикарям», и, добавим мы, попутно истребляющего своих подопечных, пронизывает всю книгу Рузвельта об Африке. В первой же статье, претенциозно озаглавленной им «Железная дорога сквозь плейстоцен»¹⁶, он так характеризует туземное население колонии и роль англичан: «Большинство племен были совершенные дикари, но здесь и там попадались разновидности рас более высокого типа; и в Уганде... и в верховьях собственно Нила жил народ, о котором можно было бы сказать, что он достиг полуцивилизованного состояния самого примитивного образца. Над этим народом — к его большому счастью — Великобритания установила протекторат...»¹⁷

Рузвельт находил много общего в поведении англичан в Африке и отношении своих соотечественников к индейцам и безоговорочно все одобрял. Он писал: «Английское господство в Африке было благодатью для самих африканцев, и это, безусловно, справедливо в отношении господства большинства европейских наций»¹⁸.

Практическим итогом экспедиции Рузвельта в Африку были эти статьи и огромное число ящиков с экспонатами для Смитсоновского института и личными трофеями полковника и Кермита. Хотя некоторые авторы утверждают, что Рузвельт слишком любил животных, чтобы убивать их без крайней необходимости¹⁹, огромный список зверей и птиц (только крупных, мелочь не вносилась в реестр), убитых менее чем за год двумя американцами, производит в наши дни ошеломляющее впечатление.

¹⁴ The Letters..., Vol. VII, p. 26.

¹⁵ T. Roosevelt to C. A. Spring Rice, Oct. 6, 1909.— Ibid., p. 33.

¹⁶ Плейстоцен — ледниковый период (геолог.).

¹⁷ Roosevelt T. African Game Trails.— In: The Works of Theodore Roosevelt. National Edition, 20 Vols. New York, 1926, Vol. IV, p. 4.

¹⁸ Ibid., p. 87—88.

¹⁹ Так утверждает, например, Э. Вагенкнехт, который пишет: «Несправедливо приравнивать любовь Рузвельта к охоте любви к убийству» (*Wagenknecht E. The Seven Worlds of Theodore Roosevelt. New York — London — Toronto, 1958, p. 19*).

Охотничьи трофеи Рузвельта и Кермита составили 512 крупных зверей и птиц, из них 296 приходилось на долю отца и 216 — сына. В этом списке значились 17 львов, 20 носорогов, 11 слонов, 7 гепардов, 3 леопарда, 8 гиппопотамов, 20 зебр, 9 жирафов, 4 аллигатора, 4 фламинго, 10 антилоп, 28 газелей и т. д.²⁰ Рузвельт, конечно опубликовал этот список.

В Смитсоновский институт было отправлено 3 тыс. шкур крупных зверей и мелких млекопитающих; за последними охотились зоологи. Среди этих трофеев были шкуры 9 львов, 13 носорогов, 7 гиппопотамов, 5 слонов²¹. Это изобилие экспонатов повергло в отчаяние дирекцию института, так как экс-президент требовал выставить все образцы. Не был забыт и Национальный музей естественной истории в Нью-Йорке, куда Рузвельт также отправлял для экспозиции шкуры и кости убитых животных²².

За одиннадцать месяцев путешествия по Африке экспедиция Рузвельта пересекла Британскую Восточную Африку, Уганду и Судан от Момбасы, порта, расположенного к югу от экватора, до Гондокоро, города в верховьях Белого Нила. Там путешественники погрузились на пароход и две недели мирно плыли вниз по течению Нила. Они достигли Хартума (столица английского Судана) днем 14 марта 1910 г. В тот же день, чуть позже, сюда же из Каира прибыли Эдит и Этель Рузвельт.

В Хартуме Рузвельт простился со своими товарищами по экспедиции, а сам с женой и детьми должен был отправиться в Судан, Египет и Европу, где ожидал получить более подробные сообщения о том, что происходит в Вашингтоне, как действует его преемник. Конечно, кое-какие слухи доходили до экс-президента и в Африке.

Во всяком случае в начале января 1910 г. из сообщения Агентства печати Рузвельт узнал об отставке с поста генерально-го лесничего и начальника Лесного управления Пинчота. Экспрезидент был поражен. Он написал Пинчоту, что будет ждать от него в Париже подробностей, и с той же почтой отправил письмо Лоджу. Представитель агентства, доставивший телеграмму, хотел, чтобы Рузвельт сделал заявление для печати, но тот отказался²³.

В Гондокоро 1 марта он получил длинное письмо Пинчота, обвинявшего Тафта в том, что тот окружил себя реакционерами и защитниками монополий и отказался от политического курса

²⁰ *Roosevelt T. African Game Trails, p. 389—390.*

²¹ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 510—511.*

²² *The Letters.... Vol. VII, p. 46, note 2.*

²³ *T. Roosevelt to H. C. Lodge, Jan. 17, 1910.— Ibid., p. 46.*

Рузвельта. (Дело в том, что Пинчот верил, будто его бывший шеф был врагом корпораций.)

Судя по письмам самого Рузвельта, его поразила не столько политическая сторона всех событий, как «предательство» Тафта по отношению лично к нему, выражавшееся в отставке таких преданных Рузвельту людей, как Гарфилд, Штраус и теперь Пинчот. Конечно, он был взбудоражен известиями с родины, но даже в письмах Лоджу, сожалея о случившемся, особо не вдавался в обсуждение этих известий. Начинался второй тур его путешествия, и в Хартуме он был занят приемами в его честь и выступлениями.

К 1910 г. (т. е. за четыре года до начала первой мировой войны) европейские державы-грабительницы уже давно разделили между собой земли черного континента. После всех кризисов и столкновений (Марокко и Агадир, Фашода) Франция закрепила за собой Западную и Экваториальную Африку, Италия, пользуясь попустительством Англии и Франции, нацелилась на Триполи и Киренаику, Бельгия прочно занимала Конго. Англия владела огромными территориями: на западе ее колонии (Сьерра-Леоне, Золотой Берег и Нигерия) вклинивались во французские владения; на юге после войны с бурами она получила земли от Мыса Доброй Надежды к северу до оз. Танганьика; на северо-востоке ей принадлежали Восточная Африка, Уганда, Египет и Судан (который в 1882—1884 гг. был оккупирован ею совместно с Египтом).

Расправившись с махдизмом, Англия с 1898 г. окончательно подчинила себе Судан. Однако национально-мусульманское движение в Судане и Египте не затихало. К моменту появления Рузвельта в Хартуме напряжение достигло высокой степени, особенно после того, как партия мусульманских националистов решилась на террористический акт: 10 февраля 1910 г. был убит премьер-министр Египта Бутрос-паша (копт по национальности), возбудивший к себе ненависть патриотов давним сотрудничеством с английскими властями.

Английские чиновники в Хартуме хотели использовать популярность экс-президента заатлантической республики. Глава британской военной администрации Слатин-паша (между прочим, австриец на английской службе), оказывавший прибывшим американцам самое широкое гостеприимство, лично просил Рузвельта выступить в поддержку Англии, но предупредил, чтобы, учитывая острую ситуацию, тот был осторожен в выражениях и не задевал национальных чувств суданских и арабских мусульман. Однако полковник не пожелал сдерживаться. Он воспользовался приглашением произнести речь в египетском офицерском клубе в

Хартуме, чтобы высказать свои взгляды на положение в Судане и Египте. Он назвал свое выступление «Мир и порядок в Судане».

Исходным пунктом этой речи Рузвельта было утверждение, что захват Великобританией Судана и Египта является актом прогрессивного значения, ибо тем самым устанавливался протекторат «высокоцивилизованной» нации над представителями слабо развитых рас, не способных, по его разумению, к самоуправлению. Идею «цивилизаторской» миссии англичан в Африке Рузвельт позднее подчеркнул в письме Тревелиану²⁴.

Поскольку симпатии Рузвельта были всецело на стороне империалистов и в национальном движении он видел только смуту и нарушение порядка, то обратился к населению Судана и Египта и непосредственно к своим слушателям — офицерам с красноречивым призывом поддерживать колониальный режим, установленный англичанами, настаивая на том, что только абсолютная лояльность населения спасет Египет и Судан от разрушения. Для молодежи этих стран Рузвельт выдвигал программу образования и самоусовершенствования под эгидой Британии, до той поры, пока народ окажется способным к самостоятельному существованию как суверенное государство. Но, как он всегда утверждал, это может произойти спустя поколения.

28 марта экс-президент произнес перед слушателями национального университета в Каире не менее тенденциозную речь на тему «Закон и порядок в Египте», в которой дал понять, что не считает народ Египта способным к политической самостоятельности, а призывал к длительному и терпеливому самоусовершенствованию. «Дав человеку определенную программу обучения,— сказал Рузвельт,— вы не можете его сделать действительно образованным, так же как не можете сделать народ годным для самоуправления, дав ему бумажную конституцию... Никто не может «даровать» народу «самоуправление». Это так же нелепо, как «оказать» человеку «самопомощь»²⁵. Вслед за тем Рузвельт в

²⁴ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, Oct. 1, 1911.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 349; *Roosevelt T. Cowboys and Kings. Three Great Letters by Theodore Roosevelt.* Cambridge (Mass.), 1954, p. 28. Впечатления от посещения Египта, Судана и европейских столиц Рузвельт описал в 1911 г. в письмах Дж. О. Тревелиану и Д. Грею по личной просьбе первого. В 1954 г. Э. Морисон издал их отдельной книгой под названием «Ковбой и король», присовокупив письмо Дж. Хэю о поездке в 1903 г. по США.

²⁵ *Roosevelt T. African and European Addresses.* New York and London, 1910, p. 23—24. Все выступления Т. Рузвельта в Африке и Европе публиковались в журнале «Аутлук», печатавшем, кроме них, информацию Лоуренса Ф. Эбботта, присоединившегося к Рузвельтам в Хартуме. После возвращения в Америку речи Рузвельта были изданы отдельной книгой с предисловием Л. Ф. Эбботта. Ссылки даются по этому изданию.

резкой форме осудил террористические акты и непосредственно убийство Бутрос-паша, что прозвучало прямым вызовом египетскому национальному движению.

Речь экс-президента США вызвала разочарование и возмущение египетских патриотов. Газеты на арабском языке назвали Рузвельта «предателем принципов Джорджа Вашингтона» и выразили университетскому начальству протест против вручения оратору почетного диплома²⁶. Но это нисколько не смутило полковника, считавшего себя непогрешимым. Из письма американскому послу в Лондоне, отправленного из Каира, видно, что ошибкой английского управления в Африке экс-президент считал только недостаточную твердость администрации. «У меня будет много о чем рассказать Вам из моего достаточно любопытного опыта в Судане и Египте,— писал он.— Есть много дел, в которых я не компетентен, но я должен сказать, что мне страшно хотелось бы управлять Египтом и Индией несколько месяцев. В конце этого срока палата общин, вне сомнения, осудила бы меня, но прежде я продвинул бы дело на правильный путь»²⁷. Какой это был бы путь, Рузвельт скажет в Лондоне своим гостеприимным хозяевам через два месяца.

Высшее командование в Египте в лице сердара (главнокомандующего) Реджиналда Уингейта и генерального консула Джона Элдона Горста были чрезвычайно довольны выступлениями Рузвельта в Хартуме и Каире и прислали ему хвалебные отзывы, процитированные им в письме Тревелиану. Там же он хвастался, что такие отзывы он получил и от некоторых представителей верхушки мусульманской и христианской буржуазной интеллигенции в Каире (к христианам принадлежали копты и сирийцы), примирившихся с английской оккупацией.

Вполне довольный собой и впечатлением, которое он произвел в Египте, Рузвельт с женой, сыном, дочерью и двумя слугами наконец покинул Африку. Помимо домочадцев его сопровождали Лоуренс Эбботт и репортер Кол О'Лафлин, добровольно принявшие на себя обязанности секретарей. 1 апреля пароход с американскими путешественниками пришвартовался в Неаполе, откуда началось турне Рузвельта по Европе.

Описывая Тревелиану и Грею путешествие по Европе в апреле — июне 1910 г., Рузвельт несколько раз с явным удовольствием упоминал, что энтузиазм публики и чуть ли не королевские почести, с которыми его принимали почти все монархи

²⁶ *Abbott L. F.* Mr. Roosevelt at Cairo.— «The Outlook», 1910, April 23, Vol. 94, p. 878.

²⁷ T. Roosevelt to W. Reid, March 24, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 63.

Европы, были для него полной неожиданностью, так как он путешествовал как частное лицо. Его поездка по Европе действительно превратилась в непрерывное чествование: таким необычайным оказался интерес к Т. Рузвельту в Старом Свете. Историк Прингл считает, что для европейцев он воплощал в себе «слегка сумасшедшие национальные черты заокеанской республики»²⁸. В самом деле было чему удивляться: ковбой, «лихой всадник», «гроза» нью-йоркских гангстеров, герой африканских сафари и ...президент Соединенных Штатов. Рузвельт был доволен: самое взыскательное честолюбие могло быть удовлетворено приемом, который оказывали экс-президенту США с супругой в европейских столицах.

Толпа осаждала дома и отели, где он останавливался, заполняла улицы, по которым он проезжал. Люди махали шляпами, выкрикивали приветствия, толкались и давили друг друга, чтобы протиснуться поближе и пожать ему руку. В Неаполе в оперном театре, когда стало известно, что в ложе сидит Рузвельт с семьей, представление было прервано, так как публика и артисты устроили ему овацию. В Порто-Маурицио, маленьком итальянском городке на берегу моря, где сестра Эдит Эмили Кэроу постоянно снимала виллу, Рузвельта приветствовал мэр города и тут же его именем был назван бульвар.

Супруги хотели, оставив Кермита и Этель в Порто-Маурицио, совершить «сентиментальное путешествие», посетить места, где они жили в Италии во время свадебного путешествия. Но от этой мысли пришлось отказаться через день, так как экспансивные итальянцы не давали им покоя чествованиями и даже серенадами.

Возможно, что в глазах простого народа в 1910 г. Америка еще сохраняла ореол «самой демократической» страны в мире. Парижская «Тан» отмечала, что прием, оказываемый Рузвельту, не имеет прецедента в истории. «Ни один демократический глава государства не пользовался когда-либо раньше такой популярностью. Мы привыкли к официальным визитам королей и президентов, но Рузвельт больше не президент. Таким образом, чествуется человек, а не сан. Это его энергия, его личность, его характер, идеи и темперамент притягивают европейское общественное мнение»²⁹.

Конечно, это свидетельство буржуазной прессы. В овациях, надо думать, была значительная доля ажиотажа и любопытства, но любопытства все же благожелательного. И сам экс-президент

²⁸ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 511.

²⁹ Цит. по: «The Outlook», 1910, April 30, Vol. 94, p. 961.

самодовольно отмечал, что ему оказывают такой прием, какой он привык встречать в США, когда в бытность президентом ездил по стране. Так было везде, где бы он ни появлялся в Европе, кроме Германии³⁰.

В первоначальные планы экс-президента входило посетить Оксфорд по приглашению ректора университета для выступления с лекцией и получения почетного диплома. Затем оказалось, что подобные приглашения поступили от Парижского университета и Французской академии наук. После этого приглашения посыпались одно за другим: из Норвегии — получить диплом и прочесть традиционную нобелевскую лекцию, из Италии, Швеции, Дании, от Кембриджского университета в Англии, из Германии от Вильгельма II и Берлинского университета, из Вены от императора Франца Иосифа. Как «скромно» писал Рузвельт, было бы неудобно отказывать королям, и полковник «мужественно» отправился кочевать по столицам Европы.

Его турне продолжалось почти два с половиной месяца: с 1 апреля по 10 июня 1910 г. Это было время предгрозового затишья перед мировой войной. Собственно говоря, тучи уже сгустились над старой Европой. За кулисами велись тайные переговоры и заключались секретные соглашения. Уже существовала Антанта — тайное «сердечное согласие» Англии и Франции против Германии. На Балканах спокойствие держалось на острие ножа. Внутри каждой страны то с большей, то с меньшей силой разгоралось движение трудящихся масс. Однако никто из коронованных властителей Европы не сознавал, что сидит на бочке с порохом.

Удивительно, что Рузвельт, вплотную занимавшийся в Вашингтоне проблемами внутриполитической жизни страны, и особенно отношениями труда и капитала, задумывавшийся о будущем капиталистического строя, откровенно боявшийся распространения социалистических идей и яростно нападавший на американских социалистов и рабочих лидеров, так мало интересовался внутренними проблемами государств, через которые пронесся поздней весной 1910 г. Он был так поглощен своим успехом, так польщен приемом, оказанным ему вереницей титулованных особ, что замечал лишь поверхностную мишуру этих приемов. Единственным политическим вопросом, которым Рузвельт всерьез интересовался, были англо-египетские отношения. Ему, убежденному империалисту и поборнику колонизаторской политики белой расы, были по-настоящему интересны и

³⁰ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, Oct. 1, 1911.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 390.

близки проблемы, стоявшие перед англичанами в Египте, и, читая нравоучения покоренным, но не смирившимся арабам, а потом выступая в Лондоне уже перед английской аудиторией, он высказывал взгляды, выношенные им в молодости и пронесенные через всю жизнь, взгляды экспансиониста и завоевателя.

В письмах Тревелияну и Грею Рузвельт главным образом рассказывает о встречах с семьями европейских монархов, которым он дает очень своеобразные и живые характеристики. За ними всегда виден сам автор — экспансивный и любознательный человек и, кроме того, самонадеянный и любующийся собой буржуа. С одной стороны, этот буржуа не хочет позволить «всем этим королям» подавить его персону и пронизирует над их ограниченностью, мещанской узостью, странностями этикета и пр., но, с другой — ему чрезвычайно льстит их внимание и он снисходительно пишет о короле и королеве Норвегии, с маленьким сыном которых он шумно возился и играл, как когда-то со своими детьми: «Если Норвегия когда-нибудь решит стать республикой, мы бы очень хотели, чтобы они поселились рядом с Сагамор-хиллом»³¹.

Итак, первой европейской страной, куда прибыли Рузвельты, была Италия. Здесь король Виктор-Эммануил и его супруга королева Елена приняли их как равных себе по рангу.

В Риме у Рузвельта произошел конфликт с Ватиканом, получивший широкую огласку в европейской печати. Еще из Каира Рузвельт написал в Ватикан, что хотел бы встретиться с папой Пием X. Кардинал Мерри дель Валь через ректора Американского католического колледжа в Риме от лица Пия X дал согласие на аудиенцию, но с требованием выполнить одно условие: чтобы экс-президент Рузвельт не вздумал одновременно нанести визит Американской методистской миссии в Риме. Рузвельт возмущился и просил американского посла в Италии передать через ректора следующее: «Я вполне признаю его (папы. — *И. Б.*) полное право принимать или не принимать кого он хочет... С другой стороны, я в свою очередь могу отклонить поставленные условия или подчиниться требованиям, которые каким-то образом ограничивают свободу моего поведения»³². После того, как от кардинала Мерри дель Валь последовал ответ, что аудиенция может состояться лишь при вышеуказанном условии, Рузвельт отказался от встречи с папой и был очень горд собой.

³¹ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, Oct. 1, 1911.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 385.

³² «The Outlook», 1910, April 9, Vol. 94, p. 775. «Аутлук» опубликовал переписку экс-президента с кардиналом и обращение Рузвельта к американскому народу с разъяснением мотивов его поведения.

После Италии промелькнули Вена и Будапешт, Париж и Брюссель, Гаага и Амстердам, Копенгаген и Христиания (совр. Осло), Стокгольм и Берлин.

В Христиании (5 мая) экс-президент произнес речь как лауреат Нобелевской премии мира 1906 г. Нобелевский комитет и норвежская публика слышали из уст «лауреата мира» любопытные вещи: провозглашение воинственности и силы как высших качеств и доблести людей и наций. Это было его кредо, от которого Рузвельт не отступил и здесь: «Мир в целом хорош сам по себе, — сказал полковник, — но он никогда не станет наивысшим добром, если не будет слугой справедливости; и он становится настоящим злом, если служит только прикрытием трусости и лени или орудием поддержания целей деспотизма или анархии. ...Ни одна нация не заслуживает существования, если позволит себе потерять силу и мужество»³³.

Вторая половина речи содержала конкретные предложения по развитию принципов, провозглашенных второй Гаагской конференцией мира. Рузвельт говорил на эту тему по личной просьбе Э. Карнеги.

В это время пацифистское движение в США выходило из застоя, вызванного разочарованием в результатах Гаагской конференции 1907 г. Пацифисты искали лидера, человека с именем, авторитет которого помог бы им продвинуть их дело внутри США и привлечь к нему внимание правительств европейских держав. Э. Карнеги и Г. Холт, издатель журнала «Индепендент», решили обратиться к Рузвельту³⁴.

Нельзя сказать, чтобы Рузвельт охотно шел навстречу желаниям этих энтузиастов. Но личные обязательства перед Карнеги и положение лауреата Нобелевской премии мира обязывали его поддерживать идею сохранения мира, в то же время положение частного лица позволяло ему выдвинуть программу, за которую он уже не нес ответственность, как было бы, если бы он оставался президентом. Вот так в речи Рузвельта появились четыре пункта программы сохранения мира: использование арбитражных договоров для предотвращения вооруженных конфликтов; дальнейшее развитие деятельности Гаагского трибунала, созыв третьей Гаагской конференции и укомплектование арбитражного суда на принципах, сходных с положением о Верховном суде в США; ограничение вооружений (заметим, что этот пункт прозвучал не очень твердо: «...Что-то должно быть сделано,

³³ *Roosevelt T.* African and European Addresses, p. 76—77.

³⁴ *Kuehl W. F.* Seeking World Order. Nashville, 1969, p. 123.

по возможности быстрее, для ограничения вооружений, особенно морских вооружений, путем международного соглашения») ³⁵. И, наконец, создание Лиги мира ³⁶ «не только для сохранения мира между собой, но и для предупреждения — если надо, то силой — его нарушения другими» ³⁷. Это был прозрачный намек на создание великими державами международных полицейских сил.

Почитатели Рузвельта в Америке писали о его «нобелевской речи» как о грандиозном вкладе в дело всеобщего мира. «Аут-лук» восторженно присоединялся к каждому слову Рузвельта и планам создания «Священного союза ради мира» ³⁸. В действительности речь экс-президента прошла почти незамеченной. Слова о созыве новой Гаагской конференции не нашли отклика в условиях надвигающегося военного кризиса. Да и сам Рузвельт, более чем скептически относившийся к пацифизму, не стремился быть посланцем мира, хотя по просьбе Карнеги беседовал в Потсдаме с кайзером Вильгельмом о разоружении и ограничении морских вооружений. Рузвельт признался потом, что именно в этих вопросах они с Вильгельмом нашли общий язык: «...По крайней мере мы были согласны в открытой неприязни к притворству и претензии, и особенно в открытой неприязни к тому типу водянистого движения за международный мир, с которым так тесно стали связывать имя Карнеги» ³⁹.

Кайзер принимал Рузвельта с исключительным вниманием. В честь экс-президента был устроен парад в Потсдаме, во время которого полковник — к его огромному удовольствию — гарцевал верхом на лошади рядом с германским императором ⁴⁰. Любезность кайзера и прусских сановников не могла возместить Рузвельту холодный прием, оказанный ему публикой. Он был разочарован, что на улицах не было восторженных оваций, с которыми его встречали в других странах. «В Германии меня принимали с надлежащей вежливостью, — писал он, — со всей вежли-

³⁵ *Roosevelt T. African and European Addressed*, p. 81.

³⁶ В журнале «Индепендент» были напечатаны статьи участников движения Г. Грэйнджера и самого Г. Холта, где говорилось о создании Лиги мира. Карнеги послал Рузвельту эти статьи в Африку.

³⁷ *Roosevelt T. African and European Addresses*, p. 81.

³⁸ «*The Outlook*», 1910, May 7, Vol. 95, p. 12.

³⁹ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, Oct. 1, 1911. — In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 395.

⁴⁰ Вильгельм подарил Рузвельту фотографию, запечатлевшую их рукопожатия во время парада; на карточке кайзер сделал надпись, по-английски звучащую как многозначительный каламбур: «Когда мыжимаем руки, мы потрясаем мир» (*When we shake hands we shake the world*). Рузвельт повесил фотографию в кабинете в Сарамор-хилле.

востью, которую я имел право требовать и ожидать, но не больше»⁴¹.

Вежливое равнодушие немцев к его особе задело самолюбивого Рузвельта. Он успокоился только, когда поезд пересек границу Голландии и толпы народа снова приветствовали его на всех станциях: из Берлина Рузвельт направлялся в Лондон — последний этап его путешествия.

В Англию Рузвельт ехал по приглашению Оксфордского университета, а также личному приглашению короля Эдуарда VII. Но 6 мая король умер, и теперь полковник спешил в Лондон, чтобы по просьбе президента Тафта принять участие в похоронах в качестве официального представителя Соединенных Штатов.

Известие о смерти Эдуарда VII повергло в траур королевские дома Европы, ибо он был связан кровными или брачными узами чуть ли не со всеми монархами в Европе⁴². Масса людей из Англии и из других стран стеклась в Лондон, чтобы посмотреть на пышное зрелище, какое являли похороны монарха Британии. Эти похороны действительно оказались последним династическим сборищем европейских королевских фамилий перед первой мировой войной, как отметил американский историк⁴³. Среди 70 представителей иностранных держав, прибывших на похороны, только Рузвельт и министр иностранных дел Франции не были принцами крови.

В Лондоне Рузвельт опять оказался в центре внимания. На приеме во дворце коронованные особы толпились вокруг него и искали случая поговорить с экстравагантным американцем. Кайзер бесцеремонно оттолкнул болгарского царя и увел Рузвельта, чтобы представить его королю Испании. «Черт поberi этих королей, — самодовольно воскликнул однажды в Лондоне полковник Рузвельт, — неужели они никогда не оставят меня в покое»⁴⁴.

Чествования в Кембридже и Оксфорде доставили Рузвельту много приятных минут. Во время церемонии вручения ему почетного диплома Кембриджского университета, происходившей в соборе, перед ним на веревке, спущенной студентами с хоров,

⁴¹ T. Roosevelt to G. O. Trevelyan, Oct. 1, 1911. — In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 398.

⁴² Его отец — муж королевы Виктории был вторым сыном герцога Саксен-Кобургского. Николай II Романов и Вильгельм II прихоридились Эдуарду VII племянниками. Дочь Мод была замужем за королем Норвегии, Гоконом III, по рождению принцем Датским. Племянница — жена наследного принца Швеции и т. д.

⁴³ *Gardner J. L. Op. cit.*, p. 160.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 161.

закачался игрушечный медвежонок⁴⁵, от чего полковник, конечно, пришел в восторг. Ведь так чувствовали самого Дарвина, только тогда была обезьянка.

В Оксфорде он прочел лекцию, которая была первоначальной целью его приезда в Англию. Здесь, в старейшем университете Англии, Рузвельту очень хотелось поразить слушателей своей эрудицией, способностями к научному мышлению и широким общением. Для этой цели он избрал тему «Биологические аналогии в истории», сделав попытку применить теорию Дарвина об эволюции видов к истории развития человеческого общества. И, оставаясь верным своей концепции о совершенстве англосаксонской расы, «самым великим явлением в истории человечества» в последние три столетия он провозгласил «развитие народов, говорящих на английском языке, и их распространение на обширных пространствах земного шара»⁴⁶.

Поклонники Рузвельта (соотечественники) объявили лекцию «ценным вкладом в то, что может быть названо философией науки»⁴⁷. Но английские ученые, выслушав сумбурные соображения Рузвельта-историка, хотя и поаплодировали оратору, отнеслись скептически к этому «вкладу». Известно, как архиепископ Йоркский благосклонно пошутил, что по принятой в университете балльной системе они согласны оценить лекцию на «бета с минусом», зато самого лектора — на «альфа с плюсом». Еще кто-то из присутствовавших язвительно заметил, что «биологических аналогий в истории, выдвинутых Рузвельтом, насчитывается три: широта, долготы и плоскость»⁴⁸.

В Лондоне экс-президент США удостоился еще одной чести — присвоения ему мэром Лондона звания свободного гражданина Лондона (the freedom of the City of London). Мало кто из иностранцев удостоивался этой чести.

Зал лондонской ратуши в день торжества был полон до отказа. На помосте сидели мэр с супругой и длинный ряд олдерменов в париках и красных мантиях. Среди множества почетных гостей были министр иностранных дел Э. Грей, лорд Кромер, лидеры оппозиционной в тот момент партии консерваторов А. Дж. Бальфур и Дж. Бернс⁴⁹.

После официальной церемонии Рузвельт произнес речь, которая наделала много шума и вызвала даже запрос в парламенте.

⁴⁵ Teddy-bear (англ.) — медвежонок, детская игрушка.

⁴⁶ Roosevelt T. African and European Addresses, p. 219.

⁴⁷ «The Outlook», 1910, June 18, Vol. 95, p. 323.

⁴⁸ Gardner J. L. Op. cit., p. 167.

⁴⁹ Abbott L. F. Op. cit., p. 158.

Речь не была экспромтом. Рузвельт согласовал ее текст с сэром Эдуардом Греем⁵⁰. Помимо этого, Рузвельт обсуждал вопрос с королем Георгом и с лордом Кромером, бывшим, как известно, первым губернатором Египта после его захвата англичанами и вдобавок «теоретиком»-империалистом, автором небольшой книжки «Современный империализм».

Речь Рузвельта содержала четкое изложение империалистических взглядов самого Рузвельта и совет Англии — великой державе поддерживать порядок в своих колониях, поскольку последние, как недостаточно развитые страны, по его мнению, не способны к самостоятельному управлению.

Рузвельт горячо одобрил методы английской политики в Уганде и Судане, а затем в резких выражениях осудил англичан за то, что те не могут справиться с национально-освободительным движением арабов, с их выступлениями против английского господства и управления. Разумеется, арабы, по его словам были дикими фанатиками, а англичане в Судане и Индии, равно как и французы в Алжире и Тунисе, благодетелями человечества. Невозможно обойти молчанием факт, что, произнося панегирик колониаторской миссии белого человека, Рузвельт подчеркивал свой собственный «радикализм»: «Помните, что я обращаюсь к вам не только как американец, но и как радикал, настоящий, а не фальшивый демократ, ...человек, который чувствует, что его первая мысль должна быть связана с благом массы, всего человечества и что его первой обязанностью где бы то ни было является борьба с насилием и несправедливостью и неправильными действиями...»⁵¹ После таких высоких заявлений этот «демократ» упрекнул англичан в «слабости, робости и сентиментальности» и поставил перед ними альтернативу: «управляйте или уходите».

Но предоставим слово самому Рузвельту: «...Установление порядка было первопричиной вашего прихода в Египет двадцать восемь лет назад; ваше присутствие в Египте оправдывалось необходимостью восстановления порядка и вашими к этому способностями и стремлением. Итак — или вы имеете право находиться в Египте, или нет. Ваш долг установить и поддерживать порядок — да или нет!

⁵⁰ Э. Грей так оценил речь Рузвельта в мемуарах: «Она выражала восторженную похвалу действиям Британии в Судане и Египте — похвалу столь неограниченную, полную и высокую, что я слушал ее с радостным удовлетворением». И далее Грей подтверждает, что он просил Рузвельта выступить по вопросу о Египте: «У меня не было оснований сомневаться, что речь в целом очень ценна для нас, и я просил ничего не менять и оставить все, как есть» (*Grey E. Twenty-Five Years, 1892—1916, 2 Vls. London, 1926, Vol. 2, p. 88—89*).

⁵¹ *Roosevelt T. African and European Addresses, p. 168.*

Если вы не чувствуете, что у вас есть право находиться в Египте, если вы не желаете поддерживать там порядок, тогда во что бы то ни стало уходите из Египта. Если, как я надеюсь, вы понимаете, что ваш долг способствовать цивилизации человечества и ваша верность собственным традициям также приказывает вам остаться, тогда согласуйте дела и слова и покажите, что вы готовы принять на себя всю ответственность»⁵².

Речь Рузвельта произвела эффект, на который, видимо, и рассчитывали руководители внешней политики Англии. Империалистические круги ее бурно приветствовали как смелое заявление постороннего свидетеля о необходимости жесткой колониальной политики. «Таймс», «Дейли телеграф», «Спектэйтр» и другие органы печати разразились одобрительными отзывами, подчеркивая, что Британия не собирается уходить из Египта⁵³. Керзон, Робертс, Бересфорд, Китченер, Уингейт, Киплинг прислали Рузвельту письма с изъявлением благодарности за речь в ратуше⁵⁴.

Министр иностранных дел Грей воспользовался выступлением в парламенте одного из депутатов, критиковавших Рузвельта и империализм, для защиты политики твердой руки в английских колониях. Он утверждал, что Великобритания находится там в качестве «доверенного лица» всего цивилизованного человечества. С этих же позиций выступил в парламенте и Бальфур. Если вспомнить, что в 1911 г. правительство Асквита направило генерала Китченера в Африку для «наведения порядка» в Египте, то можно сказать, что Рузвельт оказал определенную услугу английским империалистам в подготовке общественного мнения к усилению оккупационного режима в Египте накануне первой мировой войны⁵⁵.

⁵² *Roosevelt T. African and European Addresses*, p. 170—171.

⁵³ Журнал «Спектэйтр» называл речь Рузвельта главным событием недели и благодарил за полезный совет. Газета «Дейли телеграф» высказалась совершенно определенно: «Нет сомнения, что ни в Египте, ни в Индии не существует той альтернативы, какую г-н Рузвельт поставил столь решительно: управлять или уходить,— и у нас нет намерения уходить» (цит. по: *Roosevelt T. African and European Addresses*, p. XXXIV—XXXVII).

⁵⁴ Редьярд Киплинг свыше всякой меры хвалил Рузвельта за речь в ратуше. Он писал о ней одному американцу: «Рузвельт пришел и ушел и оказал нашему государству огромную услугу... Его египетская речь, с определенной точки зрения, была величайшей вещью, которую он когда-либо делал» (цит. по: *Bishop J. B. Theodore Roosevelt and His Times Shown in His Own Letters*, 2 Vls. New York, 1920, Vol. II, p. 258—259).

⁵⁵ Любопытно, что современный американский историк Д. Бертон, признавая Рузвельта империалистом, находит ему оправдание в том, что экс-президент не понял национального движения в Египте. Бертон пи-

Речи, официальные приемы, бесконечные завтраки и обеды с многочисленными друзьями, учеными, политическими деятелями, краткие набеги на музеи — все это полностью заполняло дни в Лондоне и до поры до времени отодвигало мысли о возвращении в Америку и о том, как себя вести в новой обстановке, сложившейся в США во время его отсутствия. Конечно, о многом из того, что произошло в США, Рузвельт уже знал из газет, из писем и, наконец, от двух отнюдь не беспристрастных свидетелей, приезжавших в Европу специально для встречи с ним.

Первым был Гиффорд Пинчот, бывший глава Лесного управления. Пинчот был фанатично предан идее и человеку — охране природных ресурсов в США и Теодору Рузвельту. О его преданности Рузвельту рассказывали анекдоты, иногда, кстати, со слов самого Рузвельта⁵⁶. Но и сам Рузвельт был привязан к Пинчоту и высоко ценил его знания и бескорыстную преданность своему делу.

Не случайно Н. Рузвельт выделяет Г. Пинчота из множества лиц, считавшихся друзьями Рузвельта, и включает его в число семи, имевших, по мнению Н. Рузвельта, наибольшее влияние на его дядю⁵⁷. Так вот, по первому зову своего патрона Пинчот сел на пароход и рано утром 11 апреля 1910 г. явился на виллу в Порто-Маурицио, где в то время отдыхали Рузвельты. Со всей пылкостью гальского темперамента Пинчот обрушил на своего бывшего шефа лавину подробностей о «преступлениях» и «глупостях», совершенных за этот год Тафтом.

В общих чертах Рузвельт знал обо всем. И, надо думать, не во всем мог согласиться с Пинчотом. Например, закон Пэйна — Олдрича о новом тарифе 1909 г., этом первом детище его преемника, сам по себе не вызывал у Рузвельта отрицательных эмоций. Он, в свое время уклонившийся от пересмотра тарифного

шет: «Несчастье заключалось в том, что он был не способен оценить мировое движение (речь идет о национальном движении.— И. Б.) как движущую силу, ...и увидеть, что своими словами и поступками в Египте он способствовал его развитию... Он достаточно хорошо знал динамизм развивающейся западной нации, но отрицательно относился к этому самому качеству, когда оно проявлялось в туземцах» (*Burton D. H. Theodore Roosevelt: Confident Imperialist. Philadelphia, 1968, p. 190—191*).

⁵⁶ Например, Рузвельт однажды сказал, что для Г. Пинчота совершенно естественно было бы быть съеденным им, Рузвельтом, окажись они вдвоем в положении умирающих с голоду. «И я бы съел его, конечно», — добавил Рузвельт, смеясь (*Manners W. T. R. and Will. A Friendship that Split the Republican Party. New York, 1969, p. 105*).

⁵⁷ В эту семерку входили Лодж, Рут, Г. Пинчот, Мэхен, Жюссерав, У. А. Уайт и У. Эмлин Рузвельт (*Roosevelt N. Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him. New York, 1967, p. 39—40*).

законодательства, понимал, сколь труден и опасен был этот вопрос даже для него, обладавшего незаурядной политической гибкостью. Лоджу, участвовавшему в обсуждении тарифного билля на стороне сенатора Олдрича, сиречь на стороне крупного промышленного капитала, он писал из Африки год назад, что новый тариф следует встретить как неизбежную реальность, что «законопроект в основе своей правильный»⁵⁸. Так что трудно принимать на веру заявления представителей левого крыла республиканцев в конгрессе, что тарифный закон Пэйна — Олдрича был отклонением от рузвельтовского курса. Иначе обстояло дело с проблемой консервации природных ресурсов. Здесь курс Рузвельта был ясен и врагам и сторонникам консервации. Последние продолжали считать его своим лидером. Поэтому громкий скандал, разразившийся в министерстве внутренних дел вокруг так называемых заявок Каннингхэма на угольные месторождения в Аляске и связанный с именем министра Баллинджера, вызвал в прессе недвусмысленный вопрос: «А что скажет Рузвельт?»

Существо «дела Баллинджера» заключалось в том, что никому не известный молодой человек из Земельного управления в Сизтле (штат Вашингтон) Луис Глэйвис обвинил министра внутренних дел в мошенничестве и махинациях с земельными участками на Аляске, богатыми залежами угля⁵⁹. Мало того, он обвинил Баллинджера в преступных связях с синдикатом Гуттенгеймов и, рискуя своим положением государственного служащего, подал на него жалобу лично президенту. Тафт, прочитав доклад, или жалобу, Глэйвиса, принял сторону своего министра. 16 сентября 1909 г. Глэйвис был уволен с государственной службы. Тогда он обратился за поддержкой к Пинчоту, о котором в Вашингтоне говорили как о противнике Баллинджера. Недовольство генерального лесничего Баллинджером было вызвано тем, что последний подписал несколько распоряжений, отменявших в ряде случаев приказы Рузвельта по отчуждению земель из общественного фонда в распоряжение государства, по развитию водных путей сообщения и использованию водной энергии под контролем государства. Кроме того, Баллинджер хотел избавиться от неудобных ему чиновников — рузвельтовских сторонников⁶⁰.

⁵⁸ T. Roosevelt to H. C. Lodge, May 15, 1909.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 9.

⁵⁹ Подробнее о конфликте Баллинджера — Пинчота — Глэйвиса см.: *Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914)*. М., 1968, с. 236—253; она же: «Дело Баллинджера». — «Новая и новейшая история», 1969, № 5, с. 140—143.

⁶⁰ *Penick J., Jr. Progressive Politics and Conservation. The Ballinger — Pinchot Affair*. Chicago, 1968, p. 73—74.

Пинчот не скрывал своего негодования по поводу действий Баллинджера. Уже в мае 1909 г. в частных письмах он высказывался в том духе, что поворот в сторону от Рузвельтовского курса «является потрясающим»⁶¹. Однако обвинял в этом не президента, а министра. Первые месяцы своего правления Тафт держался «в тени предшествовавшего президента», — как выразился современный американский историк Джеймс Пеник, исследовавший конфликт Баллинджера — Пинчота. Отношение президента к консервации и использованию водной энергии было столь неясным даже для таких энтузиастов, как Пинчот, что последний публично высказался о Тафте, как о продолжателе политики Рузвельта⁶².

Интересно, что «Аутлук», в редакцию которого теперь входил и Рузвельт, в 1909 г. также разделял мнение Пинчота о Тафте. Только когда появился Глэйвис со своими обвинениями в адрес Баллинджера и Тафту пришлось высказываться в пользу того или иного метода проведения консервации природных богатств, начала вырисовываться картина, что Тафт отнюдь не разделял взглядов Рузвельта на необходимость сохранения контроля над естественными ресурсами в руках государства.

Тафт, говоря языком современных терминов, оказался противником государственного регулирования экономической жизни, сторонником которого был его предшественник. Это был принципиально отличный взгляд на направление внутривластного курса, на роль исполнительной власти в политической системе США. Тафт не скрывал его раньше и не «переродился» теперь, но его мнение никому не было известно, пока не назрели события и не был поставлен вопрос, с кем президент — с прогрессивными республиканцами-«мятежниками» в конгрессе и сторонниками консервации типа Пинчота и Ньюэла или с твердолобыми республиканцами типа Олдрича и Баллинджера, почти открыто связанными с «большим бизнесом»? И Тафт дал недвусмысленный ответ, уволив Глэйвиса и поддержав Баллинджера. Однако Глэйвис не сдался. Он предложил свои материалы журналу «Кольерс мэгэзин», напечатавшему их под броским заголовком «Оправдание Баллинджера. Подчиняется ли Гуггенгеймам министерство внутренних дел?»⁶³ Статья Глэйвиса была искрой, зажегшей всеобщее негодование. Дело получило широкую огласку.

Даже такая газета, как «Нью-Йорк сан», никогда не относившаяся доброжелательно к политике консервации, вдруг забила в

⁶¹ Ibid., p. 55.

⁶² «The Outlook», 1909, August 21, Vol. 92, p. 911, 919.

⁶³ «Colier's Weekly Magazine», 1909, N 13, p. 15—17.

набат по поводу разграбления общественных земель⁶⁴. Журналисты-макрейкеры в ярких красках описывали махинации железнодорожных компаний и трестовских воротил. А журнал «Лафоллеттс уикли мэгэзин» выступил с резкой критикой правительства Тафта и требовал расследования вопроса о «заявках Каннингхэма», поднятого Глэйвисом. Конфликт вышел за рамки министерства внутренних дел и с каждым месяцем приобретал все более широкое общественное звучание.

В этой ситуации Пинчот взял на себя роль главного защитника политики консервации природных богатств. Он знал, что рискует своим положением, но для него дело консервации было делом жизни, а не карьеры. «Один путь открывался передо мной и только один,— писал он впоследствии.— Никто, кроме меня, во всех государственных учреждениях Вашингтона не находился в таком удачном положении для того, чтобы начать борьбу за политику консервации... Моей честью и моим долгом было защищать эту политику. Если, защищая ее, я терял свою работу — это было в порядке вещей. До меня так случалось и с другими»⁶⁵

Придя к такому решению, генеральный лесничий, в отличие от Рузвельта не задумывавшийся о последствиях лично для себя самого, перешел к открытым атакам на администрацию. 27 декабря он выступил перед собранием известных издателей Нью-Йорка с речью, в которой называл народ США «достойной сожаления жертвой системы грабежа» и открыто противопоставил курс Тафта политике, проводившейся Рузвельтом⁶⁶.

Не успели утихнуть толки по поводу этого выступления, как Пинчот написал открытое письмо сенатору Долливеру с резкой критикой администрации за отказ от политики консервации. Долливер огласил его в сенате. В ответ Тафт послал Пинчоту извещение об увольнении. Письмо президента было воспринято друзьями и сторонниками Пинчота как вызов на открытую войну. Пинчота засыпали поздравлениями, а он сам писал, что теперь все стало ясно: идет борьба «между деловыми кругами (special interests) и всеми нами за консервацию и честный курс, и мы победим, ибо народ на нашей стороне»⁶⁷.

Как ни пыталось правительство Тафта замять дело, вопрос был поднят в конгрессе. Сенатор-прогрессист Р. Лафоллетт в резкой и аргументированной речи потребовал расследования. Была

⁶⁴ «The Outlook», 1909, September 25, p. 133.

⁶⁵ *Pinchot G. Breaking New Ground.* New York, 1947, p. 436.

⁶⁶ «The Independent», 1910, January 6, Vol. LXVIII, p. 1.

⁶⁷ Цит. по: *McGeary M. N. Gifford Pinchot. Forester-Politician.* Princeton, 1960, p. 190.

назначена комиссия из 12 человек (по шести от каждой палаты), приступившая к рассмотрению конфликта «Глэйвис и Пинчот против Баллинджера». В течение четырех месяцев перед комиссией продефилировало огромное число свидетелей, среди которых были не только главные действующие лица, но и служащие министерства внутренних дел, его управлений в Вашингтоне, Ситле, Каталле и прочих местах⁶⁸.

Заседания комиссии еще продолжались, но Пинчот, получив приглашение Рузвельта, как только комиссия выслушала и отпустила его, поплыл в Европу докладывать экс-президенту Рузвельту о всех вышеизложенных событиях.

Можно легко себе представить, сколь эмоциональной была встреча двух друзей на вилле в Порто-Маурицио. Они проговорили с утра до позднего вечера. «Это был прекрасный разговор. Я привез ему самые последние новости, рассказал ему факты. Мы обсудили их, и он их понял. Они поставили его в очень затруднительное положение, но тут невозможно было ничем помочь»⁶⁹. Так написал Пинчот об этом свидании в воспоминаниях. (Записи разговора нет ни у него, ни у Рузвельта.) Пинчот вернулся в Соединенные Штаты, открытый надеждой.

Свидание в Порто-Маурицио недолго оставалось тайной: о поездке Пинчота стало известно, скорее всего, от него самого⁷⁰. Многие сторонники Тафта выразили Рузвельту неудовольствие по поводу встречи с Пинчотом, в том числе Рут и Лодж. Раздосадованный упреками, полковник предложил Руту приехать в Англию до того, как он сам вернется домой⁷¹. И Рут отправился за океан, дабы внушить Рузвельту, как следует себя вести по возвращении из Европы. Они встретились в Лондоне 31 мая; после короткого разговора Руту удалось убедить полковника «держаться вне политики» целых два (!) месяца после возвращения в США.

То, что Рут, обремененный обязанностями сенатора и уже не молодой человек, решился на этот дальний путь ради буквально одночасового разговора с Рузвельтом, говорит о том, как опасались консервативные друзья экс-президента его возвращения и

⁶⁸ Комиссия работала десять месяцев. Все материалы комиссии и три доклада были поданы в конгресс в начале декабря 1910 г. Хотя конгресс не вынес никакого решения по докладам комиссии, резкие атаки прогрессивной прессы вынудили Баллинджера в марте 1911 г. подать в отставку, а президента Тафта назначить вместо него человека, который был известен как сторонник охраны природных ресурсов.

⁶⁹ *Pinchot G. Op. cit.*, p. 502.

⁷⁰ См. сообщение: «*The Outlook*», 1910, April 23, Vol. 94, p. 859.

⁷¹ T. Roosevelt to E. Root, Apr. 27, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 76.

сближения с «мятежными» республиканцами. Они были бы не прочь задержать его в Европе подольше. А «мятежные» республиканцы в это время трубили о «возвращении с Эльбы», и это многозначительное сравнение с Наполеоном не могло не импонировать полковнику Рузвельту.

Кроме Пинчота, у Рузвельта был еще один вестник с родины — его дочь Элис, жена консервативного конгрессмена-республиканца. Детей у супругов Лонгуортов не было, и Элис с головой ушла в великосветские и политические интриги Вашингтона. Она следила за каждым шагом Тафта, ревниво отмечая все отклонения от «папиного курса». В день появления Элис в Лондоне вся семья до поздней ночи сидела в ее номере в отеле, слушая и переживая животрепещущие подробности о «прегрешениях» Тафта и прорузвельтовских высказываниях «мятежников»⁷².

Подготовленный рассказами дочери, Рузвельт охотно обещал Руту не вмешиваться в политику, не давать интервью репортерам, пока сам не осмотрится и не разберется в обстановке. Такое поведение отвечало желаниям Рузвельта, ибо он действительно чувствовал в душе смятение, не знал, как себя держать по отношению к Тафту, который оказался отнюдь не послушным исполнителем его планов, что делать с «мятежными» республиканцами, этой группой радикалов, в его отсутствие резко заявивших о несогласии с официальным курсом консервативного руководства партии. Может быть, последний вопрос был для него самым важным и наиболее тревожным, так как он знал, что «мятежники» его ждут — что было приятно созавать — и будут перетягивать на свою сторону, а это было чревато всякими осложнениями. Вот почему он охотно согласился на просьбу дальновидного Рута не связывать себя никакими выступлениями. В таком настроении, проведя весь последний день в Англии с Э. Гре-ем, Рузвельт с семьей 10 июня отплыл на родину.

В Соединенных Штатах полковника ждали, к его приезду готовились, и в прессе живейшим образом обсуждался экстраординарный успех его турне по Европе. Конечно, отклики были разные: восторженные, сдержанные, иронические и откровенно враждебные. Но только не равнодушные. Он отсутствовал год и три месяца, однако интерес к его особе не иссяк, а реакционное направление курса администрации Тафта, этого «правительства адвокатов», превращало Рузвельта чуть ли не в радикала не

⁷² Longworth A. R. *The Crowded Hours*. New York, 1934, p. 177. Элис писала: «Отец был весьма разочарован в большинстве мероприятий администрации и в тот момент чувствовал, что он, возможно, не сможет защищать их во время приближающихся выборов в конгресс».

только в глазах обывателя, но и «мятежников» — прогрессивной оппозиции внутри республиканской партии, готовых забыть все его сделки с консерваторами.

Всегда критически настроенный по отношению к Рузвельту, а в данный момент поддерживавший Тафта «Нэйшн» иронизировал по поводу приема Рузвельта в Старом Свете, объявляя внимание, оказанное ему «правителями и народами Европы», всего лишь свидетельством «дружеского расположения к Соединенным Штатам, с которыми вся Европа так явно желает поддерживать хорошие отношения». Журналист неприкрыто и справедливо издевался над тем, что в Европе его называли «победителем коррупции», что там он выступал в роли борца за массы против богатых, в роли «законченного радикала», чего на самом деле никогда не было. В то же время в конце статьи высказывалось предположение, что если Рузвельт снова появится на политической сцене, «возможно, он примет гораздо более радикальный курс, нежели тот, с которым раньше связывали его имя»⁷³.

Винючник всех этих размышлений и опасений пока сам не знал, какой ориентации будет придерживаться. Он прибыл в Нью-Йорк утром 18 июня 1910 г. Специально созданный комитет во главе с мэром Нью-Йорка на таможенном судне встречал его еще до того, как пароход пришвартовался к пристани. Снова были орудийные салюты, оркестр, толпы народа, речи, приветствия, завтрак в муниципалитете, поздравления с возвращением домой от президента⁷⁴, переданное с неизменным А. Бэттом, и атаки репортеров, но атаки, отраженные одним ударом, — отказом полковника высказываться в ближайшие два месяца на политические темы⁷⁵. Эти два месяца он предполагал провести в Сагаморхилле, чтобы после затянувшихся каникул самому разобраться в своих делах, мыслях и чувствах.

⁷³ «The Nation», 1910, June 16, p. 598—599.

⁷⁴ Тафт писал: «Возвращение г-на Рузвельта из Африки и Европы должно вызвать и вызовет такую огромную демонстрацию приветствий со стороны его соотечественников, с какой не встречали ни одного американца» («The Outlook», 1910, June 18, Vol. 95, p. 342—343).

⁷⁵ «The Nation», 1910, June 23, p. 617.

Глава IX • ЛИДЕР ТРЕТЬЕЙ ПАРТИИ

Значительные изменения произошли на политической сцене США за время отсутствия Рузвельта. Сформированный Тафтом «собственный» кабинет, в который вошли шесть юристов корпораций, резко повернул вправо. Первым признаком этого поворота было обсуждение и принятие нового закона о тарифах. Обещанная республиканцами ревизия протекционистского тарифа 1897 г. превратилась в блеф. Принятый в 1909 г. тариф Пэйна — Олдрича подтвердил, а во многих случаях даже повысил пошлины на различные товары первой необходимости. Все слои общества, особенно фермеры и интеллигенция, выражали возмущение законом. Президент усугубил недовольство общественности, публично расхвалив новый тариф во время поездки по стране. Наибольшее возмущение вызвала речь Тафта в г. Уинона (штат Миннесота). Выступление президента получило резонанс, которого не ожидали ни он, ни его советники. Пресса, особенно на Западе, неистовствовала. Даже «Нэйшн», доброжелательно настроенный к Тафту, признавал, что уинонская речь не способствовала смягчению враждебных администрации настроений на Западе.

Все направление политики Тафта выдавало его реакционную концепцию, несмотря на то, что он любил поговорить о реформах. Он сблизился с Олдричем¹, Кэнноном, генеральным прокурором Уикершемом. Это были люди реакционных взглядов, и открытая дружба с ними президента еще больше настраивала «мятежных» республиканцев против их официального лидера.

Тафт оказался неспособным к политическому маневрированию. «Дело Баллинджера» нанесло большой урон его личному авторитету и его политическому курсу. Консерваторы же, не считаясь ни с чем, продолжали наступать, и в начале 1910 г. Олдрич и Тафт попытались урезать существующее антитрестовское законодательство. Только яростная борьба прогрессистов во главе с Лафоллеттом и Камминзом помешала им это сделать, и принятый летом 1910 г. еще один антитрестовский закон кое-что

¹ Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров. Л., 1970, с. 55.

даже добавил к законодательству начала 1900-х годов. Но это было сделано против желания президента.

Рабочий класс в эти годы также не оставался спокойным. Кризис 1907—1908 гг. привел к резкому снижению жизненного уровня рабочих. Масса людей осталась без работы и крова. Во многих городах безработные выходили на улицы, устраивали «парады» перед зданиями муниципалитетов, требуя помощи от городских властей². Большую роль в организации этих выступлений сыграли члены «Индустриальных рабочих мира», среди которых выделялась юная Элизабет Гэрли Флинн.

К 1909 г. экономическая конъюнктура улучшилась, но волнения продолжались. В ответ на полицейский террор в 1909 г. поднялось движение рабочих за свободу слова, за конституционные права. Начавшееся в маленьком шахтерском городке Мисуле (штат Монтана), это движение распространилось по всей стране. Оно продолжалось до 1913 г. «Борьба рабочих за свободу слова на Западе поразила воображение рабочего класса всей страны»³. Это слова вождя американских рабочих У. Хейвуда, «Большого Билла», который вместе с другими членами организации «Индустриальные рабочие мира» (Э. Г. Флинн, У. З. Фостером, Д. П. Томпсоном, К. Дэрроу) принимал непосредственное участие в выступлениях рабочих. Особенно бурной и кровопролитной была борьба в Калифорнии, где местные власти прибегли к жестокой расправе с рабочими, выступавшими на уличных митингах с требованиями свободы слова.

Борьба рабочих придавала особую остроту политической обстановке в стране. Необходимо отметить, что буржуазные прогрессисты, возмущавшиеся реакционным курсом администрации Тафта, если в отдельных случаях и сочувствовали выступлениям рабочих за конституционные права, то в общем не поддерживали их. Так же и рабочий класс оставался равнодушен к политическим бурям в конгрессе и в печати, отражавшим брожение внутри буржуазных партий.

Между тем в марте 1910 г. оппозиционно настроенные члены палаты представителей попытались произвести «переворот», «восстав» против спикера палаты Дж. Кэннона, правившего палатой как самодержавный монарх. «Восстание» было поднято «мятежными» республиканцами, объединившимися с демократами в борьбе против «кэннонизма». Термин был уже в ходу и обозначал неограниченную власть спикера палаты. Резолюция, предложенная республиканцем Норрисом, требовала ограничения власти

² Фонер Ф. С. История рабочего движения в США, т. IV. М., 1969, с. 84—88.

³ Haywood W. D. Bill Haywood's Book. New York, 1929, p. 239.

спикера, а в ходе ее обсуждения — если можно было назвать обсуждением скандал, разразившийся в палате, — послышались крики «долгой Кэннона»⁴. Перепуганный «дядя Джо» все же сумел закрыть заседание и обратился к президенту с просьбой о помощи. Ну, а затем увещевания Тафта и собственная перешептливость «мятежников», испугавшихся, что они зашли слишком далеко, привели к тому, что Кэннон остался на своем месте. Но все же принятая большинством резолюция Норриса установила более демократическую процедуру составления различных комитетов палаты, отняв у спикера право бесконтрольного назначения в них членов конгресса⁵.

Парламентский конфликт и борьба с «кэннонизмом» долго обсуждались в буржуазной прессе. Публицисты-макрейкеры открыто поносили «кэннонизм» и поддерживали «мятежников». «Нэйшн» писал, что для общественной жизни США восстание «мятежников» означает «восстановление свободы дебатов и голосования, что может принести огромнейшую пользу»⁶. И даже после того, как утихли страсти, «Нэйшн» признавал, что «восстание было здоровым по своей природе и принесет благотворные результаты»⁷.

Пока результаты этого бунта проявлялись в том, что расхождение между оппозицией прогрессистов и консервативным руководством в обеих буржуазных партиях — подчеркиваем, в обеих — обозначалось резче с каждым днем. Дело дошло до того, что в журнале «Лафоллеттс уикли мэгэзин» в июле 1910 г. известный прогрессивный деятель судья Б. Лидсей призывал прогрессистов обеих партий объединиться для борьбы с общим врагом — «специальными привилегиями», — как называли в американской прессе трестированный капитал⁸. Об этом же размежевании внутри республиканской и демократической партий по конкретным вопросам политической жизни и о сближении левых группировок старых партий писал и посторонний, но внимательный наблюдатель — корреспондент журнала «Русская мысль»⁹.

Разброд внутри партий, особенно это относится к правящей республиканской партии, предвещал бурную предвыборную кампанию. Осенью 1910 г. должны были состояться промежуточные выборы, т. е. выборы в палату и частично в сенат, а также вы-

⁴ Congressional Record, Vol. 45, Pt 3, p. 3292.

⁵ Ibid., Pt 4, p. 3436.

⁶ «The Nation», 1910, March 10, p. 228.

⁷ «The Nation», 1910, March 24, p. 280.

⁸ «The La Follette's Weekly Magazine», 1910, July 23, p. 7.

⁹ *Тверской П.* Письма из Америки. — «Русская мысль», 1910, т. 31, с. 99—100.

боры в штатах — губернаторов и законодательных собраний. Кампания началась уже весной. И прогрессисты во многих штатах, особенно на Среднем Западе, приступили к агитации против кандидатов партийной машины, против администрации Тафта и призывали голосовать за прогрессивных кандидатов или даже за демократов¹⁰. Хотя речь шла о выборах в конгресс, «мятежные» республиканцы часто под одобрительные аплодисменты упоминали имя экс-президента Рузвельта. Пока он охотился в Африке, были забыты его сделки с Олдричем и Кэнноном, зато легенда о его радикализме, подкрепленная сообщениями о чествованиях в Европе, облетела все штаты. Его поездку в Африку и Европу сравнивали ни больше ни меньше, как с изгнанием Наполеона на о-в Эльба. Прогрессистские газеты о возвращении Рузвельта писали, как о «возвращении с Эльбы», что раздражало консервативных республиканцев и не нравилось даже Лоджу, боявшемуся, что его друг примет всерьез роль спасителя страны от реакции.

Прогрессисты-«мятежники» действительно начали поговаривать о выдвижении Рузвельта в 1912 г. Уже в апреле 1910 г. Майлз Пойндекстер, один из конгрессменов-«мятежников», в большой аудитории под одобрительные аплодисменты слушателей назвал имя Рузвельта как будущего кандидата в президенты от республиканской партии. Затем, перед самым возвращением экс-президента из Европы, его друзья Пинчот и Гарфилд устроили в Сент-Поле, в клубе имени Рузвельта, обед, на котором провозглашались тосты за организацию третьей партии во главе с Рузвельтом, Гарфилдом и Пинчотом¹¹. Газеты и слухи быстро разносили подобные новости, приводя в трепет и уныние хозяина Белого дома и в ярость его супругу Нелли Тафт, всегда не любившую и завидовавшую Рузвельтам.

Тафт, не знавший, разумеется, о реакции его бывшего шефа на подобные выступления и предположения, решил сделать вид, что их отношения остаются прежними. Кроме официального приветствия по поводу возвращения Рузвельта, к прибытию парохода президент послал капитана Бэтта с поручением пригласить полковника быть его гостем в Белом доме. Тафт, наверное, полагал, что тому будет труднее выступить против него, если они будут в приятельских отношениях. Но Рузвельт, видимо, думал то же самое. Поблагодарив за приветствие и приглашение, он ответил

¹⁰ *Mowry G. E. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement. Madison, 1946, p. 109.*

¹¹ *Ibid., p. 118.*

Тафту, что, по его мнению, экс-президенту не годится приезжать в Белый дом и даже в Вашингтон¹².

Бэтт после встречи с экс-президентом писал, что нашел в нем что-то новое. «Все было то же,— писал Бэтт,— в его манерах, внешнем облике, выражении, и тем не менее появилось что-то иное»¹³. Это было мнение не одного Бэтта. Перемену отметили все, кто знал полковника раньше, и таким людям, как Лодж или зять Рузвельта Н. Лонгуорт, в этой перемене чудилось что-то тревожное. Видимо, экс-президент, упоенный успехом в Европе, не смог скрыть переполнявшего его тщеславного сознания значительности своей персоны.

Помня наставления Рута и Лоджа и собственные обещания, Рузвельт всем говорил, что он «вне политики». Он жил в Сагамор-хилле, отпраздновал свадьбу старшего сына Теодора, в Нью-Йорке бывал только в редакции «Аутлука», вполне серьезно относясь к своей новой «работе» — должности постоянного сотрудника и члена редакционного штаба журнала. Но его динамичная натура не могла оставаться бездеятельной перед приближающейся избирательной кампанией, в которой он давно собирався принять участие, тем более, что в Ойстер-Бей нескончаемым потоком шли письма и ехали визитеры. В Сагамор-хилле перебивали десятки людей различных взглядов, от консерваторов до «мятежных» республиканцев. Нанес ему визит и сенатор Роберт М. Лафоллетт, ставший признанным лидером прогрессистов.

Терпения Рузвельта «держаться вне политики» хватило недели на две. В самом конце июня он приехал в Кембридж, чтобы в качестве одного из попечителей университета присутствовать на ежегодном выпускном акте, а также участвовать во встрече выпускников 1880 г. В Гарварде он встретился с губернатором Нью-Йорка Ч. Э. Юзом, прогрессистом, пытавшимся провести через законодательное собрание билль о введении прямых выборов в штате Нью-Йорк. Юз обратился к Рузвельту с просьбой помочь ему и сторонникам билля своим авторитетом, оказать давление на нью-йоркских «регулярных» республиканцев. И Рузвельт не устоял. Не в его характере было оставаться в стороне,

¹² T. Roosevelt to W. H. Taft, June 20, 1910.— In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. VII, p. 93. Встреча бывших друзей все же состоялась, правда, позднее и не в Вашингтоне, а в Беверли (штат Массачусетс), летней резиденции Тафта. Но Рузвельт, приехавший вместе с Лоджем, не допустил восстановления дружбы, отказался называть Тафта Уиллом, как это было раньше, и болтал о пустяках, избегая разговора на политические темы.

¹³ *Butt A. Taft and Roosevelt. The Intimate Letters of Archie Butt, Military Aide*, 2 Vls. Garden City (N. Y.), 1930, Vol. I, p. 396.

когда вокруг кипели политические страсти. Не откладывая дела в долгий ящик, он из Кембриджа послал телеграмму одному из сенаторов штата с выражением своего одобрения билля о прямых выборах¹⁴. С этого момента, пишет журналист О. К. Дэвис, «полковник Рузвельт вернулся к политике, и было положено начало всем удивительным событиям последующих четырех лет»¹⁵.

Однако после встречи с Ч. Юзом Рузвельт еще долго медлил открыто связать свое имя с прогрессивным движением.

Лучше всех в побуждениях, одолевавших в те дни экс-президента, разобрался Лафоллетт после посещения им Сагамор-хилла. «...Я осмелюсь утверждать, — писал прогрессистский лидер о Рузвельте, — что он очень сильно хочет снова быть президентом. Он будет помогать, с одной стороны, некоторым реакционерам, а с другой — некоторым прогрессистам, будучи осторожным настолько, чтобы не помогать людям, которые проявляли себя как ультра и экстремисты с любой стороны. Это всегда было идеей его честного курса. В основе своей он недемократичен»¹⁶.

Нельзя не согласиться с Лафоллеттом в том, что «честный курс» Рузвельта оказался попросту двойной игрой. Американские историки называют его позицию «посередине дороги» (*in the middle of the road*)¹⁷, т. е. центристской, но центр, как правило, тянет вправо. Рузвельт так объяснял свое поведение летом 1910 г.: «Я оказался здесь в невообразимо трудном положении. Яростные сторонники Тафта изоцрялись, заставляя меня выступить за Тафта... С другой стороны, экстремисты (так он называл прогрессистов. — *И. Б.*) бешено нападали, чтобы заставить меня порвать с Тафтом. Я решительно отказался следовать тому и другому курсу»¹⁸.

Рузвельт хотел вести самостоятельную игру. Он лучше многих искренних прогрессистов понимал, что требования демократизации конституционных основ и борьбы с монополиями, выдвигаемые «мятежниками», отражали общие изменения экономической и политической обстановки. И уже тогда он видел в прогрессизме средство удержать распространение социалистических идей в стране. В личном же плане — а у таких честолюбивых людей личное не может остаться позади общественного — он хотел использовать обстановку с тем, чтобы со временем вновь

¹⁴ T. Roosevelt to L. C. Griscom, June 29, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 97.

¹⁵ *Davis O. K.* Released for Publication. Boston — New York, 1925, p. 192—193.

¹⁶ *La Follette B. C.* and *F. Robert M. La Follette*, 2 Vls. New York, 1953, Vol. I, p. 302.

¹⁷ *Blum J. M.* *The Republican Roosevelt.* New York, 1962, p. 144.

¹⁸ T. Roosevelt to A. H. Lee, July 19, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 103.

стать лидером республиканской партии, но только всей партии, а не ее левого крыла. А пока — летом и осенью 1910 г. — он решил приложить все свои усилия, чтобы добиться победы республиканцев на осенних выборах, имея в будущем перспективу переизбрания Тафта на второй срок. Так он говорил, и, возможно, тогда сам в это верил. Поэтому отбросив обещания держаться в стороне, Рузвельт отправился в поездку по западным штатам, где собирался выступить с серией лекций.

Лекционное турне Рузвельта по Западу, куда его усиленно приглашали различные организации, началось 23 августа. Перед самым отправлением поезда полковник многозначительно сказал репортерам, что решил добиваться своего избрания председателем съезда республиканской партии штата Нью-Йорк, имеющего быть в сентябре для выдвижения кандидатов в губернаторы, в сенат и палату. Это было открытое объявление о том, что он «вступает в строй» и что «великая битва впереди», — как отметил О. К. Дэвис, ехавший с ним в качестве корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс»¹⁹.

Свыше 20-ти репортеров в специальном вагоне для прессы сопровождали полковника в этой поездке. Они следовали за ним по пятам, стараясь уловить настроение, превращая в сенсацию не только его подготовленные выступления, но и мимолетно услышанную фразу. Отчеты о речах, об орациях, устраиваемых экс-президенту в городах и на крохотных станциях, где люди кричали «Тедди, Тедди, выгляни из окна!» (что он и проделывал), передавались по телеграфу во все концы страны. Триумф был полный, даже больший, чем в бытность его президентом. Рассказывают, что в г. Фарго (штат Северная Дакота) лекция происходила на открытом воздухе. Со всего штата съехалось 10—12 тыс. человек. Хлынул проливной дождь, но толпа не шелохнулась и ни один человек не ушел²⁰.

Рузвельт тщательно подготовил текст основных речей. В целом эти речи составили его политическое кредо 1910—1912 гг. под названием «новый национализм». Это была политическая программа буржуазных реформ, необходимость которых автор выводил из всей совокупности социально-политической и экономической обстановки в Америке начала XX в., чреватой, по его мнению, возможностью социальной революции.

Как мы знаем, мысль о реформе в качестве противоядия против идей социализма и революционного взрыва, в качестве средства наладить взаимоотношения между трудом и капиталом и

¹⁹ *Davis O. K. Op. cit.*, p. 196.

²⁰ *Ibid.*, p. 217.

возможности отвести рабочее движение в безопасное для монополистической буржуазии русло тред-юнионистской политики возникла в начале XX в. (а частично и немного ранее) в ведущих капиталистических странах Европы и Америки. Наиболее дальновидные руководители правящих кругов Англии, Франции, Германии, Италии, Соединенных Штатов, представлявшие различные политические партии и даже классы²¹, пришли к выводу, что для сохранения и укрепления капиталистических порядков надо искать иные пути, нежели пули и штыки. Они начали выступать с предложением социальных реформ в противовес социальной революции. Именно тогда В. И. Ленин так оценил эти выступления: «Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии»²².

Теодор Рузвельт принадлежал к этой «передовой», образованной буржуазии США. Он оказался одним из ее наиболее ярких и гибких политических деятелей, сочетавшим незаурядный и живой ум со способностями к прагматической политике. Его «новый национализм» доказывает это даже в большей степени, нежели его действия в годы президентства, хотя многие положения «нового национализма» он выдвигал уже тогда.

Термин «новый национализм» Рузвельт взял из книги публициста (теперь его называли бы политологом) Герберта Кроули «Перспективы американской жизни». Рузвельт узнал еще в Европе о выходе этой книги, выписал ее в Лондон, прочитал и одобрил. Он встретил в ней, во-первых, высокую оценку его собственной персоны. Кроули, анализирувавший взгляды и деятельность таких столпов американской государственности, как Джефферсон, Гамильтон и Линкольн, только в Линкольне видел идеал государственного деятеля, главным образом из-за того, что тот в годы гражданской войны поставил своей целью сохранение целостности союза штатов и не устранился ради этого подписать акт об освобождении негров и гомстед-акт, ставшие знаменем революционных преобразований²³. И вот рядом с Линкольном Кроули поставил Рузвельта, указывая на него, как на един-

²¹ Имеется в виду, например, то обстоятельство, что Ллойд Джордж в Англии был представителем буржуазии, а Бюлов в Германии — прусского юнкерства.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

²³ О взглядах идеологов буржуазного реформизма конца XIX — начала XX в. (Л. Уорда, Р. Эли, Г. К. Адамса, Г. Кроули, Д. А. Смита, У. Уэйла, Л. Брандэйса) и их влияния на практическую политику американского правительства перед мировой войной см.: Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

ственного политического деятеля, способного в настоящий момент открыть Соединенным Штатам путь к лучшему будущему. «Его преданность национальным и демократическим идеям,— писал Кроули о Рузвельте,— более целеустремленная и абсолютная, чем у какого-либо другого американского политического деятеля, за исключением Линкольна»²⁴.

Кроули полагал, что только Рузвельт способен возродить к новой жизни идеи федерализма А. Гамильтона и утвердить принцип сильной централизованной исполнительной власти, поддерживающей капитанов индустрии, но... на демократических началах. Рузвельту, при всяком удобном случае подчеркивавшему свой «демократизм» и даже «радикализм» (вспомним его недавние речи в Европе), не могло не польстить это утверждение.

Во-вторых, в сочинении Кроули он нашел подтверждение своих собственных мыслей о роли государства, особенно о роли исполнительной ветви государственной власти для упрочения социально-экономической системы. Под действия президента Рузвельта, скажем, в области регулирования трестов или отношений между трудом и капиталом, философ Кроули подводил теоретические обоснования. Здесь не было заимствования. Они пришли самостоятельно к одинаковым выводам: Кроули — путем умозаключений и анализа истории США, Рузвельт, как более импульсивный человек, — путем практических действий и непосредственных впечатлений.

Прочитав книгу, Рузвельт немедленно написал Кроули, что собирается широко пользоваться и идеями, и терминологией автора «Перспектив американской жизни» в лекционном турне, на которое он сам смотрел как на возможность проповеди (именно так!) своих взглядов.

Итак, новый проповедник и экс-президент отбыл из Нью-Йорка 23 августа и провел три недели в непрерывных поездках и выступлениях, пропагандируя свой «новый национализм». Он проехал через десять штатов Запада (Колорадо, Канзас, Миссури, Небраска, Южная Дакота, Северная Дакота, Миннесота, Висконсин, Иллинойс, Огайо).

С программой «нового национализма» Рузвельт обращался к широким массам фермеров, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и даже к рабочим. Он предложил им реформы взамен революции. Список реформ, выдвигаемых Рузвельтом, включал его прежние предложения о регулировании трестов и охране природных ресурсов, но ставил шире вопрос о социальном законодательстве. Предлагая «новый национализм» как антитезу взгля-

²⁴ *Croly H. The Promise of American Life. New York, 1914, p. 170.*

дам социалистов на построение общества, экс-президент стремился убедить всех, что открывает новые пути развития американского государства, якобы ведущие к народному благоденствию.

Наиболее радикальную речь Рузвельт произнес в Осоватоми, городе, знаменитом тем, что там началось восстание Брауна. Речь имела исключительный успех, и немудрено. «Взрыватель трестов» обвинял «большой бизнес» в подкупе правительства. «Мы должны изгнать крупный капитал из правительства», — с пылом заявил экс-президент²⁵. Цель «нового национализма» — народное благоденствие, а отсюда вывод, что он ставит «национальные нужды выше групповых или индивидуальных интересов»²⁶. Проводником всех реформ Рузвельт объявлял федеральное правительство — немаловажная деталь, так как этот тезис вытекал из его требований усиления исполнительной власти. Кстати, речь в Осоватоми была подготовлена для Рузвельта Г. Пинчотом²⁷, что свидетельствовало не только о близости этих людей, но и о том, что Рузвельт, упорно не желавший порывать со своей партией, в то же время оставался в хороших отношениях с теми, кто — как братья Пинчоты и Гарфилд — примыкал к прогрессистам²⁸.

Программа «нового национализма» выдвигала рабочий вопрос на видное место в системе буржуазных реформ, предлагаемых Рузвельтом. Его речь в Фарго 5 сентября была целиком посвящена отношениям между трудом и капиталом. Высказанные им положения о необходимости регулирования правительством этих отношений, о необходимости и возможности установления контроля над уровнем заработной платы, продолжительностью рабочего дня и т. д.²⁹, поддерживал и Кроули.

Но Рузвельт пошел дальше. Он признал, что в современном индустриальном обществе, где предприниматели объединяются в тресты, рабочие имеют право на объединение в союзы. Он высказал эту мысль совершенно определенно: «Так как повсюду

²⁵ *Roosevelt T. The New Nationalism. Englewood Cliffs (N. J.), 1961, p. 26.*

²⁶ *Ibid., p. 36.*

²⁷ «Я в основном принял речь для Осоватоми в том виде, как вы ее оставили, с одним или двумя добавлениями и двумя-тремя изменениями», — писал Рузвельт Пинчоту (T. Roosevelt to G. Pinchot, Aug. 17, 1910. — In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 113; *McGeary M. N. Gifford Pinchot. Forester-Politician. Princeton, 1960, p. 193*).

²⁸ Речь Рузвельта в Осоватоми открыла прогрессистов надеждой, что их кумир окончательно примкнет к ним. Пинчот писал матери: «Вы видели, как его собственная прогрессивность постепенно становится сильнее» (цит. по: *McGeary M. N. Op. cit., p. 193*).

²⁹ *Roosevelt T. The New Nationalism, p. 98—99.*

в значительных масштабах существует организованный капитал, я верю в принцип организованного труда и в практику коллективных договоров не только потому, что они желательны для наемных рабочих, но и потому, что они являются фактором, который в конце концов показал себя существенным для постоянного прогресса. Там, где капитал организован, как он должен быть организован при современных промышленных условиях, единственным путем для отдельного рабочего сохранить настоящую свободу, добиться хорошего обращения является объединение в союзы»³⁰. Правда, дальше он делал оговорки о том, что «рабочие организации имеют слабости и дефекты, общие для всех форм человеческих организаций»³¹. Однако слова о праве на «объединение в союзы» были произнесены. Мало того, Рузвельт сказал там же, что рабочие имеют право и на стачку. «Иногда забастовки бывают необходимы и правильны; иногда они являются единственным способом, посредством которого — когда все остальные способы исчерпаны — рабочий может постоять за свои права»³².

Такие речи вызвали негодование всех консервативных республиканцев. Изменился ли Рузвельт настолько или использовал демагогический прием? Скорее всего, он отдавал дань изменению политической обстановки. Признание права на забастовку не делало его «революционером», как его называли консервативные газеты. Лодж, прекрасно знавший цену радикализма своего друга, понимал цель Рузвельта — привлечь рабочий класс, оторвать его от социалистов. В письме Рузвельту Лодж одобрил речь в Осоватоми и с немалой долей цинизма прибавил, что толпа, аплодировавшая Рузвельту в Осоватоми, и «мятежные» республиканцы придавали словам полковника «чрезвычайное значение», в то время как эти заявления были лишь «выражением политики, которую вы защищали в определенное время»³³. И это было действительно так.

Хотя Рузвельт и утверждал, что в лекциях не будет касаться политики, программа «нового национализма» была политической программой. И такой ее воспринимала аудитория. Именно политическое прогрессивное содержание программы принесло успех:

³⁰ *Roosevelt T. The New Nationalism*, p. 99.

³¹ *Ibid.*, p. 99—100.

³² *Ibid.*, p. 101. Но даже в этой речи Рузвельт не забыл напомнить, что «с насилием, беззаконием и господством черни необходимо быстро и строго расправляться» (*ibidem.*)

³³ H. C. Lodge to T. Roosevelt, Sept. 5, 1910.— In: *Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918*, 2 Vols. New York, 1925, Vol. II, p. 389.

полковнику во время этой поездки. В нарушение собственного обещания в некоторых городах он агитировал за какого-нибудь республиканца, который собирался баллотироваться осенью в конгресс. Однако далеко не за всех, о ком его просили. Показательно, что в Милуоки он ни слова не произнес в пользу Р. Лафоллетта, хотя было известно, что висконсинский сенатор будет снова выдвигать свою кандидатуру в сенат. В этом поступке можно видеть и личную антипатию, и неприязнь к человеку, имя которого все чаще упоминали как лидера «мятежных» республиканцев.

Турне закончилось 17 сентября в Сиракьюсе (штат Нью-Йорк). Рузвельт назвал последнюю речь «Новый национализм и старые нравственные устои». В ней он как бы подводил итоги своих выступлений и отвечал критикам «нового национализма», под которыми подразумевались консервативные элементы республиканской организации штата Нью-Йорк; одним из центров консервативного крыла нью-йоркской «старой гвардии» как раз и был г. Сиракьюс.

В этой речи экс-президент с особой настойчивостью подчеркивал связь своей теперешней программы с положениями, которые он защищал еще в Белом доме: «Но новый национализм действительно означает не что иное, как применение к новым условиям определенных старых, основных нравственных устоев... В моих речах на Западе я сказал в основном то, что не раз говорил в посланиях конгрессу, когда был президентом»³⁴. Он разъяснял положения своей речи в Осоватоми и вновь повторял, что признает рабочие союзы наравне с корпорациями. «Мы признаем партии, — говорил Рузвельт, — как необходимый инструмент в условиях народного правления, так же как признаем корпорации необходимым инструментом современного бизнеса и так же как признаем союзы необходимым инструментом возвышения наемных рабочих в современных промышленных условиях»³⁵. За исключением признания рабочих союзов все остальные пункты его «нового национализма» действительно повторяли, как мы уже говорили, тезисы «честного курса».

В конце сентября в Саратоге открылся съезд республиканской партии штата Нью-Йорк.

Рузвельт явился в Саратогу в боевом настроении и боевой форме. Он желал взять в свои руки руководство съездом республиканцев, добиться избрания председателем съезда и, отстранив партийную машину, которой после Платта заправлял некий

³⁴ *Roosevelt T. The New Nationalism*, p. 165.

³⁵ *Ibid.*, p. 169—170.

Уильям Барнс, выдвинуть кандидатом в губернаторы Генри Л. Стимсона, своего друга и отнюдь не прогрессиста. Ч. Юз (срок его пребывания в Олбани как раз истекал) уже получил назначение в члены Верховного суда США.

Рузвельту удалось выполнить свой план. Он сумел завладеть аудиторией и был избран председателем вместо вице-президента США Шермана, за которым стояла партийная машина. О. К. Дэвис писал, что впервые увидел «боевое лицо Рузвельта». Выпятив вперед массивную нижнюю челюсть, сощурился за стеклами пенсне, он ходил по трибуне, бросая в зал четкие, отточенные фразы и подчеркивая их, по своей обычной манере, ударами кулака по ладони другой руки. Люди следили за ним, как завоженные, и послушно проголосовали за Стимсона. «Старая гвардия» была посрамлена, но радоваться было еще рано. Этот колоссальный заряд энергии был истрачен всего лишь за выдвижение в кандидаты «своего человека».

Дальше последовала месячная избирательная кампания, снова специальный поезд, бесконечные речи, в основном в городах Новой Англии, когда Рузвельт выступал 12—15 раз в день. Верный своему принципу идти «посередине дороги», он с одинаковым пылом агитировал за консервативных республиканцев и за некоторых прогрессистов-«мятежников». В Массачусетсе он боролся за Лоджа, в Нью-Йорке — за Стимсона, в Индиане — за прогрессиста Долливера, в Нью-Гэмпшире — за молодого прогрессивного республиканца Р. П. Басса. Но на родине Тафта в Огайо он категорически отказался выступать.

Еще во время турне по Западу полковник говорил, что допускает провал республиканцев на выборах, что авторитет партии почти безнадежно подорван неразумными, бестактными действиями администрации³⁶. Но, наверное, в глубине души он верил в свои силы, в свой неотразимый успех у избирателей, если, понимая ситуацию, решился на такую отчаянную борьбу. Одного не предвидел апостол «нового национализма», что его проповеди на Западе укрепят позиции «мятежного» прогрессистского крыла партии, но отнюдь не республиканцев, как старой партии в целом.

Итоги выборов показали, что республиканская партия потерпела сокрушительное поражение, и впервые после многолетнего перерыва демократы получили перевес в палате. Республиканцы потеряли места сенаторов в Мэне, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Западной Виргинии и даже в Огайо — на родине президента. В Мэне, Массачусетсе, Коннектикуте, Нью-Йорке и Нью-Джер-

³⁶ *Davis O. K. Op. cit., p. 199—200, 204.*

си, где ранее губернаторские посты прочно занимали республиканцы, им пришлось уступить руководство штатами демократам. Не Стимсон — креатура Рузвельта, а демократ Джон А. Дикс был избран губернатором Нью-Йорка. В Нью-Джерси в резиденции губернатора появилась новая величина — Томас Вудро Вильсон, президент Принстонского университета. Он был избран на основе прогрессивной платформы. Ему прочили большое будущее.

Из всех республиканцев, за кого агитировал Теодор Рузвельт, сохранили свои места в конгрессе только двое: его друг Лодж был переизбран в сенат с самым незначительным большинством и еще один малоизвестный конгрессмен³⁷. Только на Западе, где прогрессивам уже выступал как сильное политическое течение, республиканцы почти не понесли потерь. Но в этих девяти наиболее прогрессивных штатах (Висконсин, Айова, Канзас, Небраска, Северная Дакота, Южная Дакота, Миннесота, Калифорния и Вашингтон) были избраны не «регулярные» республиканцы, а прогрессисты-«мятежники»³⁸. В результате в сенате укрепились прогрессистская фракция республиканцев и демократы, а в новой палате представителей демократическое большинство избрало нового спикера Чемпа Кларка. Время «царя» Джо Кэпнона безвозвратно прошло. Это был полный провал для партии, с которой полковник Рузвельт продолжал себя связывать.

Обескураженный результатами выборов, которые и он, и окружавшие воспринимали как его личное поражение, Рузвельт удалился в Сагамор-хилл. Он вновь заявил, что не хочет заниматься политикой. Он уверял, что наслаждается заслуженным отдыхом в кругу семьи, наблюдая за успехами детей, и писал английскому другу: «В течение тридцати лет я занимался активной политической деятельностью, и теперь очень хочу отойти в сторону и посмотреть, как более молодые или по крайней мере новые и более сильные люди примут эстафету»³⁹. Однако вряд ли это были искренние слова. В письмах близким друзьям он без конца возвращался к выборам, вновь и вновь обдумывая причины неудачи. «Нас в Нью-Йорке побили благодаря самой обнаженной комбинации между мошенниками от бизнеса и мошенниками от политики», — писал полковник У. А. Уайту, имея в виду, что новый губернатор штата Джон Дикс был президентом «Стандард уолл пэйпер компани» (фирма по производству обоев) и

³⁷ *Davis O. K. Op. cit.*, p. 228.

³⁸ *Mowry G. E. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement*, p. 155—156.

³⁹ T. Roosevelt to A. H. Lee, Nov. 11, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 164; *Chessman G. W. Theodore Roosevelt and the Politics of Power*. Boston, 1969, p. 172.

связан с Уолл-стрит⁴⁰. Он был уверен при этом, что его самого маниакально ненавидят в Нью-Йорке, подразумевая под Нью-Йорком Уолл-стрит и Пятую авеню⁴¹. И он немощно бравировал этой ненавистью к нему бизнеса, так как она подтверждала его «радикализм» и смягчала его душевные переживания.

Между тем пока «ойстер-бейский лев», как полуиронически-полувосхищенно называли Рузвельта газеты, залечивал дома «раны», прогрессивная оппозиция набирала силы и вскоре более решительно заявила о своем существовании.

В течение всего 1910 г. в стране продолжала накаляться политическая атмосфера. Младший брат Гиффорда Эмос Пинчот, 37-летний адвокат, отдававший больше времени филантропической и политической деятельности и светской жизни, чем своей профессии (Пинчоты были достаточно для этого богаты), выступил со статьей в «Макклюре мэгэзин», где попытался дать анализ обстановки в стране. Он принадлежал к числу прогрессивистов-энтузиастов и был убежден, что положение в стране аналогично политической обстановке в 1850 г., когда создавалась республиканская партия. Он утверждал, что «настоящими» республиканцами сегодня являются только «мятежники». Он резко высказывался против корпораций, против реакционной политики Тафта, подводя читателя к мысли, что страна находится чуть ли не на грани революционного взрыва⁴². Хотя последнее было явным преувеличением, статья отражала глубокое недовольство, брожение внутри самой республиканской партии. Буржуазно-либеральные круги сочли статью почти откровением, и многие газеты и журналы ее перепечатали. Пинчот-младший горячо ратовал за реформы, являлся поклонником Рузвельта и в то время был убежден, что только полковник способен вывести партию и страну на правильный путь.

После выборов среди «мятежников»-республиканцев, воодушевленных успехом, действительно начались разговоры об оформлении движения. Но вопрос ставился не о создании новой партии, а об организации лиги или фракции внутри партии на определенной платформе. Душой движения был сенатор Лафоллетт. Он, сенатор Бурн из Орегона и еще несколько видных прогрессивистов составили и разослали этот проект лидерам прогрессивистов с предложением принять участие в национальной конферен-

⁴⁰ T. Roosevelt to W. A. White, Nov. 17, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 166.

⁴¹ T. Roosevelt to T. Roosevelt, Jr., Nov. 11, 1910.— *Ibid.*, p. 159.

⁴² *Pinchot A. R. E. Two Revolts Against Oligarchy.*— «*The McClure's Magazine*», 1910, September, p. 586.

ции. Конечно, Лафоллетт послал этот проект и Рузвельту, сопроводив его лестным письмом: «Итак, полковник,— писал висконсинский лидер,— не согласитесь ли Вы дать этому движению благословение Вашего великого имени и влияния?»⁴³

Однако полковник ответил отказом. Он написал Лафоллетту, что сомневается, разумно ли ему подписывать такое обращение⁴⁴, а в письме Бурну мотивировал свой отказ недостаточной зрелостью движения прогрессистов. Он пытался убедить Бурна и Лафоллетта, что еще рано поднимать вопрос об организации. «Другими словами,— писал он,— я хотел бы скорее следовать курсу Авраама Линкольна, нежели Джона Брауна и Уэнделла Филлипса»⁴⁵.

Рузвельт всегда считал левое крыло республиканцев чересчур «левым», и это несмотря на постоянное подчеркивание своего «радикализма». Кроме того, выступив с достаточно радикальной программой «нового национализма», которая — не мог же он не понимать этого — помогла победе прогрессистов и способствовала поражению консерваторов, он вдруг увидел себя в положении человека, которому хотят навязать экстремистскую, по его выражению, позицию. Да еще не он, а «Боевой Боб» Лафоллетт, никогда не вызывавший симпатии у полковника, играет главную роль во всем этом деле.

Рузвельта очень раздражало, что верный оруженосец Гиффорд все больше сближается с группой «мятежников», и особенно с Лафоллеттом. «Гиффорд Пинчот присоединился к экстремистам,— жаловался полковник в письме старшему сыну,— он намеревается попробовать выдвинуть какого-нибудь прогрессиста вместо Тафта и если это не удастся, то восстать и попытаться создать третью партию... Это очень неловкая ситуация, и единственная вещь мне совершенно ясна, что может случиться для меня и для партии самое худшее,— мое выдвижение»⁴⁶. Это почти пророческие слова, если верить, что выдвижение кандидатом в президенты было «самым худшим» для Рузвельта.

Отказ Рузвельта не остановил прогрессистов. 21 января 1911 г. в Вашингтоне на квартире у сенатора Лафоллетта и по его инициативе была образована Национальная прогрессивная республиканская лига. На этом первом собрании присутствовало

⁴³ Цит. по: *The Letters...*, Vol. VII, p. 194, note 3; *Mowry G. E. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement*, p. 174.

⁴⁴ T. Roosevelt to R. M. La Follette, Dec. 30, 1910.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 194.

⁴⁵ T. Roosevelt to J. Bourne, Jr., Jan. 2, 1911.— *Ibid.*, p. 198.

⁴⁶ T. Roosevelt to T. Roosevelt, Jr., Jan. 2, 1911.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 195—196.

около 25 сенаторов и членов конгресса, несколько губернаторов и группа прогрессистов, в числе которых были и Пинчоты, и Гарфилд, и У. А. Уайт. Был избран исполнительный комитет. Президентом Лиги избрали сенатора Дж. Бурна, вице-президентом — конгрессмена Дж. У. Норриса, Г. Пинчот вошел в исполнительный комитет⁴⁷.

Декларация, принятая на этом собрании, ставила такие задачи: бороться за демократизацию политической жизни вплоть до внесения изменений в конституцию США, за поддержку народного правительства, против политического диктата крупного капитала⁴⁸.

Собрание у Лафоллетта и образование Лиги быстро стало достоянием гласности. Отсутствие под декларацией подписи полковника Рузвельта вызвало законное недоумение. «Нэйшн» вполне трезво оценивал этот факт как нежелание Рузвельта «противопоставлять себя президенту». В то же время «Нэйшн» выражал уверенность, что речь идет «не о расколе в республиканской партии и не о движении за третью партию»⁴⁹.

Действительно, члены Лиги не собирались порывать со старой партией, но решили добиваться на предстоящем национальном съезде выдвижения в президенты не Тафта, а своего кандидата. Конечно, чтобы повести за собой съезд, прогрессистам нужен был человек, имя которого смогло бы объединить и радикальных республиканцев, и более умеренных, привлечь голоса избирателей и оказаться приемлемым для тех, кто будет финансировать кампанию. Таким человеком мог быть только полковник Рузвельт. Не только друзья Рузвельта — Уайт, братья Пинчоты, Гарфилд — думали так, но и Лафоллетт, тоже мечтавший о президентстве и не строивший иллюзий насчет «радикализма» Рузвельта, понимал, что никто не может соперничать с экс-президентом. Однако последний продолжал упираться; на прямой вопрос Пинчота (это было в феврале 1911 г.), поддержит ли он кандидатуру Лафоллетта, Рузвельт ответил уклончиво, попросив Пинчота передать висконсинскому сенатору письмо и организовать с ним встречу⁵⁰. Но встреча не состоялась.

Поведение экс-президента вызывало разочарование и недоумение в прогрессистских кругах. Более пронизательные не без

⁴⁷ *McGeary M. N. Op. cit.*, p. 214.

⁴⁸ *Documents of American History*, ed. by H. S. Commager, 2 Vls. Englewood Cliffs (N. J.), 1973, Vol. II, p. 59—60. Об образовании и платформе Лиги подробнее см.: *Белаяская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914)*. М., 1968, с. 275—277.

⁴⁹ «*The Nation*», 1911, January 26, p. 78.

⁵⁰ *McGeary M. N. Op. cit.*, p. 215.

основания видели в его отказе нежелание окончательно порывать с консервативным руководством партии. Другие все же надеялись, что Рузвельт согласится выдвинуть свою кандидатуру на съезде против Тафта. Но «ойстер-бейский лев» продолжал твердить, что не собирается баллотироваться. Тогда инициаторы Лиги пришли к заключению, что тянуть дольше нецелесообразно. 12 июня они предложили баллотироваться Лафоллетту. После некоторого колебания висконсинский сенатор согласился, хотя опасался, что Рузвельт в конце концов вырвет у него выдвижение в кандидаты.

Первое собрание прогрессистов, на котором Лафоллетт фигурировал уже в качестве будущего кандидата, состоялось в Чикаго 16 октября. Там собралось несколько сот делегатов, большинство которых приехало из Западных и Среднезападных штатов. Председательствовавший Джордж Л. Рикорд развернул перед ними, как впоследствии писал Э. Пинчот, «отчетливо радикальную программу, осуждающую тресты, требующую государственного владения железными дорогами и ставящую вопрос о концентрации богатства и его экономической и политической власти, вопрос, уже маячивший тогда как насущный и которому предстояло приобрести огромную важность вплоть до той поры, когда он был отодвинут в сторону семь лет спустя первой мировой войной»⁵¹.

Конечно, Рузвельт узнал об этой конференции, о выдвижении Лафоллетта, о том, какую программу предлагали прогрессисты, о том, что Г. Пинчот обещал 10 тыс. долл. в фонд «Боевого Боба». Бальзамом для его честолюбивой души были уговоры друзей и знакомых, которые и после согласия Лафоллетта продолжали просить, чтобы он выступил против Тафта. В ответ на одну из таких просьб Рузвельт написал: «Я имею право надеяться, что каждый мой друг сделает все, что в его силах, дабы предупредить любую попытку моего выдвижения, как бы обстоятельства ни сложились»⁵².

Эта канитель тянулась почти четыре месяца. Время от времени то в одном, то в другом городе в прогрессистских клубах почитатели снова и снова говорили о выдвижении Рузвельта вместо Лафоллетта⁵³, что, конечно, больно ранило Лафоллетта, уже официально выступавшего в качестве будущего кандидата. А полковник продолжал уверять, что не желает выступать. Это

⁵¹ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916. New York, 1958, p. 122.*

⁵² *T. Roosevelt to W. A. White, Oct. 24, 1911.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 417.*

⁵³ *Mowry G. E. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement, p. 195.*

успокаивало Тафта, опасавшегося Рузвельта больше, чем любого соперника-демократа.

И все-таки Рузвельт не выдержал. Было бы несправедливо сказать, что его первоначальный отказ выставить свою кандидатуру был только хитростью и лицемерием. Сначала он до некоторой степени был связан прежним обещанием не нарушать традиции и не домогаться президентства на третий срок. Но лишь до некоторой степени. Главной причиной его отказа была неуверенность в силе прогрессистского движения и нежелание выступать против консервативного руководства республиканской партии, поддерживавшего Тафта. Но события развивались быстро. Он увидел, что прогрессистское движение ширилось, как в республиканской, так и в демократической партии оппозиция становилась ощутимой силой. В то же время все поступки, высказывания и действия Тафта и его администрации вызывали у экс-президента нескрываемое раздражение. Отношения бывших друзей становились все более отчужденными.

Окончательный разрыв произошел, когда генеральный прокурор Уикершем в конце октября 1911 г. возбудил иск против «Стального треста» за нарушение закона Шермана, и на свет всплыло дело о поглощении моргановской корпорацией во время кризиса 1907 г. «Теннесси айрон энд коул компани» с согласия президента Рузвельта. Полковнику предложили дать показания. Лидер «нового национализма» был оскорблен, унижен, уязвлен в самое сердце. Он не желал признавать вину Гэри и Фрика (компаньонов Моргана), обращавшихся к нему в то время; он не признавал себя ни обманутым, ни виновным, настаивая на том, что «Стальной трест» был и остается «хорошим» трестом. Помимо этого, Рузвельт обвинял самого Тафта в предательстве, так как в 1907 г. Тафт был членом кабинета. «Я не советовался с ним об этом,— писал Рузвельт,— но я консультировался с его коллегами господами Руттом, Бонапартом и Кортилью, и затем мы на заседании кабинета обсудили это дело, и господин Тафт был тверд в своем мнении»⁵⁴.

Сначала Рузвельт предположил, что генеральный прокурор начал дело без ведома президента, но, разумеется, обвинение против столь могущественных магнатов — Моргана, Гэри, Фрика, Перкинса — не могло быть выдвинуто без санкции главы исполнительной власти. Здесь сыграла роль неприязнь и критическое отношение президента к банкирскому дому Моргана. Тафт больше тяготел к Рокфеллерам и не настаивал на ускорении разби-

⁵⁴ T. Roosevelt to E. P. Wheeler, Oct. 30, 1911.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 430.

рательства дела компании «Стандард ойл» в Верховном суде. Как справедливо отмечает американский историк Г. Колко, анти-трестовские выступления Тафта проистекали не из его идеологической концепции⁵⁵. Он оставался консерватором и защитником монополий, но, будучи юристом, «обычно мыслил в рамках формального выполнения законов, а не неформального взаимопонимания»⁵⁶ (что было свойственно его предшественнику).

Теодор Рузвельт, говорила А. Бэтту Корина Робинсон, не мог простить своему бывшему другу, что тот позволил внести его имя в список тех, кто привлекался по делу «Стального треста»⁵⁷.

В ответ на действия правительства бывший президент разразился огромной статьей в «Аутлуке». В ней Рузвельт, во-первых, обвинял администрацию Тафта в неспособности к руководству, во-вторых, доказывал необходимость регулирования деятельности корпораций государством, возможность сотрудничества государства и «большого бизнеса», а не разрушения трестов с целью возврата к свободной конкуренции. Он развивал излюбленную тему о «плохих» и «хороших» трестах, о «честном курсе» и утверждал, что примером такой политики якобы были отношения его администрации со «Стальным трестом», и тем оправдывал свои поступки⁵⁸.

Статья вызвала живейший интерес и отклики в печати. Но главным ее результатом было то, что она вернула ее автору доверие многих представителей крупного капитала. Они удостоверились, что Рузвельт не был для них столь опасен. Интересно и важно отметить, что некоторые бизнесмены открыто одобряли высказывания Рузвельта о сотрудничестве бизнеса и государства и даже о контроле над бизнесом. Как известно, в июне того же года глава «Стального треста» Гэри, вызванный в комиссию конгресса, положительно отзывался о государственном контроле над ценами⁵⁹. В связи с этим поговаривали, что Рузвельт написал статью с целью привлечь к себе симпатии магнатов, что облегчило бы ему выдвижение своей кандидатуры в президенты.

⁵⁵ *Kolko G. The Triumph of Conservatism. Chicago, 1967, p. 167.*

⁵⁶ *Ibid.*, p. 165.

⁵⁷ *Butt A. Op. cit.*, Vol. II, p. 812—813.

⁵⁸ *Roosevelt T. The Trusts, the People, and the Square Deal. New York, 1911.*

⁵⁹ Гэри сказал: «Я полагаю, что мы должны прийти к расширению гласности и государственного контроля... даже на цены... Я был бы очень рад, если бы мы точно знали свое положение, если бы могли быть освобождены от опасности, тревоги и критики со стороны народа...» Историк Г. Колко, приводящий эти слова Гэри, справедливо объясняет их не прогрессивными взглядами президента «Стального треста», а желанием даже этой гигантской монополии застраховаться от конкуренции (*Kolko G. Op. cit.*, p. 174).

Все это время Рузвельт жил в Ойстер-Бее, но в Нью-Йорке у него была контора в редакции «Аутлук», сотрудником которого он оставался. Почти в каждом номере «Аутлука» появлялись его воинственные статьи, в которых экс-президент продолжал развивать идеи «нового национализма» и критиковать администрацию.

Рузвельт отказался примкнуть к лиге Лафоллетта, но в глазах «мятежных» республиканцев он оставался лидером прогрессизма. Однако это положение не приносило ему удовлетворения. Лидер оппозиции может бороться за проведение того или иного курса, но он не имеет власти вершить политику. Власть — вот чего жаждал этот человек. Власть самому руководить политическим кораблем, проводить реформы, гландаем которых он себя объявил, держать в руках сенат и палату, интриговать и строить компромиссы, наказывать или поощрять корпорации, сдерживать рабочее движение — словом, жить напряженной деятельной жизнью, а не писать статьи в «Аутлук». Его честолюбие и тщеславие не могли питаться славой прошлого⁶⁰.

Не удивительно, что уговоры и письма с призывом баллотироваться, приходившие Рузвельту от друзей, знакомых и почитателей, подстегивали его тайные надежды. Его отказы становились менее категоричными, и 16 января 1912 г. в известном письме Фрэнку Мэнси, главе крупнейшего нью-йоркского издательства, Рузвельт открыл наконец карты. Он соглашался баллотироваться, но довольно витиевато объяснял, что не будет добиваться выдвижения и не примет его, если оно окажется результатом интриги. «Однако,— писал он далее,— я не буду связывать себе руки заявлением, которое сделает трудным или невозможным для меня служить народу принятием на себя великих обязательств, если весь народ решит, что я должен выполнять эти обязанности»⁶¹. Письмо Мэнси (оно было опубликовано в газетах в начале февраля) свидетельствует о повороте в поведении Рузвельта: с этого момента он решил добиваться выдвижения

⁶⁰ Н. Рузвельт, говоря о побудительных мотивах действий Т. Рузвельта в 1912 г., утверждает, что тому было чуждо властолюбие и тщеславие, что он неохотно вступил в кампанию 1912 г. и руководствовался якобы только желанием «продолжить политику и реформы, в которые Т. Р. глубоко верил и которые могли быть осуществлены только посредством активной поддержки с его стороны либеральных и прогрессивных элементов в республиканской партии» (*Roosevelt N. Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him. New York, 1967, p. 75*). Мы не можем согласиться с такой интерпретацией.

⁶¹ T. Roosevelt to F. A. Manssey, Jan. 16, 1912.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 479.

своей кандидатуры на предстоящем республиканском съезде. Оставалось организовать «требование народа».

22 января в редакции «Аутлук» группа друзей полковника выработала план действий⁶². Согласно этому плану семь губернаторов обратились к экс-президенту с просьбой дать согласие на выдвижение его кандидатуры⁶³. 21 февраля Рузвельт в Колумбусе (штат Огайо) в ответ на вопрос репортера о его позиции бросил крылатую фразу: «Моя шляпа уже на ринге». В тот же день он произнес в Колумбусе речь, в которой объявил, что поддерживает требования демократизации конституции США.

Чувствуя, что привлек к себе всеобщее внимание, полковник говорил с большим подъемом. «Я верю,— провозгласил он,— в чистую демократию... Мы, прогрессисты, верим, что народ имеет право, силу и долг защищать себя и свое благосостояние; что права человека выше всех других прав; что богатство должно быть слугой, а не хозяином народа... Эта страна, как говорил Линкольн, принадлежит народу»⁶⁴.

Итак, наступили новые времена. Рузвельт объявил себя прогрессистом, нисколько не смущаясь, что лишь год назад отказался поддерживать лигу Лафоллетта. Он настаивал на регулировании деятельности монополий, что не являлось новостью. Затем он высказался за прямые выборы сенаторов Соединенных Штатов и за введение права инициативы и референдума. Но главным в его речи было требование права народа на отмену судебных постановлений (но не отзыва судей). Вот как он сформулировал это требование, поразившее и вновь отвернувшее от него многих умеренных республиканцев, не говоря о консервативных лидерах и магнатах: «Но когда судья решает конституционный вопрос, когда он решает, что народ в целом может или не может делать, народ должен иметь право отменить такое решение, если он находит его неправильным. Мы должны поддерживать судебную власть во всех отношениях; но представляется абсурдом и унижением делать фетишем судью или кого-нибудь еще»⁶⁵.

Произнести такую речь, посягнуть на право судебных инстанций решать конституционные вопросы означало, что Рузвельт в Колумбусе сделал еще шаг влево. Возможно, что он зарвался, увлеченный собственным красноречием. Лодж был потрясен выступлением своего друга и сделал официальное заявление в

⁶² Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 555.

⁶³ Эту группу впоследствии стали называть «семь малых губернаторов».

⁶⁴ Roosevelt T. A Charter of Democracy. Address before the Ohio Constitutional Convention.— «The Outlook», 1912, February 24, Vol. 100, p. 390.

⁶⁵ Ibid., p. 398.

прессе, что он «против конституционных изменений, защищаемых полковником Рузвельтом в его недавней речи в Колумбусе»⁶⁶.

Однако были и иные отклики. Почитатели полковника после речи в Колумбусе готовы были идти за ним в огонь и воду. «Я за Рузвельта от начала и до конца и навсегда,— восклицал владелец и издатель канзасских газет «Стар» и «Таймс».— Я не позволю себе даже подумать, что мне не все, что он делает, по душе ...Я на стороне Рузвельта»⁶⁷.

Выступив с речью в Колумбусе, Рузвельт действительно сжег корабли; отступления для него уже не могло быть, это был полный разрыв с консервативными боссами и даже с умеренными республиканцами. Некоторые биографы Рузвельта, например Прингл, считают, что в 1904 г., когда он добивался избрания «по собственному праву», он сумел действовать расчетливо и привлечь на свою сторону и консерваторов и финансовых магнатов, а в 1912 г. ему изменило политическое чутье, и он совершал одну ошибку за другой. Но нельзя забывать, что к 1912 г. политическая обстановка в США кардинально изменилась. Рузвельт полагал, что новые времена требуют новых лозунгов. Для того чтобы удержать в равновесии корабль капиталистического государства, чтобы сохранить капиталистический строй, лучше самим пойти на уступки, согласиться не только на регулирование экономических отношений, но и на относительную демократизацию политического строя. И все это — из страха перед социалистической опасностью. «Он безусловно верит в то, что мы накануне экономической революции,— писал в те дни о Рузвельте Роберт Грант, принимавший его в своем доме в Бостоне в начале весны 1912 г.,— и что будет лучше для страны, если путь укажет республиканская партия, нежели социалисты будут контролировать обстановку и руководство...»⁶⁸

Через три дня после знаменательного выступления в Колумбусе Рузвельт дал формальное согласие баллотироваться в президенты («если это мне предлагается») в виде ответа на письмо губернаторов⁶⁹.

Включение Теодора Рузвельта в избирательную кампанию 1912 г. смешивало карты всех участников этой политической

⁶⁶ The Letters..., Vol. VII, p. 512, note 1.

⁶⁷ Davis O. K. Op. cit., p. 263. Между прочим, Дэвис писал, что доктрина об отмене судебных постановлений была еще раньше высказана Лафоллеттом, но об этом никто не помнил.

⁶⁸ Цит. по: Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1963, p. 391.

⁶⁹ T. Roosevelt to W. E. Glasscock and others, Feb. 24, 1912.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 511.

интриги. Бедняга Тафт не ожидал такой выходки от своего бывшего патрона и был совсем подавлен ⁷⁰. Но все же он решил не складывать оружия и добиваться на съезде выдвижения своей кандидатуры на второй срок. Его поддерживали партийные боссы и консервативные лидеры в штатах, за которыми стояли финансово-промышленные круги. Рузвельт же на съезде мог рассчитывать только на прогрессистов и рядовых членов партии. Из представителей «большого бизнеса» к нему главным образом благоволили два человека — Дж. У. Перкинс из банкирского дома Моргана и его приятель Ф. Мэнси. Так в 1912 г. на авансцене общественно-политической жизни США появились бизнесмены. Главным в этой паре был Дж. У. Перкинс, которого американский историк Джон А. Гэррати называет «одним из самых удачливых, противоречивых и интересных американцев начала двадцатого века» ⁷¹. Перкинс сыграл столь важную роль в истории образования Прогрессивной партии и в жизни Рузвельта, что следует познакомить с ним читателя немного подробнее.

Головокружительная карьера Перкинса почти оправдывала любимый миф американского мещанства о том, что каждый мальчик может стать если не президентом, то во всяком случае миллионером. Почти — потому что Перкинсу не пришлось, подобно герою писателя Г. Олджера, продавать газеты на улицах Нью-Йорка. Он был сыном служащего страховой компании «Нью-Йорк лайф иншуренс» и получил наследство в 30 тыс. долл. и небольшой участок земли. Джорджу было 24 года, когда ему позволили занять место отца с двухмесячным испытательным сроком. Исключительные способности к бизнесу, проявленные молодым человеком за этот короткий срок, произвели впечатление на заправил «Лайф иншуренс компани». Уже через год компания заключила с ним контракт как с главным агентом штатов Колорадо, Юта, Нью-Мексико, Аризона и Вайоминг.

В 1898 г. молодой финансист был послан в Европу с целью реорганизовать отделения компании в Германии, Франции, Бельгии, России, Венгрии, Швейцарии. Он блестяще провел эту сложную финансовую операцию, а главное — сумел выгодно разместить капиталовложения компании в Германии и России, что сделало провинциального страхового агента восходящим светилом

⁷⁰ Когда Тафт рассказал в семейном кругу о письме Рузвельта губернаторам, его супруга возмущенно заявила: «Я говорила тебе об этом четыре года назад, но ты не хотел мне верить» (цит. по: *Butt A. Op. cit., Vol. II, p. 850*).

⁷¹ *Garraty J. A. Right-Hand Man. The Life of George W. Perkins. New York, 1960, p. 3.*

Уолл-стрит⁷². Через год он уже вошел в число директоров одного из двух главных моргановских банков, а спустя два месяца при первом личном свидании старик Дж. П. Морган предложил ему занять стол в его кабинете в качестве партнера банкирского дома Моргана. В это время Перкинсу было 39 лет.

Перкинс стал членом моргановской корпорации как раз в момент рождения главного детища Моргана — «Стального треста». Новый партнер «Старика», как уважительно называли П. Моргана в кругу его близких и друзей, незамедлительно сделался правой рукой главы фирмы. Перкинс был одним из организаторов «Стального треста» и главой еще одной крупной моргановской корпорации, «Треста жатвенных машин» («Интернэйшнл харвестер компани»).

Перкинс проработал бок о бок с Морганом 10 лет. К концу этого периода между Перкинсом и Морганом, не терпевшим слишком большой самостоятельности в действиях своих партнеров, участились трения, которые к концу 1910 г. привели к выходу Перкинса из банковской фирмы⁷³. Однако он оставался президентом «Интернэйшнл харвестер компани», членом правления «Стального треста», руководителем железнодорожной компании «Пар маркет», контролируемой Морганом, а главное — обладателем миллионного состояния.

Длительный опыт работы в финансовом деле привел Перкинса к выводу, любопытному для бизнесмена того времени: он уверовал не только в выгодность крупных корпорированных предприятий, но и в необходимость для них контактов с правительством с целью использовать государственную власть как для охраны привилегий корпораций, так и для контроля и регулирования в определенных рамках их деятельности. Потому-то, а не из прогрессивных убеждений, делец и финансист оказался на стороне лидера «нового национализма», против консерватора Тафта⁷⁴.

Возбуждение администрацией Тафта судебного процесса против «Стального треста», который в годы президентства Рузвельта являлся неприкасаемым «хорошим» трестом, ускорило события, подтолкнув Перкинса к более активным действиям. Слухи о том, что он собирается финансировать кампанию за Рузвельта, распространились уже в январе 1912 г. А с конца февраля, ког-

⁷² *Garraty J. A. Op. cit., p. 67—71.*

⁷³ *Ibid., p. 238.*

⁷⁴ Как справедливо пишет американский историк Г. Колко, не реформы для блага народа, а непосредственные интересы бизнеса волновали Перкинса и Мэнси (*Kolko G. Op. cit., p. 193*).

да Рузвельт объявил, что будет бороться за выдвижение в президенты, Перкинс полностью включился в эту борьбу. Он вносил в рузвельтовскую кампанию свой огромный опыт, деловые качества и деньги.

Для организации только предсъездовской агитации требовалось не менее 100 тыс. долл. Большую часть этих денег дал Перкинс; кроме него, из бизнесменов сделали пожертвования Уильям Флинн из Питтсбурга, Дэн Р. Ханна (сын Маркуса Ханны) и нью-йоркский издатель Ф. Мэнси, отнюдь не прогрессист⁷⁵. Мэнси ввязался в эту историю, во-первых, потому, что ему очень нравился сам Рузвельт, во-вторых, он дружил с Перкинсом. Друзья Рузвельта начиная с Г. Пинчота также сделали посильные вклады.

Штаб-квартира «кандидата в кандидаты» была организована в Нью-Йорке в огромном здании, принадлежавшем Мэнси. Руководить штабом взялся сенатор-прогрессист из Монтаны Джозеф Диксон, секретарем стал репортер О. К. Дэвис, наняли 50 машинисток, и работа закипела.

В самом худшем положении оказался сенатор Р. Лафоллетт, организатор Национальной прогрессивной республиканской лиги, человек, который прогрессивному движению отдавал все силы. От него избавились самым жестоким образом, воспользовавшись его временным нездоровьем и неожиданным провалом в Филадельфии 2 февраля на политическом банкете, устроенном Ассоциацией периодических издательств. На банкете выступал и Вудро Вильсон, которого прочли в кандидаты от демократической партии. Больной Лафоллетт, всегда прекрасно выступавший, на этот раз произнес длинную бесцветную речь, разочаровавшую слушателей⁷⁶. Через неделю в прессе появилась телеграмма Пинчота о том, что здоровье висконсинского сенатора не даст ему возможности выступить кандидатом. Так покончили с «Боевым Бобом».

Лафоллетт, оскорбленный, но не сломившийся, продолжал до съезда считать себя кандидатом, выступал перед публикой с пропагандой прогрессистской платформы. Он писал впоследствии: «Для меня было невозможно отказаться в пользу Рузвельта, так как уступить ему поле битвы означало уступить все движение»⁷⁷.

Даже друзья экс-президента понимали и признавали, что прогрессизм Лафоллетта идет от искренних убеждений,

⁷⁵ *Garraty J. A. Op. cit.*, p. 256.

⁷⁶ О. Уистер писал, что сенатор производил жалкое впечатление и к концу его речи зал был наполовину пуст (*Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930, p. 301*).

⁷⁷ *La Follette R. M. Autobiography. Madison, 1913, p. 672.*

а Рузвельт стремится использовать прогрессистское движение для личных целей. Но, как писал Э. Пинчот, Рузвельт имел шансы на избрание, а Лафоллетт, несмотря на чистоту взглядов и поведения, этими шансами не располагал⁷⁸. Рузвельт был политической фигурой национального масштаба. Одно его имя, по мнению многих прогрессистов, значило больше, чем программа. Вот почему, едва полковник Рузвельт объявил, что он «на ринге», те, кто недавно поддерживал Лафоллетта, бесцеремонно бросили его теперь. Сам же Рузвельт надеялся, что сумеет повести за собой республиканскую партию и сделать ее партией реформы в его понимании, если добьется выдвижения и избрания в президенты. И, пренебрегая условностями, Рузвельт решил ехать на съезд в Чикаго, чтобы быть ближе к центру событий.

В Чикаго полковник отправился в сопровождении жены, Кермита, Этель, племянников Николаса и Джорджа, секретарей и функционеров его нью-йоркского штаба. Поезд был встречен огромной толпой. «Люди высовывались из окон и сидели на крышах, а на улицах было так тесно, что мы едва могли двигаться, — описывал в дневнике Н. Рузвельт. — Все вопили от восторга, и крики «Тедди!» разносились в воздухе»⁷⁹. Можно понять, что претендент в кандидаты был полон самых радужных надежд.

Почти вся семья собралась в Чикаго для моральной поддержки ее главы. Приехали Теодор-младший с женой и чета Лонгуортов. Бедная Элис — самый активный и экспансивный представитель младшего поколения Рузвельтов — была в отчаянном положении: обожаемый отец возглавил «мятежных» республиканцев, а муж оставался твердолобым консерватором и сторонником Тафта, с которым был земляком и на дружеской ноге. Он, правда, поговаривал, что откажется выдвигать свою кандидатуру в конгресс, но Рузвельт «великодушно» еще до съезда посоветовал ему делать карьеру так, как тому угодно⁸⁰.

Рузвельты остановились в отеле «Конгресс», там же расположился штаб прогрессистов и оттуда полковник руководил своей армией.

Съезд открылся 18 июня, но еще до съезда мандатная комиссия, состоявшая из сторонников Тафта, лишила мандатов несколько десятков рузвельтистов, передав их голоса Тафту. На съезде произошла невообразимая потасовка. Прогрессисты кричали, что у них украли голоса. Дело едва не дошло до драки.

⁷⁸ Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 152.

⁷⁹ Roosevelt N. Op. cit., p. 88.

⁸⁰ Longworth A. R. The Crowded Hours. New York, 1934, p. 185—186.

В этом гaмe и столпотворении Рут, избранный председателем съезда, умело направлял выступления, не давал слова сторонникам Рузвельта и Лафоллетта и под свистки, топот и вопли «Тедди, мы хотим Тедди!» провел голосование. Тафт получил 561 голос, Рузвельт — 107, Лафоллетт, отказавшийся поддержать своего соперника и выступавший как независимый кандидат с собственной платформой, — 41. За висконсинского сенатора голосовали прогрессисты Висконсина и Северной Дакоты, к возмущению сторонников экс-президента. По приказу Рузвельта 344 прогрессиста совсем не приняли участия в голосовании и демонстративно ушли со съезда, когда Тафт был объявлен кандидатом⁸¹.

Сам Рузвельт не присутствовал на съезде, но «связные» в лице Элис и племянников непрерывно курсировали между отелем «Конгресс» и залом «Колизеум», где проходил съезд. При Рузвельте неотлучно находились Перкинс и Мэнси. Накануне открытия съезда экс-президент произнес зажигательную речь на митинге прогрессистов, которую закончил словами: «Мы стоим у Армагеддона, и мы сражаемся за господа бога»⁸². Сказанное звучало очень эффектно, хотя, может быть, не все присутствовавшие помнили, что такое «Армагеддон».

Вечером 22 июня после окончательного провала и ухода со съезда прогрессистов наиболее близкие Рузвельту соратники собрались у него в отеле. Разочарованные и подавленные, прогрессисты молча сидели вокруг стола, в то время как их лидер метался взад и вперед по комнате. Хайрам Джонсон, прогрессивный губернатор Калифорнии, попытался сказать, что надо создавать третью партию. Но Рузвельт молчал. «Уход из партии, которой он руководил семь лет, — писал Э. Пинчот, — и организация собственной партии были не только поступком очень важного значения, но и мероприятием, требующим огромной суммы денег. Перкинс и Мэнси предоставили свои чековые книжки для военных действий, чтобы сделать Рузвельта следующим республиканским президентом. Захотят ли они сражаться за то, чтобы сделать его президентом прогрессистов? Взоры всех были устремлены на этих двух магнатов, стоявших поодаль, в углу комнаты, и о чем-то совещающихся приглушенным голосом. Вдруг они решительно подошли к Рузвельту и, положив ему руки на плечи, торжественно сказали: «Полковник, мы вам поможем»⁸³.

Так родилось решение о создании новой, Прогрессивной пар-

⁸¹ «The La Follette's Weekly Magazine», 1912, June 29, p. 15.

⁸² Армагеддон — по библейскому преданию, город, где должна происходить решающая битва между силами добра и зла.

⁸³ Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 165.

тии, получившей название «партии Лося»⁸⁴. По иронии судьбы она с момента образования оказалась связанной с представителями крупного капитала, которые решили финансировать кампанию Рузвельта, руководствуясь соображениями, не имеющими ничего общего с целями прогрессивного движения⁸⁵. Рузвельт же охотно принял эту поддержку для организации последнего сражения в своей жизни.

В ту же ночь на митинге сторонников Рузвельта в Оркестрхолл было решено через месяц собрать съезд новой партии для утверждения программы и выдвижения кандидата в президенты. Разумеется, им мог быть только Рузвельт, заявивший с пафосом, что согласен стать кандидатом.

Так произошел раскол «Великой старой партии». Причиной его был кризис, назревший внутри партии под влиянием огромных изменений политического климата страны, под влиянием брожения в широких кругах населения, недовольных политикой консервативного правительства Тафта, под влиянием — и это не в последнюю очередь — роста и распространения социалистических настроений. Демократическая партия также переживала кризис, но ее руководство сумело сманеврировать, утвердить в Балтиморе на съезде (25 июня — 2 июля) либеральную платформу и кандидата, уже известного в качестве прогрессивного реформатора своего штата: губернатора Нью-Джерси Вудро Вильсона⁸⁶. В республиканской же партии консервативные элементы — Тафт, Рут, Лодж, Пенроуз и пр. — упорно защищали старые устои и довели дело до раскола⁸⁷.

Отправляясь в Чикаго, Рузвельт вряд ли предполагал, что события примут такой оборот и что он — истовый республиканец — окажется во главе новой партии. Вся предыдущая история взаимоотношений Рузвельта с партийной машиной, его готовность

⁸⁴ На одном из митингов в Чикаго на вопрос из толпы: «Как вы себя чувствуете, полковник?» — Рузвельт сжал кулак и воскликнул: «Я силен, как лось». Потом новая партия взяла себе эмблемой лося, а все движение называли часто «движением Лося» (The Bull Moose Movement).

⁸⁵ Ф. Ландберг сообщает, что Перкинс и Мэнси одновременно сделали значительные взносы в избирательный фонд Вильсона. Это заставляет думать, что для них главным было убрать Тафта, а не посадить Рузвельта в Белый дом (см.: *Ландберг Ф.* 60 семейств Америки. М., 1948, с. 135).

⁸⁶ Еще год назад «Нэйшн» писал о Вильсоне как о возможном кандидате в президенты, который «внесет стимулирующую ноту в наши общественные дискуссии и национальную жизнь» («The Nation», 1911, August 17, p. 137).

⁸⁷ Подробнее о причинах возникновения политического кризиса 1912 г., содержании платформ партий, участвовавших в выборах (республиканской, демократической, прогрессивной, социалистической и др.), о предвыборной борьбе кандидатов см.: *Беляевская И. А.* Указ. соч., с. 291—321.

идти на любой компромисс, лишь бы сохранить свое место в партии, говорит за то, что его стремления, желания и надежды были связаны с республиканской партией. Стать кандидатом в президенты от республиканской партии — вот чего он добивался. Только бешеное возмущение «кражей» голосов депутатов, на которые он рассчитывал и которые, возможно, обеспечили бы ему большинство⁸⁸, злость на Тафта, «обязанного ему президентством», плюс неожиданная денежная помощь Перкинса и Мэнси заставили его решиться на продолжение борьбы и пойти на раскол. А приняв это решение, он взялся за дело со всем присущим ему азартом. И находил в этом истинное наслаждение, снова оказавшись в центре внимания всей страны.

Люди, близко стоявшие к Рузвельту в дни избирательной кампании 1912 г., потом говорили и писали, что их вождь с самого начала не надеялся на победу новой партии. Такой преданный защитник экс-президента, как Н. Рузвельт, считал, что это доказывает особое мужество полковника и преданность его прогрессизму. Он пишет: Рузвельт «на протяжении всего этого кризиса... никогда не терял достоинства, хорошего настроения и боевого духа. Это наводит на еще одно возможное объяснение мотивов его поведения — хотя он знал, что не может победить, он в качестве кандидата новой партии может продолжать пропагандировать реформы, в которые верил»⁸⁹. Но Н. Рузвельт забывает, что это на первый взгляд правдоподобное объяснение его дядя собственноручно разбил спустя четыре года, в 1916 г.

Для организации своего съезда у прогрессистов оставалось совсем немного времени. Штаб-квартира новой партии сначала в Манхэттане (Нью-Йорк), потом в Чикаго работала с огромным напряжением. Перкинс и Мэнси выполнили обещание, и на деньги этих монополистов происходило становление новой партии с антимонополистической программой и организация ее съезда. Потрясающий по своей иронии факт, который был к тому же чреват зловещими последствиями! Дж. Перкинс, к удивлению его коллег по бизнесу, отдавал массу времени новой для него политической

⁸⁸ Мнения американских историков о том, каковы были шансы Рузвельта на выдвижение и добился бы он успеха или нет, если бы не было подлога в мандатной комиссии, расходятся. Большинство все же считают, что у него была реальная возможность победить Тафта. Прингл писал: «Бесспорно, Рузвельт был избранником большинства рядовых членов республиканской партии. Это доказал его успех на первичных собраниях» (*Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 562). Однако Дж. Л. Гарднер, автор более позднего исследования выборов 1912 г., соглашается с мнением тех, кто считал, что у Рузвельта «украли» не больше 30 голосов, которые не решились бы дела (*Gardner J. L. Departing Glory. New York, 1973, p. 243*).

⁸⁹ *Roosevelt N. Op. cit.*, p. 94.

деятельности. Он был наскоро избран делегатом будущего съезда, и его автомобиль ежедневно курсировал между Манхаттаном и Сагамор-хиллом⁹⁰.

Съезд новой Прогрессивной партии открылся в Чикаго 5 августа. Рузвельт подготовил речь, названную им «Символ веры», в которой в высокопарных выражениях называл новое движение «движением правды, искренности и мудрости». Он уверял, что прогрессистское движение «предлагает поставить на службу всего нашего народа коллективную власть народа, выражаемую правительством всей страны и каждого отдельного штата»⁹¹. Он клялся выполнить все обещания, которые будут утверждены в платформе этого съезда.

Он был очень красноречив, экс-президент Рузвельт, убеждая своих слушателей в искренности своих чувств и в необходимости предлагаемых именно им политических мероприятий. Он не забыл подчеркнуть, что страна должна идти путем «здоровой эволюции, а не революции». А для этого надо бороться «против старых продажных партийных машин, ибо они обе в руках грабительских объединений профессиональных политиков, контролируемых и поддерживаемых сильными представителями капитала и реакции». Он обрушивался на своих соперников Тафта и Вильсона, уверяя, что они и их партии не способны справиться с великими проблемами, стоящими сейчас перед страной.

Вновь и вновь Рузвельт клялся, что поддерживает требования демократизации конституции вплоть до запрещения судам отменять постановления исполнительной и законодательной властей. «Сам народ должен быть творцом своей конституции», — заявил он.

Большое место в речи Рузвельта занял вопрос о трестах. Он опять развивал идею регулирования деятельности корпораций не путем законодательства о роспуске трестов, а путем создания специальной комиссии наподобие Междущтатной торговой комиссии. Это решение проблемы трестов совпадало, как уже говорилось, с мнением Дж. Перкинса.

«Символ веры» Рузвельта — это смесь демагогии и практических предложений, политических доктрин и обращений к религиозным чувствам большинства слушателей. Оратор закончил выступление проникновенными словами о «великой борьбе» прогрессистов и вновь призвал к «битве за Армагеддон».

Собрание бурно аплодировало своему лидеру. Люди видели в

⁹⁰ *Garraty J. A. Op. cit., p. 265.*

⁹¹ Цит. по: *Theodore Roosevelt and Reform Politics, ed. and with an introd. by R. H. Collin. Lexington, Toronto, London, 1972, p. 32—48.*

нем настоящего вождя, предводителя «крестового похода» против несправедливости, коррупции и ...монополий. Да, рядовые сторонники Рузвельта, все эти профессора и студенты, мелкие и средние бизнесмены, провинциальные издатели, журналисты, адвокаты, священники, школьные учителя и другие энтузиасты народного просвещения искренне верили, что поднимаются на борьбу за старые американские идеалы против несправедливости и зла, приносимых корпорациями.

Многие участники съезда отмечали, что прогрессисты в 1912 г. были охвачены почти религиозным пылом. И это было не потому, что Рузвельт в речах обращался к библейским сюжетам и евангельским пророчествам, а потому, что те, кто пошел за Рузвельтом, считали себя крестоносцами, ибо знали, что, порывая со старой партией, они рискуют своим положением и даже материальным благополучием. Они чувствовали себя борцами, поднявшими меч на золотого тельца. И Т. Рузвельт, умевший быстро схватывать настроение массы, вовремя выступил со своим «символом веры», в котором искусно сочетал политические лозунги с привычными религиозно-моральными догматами.

Один из участников событий 1912 г., Доналд Ричберг, в то время совсем еще молодой адвокат, приводит оценки этой способности Рузвельта, высказанные двумя известными прогрессистами — Лафоллеттом и Маккормиком. Лафоллетт, враждебно относившийся к экс-президенту, но старавшийся быть беспристрастным, писал: «Рузвельт — самый пронизательный и способный из ныне живущих интерпретатор того, что я бы назвал внешним духом данного времени, и он стихийно отвечает ему». Медилл Маккормик, владелец газеты «Чикаго трибюн» и приятель экс-президента, был попросту циничен, когда на собрании по выработке платформы однажды сказал: «Друзья, мы должны помнить, что Т. Р. велик, потому что он понимает психологию болвана»⁹². А съезд, состоявшийся из «болванов», по терминологии этого газетного магната, слушал, затаив дыхание, речь своего вождя.

О приподнятости и вере в правоту своего дела, которыми были охвачены рядовые участники съезда, Д. Ричберг, вспоминая бурное лето 1912 г., писал так: «Прогрессистское движение 1912 г. было религиозным; восстание молодости против старости, идеализма против материализма. Мое поколение изголодалось по битвам с древним врагом прогресса — самодовольством... Оно жаждало религии, но не в церквах, покровительствуемых ворами. Вот почему, когда Т. Р. назвал Армагеддон и оркестр заиграл тор-

⁹² Цит. по: Theodore Roosevelt and Reform Politics, p. 142.

жественные гимны, мы схватились за блестящее оружие и вышли на битву за господу бога. Вполне возможно, что грядущее поколение может сделать то же самое»⁹³.

Теодор Рузвельт был избран кандидатом в президенты без голосования под оглушительные аплодисменты, рев толпы и пронзительные звуки оркестра. Вслед за ним кандидатом в вице-президенты съезд утвердил Х. Джонсона. Никто не вспоминал об организаторе Прогрессивной лиги сенаторе Лафоллетте, отказавшемся поддерживать Рузвельта. Не было на съезде еще нескольких влиятельных «мятежников»: сенатор У. Бора и конгрессмен Дж. У. Норрис, губернаторы Хэдди и О. Б. Камминз не пошли на раскол со старой партией.

На съезде царили антимонополистические настроения. Делегаты слепо верили своему кумиру Рузвельту и полагали, что он такой же враг монополий, как и они сами. Присутствие Перкинса — еще недавно бывшего правой рукой самого Моргана — и его друга Мэнси не заронило в сердца участников съезда подозрений в чистоте взглядов и поступков самого Рузвельта.

Между тем влияние Перкинса начало сказываться с первых шагов новой партии. Перед самым открытием съезда глава гигантского «Треста жатвенных машин» вкуче с Рузвельтом настаивал на исключении из избирательной платформы той части анти-трестовского параграфа, где говорилось о законе Шермана, и замене ее положением о регулировании деятельности трестов. Хотя при утверждении платформы анти-трестовский параграф был, неожиданно для Перкинса, оглашен на съезде, на другой день после съезда, при публикации текста в газетах, он выпал «непонятным образом»⁹⁴.

После закрытия съезда все руководство избирательной кампанией перешло к национальному комитету партии. Национальный комитет прогрессистов избрал своим председателем сенатора Диксона, а затем избрал исполнительный комитет, т. е. рабочий

⁹³ Theodore Roosevelt and Reform Politics, p. 142.

⁹⁴ Davis O. K. Op. cit., p. 332—333; Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 177. Исчезновение важнейшей части анти-трестовского пункта при опубликовании платформы объяснялось очень просто: Рузвельт дал распоряжение Дэвису проследить, чтобы в газетах появился пункт о регулировании деятельности корпораций государством, а не об усилении действия закона Шермана. Об этом сказано в книге О. К. Дэвиса. Через месяц после выборов Рузвельт в длинном письме Э. Пинчоту лицемерно оправдывал свои действия, и в частности исключение анти-трестовского пункта, тем, что в платформе, дескать, неважно указывать мелочи, «так как они представляют ненужное расширение, ненужное обращение к деталям...» (T. Roosevelt to A. R. E. Pinchot, Dec. 5, 1912.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 667).

паний. Ему пришлось явиться в комиссию и давать показания о своих отношениях с покойным Гарриманом (в 1904 г.) и с Перкинсом (в 1907 г. и настоящее время). Вызывали и Перкинса. Оба отчаянно защищались. Никаких практических результатов от работы комиссии не было, но опубликование документов, освещавших закулисные махинации во время предвыборной борьбы, разжигало страсти.

В центре внимания всей страны был кандидат Прогрессивной партии. Его имя не сходило со страниц газет: республиканская, демократическая и социалистическая пресса подвергали резкой критике — каждая со своих позиций — взгляды и поступки экс-президента. Но зато в его распоряжении было несколько изданий, принадлежавших Мэнси, который дополнительно купил для него утреннюю нью-йоркскую газету («Нью-Йорк пресс»); эта газета специально занималась пропагандой взглядов прогрессистского кандидата и восхвалением его самого⁹⁶. Кроме того, под непосредственным руководством Перкинса национальный комитет в сентябре начал издавать еженедельник «Прогрессив бюлетин», тираж которого к концу кампании был доведен до 1 млн.⁹⁷ О размахе, с каким Перкинс вел кампанию, можно судить по распространению речи Рузвельта на съезде («Символ веры»). Она была отпечатана в 3 млн. экземпляров с портретами кандидатов — Рузвельта и Джонсона — и разослана по всей стране.

Избирательная кампания 1912 г. проходила под знаком буржуазного реформизма. За реформы ратовал не только лидер «нового национализма» Рузвельт, но и лидер «новой свободы», кандидат демократов профессор истории и права губернатор Нью-Джерси Вудро Вильсон. Именно он оказался главным соперником кандидата прогрессистов, а обоих их подхлестывало участие в выборах социалистов с их кандидатом Юджином Дебсом. Дебс не рассчитывал на избрание, но его вдохновенная агитация за социализм, так же как и программа социалистической партии, заставили прогрессистских кандидатов буржуазных партий выступать с более радикальных позиций. На выборах 1912 г. речь шла, как отмечал В. И. Ленин, «о самом существовании капитализма»⁹⁸. И Рузвельт и Вильсон решали этот вопрос по существу одинаково, провозглашая настоятельную необходимость проведения реформ во имя сохранения существующего порядка. «Мы клянемся и божимся всеми реформами... мы не хотим только

⁹⁶ «The La Follette's Weekly Magazine», 1912, September 28, p. 15.

⁹⁷ Garraty J. A. Op. cit., p. 275.

⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

одной «реформы»: экспроприации капиталистов!»,— пронизировал В. И. Ленин по поводу платформы новой партии⁹⁹.

Выдвижение демократами прогрессивного кандидата наносило удар прогрессистам и персонально Рузвельту. Однако не в его характере было трубить к отступлению.

Надо отдать должное Рузвельту, который с такой энергией и решительностью проводил эту трудную предвыборную борьбу без всякой уверенности в успехе и более того — с сознанием, что он почти не имеет шансов на избрание.

Даже среди сторонников Рузвельта были трезво мыслящие люди, понимавшие, что политические программы Прогрессивной партии и демократической совпадают по духу, хотя и разнятся по отдельным пунктам. Именно поэтому губернатор Мичигана Чэйз С. Осборн после выдвижения Вильсона кандидатом демократов написал Рузвельту открытое письмо, почти умоляя его не баллотироваться, так как кандидатура Вильсона, по его мнению, снимает необходимость создания новой партии. Каково было лидеру «партии Лося» услышать от Осборна, входившего в «семерку малых губернаторов», что он должен отойти в сторону и предоставить этому профессору «вести народ против финансовых владык»¹⁰⁰. Конечно, Рузвельт не уступил настояниям Осборна. Сохраняя любезный тон, но внутренне негодуя, он ответил Осборну: «Мой дорогой губернатор, если бы прогрессисты решили, что другой человек должен вести эту борьбу и сможет ее вести лучше, чем могу я, я сниму шляпу перед этим человеком. Но раз они так не решили, я не мог отступить»¹⁰¹. А затем он объявил платформу демократов «худшей» из того, что он когда-либо видел, и припугнул Осборна, что, если он, Рузвельт, не будет баллотироваться, часть прогрессистов вернется к Тафту, а часть поддержит социалистов. Это был любимый аргумент Рузвельта: ссылка на опасность социалистического движения.

Снова на специальном поезде полковник Рузвельт колесил по Соединенным Штатам. Он выступал в 34 штатах, к концу турне совсем потерял голос, но не терял бодрости.

Борьба за президентское кресло в этом году свелась к дуэли в основном двух претендентов: Вильсона и Рузвельта. О Тафте почти забыли. Не встречаясь, разумеется, лично, они в каждом новом выступлении отвечали на предыдущую речь соперника, до-

⁹⁹ Там же, с. 194.

¹⁰⁰ *Harbaugh W. H.* Op. cit., p. 419.

¹⁰¹ T. Roosevelt to Ch. S. Osborn, July 5, 1912.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 569. Несмотря на то, что Осборн был высокого мнения о В. Вильсоне, в конце концов он все же поддержал Рузвельта.

ставляя развлечение публике и переживания сторонникам. Рузвельт обвинял Вильсона в «аграрном ториизме»¹⁰², неискренности, особенно в вопросе о тарифах, утверждая, как все республиканцы, что низкие тарифы невыгодны рабочим. Вильсон был более корректен и к концу кампании даже признал у Прогрессивной партии «широкие социальные цели»¹⁰³.

14 октября обычный ход кампании был нарушен чрезвычайным происшествием: в Милуоки, когда Рузвельт садился в автомобиль, чтобы ехать на митинг, на него было совершено покушение. Какой-то человек (фанатик, как говорили и говорят в США) выстрелил в него из револьвера. К счастью, рана оказалась не серьезной, так как пуля наткнулась на футляр для очков и сложенную в несколько раз тетрадь с подготовленной для митинга речью. Обойтись без театральности полковник, конечно, не мог. Он стойчески отказался ехать в госпиталь и отправился на митинг, где, зажав рану рукой, тихим голосом обратился к аудитории: «Друзья, попрошу вас быть как можно тише. Я не знаю, вполне ли вы понимаете, что в меня стреляли, но требуется нечто посильнее, чтобы убить «Люся»»¹⁰⁴. Затем он в течение целого часа читал приготовленную речь, держа в руке прорванные и запачканные кровью листки. Прингл, описывая поведение экс-президента, не знал, считать его театрально-показным или ребяческим. Другой биограф, Харбаг, относит все на счет «рузвельтовской исключительности»¹⁰⁵.

Пока раненый кандидат прогрессистов лежал в госпитале в Чикаго, куда приехали жена и обе дочери, Вильсон и Тафт из солидарности также прекратили свои выступления.

Последние дни перед выборами Рузвельт почти безвыездно провел в Сагамор-хилле, только два раза выехав для выступления в Нью-Йорк. Настроение в семье было тревожное. В его родном штате Нью-Йорк он откровенно ожидал поражения и победы Таммани, т. е. демократов¹⁰⁶. На избрание было мало на-

¹⁰² Одному из прогрессистов Рузвельт писал, что платформа демократов «представляет собой неумный аграрный ториизм, а частично — совершенно неискреннее стремление обещать невозможное с циничным равнодушием к тому, будет ли что-либо когда-либо выполнено» (Т. Roosevelt to H. Plunkett, Aug. 3, 1912.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 591). С этих явно демагогических позиций, считая искренним только себя, Рузвельт выступал в течение всей кампании.

¹⁰³ *Harbaugh W. H.* Op. cit., p. 420.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 421.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 422.

¹⁰⁶ «Я боюсь, ...что если не будет буквально полной перегруппировки голосов, то нас надуют с победой» (Т. Roosevelt to A. R. Cowles, Oct. 27, 1912.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 632).

дежды. Элис, разрывавшаяся между отцом и мужем, баллотировавшаяся в конгресс по республиканскому бюллетеню, приезжала в Сагамор-хилл за неделю до выборов. «У нас не было иллюзий, — вспоминала она через 20 лет, — относительно того, что с нами должно было произойти через неделю... У нас были убеждения и мечты, но, увы, не было голосов. Голосов у нас, конечно, не было»¹⁰⁷.

Выборы проходили 5 ноября 1912 г. Они принесли Рузвельту горчайшее в его жизни разочарование. «Битва за Армагеддон» окончилась поражением. Даже если он предвидел провал, разочарование от этого не становилось меньше. Вильсон, а не Рузвельт был избран президентом Соединенных Штатов¹⁰⁸. Демократам, безусловно, помог раскол старой республиканской партии. «Ойстер-бейскому льву» предстояло сидеть в Сагамор-хилле и оттуда наблюдать, как его счастливый соперник разворачивает реформаторскую деятельность.

¹⁰⁷ Longworth A. R. Op. cit., p. 221.

¹⁰⁸ Итоги голосования выборщиков по выборам президента США в 1912 г.: Вильсон — 435 голосов, Рузвельт — 88, Тафт — 8; народное голосование: Вильсон — 6 296 547; Рузвельт — 4 118 571; Тафт — 3 486 720, Дебс — 900 672 (Historical Statistics of the United States. Washington, 1960, p. 682).

Напряжение последних дней перед выборами наконец сменялось затишьем. Тафт вернулся к своим обязанностям в Вашингтоне, которые ему предстояло выполнять еще четыре месяца, и утешался мыслью, что только раскол, произошедший по вине Рузвельта, помешал его вторичному избранию. Вудро Вильсон с семьей уехал на Бермудские острова отдыхать и готовиться к «вступлению на престол». Туда за ним потянулись советники, друзья и претенденты на посты в правительстве. Со времени правления демократического президента Кливленда прошло 16 лет, и демократы предвкушали дележ правительственного пирога. По Вашингтону распространялись слухи о готовящихся назначениях на должности министров и послов, вызывая горестные мысли у чиновных республиканцев.

Прогрессистские деятели — во всяком случае такие, как братья Пинчоты, Х. Джонсон, У. А. Уайт и др. — не помышляли складывать оружие. Они думали о дальнейшей судьбе Прогрессивной партии, а их лидер — о своей карьере. Укрывшись в Сагамор-хилле, он пытался обрести душевное равновесие, что было не так легко сделать. «Когда очевидно, что день лидера прошел, — мрачно писал он Уайту после выборов, — единственное, что он может сделать, это отойти в сторону и очистить дорогу преемнику»¹. Рузвельт был слишком эгоцентричен и тщеславен, чтобы продолжать дело, с которым он уже не связывал личных планов.

Однако сразу отойти от движения Рузвельт не мог. Было бы неприлично немедленно отказаться от всякого участия в делах партии, члены которой продолжали считать его своим вождем. А в партии тут же возникла конфликтная ситуация. Через три дня после выборов Г. Пинчот написал Рузвельту письмо, в котором содержались, во-первых, практические предложения по превращению новой партии в стабильную организацию со штаб-квартирой в Вашингтоне, а, во-вторых, требование удалить из

¹ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt. A Biography. New York, 1931, p. 572.*

руководства партией Дж. Перкинса, чьи связи с «большим бизнесом» и отрицательное отношение к закону Шермана вызывали смуту в рядах партии. Но Рузвельт категорически отказался поддержать отстранение Перкинса. В его глазах бывший компаньон Моргана был главной опорой Прогрессивной партии. «Я сомневаюсь, делал ли хоть один человек во время кампании столько, сколько сделал Перкинс», — отвечал полковник Пинчот². Рузвельт подчеркивал трудности, стоящие перед молодой третьей партией, имеющей своими соперниками две старые партии с хорошо налаженным и обеспеченным деньгами партийным аппаратом. Именно на последнее обстоятельство особенно напирал лидер Прогрессивной партии. Это свидетельствует, что Рузвельта интересовали создание сильной партийной машины и агитация за привлечение голосов в пользу кандидата, а не организация массовой партии.

Вскоре Рузвельт получил еще более настойчивое послание от младшего Пинчота, требовавшего восстановления в программе партии антитрестовского пункта и опять же отстранения Перкинса. Э. Пинчот доказывал — и это соответствовало действительности, — что Перкинс не порвал связей со стальной корпорацией и «Трестом жатвенных машин» и в рядах Прогрессивной партии защищает интересы крупного капитала. «Я уверен, что при данных условиях избрание трестовского магната лидером (номинальным или каким-либо другим) нашей партии будет скверной политикой и скверной этикой», — заявил Э. Пинчот³.

Рузвельт получил письмо Э. Пинчота перед отъездом в Чикаго, где должна была состояться широкая конференция Прогрессивной партии. Рузвельт опасался, что Пинчот-младший пойдет на скандал во время конференции. А, по всей видимости, главной целью полковника было сохранить и Перкинса в руководстве партии, и свою репутацию радикального лидера. Каррикатурность положения, при котором финансовый магнат занимал руководящий пост в партии, возникшей из антимонополистического движения, не смущала Рузвельта.

В Чикаго перед самым открытием конференции (10 декабря 1912 г.) группа сторонников Рузвельта предупредила Пинчота, что атака на Перкинса разрушит партию. Пинчот ответил, что не собирается нападать на Перкинса, но требует восстановить

² T. Roosevelt to G. Pinchot, Nov. 13, 1912. — In: *The Letters of Theodore Roosevelt*, ed. by E. E. Morison a. o., 8 Vls. Cambridge (Mass.), Vol. VII, p. 641.

³ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916*. New York, 1958, p. 186.

в платформе партии антитрестовский пункт. Не желая обсуждать на конференции вопрос о трестах, Рузвельт согласился восстановить злополучный пункт. Диксон объявил собранию, что этот пункт был якобы «случайно» пропущен в тексте по вине типографии⁴. Так в платформе Прогрессивной партии было официально восстановлено требование о поддержке закона Шермана.

Сделав эту ничтожную уступку, Рузвельт добился главного: сохранения за Перкинсом руководящего поста в Прогрессивной партии. Выступая на конференции, он благодарил Перкинса, Мэнси и еще некоторых финансистов за их щедрость, оперативность во время кампании и сказал, что «не было более бескорыстных прогрессистов», нежели они⁵. Эти слова заставили оппозиционеров умолкнуть, и Перкинс остался вторым лицом в партии после Рузвельта. Перкинс прекрасно разбирался в ситуации, знал, что все более или менее радикальные прогрессисты настроены к нему враждебно, но не собирался уходить со своего поста. Политическая деятельность была для него своего рода хобби. Его биограф написал об этом так: «Вместо того чтобы заниматься бизнесом и делать деньги, он стал заниматься политикой и тратить деньги»⁶.

Действительно, Перкинс тратил огромные суммы на Прогрессивную партию, но его увлечение политикой имело вполне определенную цель: союз корпораций с государством. Его идеалом — в этом он сходиллся с Рузвельтом и отсюда становится понятной их связь и поддержка Рузвельтом этого финансиста — была система, которую В. И. Ленин назвал государственно-монополистическим капитализмом. Большинство финансовых магнатов из окружения Перкинса не понимали его поведения и мотивов, которыми он руководствовался, превратившись, к их изумлению, в лидера Прогрессивной партии с антимонополистической программой. Дж. П. Морган-младший пытался убрать Перкинса из правления «Стального треста». Только заступничество Гэри, частично разделявшего его взгляды, дали возможность Перкинсу сохранить за собой этот пост⁷.

Перкинс превратился в настоящего босса партийной организации прогрессистов. Э. Пинчот с горечью писал об этом времени: «Правда, закон Шермана был вновь включен в платформу. Но с Перкинсом, остающимся у руля, и Рузвельтом, стремящим-

⁴ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 202.*

⁵ *Garraty J. A. Right-Hand Man. The Life of George W. Perkins. New York, 1960, p. 288.*

⁶ *Ibid., p. 215.*

⁷ *Ibid., p. 290—295.*

ся покинуть корабль в первом порту, Прогрессивная партия практически потеряла цель»⁸.

Надо сказать, что и без тормозящего влияния Перкинса Прогрессивная партия после победы демократов постепенно теряла почву под ногами. Чтобы развиваться дальше, прогрессизм должен был бы идти на сближение с массами трудящихся, расширять общедемократические требования своей программы до слияния с задачами рабочего движения и социалистической партии. Но в силу мелкобуржуазного характера прогрессивное движение остановилось и не могло преодолеть своей ограниченности и враждебности к рабочему классу. В то же время Вильсон и демократы перехватили у прогрессистов программу буржуазных реформ и в течение двух лет провели в жизнь несколько мероприятий, обещанных во время предвыборной кампании: снижение тарифов, федеральный резервный акт, два антитрестовских закона (закон Клейтона, в котором был пункт о том, что рабочие союзы не подлежат юрисдикции закона Шермана, и закон о создании Федеральной промышленной комиссии).

Таким образом, Вильсон, когда-то ратовавший за фритредерство, оказался перед необходимостью проведения сверху реформ, видоизменяющих буржуазные институты все с той же целью сохранения в неприкосновенности капиталистического общественного строя. «Новая свобода» сомкнулась с «новым национализмом», что признавали даже правоверные приверженцы прогрессизма⁹. Некоторые прогрессисты поддержали законодательство Вильсона. Например, за тариф Андервуда проголосовали Лафоллетт и Пойндекстер; последний признал, что этот тариф все же лучше, чем закон Пэйна — Олдрича¹⁰.

Лидер прогрессистов с самого начала деятельности администрации Вильсона принял, как и следовало ожидать, позу критика, с горькой усмешкой наблюдающего, как лицемерные демократы обманывают американский народ. В то время, когда в конгрессе проходило обсуждение тарифного билля, он даже обратился с проникновенным письмом к депутатам-прогрессистам: «Мы не можем объединяться ни с одной из старых партий, связанных с боссами и контролируемых бизнесом»¹¹. Это писал человек, только что передоверивший финансовому магнату руководство Прогрессивной партией.

⁸ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 212.*

⁹ См., например: *White W. A. Woodrow Wilson. The Man, His Times and His Task. Boston, 1924, p. 264.*

¹⁰ «*The New York Times*», 10.IX 1913.

¹¹ T. Roosevelt to the Progressives in Congress, Apr. 2, 1913.— In: *The Letters...*, Vol. VII, p. 718—719.

Деятельность самого Рузвельта в партии свелась к переписке с почитателями, которые не давали ему покоя напоминаниями о грядущей кампании 1916 г. Он презрительно называл это «бесконечной суетней, связанной с усилиями поддержать существование Прогрессивной партии»¹². Тем не менее Рузвельт был против воссоединения прогрессистов и республиканцев даже на основе либеральной программы. На банкете, устроенном Национальным прогрессивным клубом по случаю дня рождения Линкольна, он многозначительно заявил о своем отрицательном отношении к объединению прогрессистов с «любой из двух старых политических партий»¹³. Выступление полковника на банкете вызвало привычный и приятный для него гром аплодисментов, тем более приятный, что потерпевший поражение на выборах лидер «партии Лося» теперь выступал не очень часто. Он занимался делами Американской исторической ассоциации, президентом которой состоял в 1913 г., и много писал.

С начала 1913 г. Рузвельт публиковал в «Аутлуке» мемуары, которые затем были изданы отдельной книгой. Одновременно Роберт М. Лафоллетт печатал воспоминания в еженедельнике «Лафоллетте уикли мэгэзин». Возникла довольно курьезная ситуация, так как оба лидера прогрессистского движения приписывали себе в нем главную роль. При этом оскорбленный Лафоллетт не удержался от критических замечаний в адрес более удачливого соперника.

Не только лидеры прогрессизма решили обогатить американскую литературу своими мемуарами. В 1913 г. увидели свет и воспоминания Г. К. Лоджа¹⁴. Кстати, дружба Рузвельта с Лоджем, пережившая кризис в 1912 г., постепенно возвращалась в прежнее русло¹⁵. Правда, в письмах еще не обсуждались политические вопросы, связанные с Прогрессивной партией, но, помимо всегда живых семейных сюжетов, опять нашла тему, в которой они были единодушны: критика новой администрации и самого Вильсона. Все, что предпринимал Вильсон, друзья встречали в штыки.

¹² T. Roosevelt to K. Roosevelt, Dec. 3, 1912.— Ibid., p. 660.

¹³ «The New York Times», 13.II 1913. Его слова были ответом на выступление Мэнси за месяц до этого о желательности воссоединения Прогрессивной партии с республиканцами.

¹⁴ Lodge H. C. Early Memories. New York, 1913.

¹⁵ Лодж присутствовал на свадьбе младшей дочери Рузвельтов Этель с Ричардом Дерби, нью-йоркским врачом. Однако среди 500 гостей, присутствовавших на венчании в ойстер-бейской церкви, не было ни Тафта, ни Рута, не получивших приглашений. Рузвельт не мог простить ни тому, ни другому «кражи делегатов» на республиканском съезде.

Рузвельт не желал признавать никаких достижений Вильсона. Он осуждал все, что делал и говорил «профессор в Белом доме». С позиций «частного лица» он резко критиковал демократического президента, избранного, как он полагал, вместо него. «Я отношусь к Вильсону с презрительным отвращением,— изливался он в письме Лоджу.— У него есть кое-какие способности... Но он является смешной фигурой в международных делах. Он — узкий и жестокий фанатик, а морально — довольно недобросовестен»¹⁶. Вильсон превратился для Рузвельта в главного врага. Между двумя лидерами буржуазного реформизма возникло некое соперничество, словесная дуэль. В этой необъявленной войне самолюбий и характеров Вильсон имел бесспорное преимущество в силу своего положения. Но полковник не оставался в долгу.

Так проходил 1913 год. Однако все, что окружало Рузвельта, все, чем он занимался, не захватывало его по-настоящему. Разговоры друзей о перспективах выборов в 1916 г. он пресекал. То ли Рузвельт понимал, что 1912 год был кульминацией и концом его карьеры, то ли не желал преждевременно строить планы на будущее. «Борьба окончена,— сказал он как-то одному из друзей, приехавшему в Сагамор-хилл.— Мы побиты. Остается сделать только одно — вернуться в республиканскую партию. Вы не можете удержать от развала такую партию, как Прогрессивная, у нас нет денег»¹⁷.

В октябре 1913 г. Рузвельт с женой принял приглашение посетить Бразилию и Аргентину. Полковник согласился прочесть несколько лекций, после чего намеревался совершить плавание по р. Парагвай. Он уезжал в новое путешествие с радостью. Его манили не только незнакомые места, неизвестная жизнь, стремление сорвать аплодисменты южноамериканцев, но и желание уйти от забот и волнений прогрессистского движения, ставшего для него чуждым.

Отъезд был назначен на 4 октября. В этот день прогрессисты дали прощальный банкет своему лидеру, покидающему их на шесть месяцев. Со всех концов страны в Нью-Йорк съехались 2 тыс. прогрессистов для того, чтобы послушать прощальную речь Рузвельта. Воодушевленный присутствием огромной аудитории, что всегда действовало на него зажигательно, полковник наговорил, как обычно, кучу многообещающих фраз и уверял слушателей, что «нет ни причин, ни смысла считать, что дни Про-

¹⁶ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Sept. 9, 1913.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 747.

¹⁷ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 571.

грессивной партии сочтены»¹⁸. Наоборот, восклицал он, партия с триумфом идет вперед. Все это было словесной шелухой, ибо, говоря о высоких принципах, которые прогрессисты выдвинули год назад, Рузвельт уже не собирался их отстаивать¹⁹.

Путешествие по Бразилии, Аргентине и Чили продолжалось месяц. В Бразилии к родителям присоединился Кермит, после окончания Гарварда служивший в этой стране в одной из американских железнодорожных компаний.

Рузвельт читал лекции в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Буэнос-Айресе, Сантьяго-де-Чили. Все выступления были подчинены одной цели: убедить латиноамериканцев признать доктрину Монро основной политической доктриной для обоих полушарий. Полковник стремился внушить своим слушателям, что США защищают интересы всех стран Американского континента, что правительство США якобы придерживается принципа — как он сказал — «американского интернационализма». Он заверял неоднократно, что США приветствуют «достижение настоящей мощи такими государствами, как Бразилия, Аргентинская Республика и Чили»²⁰, и призывал их выступить в качестве коллективного гаранта доктрины Монро.

Обращение вновь к доктрине Монро было не случайным. В 1910 г. на четвертой панамериканской конференции в Буэнос-Айресе намерение бразильской делегации поставить на утверждение резолюцию об одобрении доктрины латиноамериканскими странами не получило поддержки со стороны других стран²¹.

Через два года (в августе 1912 г.) конгресс утвердил резолюцию, или так называемое «дополнение Лоджа» к доктрине Монро, где говорилось, что «никакая гавань или другая территория на Американском материке» не может находиться во владении иностранного правительства (кроме американского)²². Эта резолюция использовалась правящими кругами США в интересах

¹⁸ «The New York Times», 4.X 1913.

¹⁹ Рузвельт писал У. А. Уайту с борта парохода «Вандайк», увозившего его в Южную Америку, что он по существу отказывался от руководства партией. Он признавался Уайту, что не пожелал сделать заявление о согласии баллотироваться в президенты от прогрессистов в 1916 г. «Было бы глупо для кого бы то ни было делать подобные заявления. В течение следующих трех лет будет достаточно времени для многих изменений, и мы не должны заранее чем-либо привязывать себя к какому-нибудь курсу» (T. Roosevelt to W. A. White, Oct. 8, 1913.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 753).

²⁰ «The Outlook», 1913, November 1, Vol. 105, p. 476.

²¹ См.: *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969, с. 409—410.

²² См.: *Зубок Л. И.* Указ. соч., с. 441.

американского капитала, а не народов латиноамериканских стран.

Политика правительства США вызывала законные опасения латиноамериканских государств, общественное мнение которых было настроено против сильного и бесцеремонного северного соседа. Учитывая это, Рузвельт решил пропагандировать доктрину Монро, настаивая, что ее следует рассматривать, по его выражению, как «континентальную, а не одностороннюю»²³. Он не отрицал, что идея «трансформации» доктрины в «многостороннюю», разумеется, под эгидой США, была высказана Мэхеном еще в начале 1900-х годов. Рузвельт считал эту мысль «достаточно любопытной», чтобы пропагандировать ее в настоящий момент, как он писал Лоджу из Парагвая, и «привести в точное соответствие с фактами и нашими национальными интересами»²⁴.

Лекционное турне закончилось в Вальпараисо. Там Рузвельт простился с женой, отбывавшей на родину, а сам с Кермитом остался в Южной Америке. Дело в том, что бразильское правительство предложило полковнику возглавить экспедицию для изучения неисследованного района реки Сомнения (the River of Doubt). Кермит решил сопровождать отца.

12 декабря 1913 г. на бразильской границе Рузвельт встретился с известным исследователем полковником К. М. да Сильва Рондоном и его спутниками. В научной экспедиции Рузвельта — Рондона принимали участие два ученых-натуралиста из Американского музея естественной истории (Нью-Йорк) — Джордж К. Черри и Лео Э. Миллер, а также несколько офицеров-бразильцев, в том числе военный врач, все имеющие опыт географических исследований. Более месяца путешественники провели в джунглях, охотясь, собирая образцы бразильской фауны, и к концу февраля 1914 г. вышли к верховьям реки Сомнения.

Здесь экспедиция разделилась на две группы. Одна во главе с Миллером поплыла по направлению к р. Мадейра, забрав с собой все экспонаты; другая — в составе Рузвельта, Кермита, Рондона, Черри, лейтенанта Лиры, доктора Кахасейры и 16 гребцов — на семи каноэ 27 февраля начала плавание вниз по течению реки, еще не нанесенной на карту, углубляясь в совсем неисследованную страну²⁵.

Эта экспедиция не походила на африканские сафари. Условия оказались тяжелее, чем предполагали путешественники. Исследование реки Сомнения едва не стоило жизни Рузвельту.

²³ «The Outlook», 1913, November 1, Vol. 105, p. 474.

²⁴ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Dec. 12, 1913.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 756.

²⁵ The Letters..., Vol. VII, p. 758, note 1.

Трудности начались буквально с первых дней, и чем дальше экспедиция углублялась в джунгли, следуя капризному течению реки, тем опаснее был путь. Спокойное широкое русло реки не раз прерывалось опасными порогами, и тогда лодки приходилось тянуть волоком. Все участники — то один, то другой — сваливались в горячечном малярийном бреде и страдали от дизентерии.

Экспедиция потеряла две лодки. Во время катастрофы первой лодки погиб гребец, а Кермит только чудом остался жив. Пытаясь спасти другую лодку с припасами, Рузвельт повредил ногу, началось нагноение, да к тому же возобновились приступы лихорадки. Страдая физически, полковник еще больше мучился от сознания, что стал обузой для сына и своих спутников, тем более, что его несли на носилках, когда обходили пороги. Запасы продовольствия и медикаментов быстро таяли.

В этих тяжелых условиях исследователи вели наблюдения, наносили на карту течение реки. Они проплыли около 1500 км и установили, что река Сомнения относится к бассейну Амазонки. На карту было нанесено место слияния реки Сомнения с рекой Арипуанан, впадающей в Мадейру, — один из больших притоков Амазонки. В течение 48 дней экспедиция Рузвельта не встретила ни одного человека. Только 15 апреля они натолкнулись на домик сборщиков каучука, но эти люди ничем не могли им помочь. Еще 12 дней изнурительного плавания, и они наконец достигли первого населенного пункта — деревушки Сан-Жоао. Там измученные путешественники погрузили носилки с полковником, экспонаты и остатки снаряжения на речной пароход, доставивший их сначала в Манаус (город на р. Амазонка). Из Манауса, тоже пароходом, они доплыли до Белена, бразильского порта на Атлантическом побережье, откуда отец и сын Рузвельты отправились в США и к 20 мая 1914 г. были в Ойстер-Бее. Так закончилась последняя одиссея экс-президента²⁶. Правительство Бразилии назвало реку именем Теодора Рузвельта (полковник Рондон, открывший истоки реки Сомнения, был тогда забыт)²⁷.

Бразильская экспедиция серьезно подорвала здоровье Рузвельта, но вернула ему душевное равновесие и уверенность. Он был

²⁶ Приключения в Бразилии описаны Рузвельтом в книге «Сквозь бразильские джунгли» (Through the Brazilian Wilderness. New York, 1914), составленной из корреспонденций, которые он посылал в журнал «Скрибнерс мэгэзин».

²⁷ Только годы спустя к полковнику Рондону пришло признание. Индеец по происхождению, Рондон был неутомимым борцом за права своего народа. Он стал маршалом Бразилии и умер в возрасте старше 90 лет (в 1958 г.), окруженный почетом. Его имя — Рондонна — теперь носит обширная область Бразилии, граничащая с Боливией.

доволен результатами экспедиции, хвастался своей выносливостью и почти немедленно по возвращении занялся вновь политикой, явно стараясь отдалиться от прогрессистов. Так позволяет думать его выступление в Питтсбурге 30 июня.

Едва вернувшись из поездки в Европу²⁸, полковник отправился в Питтсбург, где перед большой аудиторией заявил, что и дальше будет бороться за принципы прогрессизма, однако теперь не хочет выступать антагонистом партии, «под знаменами которой он семь лет занимал Белый дом»²⁹.

Приближалась осень, а с ней промежуточные выборы в конгресс и выборы губернаторов. Прогрессисты предложили Рузвельту баллотироваться в губернаторы Нью-Йорка, но он ответил категорическим отказом, ссылаясь на пошатнувшееся здоровье. Однако вряд ли настоящей причиной отказа была болезнь. Рузвельт не верил в возможность победы прогрессистов и не хотел рисковать³⁰.

Прогрессисты все же выдвинули собственного кандидата в губернаторы — Ф. М. Дэвенпорта, и Рузвельт согласился совершить с ним агитационное турне.

Итак, полковник вновь включился в политическую борьбу. Привыкший быть в окружении политической элиты, лидеров, известных всей стране, полковник теперь видел вокруг себя новых, сравнительно молодых людей, малоизвестных и поэтому весьма заинтересованных в его поддержке. Э. Пинчот отмечал иронически, что «первый гражданин мира» был несчастен оттого, что, кроме Г. Пинчота, Перкинса, Джонсона и еще некоторых других, вокруг него были только посредственности, «ничтожная шушера, из которой теперь в основном состояла Прогрессивная партия»³¹. Что же двигало экс-президентом на этот раз поддержать дело, в которое он не верил, и людей, которых он зачастую презирал? Только не благородное чувство долга по отношению к его почитателям, все еще видевшим в нем вождя. Это было желание иметь трибуну, оставаться на виду, чтобы его не забыли к тому времени, когда он снова захочет включиться в настоящую политическую игру ради собственных целей.

²⁸ Рузвельт в сопровождении старшей дочери 30 мая отплыл в Европу на свадьбу Кермита с дочерью американского посла в Мадриде. После свадьбы в посольстве и приема его королем Испании Рузвельт-отец отправился в Лондон прочесть лекцию в Королевском географическом обществе о путешествии в Бразилию.

²⁹ «The New York Times», 1.VII 1914.

³⁰ T. Roosevelt to H. W. Johnson, July 30, 1914.— In: The Letters..., Vol. VII, p. 787.

³¹ Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 182.

Согласившись агитировать за прогрессиста, Рузвельт недвусмысленно заигрывал с «честными рядовыми республиканцами». «Исчез эмоциональный идеалист 1912 года,— пишет об этом периоде Прингл,— вернулся практический политик»³². Однако здесь мы можем согласиться лишь со вторым, а именно, что он был практическим политиком. Да и вряд ли можно серьезно говорить, что поход Рузвельта в 1912 г. против «старой гвардии» республиканской партии был взрывом «эмоционального идеализма» даже в том смысле, как понимает это Прингл. Нет, не идеализм, а эмоциональный взрыв возмущения тем, что его обошли, и попытка практического решения спора с враждебным ему крылом партии, когда терять уже было нечего. Попытка окончилась неудачей в 1912 г., но можно было повторить еще раз и постараться избежать ошибок, а пока напоминать о себе. Вот почему, повторяем, он включился в избирательную кампанию, зная, что это было, как писал О. К. Дэвис, «проигранное сражение за победное дело»³³.

Турне полковника в сентябре — октябре проходило без былой помпезности. Не было ни специального поезда, ни даже специального вагона. Экс-президент довольствовался местом в спальном вагоне или автомобиле вместе со своими спутниками, но зато он получил трибуну и аудиторию, перед которой рассыпал мишуру внешне демократических лозунгов и громил политику президента Вильсона, вырвавшего из рук Прогрессивной партии ее оружие — реформы и применявшего методы самого Рузвельта, т. е. централизацию и укрепление исполнительной власти.

Демократическая партия шла к осенним выборам во всеоружии буржуазного реформизма: Вильсон заставил упиравшихся конгрессменов провести кое-какое снижение тарифов и закон о федеральной резервной системе. Последний под видом создания 12-ти федеральных банков утвердил строгую централизацию всей кредитной системы страны и поставил ее под контроль финансового капитала при номинальном правительственном надзоре. «Профессор в Белом доме» оправдывал ожидания тех, кто делал вклады в его избирательный фонд.

Выполняя предвыборные обещания, Вильсон поставил задачей своей партии провести новый антитрестовский закон, и конгресс был занят обсуждением билля Клейтона, в котором предполагался пункт, исключавший рабочие союзы из юрисдикции закона Шермана. После долгой борьбы и многих поправок билль прошел через конгресс и 15 октября стал законом. Несмотря на то что

³² *Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 575.*

³³ *Davis O. K. Released for Publication. Boston — New York, 1925, p. 426.*

законодатели сделали все возможное, чтобы лишить законопроект боевого духа, превратив его в обычный буржуазный акт с тысячами оговорок и всевозможных лазеек для его обхода, этот закон содержал положения о защите профсоюзов, о запрещении практики переименовывающегося директората и самим своим появлением на свет показывал, что правительство Вильсона проводит мероприятия, за которые ратовали прогрессисты. Далеко не все демократы были довольны политикой и особенно методами своего лидера. Профессор Вильсон оказался властолюбивым, обидчивым и мстительным хозяином, требовавшим подчинения. Но... «при таких обстоятельствах, — с горечью вспоминал Дэвис, — ограбление оптом прогрессистской платформы господином Вильсоном и его партией было сделано быстро и эффективно»³⁴. Рузвельту и прогрессистам нечего было ожидать успеха, и успех не пришел. Выборы прошли под знаком победы демократической партии.

В то время, когда летом и осенью 1914 г. политиканов в США занимали привычные распри и предвыборная кампания, за океаном, на полях Европы, уже гремели артиллерийские залпы. В течение последних лет империалисты всех «великих» держав сознательно шли на развязывание вооруженного конфликта. После выстрела Г. Принципа в Сараеве война стала реальностью. 28 июля Австро-Венгрия напала на Сербию. 1 августа германское правительство заявило о состоянии войны с Россией, а 3 августа — с Францией, и германские войска, нарушив договор о нейтралитете, двинулись на Францию через Бельгию. В ночь с 4 на 5 августа Англия заявила, что присоединяется к Франции и России. Первая мировая война началась.

Для огромной массы населения Соединенных Штатов война в Европе казалась неожиданным и непонятым событием, далеким от повседневной жизни страны. Даже У. А. Уайт, журналист, занимающийся политикой, воспринял европейскую войну как «ссору между коронованными главами Европы» и сетовал лишь на то, что она неизбежно отвлечет мысли народа от реформ³⁵. Никто не думал, что события в Европе могут повлиять на американскую экономику. Однако последнее сделалось ясным очень скоро. Уже на третий день войны закрылась нью-йоркская биржа, и прекращение всяких торговых и финансовых отношений с европейскими странами вызвало нарушение нормального течения экономической жизни и растерянность в деловых кругах США. Американцы почувствовали, что война за океаном влияет на их собственные дела. 4 августа президент США издал декларацию

³⁴ *Davis O. K. Op. cit.*, p. 423.

³⁵ *White W. A. An Autobiography*. New York, 1946, p. 507.

о нейтралитете, призвав население сохранять уверенность в мудрость своего правительства и неукоснительно выполнять обязательства, налагаемые заявлением о нейтралитете. Мало кто понимал, что заявление о нейтралитете было в тот момент единственно возможным шагом американского правительства, ибо оно не располагало ни сильным флотом, ни достаточным составом и вооружением сухопутной армии. Для того чтобы вылезть в войну, американским милитаристам надо было еще подготовиться.

Как же отнесся Рузвельт к событиям в Европе? Принято считать, что с самого начала европейской войны симпатии полковника были на стороне Англии, Франции и несчастной Бельгии. Однако анализ выступлений Рузвельта в течение августа — сентября 1914 г. противоречит такому мнению.

Первое публичное выступление полковника после декларации Вильсона о нейтралитете было весьма уклончивым: он выразил надежду, что «Соединенные Штаты пройдут через кризис невредимыми и будут вести себя так, чтобы сохранить честь и интересы своих граждан»³⁶. Его заявление не содержало сочувствия бельгийцам и осуждения немцев, и он ни слова не сказал о необходимости присоединения к союзникам. Скорее можно было заключить, что он одобряет декларацию Вильсона.

Затем в «Аутлуке» появились статьи Рузвельта от 22 августа и 23 сентября, статьи, о которых впоследствии ему пришлось пожалеть. В первой из них — «Внешняя политика Соединенных Штатов» — он высказывался вполне лояльно по отношению к президенту. О Германии же он писал только как об «одной из великих держав», участвующих в «великом кризисе», даже не упоминая слово Германия. Он выражал снисходительное сожаление, что были нарушены договоры о нейтралитете Бельгии и Люксембурга, и оправдывал «гигантов», которые «в смертельной схватке» не замечают, как «стирают с лица земли тех, кто оказывается у них на пути». Рузвельт не только не требовал вмешательства в эту «схватку», но и заявлял: «Где возможно, буду

³⁶ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 578. Биографы Т. Рузвельта по-разному относятся к его поведению в первые шесть — восемь недель войны в Европе. Одни добросовестно приводят его противоречивые писания, объясняя поворот к пропаганде войны или влиянием общественного мнения (Прингл), или возмущением действиями Германии (Харбар). Другие просто опускают этот момент (Блам) или даже восхищаются его попыткой поддержать Вильсона вопреки своим чувствам и во всем оправдывают экс-президента. Именно так описывает поступки Рузвельта Г. Хэйдждорн — наиболее страстный его поклонник (*Hagedorn H. The Bugle that Woke America. The Saga of Theodore Roosevelt's Last Battle for His Country. New York, 1940, p. 13—17*).

поддерживать позицию, занятую администрацией»³⁷. В упоминавшейся статье от 23 сентября полковник повторил, что считает желательным придерживаться политики нейтралитета, присовокупив: «Было бы, конечно, глупо прыгать самим в водоворот без основательной причины»³⁸.

Прингл, цитируя эти высказывания полковника, справедливо, по нашему мнению, замечает, что Рузвельт был в «смятении» и что его слова показывают «неизбежную реакцию человека, который в глубине души оставался милитаристом»³⁹.

Сила и воинственность всегда imponировали экс-президенту. Очевидно, эти чувства вносили смятение в мысли полковника и мешали определить, какую позицию ему следует занять. Однако уже в первых числах октября Рузвельт отбросил всякие сомнения и определенно объявил себя другом союзников (Англии, Франции и России), а Германия в его речах из «гиганта» превратилась в «разбойника». Полковник не мог принять иную позицию, ибо участие в империалистической войне входило в планы правящих кругов США, интересы которых выражали оба — и Рузвельт и Вильсон.

Первоначальные колебания Рузвельта вызывались еще и психологическим фактором: он ненавидел Вильсона и идти в фарватере политики президента было ему невыносимо. Определить позицию Рузвельту помог сам Вильсон призывом соблюдать «нейтралитет в мыслях, на словах и на деле», что являлось лицемерием и демагогией, ибо хозяин Белого дома был таким же сторонником войны и империализма, как и его воинственный оппонент. Требованием немедленно вступить в войну Рузвельт противопоставил себя Вильсону и возглавил лагерь милитаристов, взявших курс на обязательное участие США в переделе мира, из-за чего и была развязана империалистическая война.

Полковник Рузвельт поставил перед собой задачу внушить американскому народу то, во что верил сам: необходимо вмешаться в европейскую войну. Но участвовать в ней, конечно, ради того, чтобы занять среди великих держав первое место. Он требовал быстрее вступления в войну якобы во имя восстановления мира, во имя высшей справедливости, а на самом деле — ради установления выгодного для США соотношения сил.

Втягивание Соединенных Штатов в сферу военных интересов

³⁷ «The Outlook», 1914, August 22, Vol. 107, p. 1012; *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 578.

³⁸ «The Outlook», 1914, September 23, Vol. 108, p. 173; *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 579.

³⁹ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 578.

стран Антанты, несмотря на официальный нейтралитет, началось вскоре после развязывания войны. Крупнейшие промышленные и финансовые корпорации с самого начала были на стороне союзников. В этом последствии открыто признавался Генри Дэвисон, компаньон фирмы Дж. П. Моргана⁴⁰. (заявивший там, кстати сказать, место Перкинса). Военные заказы союзников оживили американскую экономику; кризис, начавшийся в 1913 г., вскоре сменился промышленным подъемом: европейская война стала приносить барыши американским монополиям. Золото воюющих держав потекло в американские банки. На закупку в США продовольствия и военного снаряжения требовались деньги, и американские финансисты охотно предоставляли кредит. При этом торговля и кредитование стран Антанты неуклонно возрастали, а торговый оборот со странами Центральной Европы неуклонно падал. Этому способствовала как внутренняя, так и международная обстановка: объявление Англией военной контрабандой длинного списка товаров (против чего безуспешно и не очень настойчиво протестовал Вильсон), страх американских монополистов перед возможностью укрепления Германии как основного экономического соперника, антигерманская пропаганда внутри США со стороны милитаристских кругов, различных обществ и отдельных лиц. В деле разжигания военной истерии экс-президент сыграл — без преувеличения — огромную роль.

Устные и печатные выступления Рузвельта за подготовку к войне против Германии непосредственной мишенью имели президента. Политика «нейтралитета», официально проводившаяся администрацией, давала полковнику обильный материал для публичного высказывания своего неодобрения. Вильсон не спешил с открытыми военными приготовлениями. Рузвельт начал кричать о всеобщей военной подготовке, требовать создания большой армии, увеличения ассигнований на флот. Он терял чувство меры и чуть ли не публично обвинял Вильсона в «физической трусости» и даже в «связях с германским посольством»⁴¹. Он писал об этом друзьям, те показывали его письма знакомым, и мнение полковника о президенте делалось достоянием гласности. Отношения между президентом Вильсоном и экс-президентом Рузвельтом стали столь напряженными, что английский посол лорд Спринг Райс не мог встречаться со своим другом Теодором, дабы не потерять доступ в Белый дом⁴².

⁴⁰ *Rochester A.* Rulers of America. New York, 1936, p. 139.

⁴¹ T. Roosevelt to A. H. Lee, Sept. 2, 1915.— In: *The Letters...*, Vol. VIII, p. 967.

⁴² *Hagedorn H.* The Bugle that Woke America, p. 58.

В 1915 г. Рузвельт выпустил книгу «Америка и мировая война», в которой собрал свои статьи и речи за последние месяцы, но подверг их существенной обработке. Из августовской и сентябрьской статей в «Аутлуке» были взяты абзацы о поддержке нейтралитета, о «схватке гигантов» и т. п. и заменены новыми, соответствующими теперешним чувствам автора. Кстати, еще за месяц до начала войны Рузвельт вышел из редакции «Аутлука», желая развязать руки для беспрепятственной критики администрации Вильсона⁴³. Сначала его статьи — более умеренные — еще появлялись в этом журнале, издатель которого Лаймен Эбботт с его христианско-пацифистскими взглядами не разделял ни воинственных взглядов Рузвельта, ни его ненависти к Вильсону. Рузвельт перекочевал в журнал «Метрополитен», а еще позже газета «Канзас-Сити стар» сделалась главным его рупором.

К Рузвельту тяготела небольшая группа публицистов, бизнесменов, армейских и морских офицеров, рьяно выступавших за «готовность к войне». В это время появились трактаты и романы, возбуждавшие у обывателя страх перед вторжением в Америку чужеземных солдат в касках, солдат, национальностью которых не вызывала сомнений, — это были немцы⁴⁴. Консервативные республиканцы восточных штатов — Лодж, Рут, Бэкон, Уиллард, Гарднер, Чоати — все были за войну, за милитаризацию страны быстрее темпами. На этой почве у экс-президента с ними могли восстановиться связи, что и происходило в самом деле. К их обоюдной радости между Лоджем и Рузвельтом пала преграда рузвельтовского «нового национализма», и друзья вновь обрели общий язык. Теперь их волновала одна проблема — втягивание США в войну с Германией.

Потопление 7 мая 1915 г. немецкой подводной лодкой «Лузитании», громадного пассажирского парохода Антанты, на котором находились 1200 человек и среди них много женщин и детей, вызвало бурю негодования во всем мире, а в США еще и подъем военной антигерманской пропаганды, так как среди пассажиров «Лузитании» погибло 123 американца. Осторожность президента, его слова, что Америка «слишком горда, чтобы сражаться», дали повод Рузвельту для новых нападок. Он требовал немедленного использования немецких интернированных судов, прекращения

⁴³ *Harbaugh W. H. Wilson, Roosevelt, and Interventionism, 1914—1917: A Study of Domestic Influences on the Formulation of American Foreign Policy. Doctoral Dissertation Series, N 9240. Evanston (Ill.), 1954, p. 20—21.*

⁴⁴ Можно назвать хотя бы романы О. Уистера, Э. Ф. Вуда, Г. Максима, книгу генерала Леонарда Вуда «Военный долг гражданина», еще одну книгу самого Рузвельта — «Бойся господ и делай свое дело».

торговли с Германией и угрожающе писал: «Было бы хорошо не забывать, что есть вещи хуже, чем война»⁴⁵.

Далеко не многие в США думали так, как полковник. «Нэйшн» одобрительно отозвался о поведении Вильсона во время кризиса, вызванного гибелью «Лузитании», и признал исчерпывающими извинения, принесенные Германией⁴⁶. Г. Хэйджорн писал с неодобрением, что «для среднего любящего мир американца фраза «вещи хуже, чем война», показалась напыщенным выражением милитаризма»⁴⁷.

На самом же деле это было явной демагогией. Не Рузвельту, говорившему в свое время, что он «ради порядка» не остановится перед расстрелом мирных жителей Филиппинских островов, было возмущаться гибелью женщин и детей на «Лузитании». «Лузитания» явилась великолепным предлогом для продолжения борьбы с президентом за лидерство. Но Вильсон был осторожнее и сдержаннее своего оппонента и правильно оценивал настроение широких масс. Он шел к той же цели, что и Рузвельт, — к вступлению в войну, однако придерживался иной тактики: исподволь готовиться к войне и выжидать наиболее выгодного для США момента. Впрочем, трудно сказать, как бы вел себя Рузвельт, будь он в этот период главой правительства.

Известие о гибели «Лузитании» полковник получил в Сиракьюсе (штат Нью-Йорк), где выступал в суде в качестве ответчика по делу, возбужденному против него республиканским боссом Нью-Йорка Барнсом еще летом 1914 г. Барнс обвинял Рузвельта в клевете на основании того, что во время одного публичного выступления экс-президент сравнил Барнса с продажными заправилami демократической организации Таммани. Барнс нанял известного адвоката Айвинса, и они, собрав огромное число писем Рузвельта, намеревались доказать, что Рузвельт сам систематически занимался политической коррупцией. Враги полковника злорадно предвкушали, что после процесса неутомимый полковник окажется «политическим трупом».

Перед отъездом в Сиракьюс Айвинс сказал Руту, что едет с целью «пригвоздить шкуру Рузвельта к позорному столбу», на что Рут ответил: «Позвольте дать Вам совет. Я знаю Рузвельта, и надо быть очень уверенным в себе, если Вы хотите, чтобы на позорном столбе болталась шкура именно Рузвельта»⁴⁸.

Рут оказался прав. Полковник явился на суд во всеоружии.

⁴⁵ Цит. по: *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 583.

⁴⁶ «The Nation», 1915, June 10, p. 638.

⁴⁷ *Hagedorn H. The Bugle that Woke America*, p. 71.

⁴⁸ *Pringle H. F. Theodore Roosevelt*, p. 576.

Его феноменальная память, напористость, смелость, с которой он объяснял свои поступки, и обаяние, которым он умел пользоваться, обезоружили присяжных. Несмотря на то что среди них было двое американцев немецкого происхождения, Рузвельт не побоялся выступить с резким заявлением по поводу торпедирования «Лузитании». В итоге полковник выиграл процесс. Он был признан невиновным, а Барнсу, уехавшему из Сиракьюса еще до объявления вердикта суда, действительно пришлось на какое-то время отказаться от политической деятельности.

Процесс в Сиракьюсе неожиданно поднял политический престиж полковника Рузвельта. Он забросил все и вся и с головой ушел в пропаганду войны.

Несмотря на одержимость войной, Рузвельт видел, что американский народ не хочет воевать, что его выступления не встречают широкого одобрения. Но он утешал себя тем, что «в конце концов, так же неотвратимо как рок, американцы осознают, что я говорил правду, и даже если об этом забудут, то все-таки это сказал именно я»⁴⁹.

Медленно и недостаточно, с точки зрения Рузвельта, но тем не менее неуклонно правящие круги США развертывали кампанию за «готовность к войне». С лета 1915 г. появились первые военные лагеря, где молодежь проходила подготовку. Сыновья Рузвельта были в числе первых волонтеров, пожелавших пройти тренировку. Конгресс утвердил развернутую программу усиления армии и строительства боевых кораблей. В Нью-Йорке, Чикаго, Вашингтоне проводились военные демонстрации, так называемые «парады готовности». В Вашингтоне такой парад возглавил сам президент. В конце июня 1915 г. Брайан, лично неприятный Вильсону и к тому же пацифист, ушел из кабинета. Взамен него на пост государственного секретаря Вильсон назначил Роберта Лансинга, представителя деловых кругов, искусственного в политике и сторонника войны. Но для неистового Рузвельта всего этого было мало. Он полагал, что президент непростительно затягивает вступление в войну. Такого же мнения было и высшее военное командование. Объявления войны с Германией требовал и деловой мир, связавший себя с Антантой.

Президент вел такую осторожную игру из тактических соображений субъективного порядка. Приближались президентские выборы, и следовало предстать перед массами не джингоистом, наподобие Рузвельта, а защитником мира. Демократическая партия собиралась выдвинуть президента вторично под лозунгом «Он удержал нас от войны».

⁴⁹ Цит. по: *Hagedorn H. The Bugle that Woke America*, p. 76.

Имя кандидата республиканской партии оставалось неизвестным до дня съезда. Остатки прогрессистов намеревались выдвинуть Рузвельта. «Несмотря на признаки и предзнаменования, которые были достаточно ясными,— вспоминал впоследствии Э. Пинчот,— большинство прогрессистов были слепы к действительной ситуации и вполне уверены, что если Рузвельта не выдвинут обе партии (т. е. республиканская и Прогрессивная.— *И. Б.*), то он тем не менее будет баллотироваться как кандидат третьей партии»⁵⁰. Действительно, надо было быть слепым, чтобы не видеть, как упорно полковник отстраняет от себя прогрессистов и все больше тянется к сближению со «старой гвардией» республиканцев. Конечно, дружба с Лоджем во многом облегчала Рузвельту отступление на старые позиции; возможно, что и заправилы республиканской партии имели какие-то соображения и планы насчет полковника. Его воинственные речи и империалистическая направленность отвечали программе республиканцев.

Возвращаясь несколько назад, отметим, что отход полковника от прогрессистского движения стал особенно заметен после выборов в конгресс осенью 1914 г., когда прогрессисты потерпели явную неудачу. Только в Калифорнии и Луизиане их кандидаты избрали в конгресс, и Х. Джонсона вновь избрали губернатором Калифорнии. Поражение прогрессистов пресса расценивала как «страшный удар», нанесенный их лидеру. Обзоратель «Нэйши» с притворным сочувствием писал: «Даже оппоненты господина Рузвельта должны в эти дни иметь к нему сочувствие... Как политический лидер он попал в самое затруднительное положение»⁵¹. Сам Рузвельт также полагал, что поражение в ноябре не сулило больше никаких перспектив для Прогрессивной партии, с ней пора было кончать. Это было его искреннее желание. Он писал Этель в Париж: «Лично для меня с эгоистической точки зрения будет большим облегчением, когда и если они (остатки прогрессистов.— *И. Б.*) действительно рассеются»⁵².

Прогрессисты видели, что Рузвельт их покидает⁵³. В середине декабря 1915 г. они были неприятно поражены, увидев в

⁵⁰ Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 213.

⁵¹ «The Nation», 1914, November 5, p. 536.

⁵² T. Roosevelt to E. R. Derby, Nov. 4, 1914.—In: The Letters..., Vol. VIII, p. 831—832.

⁵³ Мемуары Уайта свидетельствуют, что он понимал настроение своего друга, но не обвинял его. Спустя много лет Уайт оправдывал Рузвельта тем, что тот «не желал оказаться в роли генерала Джеймса Б. Уивера, кандидата в президенты и лидера гринбекеров и популистов, перенесшего много поражений. Кроме того, война его возбуждала» (*White W. A. An Autobiography*, p. 507).

«Нью-Йорк таймс» сообщение об обеде, устроенном в честь Рузвельта главой «Стального греста» Э. Гэри у него в доме на Пятой авеню. На обеде присутствовало целое созвездие крупнейших магнатов Уолл-стрит: А. Белмонт, Дж. Шифф, Дж. Бэйкер, Ф. Вандерлип, К. Вандербилт, Д. Гуггенгейм, Дж. Перкинс, М. Маккормик (еще недавно деятель «партии Лося», а теперь снова правоверный республиканец), Фрэнк Т. Келлог и некоторые другие. Список имен свидетельствовал о том, что обед носил политический характер и, по мнению Э. Пинчота, был устроен с целью «создать рузвельтовский бум»⁵⁴. Хотя число гостей было немалое, все они были опытными политиками и дельцами, и даже пронырливые репортеры не сумели ни у кого вытянуть сведений, о чем говорилось на этом банкете.

Имя Рузвельта, как и прежде, заполнило все первые страницы газет. На все лады в прессе обсуждали возможность возвращения Рузвельта в республиканскую партию. Будет ли полковник баллотироваться? И чьим кандидатом он выступит? О чем шла речь на обеде у Гэри? Репортеры изнывали от неизвестности. «Нэйшн» иронически писал, что «господин Рузвельт отправился туда в качестве натуралиста, изучающего естественную среду и привычки *Octopus Gariensis*»⁵⁵.

Рузвельт же в это время упорно продолжал повторять, что не будет баллотироваться. В марте 1916 г. он сделал заявление для прессы: «Я не хочу выдвигать свою кандидатуру... Мои интересы заключаются в том, чтобы пробудить в моих согражданах сознание необходимости смотреть в лицо неприятным фактам»⁵⁶. Во исполнение этой миссии, возложенной им на самого себя, полковник метался по штатам и произносил зажигательные речи, агитировал за войну, за помощь союзникам и поносил Вильсона. Он жестикулировал с неумолимой энергией, а голос его, как всегда в минуты возбуждения, переходил на самый высокий фальцет. По мнению поклонников, их кумир Тедди Рузвельт был по-прежнему великолепен, по мнению врагов, становился смешным.

Повторяя неоднократно, что он против выдвижения его кандидатом прогрессистов, Рузвельт в конце концов дал понять, что хотел бы стать кандидатом обеих партий. 11 мая 1916 г. в ответ на запрос секретаря Рузвельтовской непартийной лиги, образованной его сторонниками, полковник составил письмо, содержа-

⁵⁴ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916*, p. 216.

⁵⁵ «*The Nation*», 1915, December 23, p. 732.

⁵⁶ *Bishop J. B. Theodore Roosevelt and His Times Shown in His Own Letters*. New York, 1920, Vol. II, p. 405.

ние которого было расценено как желание стать кандидатом двух партий⁵⁷. Он заявил: «Как вы знаете, я отказался одобрить упоминание моего имени на первичных собраниях или каким-либо иным путем во фракционном споре, который бы ставил целью мое выдвижение в Чикаго в июне... Я не должен строить свои убеждения или на американизме, или на готовности. Я сражался за них в продолжение всей моей жизни, а когда я был президентом, то соответственно претворял свои убеждения в государственную политику»⁵⁸.

Съезд республиканской партии и съезд прогрессистов были назначены на один и тот же день (7 июня) в Чикаго. Уже один этот факт свидетельствовал о существовании если не соглашения, то во всяком случае контактов между руководством той и другой партий.

Прогрессисты действительно предложили своему вероломному вождю выставить кандидатуру и бороться за президентство, но Рузвельт этого не желал. Он хотел бы стать президентом, но президентом от республиканцев или от обеих партий, а отнюдь не от прогрессистов. А «старая гвардия» республиканской партии, консервативная верхушка, заправлявшая съездом, готова была пойти на соглашение с прогрессистами и выдвинуть кого угодно, только не Теодора Рузвельта. Съезд проголосовал за Ч. Э. Юза.

Поняв, что надежды стать республиканским кандидатом больше не существует, Рузвельт отказался от предложения выставить свою кандидатуру на съезде прогрессистов. И не только отказался. Он предложил им утвердить кандидатом своего друга Лоджа, махрового реакционера старой школы, в течение 30 лет боровшегося с прогрессистами ради интересов промышленных кругов Новой Англии⁵⁹. Прогрессисты восприняли этот демарш как оскорбление, но все-таки утвердили кандидатуру Рузвельта в надежде, что у того не хватит сил отказать съезду⁶⁰. Однако и после этого Рузвельт прислал письмо с отказом, да еще предложил им поддержать Юза.

Делегаты были потрясены. Многие плакали⁶¹. Четыре года они связывали с Рузвельтом свои стремления, беззаветно верили

⁵⁷ Так полагал Э. Пинчот, такого же мнения была «Нью-Йорк таймс» (*Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 219, 293, note 20*).

⁵⁸ Цит. по: *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 219*.

⁵⁹ T. Roosevelt to the Conferees of the Progressive Party, June 10, 1916.— In: *The Letters...*, Vol. VIII, p. 1060—1062.

⁶⁰ «The Nation», 1916, June 15, p. 631.

⁶¹ *Pinchot A. R. E. History of the Progressive Party, 1912—1916, p. 222*.

в своего вождя, в его преданность идеям прогрессизма. Разочарование было слишком сильным. Это был конец Прогрессивной партии. Так воспринимались события на съезде и друзьями, и врагами прогрессистов.

«Истинная трагикомедия была представлена прогрессистами в Чикаго,— злорадно писал «Нэйшн».— Зрители не знали, рыдать или смеяться... Финальная сцена, когда они поняли, что их обожаемый лидер дезертировал совершенно неподвижным образом, была действительно патетической. Они были изумлены, оглушены, возмущены, приведены в отчаяние... Во всем ощущался жалкий контраст по сравнению с религиозным пылом и надеждой 1912 года... Для всех теперь ясно, что крах прогрессистов в Чикаго был неизбежен»⁶².

Рузвельт предал прогрессистское движение еще задолго до съезда, предал, когда понял, что оно уже не сможет служить его личным целям⁶³. Закат его политической карьеры, так же как ее начало в 1884 г., был отмечен предательством. Через пять дней после съезда он уже обедал в Нью-Йорке с Ч. Юзом, которому предложил свою поддержку. Полковник Рузвельт вернулся в лоно своей старой партии.

Появление Рузвельта на митинге республиканцев в Карнеги-холл, где Юз произносил первую речь и благодарил за выдвижение, произвело такое впечатление, что присутствующие забыли о кандидате, а толпились вокруг вернувшегося «блудного сына» и смотрели только на него⁶⁴. Рузвельт же не просто явился на это собрание, но и с охотой включился в кампанию. Вопреки запретам докторов, он вновь отправился в предвыборное турне; теперь он агитировал за республиканца с привычным пылом и с обычным красноречием. Но главным для него был не Юз, а пропаганда войны и борьба с Вильсоном.

Однако в 1916 г. республиканские боссы опять просчитались; не помогли и экзальтированные речи «блудного сына». Используя антивоенные настроения американского народа, победил Вудро Вильсон.

После ноябрьских выборов, почувствовав себя крепко в седле, Вильсон стал действовать решительнее, но все же до конца

⁶² «The Nation», 1916, June 15, p. 636.

⁶³ Еще за несколько месяцев до съезда Рузвельт писал Кермиту: «Мои непосредственные и острые заботы окончены. Не в человеческих возможностях провести Прогрессивной партии еще одно сражение в качестве национальной партии, а если это произойдет, то нет никакой вероятности, что мне придется быть лидером» (Т. Roosevelt to K. Roosevelt, Jan. 7, 1915.— In: *Bishop J. B. Op. cit.*, Vol. II, p. 356).

⁶⁴ *The Letters...*, Vol. VIII, p. 1096, note 1.

сохраняя позу президента страны, которую насильно втягивают в мировую войну. 25 января он выступил перед конгрессом с заведомо безнадежным предложением воюющим странам заключить «мир без победы». Это предложение вызвало очередную бешеную атаку неистового полковника. «Не может быть настоящего мира без победы,— писал он.— Мир без победы — это естественный идеал человека, который слишком горд, чтобы сражаться»,— иронизировал Рузвельт⁶⁵. На выпады Рузвельта Вильсон не отвечал.

После объявления Германией беспощадной подводной войны США разорвали с ней дипломатические отношения, а 6 апреля 1917 г. Америка вступила в мировую войну.

Превращение страны в участника схватки империалистических держав повлекло за собой резкие изменения в экономике и внутриполитическом положении США. Правительство Вильсона в тесном контакте с деловыми кругами перевело капиталистическое хозяйство на военный лад. Был создан целый ряд специальных военных управлений для руководства этим процессом во главе с видными финансистами и промышленниками. Нью-йоркский биржевик Бернард Барух, возглавивший самое важное, Военно-промышленное управление, в конце концов превратился в промышленного диктатора страны.

Одновременно началось наступление реакции по всем линиям, направленной на то, чтобы заглушить протест, высказываемый передовой частью рабочего класса и социалистами. 7 апреля 1917 г. съезд социалистической партии под нажимом рядовых членов и левых элементов в руководстве (Ч. Рутенберг) принял антивоенную резолюцию. Несмотря на отсутствие четких формулировок, эта резолюция звала американский народ к активному протесту против империалистической войны⁶⁶. Против войны и милитаризма подняли голос и члены боевого рабочего союза «Индустриальные рабочие мира». Зато Американская федерация труда и ее бессменный председатель С. Гомперс предложили правительству свое сотрудничество.

Стремясь подавить любые антивоенные выступления рабочих, уже в июне 1917 г. правительство провело через конгресс так называемый акт о шпионаже. Изданный якобы только для борьбы против немецкой пропаганды, этот закон вводил военную цензуру⁶⁷. На его основании были запрещены все социалисти-

⁶⁵ *Bishop J. B. Op. cit., Vol. II, p. 418.*

⁶⁶ Подробнее см.: *Козенко Б. Д. Рабочее движение США в годы первой мировой войны.* Саратов, 1965.

⁶⁷ *Congressional Record, Vol. 55, Pt 4, p. 3306.* Через год, в мае 1918 г., перед

ческие газеты как протестующие против существующего режима. Полиция повсюду искала германских агентов и, пользуясь законом о шпионаже, арестовывала социалистов, деятелей ИРМ, забастовщиков. В стране воцарилась атмосфера запугивания. В Вашингтоне критики президента позволяли себе шутить по поводу «шпионской лихорадки». «Одним из забавных аспектов военного Вашингтона была шпионская лихорадка, — вспоминала Элис Лонгуорт. — ...К людям приходили и требовали от них прислушиваться и сообщать о мятежных выступлениях и подозрительной деятельности. Если бы критика ведения войны президентом и оппозиция таким требованиям, как предоставление ему конгрессом власти контролировать экспорт и импорт после войны, означали мятеж, то многие из нас вскоре оказались бы за решеткой»⁶⁸.

Однако то, что для лонгуортов и рузвельтов было предлогом, чтобы посмеяться над действиями Вудро Вильсона, для лидеров социалистического и рабочего движения оборачивалось преследованиями и тюрьмой. Джон Рид справедливо писал: «За все время войны во исполнение закона о шпионаже было осуждено не более дюжины германских агентов, но зато тюрьмы были переполнены осужденными по этому закону тысячами американских социалистов, среди которых находились Дебс, Хейвуд и многие другие»⁶⁹. (И сам Джон Рид, вправе добавить мы.)

В условиях войны голос полковника Рузвельта звучал в унисон с официальной военной пропагандой. Нечего и говорить, что он приветствовал объявление войны и одобрил военное послание Вильсона. Но Рузвельт мечтал о личном участии в войне, самонадеянно или наивно полагая, что его 2-месячного военного опыта на Кубе вполне достаточно, чтобы руководить позиционными операциями в Европе. Задолго до объявления войны он начал атаковать военного министра просьбами разрешить ему (как это было в 1898 г.) сформировать конный полк для отправки во Францию под его командой. 9 апреля он добился приема у президента и просил его о том же. «Большой мальчик», — так снисходительно отозвался о Рузвельте президент. Разумеется, он отказал своему врагу. Клемансо писал Вильсону, что «имя Рузвельта имеет легендарную силу во Франции», и просил президента разрешить полковнику приехать в Европу и появиться на

лицом широкого забастовочного движения и антивоенных выступлений правительство издало еще один репрессивный закон — о запрещении мятежей.

⁶⁸ Longworth A. R. The Crowded Hours. New York, 1934, p. 271.

⁶⁹ Рид Дж. Капитализм и рабочее движение в Америке. М., 1924, с. 8.

фронте⁷⁰. Но это лишь усилило неприязнь «профессора в Белом доме» к экс-президенту, популярному и за пределами Соединенных Штатов.

После отказа президента воинственные чувства Рузвельта находили отдушину лишь в том, что все его сыновья и муж младшей дочери хирург Р. Дерби один за другим отправлялись на фронт.

Первыми 20 июня 1917 г. уехали Тед и Арчибалд. Генерал Першинг, главнокомандующий экспедиционным корпусом во Франции, по просьбе Рузвельта прислал им вызов с целью ускорить зачисление в армию. Затем полковник через друга в Лондоне просил британское командование принять Кермита в английские войска в Месопотамии и добился у военного министра Бэйкера разрешения Кермиту служить под английским флагом без прохождения военной подготовки в американском лагере в Платтсбурге. Последним неистовый отец отправил самого младшего, 19-летнего Квентина, поступившего в первый в США отряд военных летчиков. Квентин не вернулся из Франции: он погиб в воздушном бою в июле 1918 г. Арчи возвратился искалеченным, перед самым перемирием. Тед бы дважды ранен и закончил войну подполковником. Теодор и Кермит (последний получил перевод в американские войска) участвовали в аргоннской операции, единственном серьезном сражении, в котором действовали американские войска. Молодые Рузвельты, прошедшие через первую мировую войну, были детьми своего отца. Они не пополнили ряды «потерянного поколения», ибо приняли империалистическую войну так же, как их отец. Это была «их война».

Гибель Квентина глубоко ранила Рузвельта. Он был бессилён облегчить жене тяжесть утраты. До этого момента все опасные авантюры его жизни кончались благополучно, но тут произошло непоправимое, и впервые он почувствовал себя уставшим и старым. 27 октября 1918 г., в день 60-летия, он писал Кермиту: «Сегодня день моего рождения, я рад, что мне исполнилось шестьдесят, ибо как-никак это дает мне право быть номинально таким старым, каким я себя чувствую»⁷¹. И все же он оставался самим собой. «Ужасно, что Квентину пришлось умереть,— писал он тогда Артуру Ли,— но было бы еще хуже, если бы он не пошел»⁷².

⁷⁰ *Bishop J. B.* Op. cit., Vol. II, p. 427; *Pringle H. F.* Theodore Roosevelt, p. 598.

⁷¹ T. Roosevelt to K. Roosevelt, Oct. 27, 1918.— In: *The Letters...*, Vol. VIII, p. 1382.

⁷² T. Roosevelt to A. H. Lee, Sept. 8, 1918.— *Ibid.*, p. 1368.

Рузвельт не простил Вильсону его отказа. Теперь, в условиях военного времени, он не мог открыто выступать против президента, но давал себе волю в письмах. «Вильсон самый вопиюще неспособный администратор (в духовном и моральном плане); каким была когда-либо проклята страна в годину великого кризиса, возможно лишь за исключением войны в 1812 г.»⁷³ «14 пунктов» Вильсона он называл «14 клочками бумаги». К проекту Лиги наций отнесся очень сдержанно и если не возражал против него, то, очевидно, лишь потому, что когда-то сам выступал с планом международной организации. Но не преминул заметить, что Лиге наций, если она будет существовать, придется признать доктрину Монро. «Если бы Рузвельт был жив, он присоединился бы к батальону смерти, который убил Лигу наций», — писал Прингл⁷⁴. Его мнение разделяют многие историки, оно вытекает из характера и взглядов экс-президента.

Последний год войны — 1918 — был также и последним годом жизни Рузвельта, в продолжение которого он много болел. Мало кто знал, как тяжело болен этот неутомимый человек. В феврале 1918 г. он перенес трудную операцию по поводу абсцесса в ухе, после чего наполовину потерял слух. Одним глазом он уже давно не видел. Тяжелый ревматизм приковывал его к постели. С 11 ноября по 25 декабря 1918 г. он пролежал в госпитале в Нью-Йорке. Но и в госпитале, лежа на спине, он продолжал диктовать статьи и письма. Передовицы, которые он писал в годы войны для газеты «Канзас-Сити стар», составили целую книгу⁷⁵. Это — книга неистовой военной пропаганды и идеологической борьбы за мысли и души американцев, внушение им идеи о господстве США над всем миром.

Наибольшую ненависть Рузвельта вызывали социалисты, которых он называл изменниками и немецкими агентами. «Американская социалистическая партия в настоящее время является вполне германизированным придатком прусской милитаристской и капиталистической автократии Гогенцоллернов», — писал Рузвельт в конце ноября 1917 г.⁷⁶ После Октября 1917 г. в арсенале бранных слов, употреблявшихся Рузвельтом по отношению к социалистам и вообще ко всем инакомыслящим, прибавилось еще

⁷³ T. Roosevelt to A. H. Lee, Febr. 21, 1918.— In: The Letters..., Vol. VIII, p. 1287.

⁷⁴ Pringle H. F. Theodore Roosevelt, p. 603.

⁷⁵ Theodore Roosevelt in the «Kansas City Star». War Time Editorials with an Introduction by R. Stout. Boston and New York, 1921.

⁷⁶ T. Roosevelt to T. Roosevelt, Jr., Nov. 29, 1917.— In: The Letters..., Vol. VIII, p. 1257; Theodore Roosevelt in the «Kansas City Star», p. 56.

одно: «большевики». Буржуазный лидер безошибочно почувствовал враждебность ему нового мира, родившегося в России. «Большевики дома», т. е. американские социалисты, и «большевики за границей», как он писал, вызывали у него одинаковое чувство вражды и страха. Заключенный Советским правительством Брестский мир он называл «позорным и предательским»⁷⁷ и утверждал, что Россия брошена под гнет «железной тирании германского милитаризма и капитализма». (такими словами оперировал буржуазный американский лидер!), что ее нужно спасти⁷⁸.

Какое же средство предлагал экс-президент США для «спасения» России? Он писал об этом с достаточной откровенностью: Россия «не нуждается в болтовне и посланниках для изучения ситуации. Она нуждается в армии, вокруг которой, как вокруг ядра, она сможет создать свои собственные огромные армии. Такой план лучше любого другого»⁷⁹. Это был план вооруженной интервенции в Россию — вот к чему призывал полковник Рузвельт еще до окончания мировой войны. Этот план был выполнен его врагом — президентом Вильсоном. Так до самой смерти Теодор Рузвельт продолжал воевать за сохранность буржуазного миропорядка, за удержание власти в руках своего класса.

Рузвельт дожил до окончания войны и капитуляции Германии, но не дожил до возвращения из Европы президента, не дожил до выборов 1920 г., во время которых республиканские боссы, простившие ему измену в 1912 г., по всей вероятности, предложили бы ему выставить свою кандидатуру в президенты⁸⁰. Он вернулся из нью-йоркского госпиталя в Сагамор-хилл в первый день рождества 1918 г., а утром 6 января 1919 г. его не стало. Он умер во сне от острого сердечного приступа. «Старый лев скончался», — такую телеграмму послал капитан Арчибалд Рузвельт братьям в Европу.

⁷⁷ Theodore Roosevelt in the «Kansas City Star», p. 118.

⁷⁸ Ibid., p. 162.

⁷⁹ Ibid., p. 165.

⁸⁰ Элис Лонгуорт пишет, что разговоры о кампании 1920 г. и планах сделать Рузвельта опять лидером начались уже в 1917 г. В январе 1918 г. отец приезжал к ней в Вашингтон для встречи с республиканским боссом Джоном Кингом, «имея в мыслях выдвижение в 1920 г.» (*Longworth A. R. Op. cit.*, p. 270). Дж. Блам пишет по этому поводу: «Дома, сотрудничая с республиканскими лидерами, Рузвельт начал готовиться к 1920 г. Некоторые из них и из его старых друзей надеялись, что он сможет нести знамя партии. Он чувствовал, что не может, но он, конечно, желал бы этого» (*Blum J. M. The Republican Roosevelt. New York 1962. p. 159.*)

Рассказывали, что сообщение о смерти Рузвельта Вильсону подали во время остановки поезда на пути из Франций в Италию. Тень сожаления промелькнула на лице президента, когда он взглянул на телеграмму, но быстро сменилась выражением затаенного торжества. Умер его антипод, побежденный и в то же время непобедимый соперник, человек, который с памятного дня выборов 5 ноября 1912 г. лишал Вильсона покоя. Теперь его не стало. И не этот воинственный и безудержно хвастливый экс-президент, ковбой, охотник, полковник, а он, Вильсон, здесь, в Европе, решает судьбы мира, судьбы стран и народов. Ведь Вильсон еще не знал, насколько призрачен был его триумф в Европе.

Теодор Рузвельт был погребен в Ойстер-Бее на месте, выбранном им самим. Похороны экс-президента были относительно скромными. Собралось человек 500. Прибыли делегации от сената и палаты представителей конгресса. Приехали друзья и коллеги по партии, и среди них экс-президент Тафт, с которым Рузвельт встретился и примирился летом 1918 г. Но не было пышных речей, воинских почестей, так ценимых при жизни полковником. Только несколько самолетов с военно-воздушной базы на Лонг-Айленде, где учился Квентин, кружили над Сагамор-хиллом, отдавая салют отцу погибшего товарища. Зато буржуазная пресса США и Европы откликнулась на смерть экс-президента длинными некрологами.

■

Политическая карьера Рузвельта, несмотря на некоторые неблагоприятные моменты, складывалась в общем удачно: в 23 года он был членом законодательного собрания штата Нью-Йорк, в 40 лет — губернатором, в 43 года — президентом США. Он любил повторять: «я взлетел как ракета», — приписывая этот успех своим способностям, смелости, честности и принципиальности в политике. Спору нет: Рузвельт был ярким человеком, одаренным и лично смелым. Но его головокружительный «взлет» произошел как раз потому, что он не был в политике ни честным, ни принципиальным. Он был типичным буржуазным деятелем крупного, конечно, масштаба, дальновидным и умным, гибким и способным к политической интриге. Он умел казаться прямым и искренним, но эта кажущаяся прямолинейность слишком часто оказывалась вероломством и открытым отступничеством. В 26 лет он обманул своих друзей-либералов и поддержал Дж. Блэйна, которого не уважал и против которого рьяно выступал на съезде республиканцев.

А чего стоит «джентльменское соглашение» с президентом «Стального треста» Гэри, благодаря которому эта моргановская корпорация благополучно избегала применения к ней антистретовского законодательства? Наконец, вся эпопея прогрессистов (1912 г.), во время которой Рузвельт, отказавшись сначала от участия в движении, перехватил у Лафоллетта руководство, в пылу борьбы с Тафтом возглавил прогрессистскую партию, чтобы в 1916 г. предать ее, отказаться от ее программы,— разве это не пример политической беспринципности и вероломства? Можно только удивляться тому, как долго и самоотверженно прогрессисты верили и защищали честь своего лидера от него же самого.

В свете всех известных фактов может казаться парадоксальным или маловероятным, что весьма значительная часть представителей промышленно-финансовой элиты и руководители партийной машины тем не менее недоверчиво относились к Рузвельту и постарались отделаться от него при первой возможности. Дело в том, что для них Рузвельт был слишком сложен и неудобен своей настойчивостью при проведении в жизнь тех мер, какие он считал необходимыми для укрепления позиций всего капиталистического класса. Реформаторские идеи Т. Рузвельта часто были камнем преткновения в его отношениях с «большим бизнесом».

Среди монополистов, пожалуй, только Дж. Перкинс и Э. Гэри соглашались со взглядами Рузвельта на необходимость каких-то буржуазных реформ, вмешательства государства в экономику в интересах бизнеса, на необходимость уступок народу перед фактом ширящегося рабочего и социалистического движения. Только страх за будущее капиталистической системы толкал Рузвельта-президента на проведение реформ, оказавшихся в конце концов очень ограниченными, а Рузвельта — лидера прогрессистов на провозглашение программы «нового национализма», в которую он включил даже требования демократизации политической системы и социального законодательства. «Вся программа, вся агитация Рузвельта и «прогрессистов» ведется вокруг того, как бы *спасти капитализм* посредством... *буржуазных реформ*»⁸¹. Так писал В. И. Ленин в 1912 г., когда в обстановке политического кризиса не только новая прогрессистская партия с ее лидером Рузвельтом, но и старая партия демократов написала на своем знамени «реформа», тем самым перехватив у

⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

прогрессистов программу и вырвав победу у республиканской «старой гвардии».

В одном полковник Рузвельт был последователен, искренен и «принципиален» до конца: в исповедании крайнего национализма и экспансионизма, в утверждении права американцев на главенство в мировой политике, на захват и подавление малых наций ради возвеличения Соединенных Штатов. Теодора Рузвельта можно назвать идеологом и практиком империализма. В своих исторических трудах, публицистических статьях и бесчисленных устных выступлениях он проповедовал превосходство англоамериканцев как завоевателей и «наиболее приспособленных», которым, по его мнению, должна принадлежать ведущая роль среди народов земли. Эту расистскую теорию он с пафосом провозгласил еще в 1899 г. в речах, опубликованных под названием «Экспансия и мир» и «Деятельная жизнь». В них он витийствовал в защиту тезиса о величии англоамериканской нации, которое будет завоевано в борьбе: «...Только через борьбу, через тяжелый и опасный опыт мы в конце концов достигнем цели подлинного национального величия»⁸².

Рузвельтовские идеи о «величии нации» и «экспансии ради цивилизации» перекалились со словами его современника, барда британского империализма Р. Киплинга, писавшего о «бремени белого человека», якобы несущего «дикарям» свет цивилизации⁸³. Президент Рузвельт, едва переступив порог Белого дома, приступил к осуществлению этой «миссии белого человека». Американские солдаты огнем и мечом насаждали цивилизацию на Филиппинских островах, наводили «порядок» на Кубе, угрожали доминиканцам. «Большая дубинка» Рузвельта существенно дополняла и подкрепляла доктрину Монро. Соединенные Штаты под руководством своего президента охотно взяли на себя обязанности международного полицейского в Западном полушарии, затем заявили о своем желании и готовности принять посильное участие в европейских делах.

Внешнеполитический курс Рузвельта был рассчитан на выдвижение США в ряд великих мировых держав, более того — на завоевание среди них господствующего положения. Руководителям политики европейских государств пришлось считаться с возросшей экономической мощью американского империализма и допустить за свой стол этого агрессивного президента, который,

⁸² *Roosevelt T. The Strenuous Life. London, 1903, p. 21.*

⁸³ «Бремя белого человека» — стихотворение Р. Киплинга, написанное им как раз по поводу испано-американской войны (*Kipling R. A Choice of Kipling's Verse. London, 1957, p. 136—137*).

вдобавок, поспешил устроить демонстрацию силы военно-морского флота Соединенных Штатов во всех крупнейших портах мира.

Таким образом, Теодор Рузвельт, возглавивший американское правительство в начале империалистической эпохи, оказался ее живым воплощением. Словом и делом он способствовал осуществлению агрессивных вождений молодого, но уже экономически сильного американского империализма, и заставил потесниться правительства «старых грабительских держав». Вот почему, хотя и много лет спустя, идеологи буржуазии отметили его заслуги как первого президента, при котором Соединенные Штаты стали играть активную роль в мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К.* Письмо Ф. А. Зорге от 20 июня 1881 г.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 35.
- Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке. Предисловие к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии».— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21.
- Энгельс Ф.* Письмо Ф. А. Зорге от 29 ноября 1886 г.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 36.
- Ленин В. И.* Реформизм в русской социал-демократии.— Полн. собр. соч., т. 20.
- Ленин В. И.* Разногласия в европейском рабочем движении.— Полн. собр. соч., т. 20.
- Ленин В. И.* Итоги и значение президентских выборов в Америке.— Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полн. собр. соч., т. 27.
- Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И.* Государство и революция.— Полн. собр. соч., т. 33.
- Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Публикации официальных документов, письма, дневники*
- Antitrust Laws with Amendments, 1890—1951, compl. by E. A. Lewis. Washington, 1953.
- Antitrust Laws with Amendments, 1890—1956, compl. by G. G. Udell. Washington, 1962.
- Bishop J. B.* Theodore Roosevelt and His Times Shown in His Own Letters, 2 Vls. New York, 1920.
- Butt A. W.* Taft and Roosevelt, 2 Vls. New York, 1930.
- Collin R. H. (ed.)* Theodore Roosevelt and Reform Politics. Lexington (Mass.), Toronto, London, 1972.
- Cowles A. R.* Letters from Theodore Roosevelt to Anna Roosevelt Cowles, 1870—1918. New York, 1924.
- Debs: His Life, Writings, and Speeches.* Girard, 1908.
- Debs E. V.* Writings and Speeches of Eugene V. Debs. New York, 1948.
- Documents of American History, ed. by H. S. Commager, 2 Vls. Englewood Cliffs (N. J.), 1973.
- National Party Platforms, 1840—1956, compl. by K. E. Porter and L. D. Bouse. Urbana, 1956.
- Report to the President of the United States on the Anthracite Coal Strike of May—October 1902, by the Anthracite Coal Strike Commission. Washington, 1903.
- Roosevelt T., Betts Ch. H.* Betts-Roosevelt Letters. New York, 1912.

- Roosevelt T.* The Roosevelt Policy, Speeches, Letters and State Papers, Relating to Corporate Wealth and Closely Allied Topics. Vls 1—3 (repr.). New York, 1971.
- Roosevelt T.* President's Roosevelt Speeches Delivered at Hartford (Conn.), Providence etc. New York, 1902.
- Roosevelt T.* Presidential Addresses and State Papers of Theodore Roosevelt, 2 Vls. New York [1910].
- Roosevelt T.* The Letters of Theodore Roosevelt, 8 Vls. Cambridge (Mass.), 1951—1954.
- Roosevelt T.* Theodore Roosevelt's Letters to His Children, ed. by J. B. Bishop. New York, 1947.
- Roosevelt T.* Theodore Roosevelt's Diaries of Boyhood and Youth. New York — London, 1928.
- Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge, 1884—1918, ed. by H. C. Lodge, 2 Vls. New York, 1925.
- Schurz C.* Speeches, Correspondence, and Political Papers of Carl Schurz, sel. and ed. by F. Bancroft, 6 Vls. New York, 1969.
- Speeches and Documents in American History, ed. by R. Birley, 4 Vls. London, 1942.
- United States Congress, Congressional Record, Vls 33—51 (1900—1914). Washington, 1900—1915.
- United States Congress, 60th Congress, 2d Session, S. Ds N 587, 626 (Brownsville Case). Washington, 1909.
- United States Congress, 60th Congress, 2d Session, H. Rps N 2248, 2278 (Brownsville Case). Washington, 1909.
- United States Congress, 60th Congress, 2d Session, H. D. 1425, Vol. 128. Governors Conservation Conference. Washington, 1909.

Межуары, сочинения современников изучаемого периода

- Abbott L. F.* Impressions of Theodore Roosevelt. New York, 1920.
- Adams H.* Education of Henry Adams. New York, 1961.
- Croly H.* The Promise of American Life. New York, 1914.
- Davis O. K.* Released for Publication. Boston — New York, 1925.
- Eliot Ch. W.* A Turning Point in Higher Education. The Inaugural Address of Ch. W. Eliot as President of Harvard. Cambridge (Mass.), 1969.
- Ford J.* Mr. Roosevelt's Feet of Clay.— «Current History», 1931, August, Vol. 5.
- Gilbert C. W.* Mirrors of Washington. New York, London, 1921.
- Grey E.* Twenty-Five Years, 1892—1916. New York, 1925.
- Haywood W. D.* Bill Haywood's Book. New York, 1929.
- Jusserand J. J.* Le sentiment américain pendant la guerre. Paris, 1931.
- Kipling R.* A Choice of Kipling's Verse. London, 1957.
- Kohlsaas H. H.* From McKinley to Harding. Personal Recollections of Our Presidents. New York and London, 1923.
- La Follette R. M.* Autobiography. Madison, 1913.

- Lippmann W.* Drift and Mastery. An attempt to diagnose the current unrest. Englewood Cliffs (N. Y.), 1961.
- Longworth A. R.* The Crowded Hours. New York, 1934.
- Mencken H. L.* Roosevelt I.—In: Theodore Roosevelt. A Profile, ed. by M. Keller. New York, 1967.
- Pinchot A. R. E.* History of the Progressive Party, 1912—1916. New York, 1958.
- Pinchot G.* Breaking New Ground. New York, 1947.
- Platt T. C.* The Autobiography of Thomas Collier Platt. New York, 1910.
- Robinson C.* My Brother Theodore Roosevelt. New York, 1921.
- Roosevelt N.* Theodore Roosevelt. The Man as I Knew Him. New York, 1967.
- Roosevelt T.* An Autobiography. New York, 1946.
- Roosevelt T.* The Naval War of 1812 or the History of the United States Navy during the Last War with Great Britain to which Is Appended an Account of the Battle of New Orleans. New York, London, 1882.
- Roosevelt T.* Gouverneur Morris. Boston — New York — Cambridge (Mass.), 1888.
- Roosevelt T.* Thomas H. Benton. Boston — New York, 1899.
- Roosevelt T.* The Winning of the West. New York and London, 1920.
- Roosevelt T.* American Ideals and Other Essays, Social and Political. New York, London, 1902.
- Roosevelt T.* Ranch Life and the Hunting Trail. New York, 1901.
- Roosevelt T.* The Strenuous Life, Essays and Addresses. London, 1903.
- Roosevelt T.* The Rough Riders. New York, 1899.
- Roosevelt T.* The Trusts. Milwaukee, 1903.
- Roosevelt T.* A Square Deal. Allendale (N. J.), 1906.
- Roosevelt T.* The Trust, the People, and the Square Deal. New York, 1911.
- Roosevelt T.* The Writings of Theodore Roosevelt, ed. by W. H. Harbaugh. Indianapolis, New York, 1967.
- Roosevelt T.* Outdoor Pastimes of an American Hunter. New York, 1926.
- Roosevelt T.* The Square Deal in Industry. S. I., 1916.
- Roosevelt T.* African Game Trails. An Account of the African Wanderings of an American Hunternaturalist. New York, 1910.
- Roosevelt T.* African and European Addresses. New York — London, 1910.
- Roosevelt T.* Cowboys and Kings. Three Great Letters by Theodore Roosevelt with an Introduction by Elting E. Morison. Cambridge (Mass.), 1954.
- Roosevelt T.* History as Literature and Other Essays. Port Washington (N. Y.), 1967.
- Roosevelt T.* The New Nationalism. Englewood Cliffs (N. J.), 1961.
- Roosevelt T.* Through the Brazilian Wilderness and Papers of on Natural History. New York, 1926.
- Roosevelt T.* America and the World War. New York, 1915.
- Roosevelt T.* National Strength and International Duty. Princeton, London, 1917.
- Roosevelt T.* Social Justice and Popular Rule. New York, 1926.
- Roosevelt T.* Roosevelt in the «Kan-

sas City Star». War Time Editorials. Boston, New York, 1921.
Roosevelt T. Average Americans. New York — London, 1920.
Steffens L. J. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931.
Street J. The Most Interesting American. New York, 1915.
Tarbell I. All in a Day's Work: An Autobiography. New York, 1939.

Viereck G. S. Roosevelt. New York, 1919.
Wister O. Roosevelt. The Story of a Friendship, 1880—1919. New York, 1930.
Wharton E. A Backward Glance. New York, 1964.
White W. A. An Autobiography. New York, 1946.

Периодические издания

«Вестник Европы», 1900—1906.
«The Independent», 1909, 1910, 1911.
«International Socialist Review», 1901—1910.
«La Follette's Weekly Magazine», 1909—1913.

«The Nation», 1888—1914.
«The New York Times», 1898—1900, 1912—1914.
«The Outlook», 1902—1915.
«Proceedings of the U. S. Naval Institutes», 1897, Vol. XXIII, N 3.

Справочные издания

American Political Parties. A Selective Guide to Parties and Movements of the 20th Century, compl. by L. R. Wynar. Littleton (Colo.), 1969.
Biographical Encyclopedias of America. New York, 1940.
Bradford T. L. The Bibliographers' Manual of American History, Vls 1—5. Detroit, 1968.
Harvard University. Cambridge Library. Theodore Roosevelt Collection. Dictionary Catalogue and Shelflist, Vls 1—5. Cambridge, 1970.
Kull I. S. and *Kull N. M.* A Short Chronology of American History. New Brunswick (N. J.), 1952.
The National Cyclopedic of American Biography, Vls 1—13. New York, 1898—1906.

Martin M. and *Gelber L.* The New Dictionary of American History with Complete Text of the Constitution of the United States. New York, 1969.
Preston W. American Biographies. New York and London, 1940.
Progressive Era and the Great War, 1896—1920, compl. by A. S. Link and W. M. Leary, Jr. New York, 1969.
Theodore Roosevelt Cyclopedic, ed. by A. Bushnele. New York, 1941.
Theodore Roosevelt. 1858—1919. Chronology-Documents - Bibliographical Aids, ed. by Gilbert J. Black. New York, 1969.
Who was who in American Politics, ed. by D. and I. Morris. New York, 1974.

- Chessman G. W.* Theodore Roosevelt and the Politics of Power. Boston, 1969.
- Dennett T.* John Hay. Port Washington (N. Y.), 1963.
- Duffy H. S.* William Howard Taft. New York, 1930.
- Ellis E.* Mr. Dooley's America. A Life of Finley Peter Dunne. New York, 1941.
- Gardner J. L.* Departing Glory. Theodore Roosevelt as ex-President. New York, 1973.
- Garraty J. A.* Woodrow Wilson. New York, 1970.
- Garraty J. A.* Henry Cabot Lodge: A Biography. New York, 1953.
- Garraty J. A.* Right-Hand Man. The Life of George W. Perkins. New York, 1960.
- Gerson N. B.* T. R. Garden City (N. Y.), 1970.
- Ginger R.* Eugene V. Debs: A Biography (originally published as The Bending Cross). New York, 1962.
- Gosnell H. F.* Boss Platt and His New York Machine. Chicago, 1924.
- Harbaugh W. H.* The Life and Times of Theodore Roosevelt (originally published as Power and Responsibility). New York, 1963.
- Hendrick B. J.* The Life of Andrew Carnegie. London, 1933.
- James H.* Charles W. Eliot, President of Harvard University, 1869—1909. Boston, 1930.
- Jessup Ph. C.* Elihu Root, Vols 1—2. New York, 1938.
- Johnson W.* William Allen White's America. New York, 1947.
- Jordy W. H.* Henry Adams: Scientific Historian. New Haven, 1953.
- Koenig L. W.* Bryan. A Political Biography of W. J. Bryan. New York, 1971.
- La Follette B. C.* and *F. Robert Marion La Follette*, 2 Vols. New York, 1953.
- Leech M.* In the Days of McKinley. New York, 1959.
- Leopold R. W.* Elihu Root and the Conservative Tradition. Boston, 1954.
- Lorant S.* The Life and Time of Theodore Roosevelt. Garden City (N. Y.), 1959.
- Madison Ch.* Leaders and Liberals in the XX Century America. New York, 1965.
- McGeary M. N.* Gifford Pinchot. Forester-Politician. Princeton (N. J.), 1960.
- Pringle H. F.* Theodore Roosevelt. New York, 1931.
- Pringle H. F.* The Life and Times of W. H. Taft, 2 Vols. New York, 1939.
- Putnam C.* Theodore Roosevelt: The Formative Years, 1858—1886. New York, 1958.
- Riis J. A.* Theodore Roosevelt. New York, 1954.
- Stephenson N. W.* Nelson W. Aldrich. New York, 1930.
- Tarbell I. M.* The Life of Elbert H. Gary. New York, 1926.
- Thayer W. R.* Theodore Roosevelt. An Intimate Biography. Boston, 1919.
- Walters E.* Joseph Benson Foraker. Columbia (Ohio), 1948.
- Winkler J. K.* Morgan the Magnificent. The Life of J. P. Morgan (1837—1913). New York, 1931.
- White W. A.* Woodrow Wilson. The Man, His Times and His Task. Boston, New York, 1924.

- Аптекер Г. Лауреаты империализма. М., 1955.
- Беляевская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968.
- Беляевская И. А. Дело Баллинджера.— «Новая и новейшая история», 1969, № 5.
- Беляевская И. А. Теодор Рузвельт: экспансия и реформа.— «Новая и новейшая история», 1973, № 5; 1974, № 1.
- Васильевская О. В. Творчество Стивена Крейна. М., 1967.
- Гершова З. М. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962.
- Грибникова И. Н. Пацифистское движение в США накануне второй Гаагской конференции мира 1907 г.— В кн.: Американский ежегодник. 1973. М., 1973.
- Гонионский С. А. История панамской «революции». М., 1958.
- Губер А. А. Филиппинская республика и американский империализм. М., 1968.
- Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973.
- Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX в. М., 1969.
- Иванов Р. Ф. В. И. Ленин о Соединенных Штатах Америки. М., 1965.
- Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1975.
- Йелли С. Из истории забастовочного движения в США. М., 1950.
- Карнеро Чека Х. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960.
- Козенко Б. Д. Рабочее движение США в годы первой мировой войны. Саратов, 1965.
- Куропятник Г. П. Захват Гавайских островов. М., 1958.
- Куропятник Г. П. Фермерское движение в США. От грейнджеров к Народной партии 1867—1896. М., 1971.
- Лан В. И. США: от испано-американской до первой мировой войны. М., 1975.
- Мендельсон М. О. Американская сатирическая проза XX века. М., 1972.
- Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли, т. 1—3. Пер. с англ. М., 1963.
- Раскин А. П. Развитие морской мощи США (1901—1909 гг.).— В кн.: Американский ежегодник, 1974. М., 1974.
- Рид Дж. Капитализм и рабочее движение в Америке. М., 1924.
- Роуз де Леуценринг Э. Кубинский народ в борьбе против империализма США. М., 1968.
- Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.—Л., 1955.
- Слэзкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 года. М., 1956.
- Слэзкин Л. Ю. История Кубинской республики. М., 1966.
- Согрин В. В. Об идеологии буржуазного реформизма в США в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Американский ежегодник. 1974. М., 1974.
- Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.
- Соуса Р. Д. и др. Панама, 1903—1973 гг. М., 1974.

- Фонер С.* История рабочего движения в США, т. I—IV. М., 1949—1969.
- Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика, 1880-е годы — 1918 год. М.—Л., 1965.
- Фурсенко А. А.* Династия Рокфеллеров. Л., 1970.
- Aaron D.* Men of Good Hope. New York, 1951.
- Alfonso O. M.* Theodore Roosevelt and the Philippines, 1897—1909. New York, 1970.
- Bailey T. A.* Theodore Roosevelt and the Japanese-American Crisis. Stanford University (Calif.), London, 1934.
- Beale H. K.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. New York, 1970.
- Beard Ch.* A Contemporary American History, 1877—1913. New York, 1915.
- Beard Ch. and M.* The Rise of American Civilization, Vols 1—2. New York, 1942.
- Blum J. M.* Theodore Roosevelt. The Years of Decision.— In: The Letters of Theodore Roosevelt..., Vol. II. Cambridge, 1951.
- Blum J. M.* The Republican Roosevelt. New York, 1962.
- Brooks Ch. L., Mattison R. H.* Theodore Roosevelt and the Dakota Bad Lands. Washington, 1958.
- Brooks V. W.* The Confident Years: 1885—1915. New York, 1955.
- Buffington Vrooman F.* Theodore Roosevelt Dynamic Geographer. London, 1909.
- Burnes J. M.* The Deadlock of Democracy. Englewood Cliffs (N. J.), 1964.
- Burton D. H.* Theodore Roosevelt: Confident Imperialist. Philadelphia, 1968.
- Burton D. H.* Theodore Roosevelt and His English Correspondents: a Special Relationship of Friends. Philadelphia, 1973.
- Busch N. F. T. R.* The Story of Theodore Roosevelt and His Influence on Our Times. New York, 1963.
- Chamberlain J.* Farewell to Reform. New York, 1932.
- Charnwood G. R.* Theodore Roosevelt. London, 1923.
- Chessman G. W.* Governor Theodore Roosevelt. The Albany Apprenticeship, 1898—1900. Cambridge (Mass.), 1965.
- Commager H. S.* The American Mind. An Interpretation of American Thought and Character since the 1880's. London, 1950.
- Curti M.* The Growth of American Thought. New York, Evanstone and London, 1964.
- Davis G.* The Early Years of Theodore Roosevelt: A Study in Character Formation.— «History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory», 1975, Vol. 2, N 4.
- Davis G.* The Maturation of Theodore Roosevelt: The Rise of an «Affective Leader».— «History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory», 1975, Vol. 3, N 1.
- Dennet T.* Roosevelt and the Russo-Japanese War. A Critical Study of American Policy in Eastern Asia in 1902—1905, based primarily upon the private papers of Theodore Roosevelt. Gloucester, 1959.
- De Witt B. P.* The Progressive Movement. A Non-partisan Comprehensive Discussion of Current Tendencies in American Politics. New York, 1915.

- Dulles F. R.* America's Rise to World Power, 1898—1954. New York, 1955.
- Elletson D. H.* Roosevelt and Wilson. A Comparative Study. London, 1965.
- Ekirch A. A., Jr.* Progressivism in America: A Study of the Era from Theodore Roosevelt to Woodrow Wilson. New York, 1974.
- Esthus R. A.* Theodore Roosevelt and Japan. Seattle — London, 1966.
- Foner Ph. S.* The Spanish-Cuban-American War and the Birth of American Imperialism, 1895—1902, 2 Vols. New York, London, 1972.
- Gatewood W. B.* Theodore Roosevelt and the Art of Controversy. Episodes of the White House Years. Baton Rouge (Louis.), 1970.
- Ginger R.* Age of Excess: The United States from 1877 to 1914. New York, 1971.
- Grantham D. W. (ed.)*. Theodore Roosevelt. Englewood Cliffs (N. J.), 1971.
- Hagedorn H.* Roosevelt in the Bad Lands. Boston — New York, 1921.
- Hagedorn H.* The Bugle that Woke America. New York, 1940.
- Hagedorn H.* The Roosevelt Family of Sagamore Hill. New York, 1956.
- Harbaugh W. H.* Wilson, Roosevelt, and Interventionism, 1914—1917: A Study of Domestic Influences on the Formulation of American Foreign Policy. Evanston (Ill.), 1954.
- Hill H. C.* Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927.
- Hofstadter R.* The Age of Reform: From Bryan to FDR. New York, 1955.
- Hofstadter R.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. London, 1962.
- Hurwitz H. L.* Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900. New York, London, 1943.
- Jenks L. H.* Our Cuban Colony; A Study in Sugar. New York, 1928.
- Jones Ch. L.* Caribbean Interests of the United States. New York, 1929.
- Josephson M.* The Robber Barons. The Great American Capitalists, 1861—1901. New York, 1935.
- Josephson M.* The President Makers. New York, 1940.
- Keller M. (ed.)*. Theodore Roosevelt. A Profile. New York, 1967.
- Kolko G.* Railroads and Regulation 1877—1916. Princeton (N. J.), 1965.
- Kolko G.* The Triumph of Conservatism. A Reinterpretation of American History, 1900—1916. Chicago, 1967.
- Kuehl W. F.* Seeking World Order. Nashville, 1969.
- LaFerber W.* The New Empire. An Interpretation of American Expansion. 1860—1898. Ithaca, 1967.
- Manners W.* «T. R. and Will». A Friendship that Split the Republican Party. New York, 1969.
- May E. R.* American Imperialism. A Speculative Essay. New York, 1968.
- May E. R.* The Progressive Era, 1901—1917. New York, 1964.
- Mayer G. H.* The Republican Party, 1854—1966. New York, 1967.
- McDonald F.* The United States in the Twentieth Century, Vol. I: 1900—1920. Reading (Mass.), 1970.
- Mowry G. E.* Theodore Roosevelt and the Progressive Movement. Madison, 1946.
- Mowry G. E.* The Era of Theodore Roosevelt, 1900—1912. New York, 1958.
- Myers W. S.* The Republican Party.

- A History. New York — London, 1931.
- Neu Ch. E.* An Uncertain Friendship. Theodore Roosevelt and Japan, 1906—1909. Cambridge (Mass.), 1967.
- O'Gara G. C.* Theodore Roosevelt and the Rise of the Modern Navy. Princeton, 1943.
- Penick J., Jr.* Progressive Politics and Conservation. The Ballinger — Pinchot Affair. Chicago, 1968.
- Peters E. H. T.* Roosevelt und der Kaiser. Leipzig, 1936.
- Pratt J. W.* Expansionists of 1898. New York, 1951.
- Regier C. C.* The Era of Muckrakers. Chappel Hill, 1932.
- Rochester A.* Rulers of America. New York, 1936.
- Schiermer D. B.* Republic of Impire. American Resistance to the Philippine War. Cambridge (Mass.), 1972.
- Schlesinger A. M.* The Imperial Presidency. Boston, 1973.
- Wagenknecht E.* The Seven Worlds of Theodore Roosevelt. New York, 1958.
- Wiebe R. H.* Businessmen and Reform: A Study of the Progressive Movement. Cambridge (Mass.), 1962.
- Wiebe R. H.* The Search for Order, 1877—1920. London, 1967.
- Wisn J.* The Cuban Crisis as Reflected in the New York Press (1895—1898). New York, 1934.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агиналидо Эмилио (Aguinaldo E.) 162
Адамс Брукс (Adams B.) 18, 75, 81, 99
Адамс Генри (Adams H.) 9, 11, 17, 18, 75, 172
Адамс Генри К. (Adams H. C.) 139, 165, 229
Адамс Джон К. (Adams J. Q.) 195
Адамс Чарлз Ф., отец (Adams Ch. F.) 17
Адамс Чарлз Ф., сын (Adams Ch. F.) 17
Адамсы 18, 81
Аддамс Джейн (Addams J.) 79, 182
Айвинс У. М. (Ivins W. M.) 276
Альфонс XIII (Alfonso XIII) 269
Андервуд Оскар У. (Underwood O. W.) 263
Артур Честер (Arthur Ch.) 52, 53, 75
Астор Джон Дж. (Astor J. J.) 108
Астор Уильям (Astor W.) 6
Баллинджер Ричард А. (Ballinger R. A.) 216, 217, 219, 222
Бальфур Артур Дж. (Balfour A. J.) 212, 214
Барджесс Джон (Burgess J.) 2, 39
Барнс Уильям (Barnes W.) 234, 276, 277
Барух Бернард (Baruch B.) 282
Басс Роберт П. (Bass R. P.) 234
Батлер Николас М. (Butler N. M.) 151, 152, 175
Батлер Томас (Butler T.) 36
Баукер Ричард Р. (Bowker R. R.) 34
Баутвелл Дж. (Boutwell G.) 148
Бауш Дж. Е. (Bausch J. E.) 64
Бевридж Олберт Дж. (Beveridge A. J.) 2, 39, 76, 77, 83
Беллами У. Г. (Bellamy W. H.) 44
Беллами Эдуард (Bellamy E.) 65
Белмонт Август (Belmont A.) 93, 279
Беляевская Н. А. 66, 140, 216, 238, 250
Бентон Томас Х. (Benton T. H.) 38, 49
Бересфорд Чарлз У. (Beresford Ch. W.) 214
Берли Р. (Birley R.) 53
Бернс Джон М. (Burnes J. M.) 155
Бернс Джон (Burns J.) 212
Бертон Д. Г. (Burton D. H.) 78, 82, 83, 85, 162, 214, 215
Бертон Т. (Burton T.) 182
Биджлоу У. С. (Bigelow W. S.) 104
Били Г. К. (Beale H. K.) 75, 77, 80, 100, 162, 168, 174, 179
Бирнс Том (Byrnes T.) 58—60
Бичер Генри У. (Beecher H. W.) 32
Бишоп Джон Б. (Bishop J. B.) 175, 214, 279, 281, 282, 284
Блам Дж. М. (Blum J. M.) 3, 35, 139, 142, 175, 190, 227, 272, 286
Блэйн Джеймс Г. (Blaine J. G.) 31—36, 50—52, 287
Блэк Г. Дж. (Black G. J.) 154
Блэк Фрэнк С. (Black F. S.) 122, 129, 131, 134—136
Болховитинов Н. Н. 4
Бонапарт Чарлз Дж. (Bonaparte Ch. J.) 51, 240
Бора Уильям (Borah W.) 254
Брайан Уильям Дж. (Bryan W. J.) 66, 68—72, 102, 153, 193, 277
Брайс Дж. (Bryce J.) 135
Брандэйс Луис (Brandeis L.) 229
Браун Джон (Brown J.) 231, 237
Броуди Алекс (Brodie A.) 112
Бульвер Уильям (Bulwer W.) 168
Бурн Джонатан (Bourne J.) 236—238
Бутрос-паша (Boutros-Pasha) 203, 205
Бэйкер Дж. Ф. (Baker G. F.) 158, 279
Бэйкер Ньютон Д. (Baker N. D.) 284
Бэйкер Рэй С. (Baker R. S.) 185
Бэкон Роберт (Bacon R.) 12, 177, 275
Бэллох Анна (Bulloch A.) 6, 7

- Бэллох Джеймс (Bulloch J.) 153
 Бэллох Марта (Bulloch M.), см. Руз-
 вельт Марта
 Бэнкрофт Ф. (Bancroft F.) 34, 89,
 133
 Батт Арчи (Butt A.) 198, 221, 225,
 226, 241, 245
 Бюлов Бернгард фон (Bülow B. von)
 229
 Вагенкнехт Э. (Wagenknecht E.) 201
 Вандербилт Корнелиус (Vander-
 bilt C.) 6, 279
 Вандерлип Фрэнк А. (Vanderlip
 F. A.) 279
 Ван Дuzер Дж. С. (Van Duzer J. S.) 49
 Васильевская О. В. 112
 Вашингтон Букер (Washington B.)
 162
 Вашингтон Джордж (Washington G.)
 38, 88, 205
 Веблен Торстейн (Veblen T.) 79
 Вейлер Валериано (Weyler V.) 94—
 96
 Визан Дж. (Wisan J.) 95, 97, 101, 102
 Виктор-Эммануил III (Victor-Emma-
 nuel III) 209
 Вильгельм II (Wilhelm II) 180, 181,
 207, 210, 211
 Вильсон Т. Вудро (Wilson T. W.)
 235, 247, 250, 252, 256—260, 263—
 265, 270—277, 279, 281—283,
 285—287
 Вуд Леонард (Wood L.) 106, 107, 109,
 112, 114, 115, 117, 275
 Вуд Э. Ф. (Wood E. F.) 275
 Вудфорд Стюарт Л. (Woodford S. L.)
 92, 93
 Гамильтон Александр (Hamilton A.)
 6, 229, 230
 Гантон Джордж (Gunton G.) 139
 Гарднер Август П. (Gardner A. P.)
 275
 Гарднер Дж. Л. (Gardner J. L.)
 184, 193, 196, 198, 211, 212, 251
 Гарленд Хэмлин (Garland H.) 79
 Гарриман Эдвард Г. (Harriman E. H.)
 158, 256
 Гаррисон Бенджамин (Harrison B.)
 50, 51, 54—57, 103
 Гарсия (Garsia) 113
 Гарфилд Джеймс А. (Garfield J. A.)
 52
 Гарфилд Джеймс Р. (Garfield J. R.)
 194, 203, 225, 231, 238
 Геллер Эдмунд (Heller E.) 200
 Гендрикс Фрэнсис (Hendricks F.)
 139, 146
 Генрих (Heinrich) 173, 174
 Георг V (George V) 213
 Герберт Хилари Э. (Herbert H. A.) 83
 Гесс Джек (Hess J.) 19
 Гласкок Уильям Э. (Glasscock
 W. E.) 244
 Глэйвис Луис (Glavis L.) 216—219
 Гогенцоллерны 285
 Годкин Эдвин Л. (Godkin E. L.) 49,
 52, 79, 80, 135, 138, 149
 Гокон VII (Haakon VII) 208, 211
 Гомперс Сэмюэл (Gompers S.) 24,
 68, 282
 Гонимонский С. А. 169
 Гориндж Г. Г. (Goringe H. H.) 28,
 29
 Горст Джон Э. (Gorst J. E.) 205
 Госнелл Х. Ф. (Gosnell H. F.) 131,
 135, 146
 Графт Роберт (Grant R.) 244
 Графт Улисс (Grant U.) 18, 33
 Грей Д. (Gray D.) 204, 205, 208
 Грей Эдуард (Grey E.) 212—214, 220
 Грибникова И. Н. 79, 182
 Грини Ф. В. (Greene F. V.) 93, 96
 Гриском Ллойд К. (Griscom L. C.)
 227
 Грэйнджер Г. (Granger H.) 210
 Губер А. А. 162
 Гуггейнгейм Дэниел (Guggenheim D.)
 279
 Гуггейнгеймы 216
 Гудэйл Дж. Л. (Goodale J. L.) 11
 Гульд Джей (Gould J.) 5, 21, 36
 Гэйт Джон (Gate J.) 102
 Гэри Э. (Gary E.) 186, 188, 240, 241,
 262, 279, 288
 Гэррати Джон А. (Garraty J. A.)
 145, 245, 246, 247, 252, 255, 256,
 262
 Даллес Р. Ф. (Dulles R. F.) 182
 Данн Финли П. (Dunne F. P.) 119,
 120
 Дарвин Чарлз (Darwin Ch.) 212
 Дебс Юджин В. (Debs E. V.) 65, 157,
 183, 256, 259, 283
 Деметьев И. П. 39, 49, 76, 77, 79, 82,
 94, 102, 147
 Де Морес Аятуан (De Mores A.) 41

- Дәрби Ричард (Derby R.) 264, 284
 Дәрби Этель (Derby E.) 47, 202, 204—
 206, 248, 258, 264, 278, 284
 Джеймс Генри (James H.) 10, 11
 Джеймс Уильям (James W.) 27
 Джеймс Уильям (James W.) 11, 79
 Джексон Эндру (Jackson A.) 38
 Джексон (Jackson) 199
 Дженкс Л. Г. (Jenks L. H.) 167
 Джефферсон Томас (Jefferson T.) 229
 Джинджер Р. (Ginger R.) 36, 50—
 53, 80, 93
 Джозефсон М. (Josephson M.) 158
 Джонсон Хайрам У. (Johnson H. W.)
 249, 254, 256, 260, 269, 278
 Джордж Генри (George H.) 42—44,
 65, 66
 Дикс Джон А. (Dix J. A.) 235
 Диксон Джозеф (Dixon J.) 247, 254,
 262
 Дингли Нелсон (Dingley N.) 84
 Долливер Джонатан П. (Dolliver
 J. P.) 218, 234
 Доти Альва Г. (Dottie A. H.) 73
 Доул Сэнфорд Б. (Dole S. B.) 89
 Дьюи Джордж (Dewey G.) 99, 106,
 107, 148
 Дэвенпорт Фредерик М. (Daven-
 port F. M.) 269
 Дэвис Гленн (Davis G.) 48
 Дэвис Гэрри (Davis H.) 82
 Дэвис Оскар К. (Davis O. K.) 169,
 192, 227, 228, 234, 235, 244, 247,
 254, 270, 271
 Дэвис Ричард Г. (Davis R. H.) 111
 Дэвис Чарлз Г. (Davis Ch. H.) 100
 Дэвисон Генри (Davison H.) 274
 Дэй Уильям Р. (Day W. R.) 90, 93,
 97
 Дэйна Поль (Dana P.) 105, 140
 Дэрроу Кларенс (Darrow C.) 223
 Дююки де Лом Эврике (Dupui de
 Lome E.) 95—97
 Елена (Helene) 208
 Жюссеран Жан Ж. (Jusserand J. J.)
 193, 215
 Зубок Л. И. 76, 167, 178, 179, 181,
 266
 Иноземцев Н. Н. 178
 Йелл Сэмюэл (Yellen S.) 161
 Камминз Олберт Б. (Cummins
 A. B.) 222, 254
 Каннингхэм Кларенс (Cunningham
 C.) 216, 218
 Карлайль Дж. Г. (Carlisle J. G.) 56
 Карлейль Томас (Carlyle T.) 13
 Карнеги Эндру (Carnegie A.) 163,
 182, 198, 209, 210
 Карнеро Чека Х. (Carnero Checa G.)
 169
 Каулс Анна Р. (Cowles A. R.) 6, 7,
 11, 14, 17, 27, 39, 40, 42, 45, 48,
 51, 57, 70—72, 75, 90, 92, 105, 108,
 116, 138, 146, 149, 150, 156, 195,
 258
 Каулс Уильям С. (Cowles W. S.) 71,
 101, 102, 114
 Кахасейра (Cajazeira) 267
 Келли Джон (Kelly J.) 22
 Келлог Фрэнк Т. (Kellogg F. T.) 279
 Кеннан Джордж (Kennan G.) 178
 Керзон Джордж Н. (Curzon G. N.)
 214
 Керти М. (Curti M.) 9, 76
 Кертис Джордж У. (Curtis G. W.)
 31—33, 52, 53
 Кид (Kidd) 139
 Кинг Джон (King J.) 286
 Киплинг Редьярд (Kipling R.) 214,
 289
 Китченер Горацио Г. (Kitchener
 H. H.) 214
 Кларк Чэмп (Clark Ch.) 235
 Кларксон Джеймс С. (Clarkson J. S.)
 54
 Клейтон А. (Clayton A.) 168, 263, 270
 Клемансо Жорж Б. (Clemenceau
 G. B.) 283
 Кливленд Гровер (Cleveland G.) 22,
 25, 26, 34, 36, 56, 65, 66, 75, 77—
 80, 84, 153, 260
 Клэпп Мозес Э. (Clapp M. E.) 170,
 255
 Козенко Б. Д. 282
 Кокси Джейкоб С. (Coxey J. S.) 65
 Колко Г. (Kolko G.) 156, 160, 186,
 241, 246
 Коллин Р. Г. (Collin R. H.) 252
 Коммейджер Г. С. (Commager H. S.)
 238
 Конклинг Роско (Conkling R.) 18
 Кортильо Джордж Б. (Cortelyou
 G. B.) 170, 240
 Костелло Майкл (Costello M.) 21, 22
 Коулсат Г. Г. (Kohlsaatt H. H.) 67,

- 84, 98, 146, 147, 150—152, 155
Крейн Стивен (Crane S.) 66, 111, 112
Крокер Ричард (Croker R.) 58, 61, 122
Кромер Эвелин Б. (Cromer E. B.) 212, 213
Кроули Герберт (Croly H.) 229—231
Куиг Лемюэл Э. (Quigg L. E.) 57, 123—126, 128, 129
Купер Дж. Фенимор (Cooper J. F.) 164
Куропятник Г. П. 4, 36, 65, 66, 69, 89, 90
Куэй Мэтью С. (Quay M. S.) 51, 67
Кьюэл У. Ф. (Kuehl W. F.) 209
Каннон Джозеф Г. (Cannon J. G.) 222—225, 235
Каннон Ф. Дж. (Cannon F. J.) 97
Кэроу Эдит (Carow E.), см. Рузвельт Эдит
Кэроу Эмили (Carow E.) 206
- Ламберт Александр (Lambert A.) 105
Ланг Грегор (Lang G.) 29
Ланг Линкольн (Lang L.) 29
Ландберг Ф. (Landberg F.) 250
Лансинг Роберт (Lansing R.) 277
Лафарг Кристофер Г. (La Farge Ch. G.) 145
Лафебер Уолтер (LaFeber W.) 99, 179
Лафоллетт Б. К. (La Follette B. C.) 227
Лафоллетт Роберт М. (La Follette R. M.) 189, 218, 222, 226, 227, 233, 236—239, 242—244, 247—249, 253, 254, 263, 264, 288
Лафоллетт Ф. (La Follette F.) 227
Ленин В. И. 1—3, 160, 229, 256, 257, 262, 288
Леопольд Р. У. (Leopold R. W.) 130
Лёвланд Ерген (Lövländ J.) 180
Ли Артур Г. (Lee A. H.) 227, 235, 274, 284, 285
Ли Генри (Lee H.) 33
Ли Джордж (Lee G.) 15
Ли Элис Х. (Lee A. H.), см. Рузвельт Элис Х.
Линдсей Бенджамин (Lindsey B.) 224
Линкольн Авраам (Lincoln A.) 2, 7, 8, 25, 69, 78, 229, 230, 237, 243, 264
Лири (Lyra) 267
Литтлфилд Чарлз Э. (Littlefield Ch. E.) 159, 160
- Ллойд Генри Д. (Lloyd H. D.) 66, 79
Ллойд Джордж Дэвид (Lloyd George D.) 229
Лодж Генри Кэбот (Lodge H. C.) 18, 31—38, 41, 44, 45, 49—51, 55, 60, 69, 70, 72—83, 85, 90—92, 99, 102, 103, 105, 108—110, 112, 114—116, 118—122, 128, 131—134, 141, 143, 147, 150, 188, 202, 203, 215, 216, 219, 225, 226, 232, 234, 235, 243, 250, 264—267, 275, 278, 280
Лодж Джордж К. (Lodge G. C.) 108
Лоджи 18, 41, 47
Лонг Джон Д. (Long J. D.) 31, 73, 85—87, 89—91, 96, 99, 100, 103, 118, 120
Лонгуорт Николас (Longworth N.) 173, 220, 226, 248, 259
Лонгуорт Элис Р. (Longworth A. R.) 39, 47, 173, 220, 248, 249, 258, 259, 269, 283, 286
Лондон Джек (London J.) 183
Лорант С. (Logant S.) 6, 12
Лоусон Томас (Lawson T.) 185
Льюис Э. А. (Lewis E. A.) 159
Льюс Стивен Б. (Luce S. B.) 82
- Майерс У. С. (Myers W. S.) 171
Майнот Генри Д. (Minot H. D.) 12
Макаду Уильям (McAdoo W.) 83
Макги У. Дж. (McGeew W. J.) 190
Макгири М. Н. (McGeary M. N.) 218, 231, 238
Маккалла Бауман Г. (McCalla B. H.) 91
Маккинли Уильям (McKinley W.) 5, 66—73, 80, 84—87, 89—103, 105, 106, 121, 122, 127, 147, 148, 151—156, 162, 168
Маккормик Медилл (McCormick M.) 253, 279
Маккук Джон Д. (McCook J. D.) 92, 93
Максим Г. (Maxim H.) 275
Маркс Карл (Marx K.) 43, 44
Марушкин Б. И. 4
Маршалл Эдвард (Marshall E.) 111
Маури Дж. Э. (Mowry G. E.) 161, 191, 225, 235, 237, 239
Меллен Ч. С. (Mellen Ch. S.) 158
Мендельсон М. О. 119
Менкен Генри Л. (Mencken H. L.) 3
Меррей Джо (Murrey J.) 19, 22

- Мерри дель Валь Р. (Merry del Val R.) 208
- Миллер Лео Э. (Miller L. E.) 267
- Миллс Дж. (Mills J.) 11
- Миль Джон С. (Mill J. S.) 13, 23
- Митчелл Джон (Mitchell J.) 160
- Мойер Чарлз (Moyer Ch.) 183
- Монро Джеймс (Monroe J.) 78, 157, 165—167, 175, 176, 266, 267, 285, 289
- Морган Дж. Пирпонт (Morgan J. P.) 1, 5, 102, 111, 134, 158, 160, 161, 170, 186, 188, 199, 240, 246, 254, 261, 274
- Морган Дж. Пирпонт, младший (Morgan J. P.) 262
- Морзе Джон Т. (Morse J. T.) 38
- Морисон Э. Э. (Morison E. E.) 3, 17, 48, 75, 104, 128, 142, 160, 197, 204, 226, 261
- Мортон Леви П. (Morton L. P.) 67, 134
- Мортон Поль (Morton P.) 194
- Мосби Джон С. (Mosby J. S.) 114
- Муди У. В. (Moody W. V.) 79
- Муди Уильям Г. (Moody W. H.) 183
- Мэйер Дж. Г. (Mayer G. H.) 68, 72
- Мэннерс У. (Manners W.) 215
- Манси Франк А. (Mansey F. A.) 242, 245—247, 249—251, 254, 256, 262, 264
- Мэррифилд Уильям (Merrifield W.) 29, 30
- Мэхен Альфред Т. (Mahan A. T.) 2, 76, 79, 81—83, 86, 87, 89, 91, 99, 215, 267
- Наполеон (Napoleon) 17, 220, 225
- Николай II 211
- Нокс Филандер Ч. (Knox Ph. Ch.) 156, 196
- Норрис Джордж У. (Norris G. W.) 223, 224, 238, 254
- Ньюлэндс Фрэнсис Г. (Newlands F. G.) 190
- Ньюэл Ф. Г. (Newell F. H.) 190, 217
- О'Генри (Портер У. С.) (O. Henry) 169
- О'Лафлин Кол (O'Laughlin C.) 205
- Олджер Горацио (Alger H.) 245
- Олджер Рассел А. (Alger R. A.) 106, 108, 116, 118, 122
- Олдридж Джордж У. (Aldridge G. W.) 139
- Олдрич Нелсон У. (Aldrich N. W.) 156, 159, 169, 187, 192, 215—217, 222, 225, 263
- Олкотт Уильям М. (Olcott W. M.) 73
- Олни Ричард (Olney R.) 75, 78, 83
- Осборн Чэйз С. (Osborn Ch. S.) 257
- Оуделл Бенджамин Б. (Odell B. B.) 123, 129, 136, 138, 140, 151
- Палмер Джон (Palmer J.) 136
- Паркер Олтон Б. (Parker A. B.) 170, 171
- Паркер Эндрю Д. (Parker A. D.)
- Паркхерст Чарлз Г. (Parkhurst Ch. H.) 58, 135
- Паррингтон В. Л. (Parrington V. L.) 53
- Парсонс Альберт Р. (Parsons A. R.) 42
- Патридж Джон Н. (Patridge J. N.) 139, 149
- Паунсефот Дж. (Pauncefote J.) 168
- Пендлтон Дж. Х. (Pendleton G. H.) 52, 54—56
- Пеник Джеймс, младший (Penick J., Jr.) 216, 217
- Пенроуз Бойлс (Penrose B.) 250
- Перкинс Джордж У. (Perkins G. W.) 145, 160, 240, 245—247, 249—252, 254—256, 261—263, 269, 274, 279, 288
- Першинг Джон Дж. (Pershing J. J.) 284
- Петтибон Джордж (Pettibone G.) 183
- Петтигрю Ричард Ф. (Pettigrew R. F.) 79, 148, 163
- Пий X (Pius X) 208
- Пинчот Гиффорд (Pinchot G.) 145, 190, 194, 202, 203, 215—220, 225, 231, 236—239, 247, 260, 261, 269
- Пинчот Эмос (Pinchot A. R. E.) 231, 236, 238, 239, 248, 249, 254, 260—263, 269, 278—280
- Пинчоты 145
- Планкетт Горас (Plunkett H.) 258
- Платт Томас К. (Platt T. C.) 32, 41, 43, 57, 66—68, 70, 73, 74, 121—126, 128—131, 134, 136—141, 145, 146, 150—152, 154—156, 167, 169, 233
- Пойндекстер Майлз (Poindexter M.) 225, 263
- Поленберг Р. (Polenberg R.) 179
- Попова Е. И. 4
- Пратт Дж. У. (Pratt J. W.) 94

- Прингл Г. Ф. (Pringle H. F.) 12, 15, 17, 19—21, 23, 41, 54, 56, 60—62, 71—74, 80, 87, 88, 97—99, 109, 111, 114, 119, 129, 132, 146, 153, 156, 159, 165, 168, 170, 180, 189, 197, 202, 206, 243, 244, 251, 258, 260, 265, 270, 272, 273, 276, 284, 285
- Принцип Г. 271
- Проктор Джон Р. (Proctor J. R.) 103
- Пулитцер Джозеф (Pulitzer J.) 84
- Пульман Джордж М. (Pulman G. M.) 65
- Пэйдж Уолтер Х. (Page W. H.) 76
- Пэйн Луис Ф. (Payn L. F.) 129—131, 146
- Пэйн Сирино Э. (Payne S. E.) 215, 216, 222, 263
- Патнам К. (Putnam C.) 6, 7, 9, 14, 20, 24, 25, 27—33, 36, 38—41
- Райан Томас Ф. (Ryan T. F.) 102
- Раскин А. П. 88, 99, 100
- Рассел Чарлз Э. (Russell Ch. E.) 185, 186
- Ремингтон Фредерик (Remington F.) 37, 127
- Рид Джон (Reed J.) 283
- Рид Томас (Reed T.) 75, 101
- Рид Уитлоу (Reid W.) 76, 205
- Риис Джейкоб А. (Riis J. A.) 59—61, 74, 155
- Рикорд Джордж Л. (Record G. L.) 239
- Ричберг Доналд (Richberg D.) 253
- Робертс Фредерик С. (Roberts F. S.) 214
- Робинсон Дуглас (Robinson D.) 48, 101, 105, 116, 123, 131, 155
- Робинсон Корина Р. (Robinson C. R.) 6, 8, 14, 27, 40, 48, 101, 123, 146, 241
- Розенвельт Клаес Ван Мартенсен (Rosenvelt C. V. M.) 5, 6
- Роиг де Леучсенринг Э. (Roig de Leuchsenring E.) 167
- Рокфеллер Джон Д. (Rockefeller J. D.) 5, 159
- Рокфеллер Джон Д., младший (Rockefeller J. D.) 187
- Рокфеллер Уильям (Rockefeller W.) 102, 158
- Рокфеллеры 1, 170, 240
- Рокхилл Уильям У. (Rockhill W. W.) 75
- Романов Б. А. 178
- Рондон К. М. да Сильва (Rondon C. M. da Silva) 267, 268
- Рочестер Апна (Rochester A.) 274
- Роэ Чарлз Ф. (Roé Ch. F.) 142, 143
- Рузвельт Айзек (Roosevelt I.) 6
- Рузвельт Анна (Roosevelt A.), см. Каулс Анна Р.
- Рузвельт Арчибалд (Roosevelt A.) 47, 173, 277, 284, 286
- Рузвельт Джеймс (Roosevelt J.) 6
- Рузвельт Джон Э. (Roosevelt J. E.) 28, 131
- Рузвельт Джордж (Roosevelt G.) 248, 249
- Рузвельт Квентин (Roosevelt Q.) 47, 173, 277, 284, 287
- Рузвельт Кермит (Roosevelt K.) 47, 174, 196, 198, 200—202, 204—206, 248, 264, 266—269, 277, 281, 284, 286
- Рузвельт Корина (Roosevelt C.), см. Робинсон Корина Р.
- Рузвельт Корнелиус Ван Шаак (Roosevelt C. V. S.) 6
- Рузвельт Марта (Roosevelt M.) 6, 7, 14, 27
- Рузвельт Николас (Roosevelt N.) 17, 46, 47, 165, 172, 191, 215, 242, 248, 249, 251
- Рузвельт Роберт Б. (Roosevelt R. B.) 23
- Рузвельт Теодор, отец (Roosevelt T.) 5—9, 12—14, 18, 20, 105
- Рузвельт Теодор (Roosevelt T.) — семья, воспитание, образование 5, 6, 8—13, 15 — взгляды, политика, отношения — — империализм, экспансионизм 1, 2, 38, 39, 49, 75—77, 86, 132, 133, 147, 154, 162, 165, 176, 203—205, 212—214, 266, 267, 285, 286, 289 — — маринизм, милитаризм 80—83, 86—88, 98, 99, 101, 133, 157, 165, 176, 181, 182, 209, 210 — — и Альхесирасская конференция 178, 180, 181 — — «большой дубинки» политика 167 — — и вторая Гаагская конференция 182 — — второй венесуэльский кризис 167 — — о «доктрине Монро» 157, 165—167, 175, 266, 267

- — и Доминиканская Республика 176
- — и Кубинская Республика 167, 177, 178
- — Панамский канал, захват зоны 167—169
- — первая мировая война 272, 273—278, 281, 283—285
- — русско-японская война 178, 179
- — и Советская Россия 285, 286
- — и Филиппинская Республика 162—164, 166
- — и Япония 178—180
- — реформизм, государственное регулирование экономики 2, 139, 158, 159, 175, 176, 192, 204, 205, 228—233, 241
- — «антирестовская» политика 140, 141, 158, 159, 185—188
- — охрана природных ресурсов 144, 145, 189—191
- — отношение к рабочему классу, рабочему и социалистическому движению 23—26, 42, 62—64, 71, 141—144, 157, 160, 161, 175, 176, 183, 285, 286
- — к неграм, расизм 161, 162, 183, 184, 201
- — отношение к макрейкерам 182, 184, 185
- — отношения с финансовыми магнатами 3, 155, 156, 160, 161, 170, 188, 232, 240—242, 245, 249, 250, 279, 288
- — с партийными боссами, консерваторами 19, 22, 31, 35, 37, 41, 43, 51, 70, 71, 73, 74, 123—126, 137—139, 145, 146, 149—151, 155, 159, 160, 191, 249, 280, 286
- — с независимыми республиканцами (магвампами) 31—35, 50, 129, 133, 135, 159, 160
- — с «мятежными» республиканцами 226—228, 236—239, 242—244, 247, 248
- — и Прогрессивная партия 226—228, 248—250, 252—254, 256—262, 269, 270, 278—281, 288
- — научные экспедиции, путешествия
- — Африка 193, 197—202
- — Бразилия 267—269
- — Европа 205—214
- — лекционное турне по Латинской Америке 265—267
- Рузвельт Теодор, сын (Roosevelt T.) 47, 136, 226, 236, 237, 248, 277, 284—286,
- Рузвельт У. Эмлин (Roosevelt W. E.) 47, 215
- Рузвельт Франклин Д. (Roosevelt F. D.) 6, 48
- Рузвельт Эдит (Roosevelt E.) 14, 40, 41, 45—47, 75, 105, 172, 194, 196, 202, 204—206, 225, 248, 258, 264—267, 284
- Рузвельт А. Элеонора (Roosevelt A. E.) 48
- Рузвельт Элеонора А. (Roosevelt A. E.) 248
- Рузвельт Элис (Roosevelt A.), см. Лонгуорт Элис Р.
- Рузвельт Элис Х. (Roosevelt A. H.) 12, 14—16, 30, 37, 46
- Рузвельт Эллиот (Roosevelt E.) 6, 48
- Рузвельт Этель (Roosevelt E.), см. Дерби Этель
- Рузвельты 5—7, 12, 14, 16, 18, 19, 46—48, 172, 193
- Рут Илайю (Root E.) 44, 130—132, 156, 161, 175, 179, 180, 182, 192, 193, 200, 215, 219, 220, 226, 240, 249, 250, 264, 275, 276
- Рутенберг Чарлз Э. (Ruthenberg Ch. E.) 282
- Севостьянов Г. Н. 4
- Сервера Паскуаль (Cervera P.) 113
- Синклер Эптон (Sinclair U.) 185, 186
- Скотт Дрэд (Scott D.) 25
- Слатин-паша (Slatin Pasha) 203
- Слэскин Л. Ю. 4, 94, 98, 103, 113, 167, 177
- Смайли О. К. (Smiley A. K.) 79
- Смит Джеймс А. (Smith J. A.) 229
- Смит Роберт (Smith R.) 92
- Согрин В. В. 4, 139, 229
- Солсбери Роберт А. Т. (Salisbury R. A. T.) 78
- Солтонсталл Ричард М. (Saltonstall R. M.) 12
- Соуса Р. Д. (Souza R. D.) 169
- Спринг Райс Сесил А. (Spring Rice C. A.) 75, 144, 182, 189, 197, 201, 275
- Спувер Джон К. (Spooner J. C.) 159
- Стенли О. (Stanley A.) 188

- Стеффенс Ливкольн Дж. (Steffens L. J.) 58—61, 74, 125, 126, 135, 155, 171, 172, 174, 183, 184
 Стиллмен Джеймс У. (Stillman J. W.) 158
 Стимсон Генри Л. (Stimson H. L.) 234, 235
 Сторер Беллами (Storer B.) 73
 Сторер Мэрайа Л. (Storer M. L.) 70, 73, 171, 172
 Сторер Ф. Н. (Storer F. N.) 11
 Стронг Уильям Л. (Strong W. L.) 57, 61, 74
 Стьюарт Александр Т. (Stewart A. T.) 6
 Стюненберг Фрэнк (Steunenberg F.) 183
 Сьюард Уильям (Seward W.) 8, 78
 Сьюэлл Уильям У. (Sewall W. W.) 107, 193
 Сэлливен Марк (Sullivan M.) 185
- Такахира К. (Takahira K.) 179, 180
 Тарбелл Айда (Tarbell I.) 185
 Тафт Нелли (Taft N.) 194, 225, 245
 Тафт Уильям Г. (Taft W. H.) 84, 160, 173, 175, 177, 178, 192—194, 196, 197, 202, 203, 211, 215—228, 234, 236—241, 245, 246, 248—252, 257—260, 264, 287, 288
 Твен Марк (Twain M.) 65, 79, 119, 147, 148
 Тверской П. 224
 Твид Уильям М. (Tweed W. M.) 18
 Тернер Фредерик Дж. (Turner F. J.) 81
 Тилден Сэмюэл Дж. (Tilden S. J.) 36, 153
 Тиллмен Бенджамин (Tillman B.) 187, 188
 Томпсон Джеймс П. (Thompson J. P.) 223
 Тревелиян Джордж О. (Trevelyan G. O.) 193, 201, 204, 205, 207, 208, 210, 211
 Тэйер Уильям Р. (Thayer W. R.) 18
- Уайт Генри (White H.) 75
 Уайт Уильям А. (White W. A.) 67, 68, 148, 155, 156, 158, 185, 195, 215, 235, 236, 238, 239, 260, 263, 266, 271, 278
 Уйби Р. Г. (Wiebe R. H.) 53, 186, 188
 Уивер Джеймс Б. (Weaver J. B.) 278
- Уикершем Джордж У. (Wickersham G. W.) 222, 240
 Уилер Джозеф (Wheeler J.) 113
 Уилер Эверетт П. (Wheeler E. P.) 240
 Уиллард Дэниел (Willard D.) 275
 Уингейт Реджиналд (Wingate R.) 205, 214
 Уистер Оуэн (Wister O.) 12—14, 33, 37, 120, 165, 172, 173, 247, 275
 Уистеры 47
 Уодсуорт Джеймс У. (Wadsworth J. W.) 31
 Уоллес Лью (Wallac L.) 102
 Уорд Гамильтон (Ward H.) 21
 Уорд Лестер (Ward L.) 139, 229
 Ускова Э. И. 4
 Уэйл Уолтер Э. (Weyl W. E.) 229
 Уэлд Кристофер М. (Weld C. M.) 12
 Уэнемейкер Джон (Wanamaker J.) 54—56
 Уэстбрук Теодор (Westbrook T.) 21
- Фава (Fava) 143
 Феррис Джо (Ferris J.) 29
 Феррис Сильвэйн (Ferris S.) 29, 30
 Филд Сайрус У. (Field C. W.) 36
 Филлипс Д. Г. (Phillips D. G.) 185
 Филлипс Уэделл (Phillips W.) 237
 Фиске Джон Э. (Fiske J. E.) 2, 11, 39
 Фиш Стювсат (Fish S.) 102
 Флинн Уильям (Flinn W.) 247
 Флинн Элизабет Г. (Flynn E. G.) 223
 Фонер Филипп С. (Foner Ph. S.) 42, 43, 68, 69, 92—94, 102, 110, 111, 113, 114, 223
 Форд Джон (Ford J.) 140, 141
 Форэйкер Джозеф Б. (Foraker J. B.) 184
 Фостер Уильям З. (Foster W. Z.) 223
 Фрай Уильям П. (Frye W. P.) 75
 Франц Иосиф (Franz Joseph) 207
 Фрик Генри К. (Frick H. C.) 186, 188, 240
 Фурсенко А. А. 222
- Ханна Дэн Р. (Hanna D. R.) 247
 Ханна Маркус А. (Hanna M. A.) 66—73, 84, 90, 101, 121, 132, 151, 152, 155, 156, 159, 169, 170, 187, 195, 247
 Харбаг У. Г. (Harbaugh W. H.) 22, 32, 46—48, 55, 57, 108, 114, 118, 171, 172, 188, 193, 195, 200, 244, 257, 258, 272, 275

- Хейвуд Уильям Д. (Haywood W. D.) 183, 223, 283
Херст Уильям Р. (Hearst W. R.) 84
Хёрвитц Г. Л. (Hurwitz H. L.) 24, 25, 44, 63, 64, 70, 142—144
Хиггинс Фрэнк У. (Higgins F. W.) 141
Хилл Г. К. (Hill H. C.) 176
Хилл Джеймс Дж. (Hill J. J.) 36, 158
Хоар Джордж Ф. (Hoar G. F.) 31, 79, 148, 163, 164
Холмс Оливер У. (Holmes O. W.) 11, 79
Холт Гамильтон (Holt H.) 209, 210
Хоуэлс Уильям Д. (Howells W. D.) 79
Хьюитт Абрам С. (Hewitt A. S.) 43, 44
Хэвмейер Генри О. (Havemeyer H. O.) 1
Хэдли Герберт С. (Hadley H. S.) 254
Хэй Джон (Hay J.) 8, 75, 166, 168, 173, 175, 204
Хэйдждорн Герман (Hagedorn H.) 21, 40, 47, 272, 274, 276, 277
Хэйс Рутерфорд (Hayes R.) 33
Хэксли Т. Генри (Huxley T. H.) 23
Хэмптон Б. (Hampton B.) 185
Хэпберн Уильям П. (Hepburn W. P.) 186, 187
- Чандлер Уильям Э. (Chandler W. E.) 75
Чапин Генри Б. (Chapin H. B.) 12
Чепмен Джон Дж. (Chapman J. J.) 128, 129, 135
Черри Джордж К. (Cherrie G. K.) 267
Чессмен Г. У. (Chessman G. W.) 135, 145, 235
Чилдс Джон Л. (Childs J. L.) 120
Чоати Джозеф Х. (Choate J. H.) 275
Чолгош Леон (Czolgosz, L.) 154
- Шафтер Уильям Р. (Shafter W. R.) 111, 113—118
Шерман Джеймс С. (Sherman J. S.) 183, 234
Шерман Джон (Sherman J.) 72, 90, 93, 130, 158, 171, 188, 240, 254, 261—263, 270
Ширмер Д. Б. (Schiermer D. B.) 102
Шифф Джейкоб (Schiff J.) 279
Шоу Олберт (Shaw A.) 76, 175
Штернбург Г. Шпек фон (Sternburg H. Speck von) 164, 174
Штраус Оскар (Straus O.) 180, 203
Шурман (Schurman) 102
Шурц Карл (Schurz C.) 21, 30, 32—34, 52, 56, 79, 89, 128, 133—135, 148, 160, 161, 163
- Эбботт Лаймен (Abbott L.) 175, 193, 275
Эбботт Лоуренс Ф. (Abbott L. F.) 172, 204, 205, 212
Эвартс Уильям М. (Evarts W. M.) 36
Эверетт Ч. К. (Everett Ch. C.) 11
Эди Олвей А. (Adee A. A.) 174
Эдмундс Джордж Ф. (Edmunds G. F.) 31, 35
Эдуард VII (Edward VII) 211
Эймс (Ames) 117
Эли Ричард Т. (Ely R. T.) 139, 229
Элиот Чарлз У. (Eliot Ch. W.) 9—11, 181, 182, 196
Элкинс Стивен Б. (Elkins S. B.) 159
Эллисон Уильям (Allison W.) 187
Энгельс Фридрих (Engels F.) 43, 44
Эндрюс Эвери Д. (Andrews A. D.) 138
Эстрада Пальма Томас (Estrada Palma T.) 177
- Юз Чарлз Э. (Hughes Ch. E.) 226, 227, 234, 280, 281
- Янг С. Б. М. (Young S. B. M.) 112

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	1
Глава I	▪ СЕМЬЯ И УНИВЕРСИТЕТ	5
Глава II	▪ ОЛБАНИ И «БЭД ЛЕНДЗ»	16
Глава III	▪ РЕФОРМАТОР В ВАШИНГТОНЕ И В НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ	46
Глава IV	▪ ЗА ФЛОТ И ВОЙНУ!	75
Глава V	▪ ПОХОД НА КУБУ	104
Глава VI	▪ ГУБЕРНАТОР	128
Глава VII	▪ ПРЕЗИДЕНТ	154
Глава VIII	▪ ИНТЕРМЕДИЯ: АФРИКА И ЕВРОПА	195
Глава IX	▪ ЛИДЕР ТРЕТЬЕЙ ПАРТИИ	222
Глава X	▪ ВОЙНА	260
	БИБЛИОГРАФИЯ	291
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	300

CONTENTS

α

	PREFACE	1
Chapter I	▪ THE FAMILY AND THE UNIVERSITY	5
Chapter II	▪ ALBANY AND THE BAD LANDS	16
Chapter III	▪ THE REFORMER IN WASHINGTON AND IN THE NEW YORK POLICE	46
Chapter IV	▪ FOR NAVY AND WARI	75
Chapter V	▪ THE CUBAN CAMPAIGN	104
Chapter VI	▪ THE GOVERNER	128
Chapter VII	▪ THE PRESIDENT	154
Chapter VIII	▪ THE INTERLUDE AFRICA AND EUROPE	195
Chapter IX	▪ THE THIRD PARTY'S LEADER	222
Chapter X	▪ THE WAR	260
	BIBLIOGRAPHY	291
	INDEX	300

**Ирина Александровна
Белявская**

**ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
США**

■

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Л. И. Беленькая

Художник
В. Г. Ефимов

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Художественно-технический редактор
Т. А. Прусакова

Корректор
С. А. Владимирова

ИБ № 5021

Сдано в набор 11.10.77.

Подписано к печати 10.02.78.

T-04024. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 18300.

Тип. зак. 2939. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука»,

Москва, 117485, Профсоюзная ул., 9^а

2-я типография издательства «Наука»,

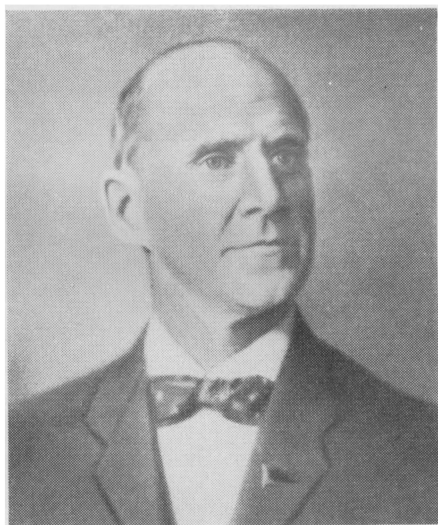
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

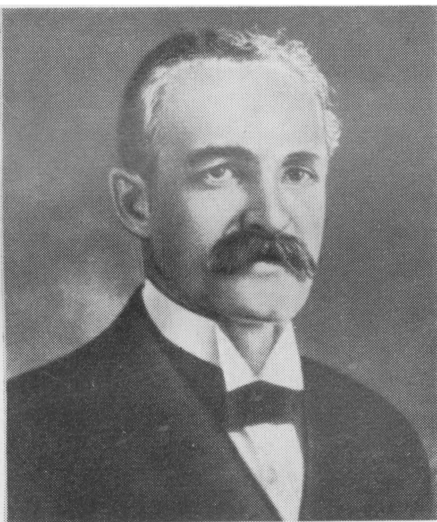
Линкольн Стеффенс

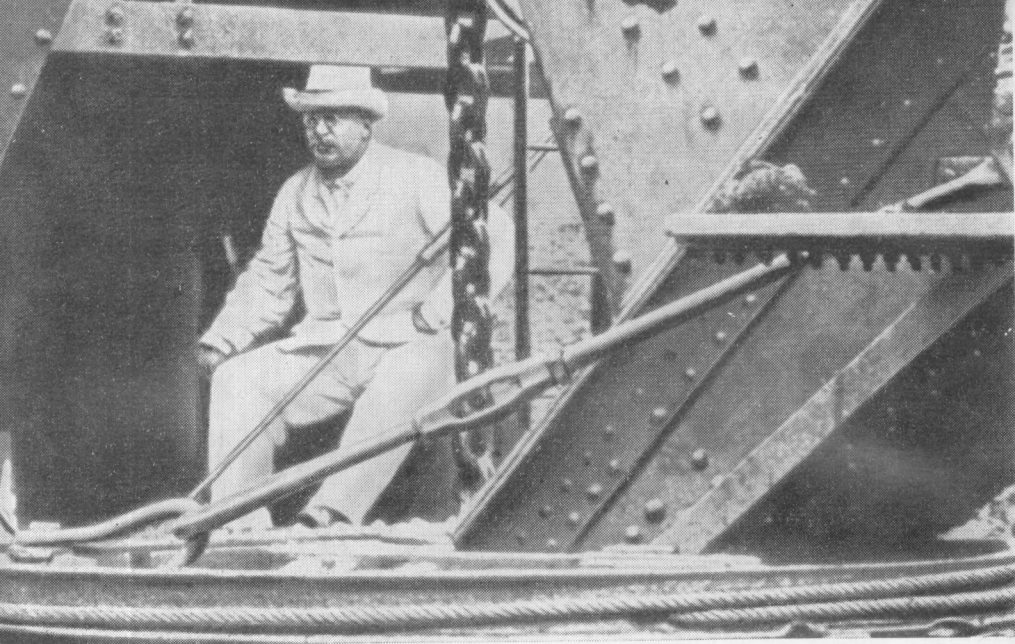
Роберт М. Лафоллетт

Юджин Дебс

Гиффорд Пинчот

Президент
Рузвельт
на строительстве
Панамского канала
(1906 г.)

Полковник
Т. Рузвельт

→
Американские
дети-рабочие
в шахтах

Фермерская
семья
(штат Кентукки)

Поход безработных
(1909 г.)

Оккупация
американскими
войсками
Филиппин

1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

И. А. БЕЛЯВСКАЯ

Теодор Рузвельт